

КАМАЗ

КОНТРАКТЫ НА ШАХ

LITRU.RU

Annotation

Третий роман цикла «Войны шаманов» («Иту-тай»-«Пустень»-«Камкурт»). Роман написан как сказание кайчи (алтайского сказателя) о том, что составляет основу душевных исканий. Сказка о Силе, которую невозможно понять Умом. Повествование о Великой Любви и Великой Битве. Роман о тайнах клана Тай-Шин.

Андрей Коробейщиков

КАМКУРТ

Хроники Тай-Шин

*КАМКУРТ — ШАМАН-ВОЛК, ПОСРЕДНИК МЕЖДУ МИРАМИ,
ВЕДУЩИЙ, ВОЖАК СТАИ, ОБОРОТЕНЬ...*

Тюрк.

«Любая тема — предлог, чтобы еще и еще раз поговорить о самом главном: о том, ради чего люди живут и остаются людьми, в чем основа, неотчуждаемое ядро человеческого достоинства... Неистощимый, но немного приедающийся поток фигур мысли и фигур речи, блески слога, как поблескивание детской игрушки, — и после всего этого шума одна или две фразы, которые входят в наше сердце. Все ради них и только ради них».

Г. К. Честертон.

Предисловие

АЛТАЙ. Таинственное и волнующее название края, с которым связана значительная страница известной и неизвестной истории России. Для многих это слово резонирует с самыми глубинными струнами души, заставляя сердце биться чаще и наполняя душу томительным трепетом и предчувствиями. Для некоторых это абсолютно неизвестная земля, упоминание о которой вызывает ассоциации с горами, Рерихом и шаманами. Кто-то воспринимает Алтай как Жемчужину России и Сердце Мира, трепетно относясь даже к маленькому камешку на берегу реки. Кто-то воспринимает его как туристический край, открывающий возможности для прекрасного отдыха. Кто-то видит в Алтае перспективы для различного рода деловых проектов, финансовых вложений и поступлений. Но, в любом случае, тот, кто хоть немного прикоснулся к этому чудесному краю, наверняка почувствовал особые ощущения — присутствие некоей Силы. Одни увидели эту Силу в восхитительной природе алтайских гор и предгорий, другие почувствовали ее разрушительные удары на своей судьбе, связанной с грабительским использованием ресурсов этой земли, третьи ощутили ее касание, когда стали познавать историю этого Священного края.

Алтай хранит в себе множество тайн и загадок. Их гораздо больше, чем может быть создано с помощью даже самой буйной фантазии. Поэтому, вам самим предстоит решить, является ли этот роман выдумкой или события, описанные в нем, на самом деле имели место быть. Сегодня даже профессиональные историки не возьмут на себя ответственность за справедливость той или иной, даже «научно подтвержденной», гипотезы. Наша история содержит в себе столько фальсификаций, что вызывают недоверие даже те события, очевидцами которым были мы с вами. Что же говорить о более отдаленном времени? Одним из достижений современных ученых является предположение, подтверждаемое многими мистиками и шаманами, которые утверждали, что ИСТОРИЯ — МНОГОВАРИАНТНА, и существует бесконечное количество сценариев, которые были, могли быть, есть и будут реализованы в бесконечном информационном пространстве. В любом случае — я предлагаю вам ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ ИСТОРИИ АЛТАЯ. Я не настаиваю на его реальности. Мне кажется, что истинное предназначение писателя — не доносить до читателей какую-нибудь «новую» для них информацию, а создавать «толчок», импульс для самостоятельного поиска, творчества, осознания. В последнее время люди поняли, что достигли тупика человеческих представлений о мире. Наука запуталась, потерялась в бесконечности окружающего мира. История завралась, искажая себя ради прихоти человеческих правителей. Эзотерика открыла людям новые границы сознания, но оказалось, что за старыми границами лежит абсолютно неизвестная вселенная, угрожающая лишить всех прикоснувшихся к ней привычных ориентиров и твердой почвы под ногами. Религия, как оказалось, тоже шита насквозь белыми нитками, и с течением времени все чаще стали обнажаться кривые, наспех наложенные швы. Человечество оказалось на грани Большого Кризиса. Духовного, экономического, политического, исторического, биологического, нравственного. Человечество оказалось на грани осознания своей ущербности, вызванной свойствами нашей психики. В ее основе лежит дуальное мышление, которое и послужило причиной для потери жизненных ориентиров и отходе от интуитивного знания, являющегося нашим исконным языком. Человеком была потеряна связь со своим Сердцем. И, хотя об этом говорят много и везде, я имею в виду не философские рассуждения и гипотезы, а предельно практическую возможность общаться со своим «Высшим Я». Возможно, именно поэтому современные духовные практики стали зачастую обращать свои взоры в сторону малоизвестных и практически забытых языческих доктрин. Шаманизм стал популярен. Но этот роман написан

не на волне конъюнктуры. Он не несет своей целью никаких «просветительских» амбиций или пропаганду нового мировоззрения. Более того, я утверждаю, что самое ценное в этом тексте не в его содержании, реальность которого не имеет значения, а в том влиянии, которое он окажет на шаблоны вашего восприятия. Жанр, в котором он создан, можно условно охарактеризовать как «философско-мистическая сага». Это повествование о людях, которые волею судеб оказались причастны к захватывающей дух мистерии и о тех событиях, в которые они в результате этого оказались вовлечены.

Тайшины... Загадочные Хранители Алтая. Они приходят, окутанные тьмой и тенями. В их сердцах ярким огнем горит невероятная любовь к Священной Земле. Они называют себя «оборотнями» и причисляют к тайным узам древнего родства воплощенного в загадочном Клане Волка. Кто они? Существуют они на самом деле или это лишь плод воображения автора? Мой вам совет — не истощайте себя подобными вопросами. Не пытайтесь препарировать это произведение, пытаясь вычислить процент заключенной в нем правды и вымысла. Воспринимайте его живым. Пусть оно разговаривает с вами. Мне кажется, что любое литературное произведение должно быть похоже на радугу. Она есть и в то же время не все ее видят. Кто-то даже не подозревает, что над ним открылись в небе разноцветные ворота, а кто-то зачарованно замирает посреди улицы, запрокинув голову вверх. Это физическое явление, но, тем не менее, оно настолько зыбкое и призрачное, что сложно уловить его границы и время его существования. Но когда вы смотрите на радугу, вы же не задаете себе вопрос: насколько она реальна, и что она может вам дать? Вы любуетесь ею, не пытаясь удержать ее или прикоснуться к ней. Или роса на стебле травинки... Или легкий туман, клубящийся причудливыми фигурами... Это больше напоминает мировоззрение шамана, но пусть вас не пугает это слово. В данном контексте оно употребляется как «тот, кто умеет чувствовать Силу». Этот роман и написан как сказание Кайчи — алтайского сказителя о том, что составляет основу душевных исканий многих современников. Это Сказка о Силе, а Силу невозможно понять умом, ее можно только почувствовать. Поэтому я надеюсь, что это предание, сколь бы фантастичным оно ни выглядело, всколыхнет вашу чувственную сферу и побудит, как минимум, задуматься о том, что происходит вокруг и внутри вас.

Этот роман закрывает трилогию «Войны шаманов». Он проясняет многие тайны связанные с Кланом Тай-Шин, но, может быть, оставляет еще больше вопросов. Вопросы, ответы на которые сможете дать себе только вы сами, если прислушаетесь к тихому голосу своего Сердца.

Итак, философско-мистическая сага начинается...

Это повествование о Великой Любви и Великой Битве, которая проходит в сердце каждого из нас. Сага о героической Битве за наш Мир...

Дух Алтая! Дай нам свое благословение! Пусть черные духи не препятствуют нам выполнить наши цели, если они чисты! Белые духи пусть помогут нам и дадут нам силы! Чистые духи пусть дадут нам сознание воплотить в реальность наши мечты, если они чисты! Пусть добро проникнет в сердца людей! Аминь! Чок!

ДЕЙСТВИЯМИ СВОИМИ ОНИ БУДУТ ОБЕРЕГАТЬ БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ТРОПЫ СВОБОДЫ, ВО ВЗОРАХ СВОИХ НЕИЗМЕННО ХРАНЯ ЧЕСТЬ, РОЖДЕННУЮ В ИХ ОТВАЖНЫХ СЕРДЦАХ. ИХ НОЧНОЕ ЗРЕНИЕ, ПРИЗРАЧНЫЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ТЕНЯХ И ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ К ЕДИНОЙ ЖИЗНИ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ БУДУТ ВНУШАТЬ ВСЕМ БЛАГОГОВЕЙНЫЙ СТРАХ.

ПАТРУЛИРУЯ ОТРОГИ СНА, ОНИ БУДУТ СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ПОРТАЛОВ ИНОГО МИРА, ПОВСЮДУ УСТРЕМЛЯЯ ВЗОР СВОИХ НЕУСЫПНЫХ ГЛАЗ.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИМ РЫЧАНИЕМ И УСТРАШАЮЩИМ ОСКАЛОМ КЛЫКОВ ОНИ БУДУТ ХРАНИТЬ ОТКРЫТЫМИ ВРАТА В МИР СВЕТА. СТРЕМИТЕЛЬНО ПЕРЕДВИГАЯСЬ В ТЕНЯХ, ОНИ БУДУТ НАПРАВЛЯТЬ ИЗНУРЕННОГО ИСКАТЕЛЯ К ПОРОГАМ МИРА ПРЕВРАЩЕНИЯ.

ВСЕГДА ВЕРНЫМИ ДАРОВАННОЙ ИМ ИСТИНЕ БУДУТ ЭТИ ПСЫ ВСЕЛЕННОЙ, И СТАНУТ ИХ НАЗЫВАТЬ НАРОДОМ ВОЛКА. В СЕРДЦАХ СВОИХ ОНИ БУДУТ ВЕЧНО НЕСТИ СМУТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УШЕДШЕМ МИРЕ, ОРАНЖЕВО-КРАСНОМ СОЛНЦЕ, КОТОРОЕ БЫЛО КОГДА-ТО ЧЕЛОВЕКУ ДОМОМ, КОТОРОЕ БЫЛО КОГДА-ТО ЕГО СЛАВОЙ И ЕГО ЧЕСТЬЮ.

ДНЕМ ОНИ БУДУТ БЕЖАТЬ ОТ МЕРЗОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЕЗУМИЯ, А НОЧЬЮ — ВЗИРАТЬ НА БЛЕДНЫЙ СВЕТ ЛУНЫ И ВЫПЛАКИВАТЬ СВОЮ БОЛЬ О ПОТЕРЯННОЙ СВОБОДЕ, О ЗАБЫТЫХ КОПЬЕ И МЕЧЕ. В КАЖДОЙ ЧАСТИЦЕ СВОЕГО СУЩЕСТВА ОНИ БУДУТ ВЕЧНО ЛЕЛЕЯТЬ ВОСТОРГ НАДЕЖДЫ И СВОБОДЫ.

РОЖДЕННЫЕ ПЕРЕД САМЫМ ВЕЛИКИМ РАЗЛОМОМ, ЭТИ ПСЫ АТЛЯ СРАЖАЛИСЬ ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ ВМЕСТЕ СО СВОИМИ СОБРАТЬЯМИ В ВОЙНЕ НЕБЕС. О ДА! ХОРОШО СРАЖАЛИСЬ! НО, УВЫ! СРАЖАЛИСЬ С ПЛАМЕННЫМ РВЕНИЕМ ФАНАТИЗМА, ЧТО БЫЛО И НЕОДОЛИМОЙ СИЛОЙ ИХ, И ВЕЛИЧАЙШЕЙ СЛАБОСТЬЮ — СЛАБОСТЬЮ, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ ВОЗНИКНЕТ СТРАХ ПЕРЕД НИМИ, И НАЧНЕТСЯ ОХОТА НА ЭТИХ ВЕРНЫХ ПСОВ, КОТОРЫЕ КОГДА-ТО САМИ БЫЛИ ОХОТНИКАМИ.

В СВОЕЙ БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ ОНИ НАУЧАТСЯ ТАНЦЕВАТЬ НА ГРАНИ, БЕСШУМНО СЛИВАТЬСЯ С ТЕНЬЮ, ВЫБИРАТЬ ПОКРОВ НОЧИ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЯ И ТЕПЛО ЮЖНОГО ВЕТРА В ПОПУТЧИКИ.

И СЛАБОСТЬ ИХ ВНОВЬ СТАНЕТ СИЛОЙ, СО ВРЕМЕНЕМ ПРЕВРАТИВШИСЬ В ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ, ВЕРНОСТЬ РОДУ И ЛЮБОВЬ К СВОБОДЕ.

Из пророчеств Безымянного
«Народ Волка» Теун Марез

*«Дождь лег на деревья, стекая в траву хрусталем,
своим мокрым телом пытаюсь прижаться к земле.
Он был удивлен, нас увидев с тобою вдвоем.
Сотней глаз он смотрел на тебя, прячась в мокрой траве...»*

«Вдвоем». А. Коробейщиков

Медно-оранжевое солнце, плавя горизонт, зависло над океаном подобно тюнгуру — шаманскому ритуальному бубну, занесенному над зеркалом воды невидимой рукой заоблачного мистического существа. Глубокое и прозрачное небо темнело, сгущающая синеву, и бухта, врезавшаяся в океан плоским откосом песчаной отмели, представляла собой невероятное смешение всех цветов спектра: зеленоватого оттенка синей океанской воды, бледной желтизны пляжных песчаных дюн, голубовато-фиолетового небосвода и пурпура солнечного диска.

Мужчина, одетый в светлые слаксы и бежевый пуловер, сидит на открытой веранде коттеджа и смотрит на закат. На стеклянном столике перед ним стоит ноутбук, в который он что-то периодически записывает, оторвавшись от своего полумедитативного созерцания. Рядом с компьютером стоит подсвечник из разноцветного стекла, в котором находится изящно витая незажженная свеча. Рядом с подсвечником бутылка вина и два бокала. Мужчина оборачивается на лестницу, ведущую в коттедж, по которой спускается девушка, и улыбается. Похоже, он ждал именно ее, а наблюдение за горизонтом лишь отвлекало его от мыслей о ней. Девушка одета в голубые джинсы и белый джемпер с высоким горлом. Она подходит и целует его в губы, садясь рядом, и прижимаясь к нему. Легкий бриз, дующий с океана, развеивает ее волосы. Она тоже улыбается.

— Ты закончил книгу?

Мужчина кивает.

— Почти... Осталось всего несколько финальных предложений. Окончание всегда самый важный, кульминационный момент.

— Нам нужно ехать в город. Нас ждут в издательстве, ты помнишь?

— Да. Помню, — мужчина говорит с сожалением, словно не испытывая ни малейшего желания покинуть это безлюдное место, рядом с океаном. — Ты знаешь, сегодня у меня вдруг родились очень странные стихи.

— Стихи? Прочтешь мне?

— Они получились какие-то... грустные. Мне приснилась зима, наша квартира там, когда мы еще жили в городе, и почему-то на это наложилось острое ощущение грядущей разлуки.

Мужчина наклоняется к столику и зажигает свечу. На столе сразу вспыхивает причудливая мозаика световых пятен. Он наливает вино в бокалы, протягивая один девушке. Она берет его обеими руками и пробует на вкус.

— Что это за вино?

— Это английское вино. Очень старое. Я хранил его именно для сегодняшнего вечера.

— Приберег напоследок?

— Почему напоследок?

Девушка пожала плечами.

— Я, наверное, не совсем правильно выразилась, просто сегодня ты закончил свою очередную сказку и отдаешь книгу в издательство.

Мужчина кивает:

— Да, очередная сказка... Но у меня странное чувство...

— Какое?

— Не знаю. Что-то должно случиться. Возможно, что-то ... не очень хорошее.

Девушка смеется, ласково глядя его по голове.

— Что ты? Здесь ничего плохого случиться не может. Ты же создал это место вдали от людей специально для нас. Здесь мы в безопасности. Здесь действуют особые законы, Макс, ты же сам говорил.

Он, улыбаясь, прикладывает палец к ее губам. Здесь нет привычных имен. Здесь нельзя произносить их вслух. Она кивает ему.

— Я забыла, извини. Так что там со стихами?

Мастер сновидений. Он действительно говорил ей, что будет защищать ее всегда. Только не сказал от кого, а она и не спрашивала, вероятно, уже определив для себя все возможные источники опасности. И место это он сплел из иллюзий и снов не случайно. Здесь не было людей. Город был далеко, но в него приходилось периодически выезжать, потому что ей было необходимо общение с людьми. Но потом они опять возвращались сюда, в таинственную океанскую бухту, откуда их должен был унести в определенный день большой белый корабль, пришедший от далеких берегов неведомых стран. Она верила ему. Или делала вид, что верила. Во всяком случае, он постоянно ловил себя на переживании каких-то странных ощущений, связанных с ней. Но она тоже чувствовала это и закрывалась, словно уходила в тень своих чувств, наблюдая оттуда за его сомнениями и переживаниями.

Мужчина пристально смотрит в глаза своей собеседнице, и в тишине вечера снова звучит его голос:

Я зову тебя. Тщетно. Молчанье в ответ.
Я ищу тебя в путанных, призрачных снах.
Но ты таешь, как тает к утру лунный свет,
Исчезая в горячих рассветных лучах.

И тогда я кричу, как кричат от тоски,
От того, что я снова напуган тем сном.
И сжимают мой разум, как будто тиски,
Стены белого снега, за нашим окном.

Этот сон... Почему? Одиночества вкус
Никогда не страшил меня. Но в этот раз,
Я надрывно кричу, как отчаянный трус,
Осознав, что ты очень нужна мне сейчас.

Что тебя потерять, это как умереть.
Как дышать перестать, потеряв в жизни толк.
Будто сердце взорвав, в небеса улететь,
И на лунной дороге завывать, словно волк.

Девушка прижимается к нему, и они, обнявшись, смотрят на закатную дорожку, прорезающую сумерки вечера по зеркальной глади океана.

— Сегодня ты опять пойдешь к нему?

Мужчина кивает.

— Да. Но сегодня я хочу взять тебя с собой.

Девушка отрицательно качает головой.

— Нет. Он снова не придет. Или опять превратится в воду, как в прошлый раз.

Мужчина берет ее изящную руку в свою ладонь и подмигивает.

— Сегодня он придет. Я чувствую.

— Нет, давай только не сегодня. Я не готова. Да и к тому же нам нужно ехать. Нас ждут в городе.

— Хорошо. Не обижайся на него. Он ведь чувствует твою нерешительность, и... еще что-то, поэтому и поступает так. Давай перед поездкой зайдем к нему, хотя бы ненадолго?

Девушка нерешительно кивает. Они встают и, обнявшись, идут в дом. Включенный ноутбук призрачно мерцает голубоватым экраном, освещая им ступени в предзакатных сумерках. Мужчина останавливается и целует девушку, ощущая пьянящий вкус терпкого вина на ее губах. Пространство вокруг вдруг качается и становится зыбким. Сумерки заливают сознание темными волнами беспомощности. Мужчина открывает глаза и видит луну, ослепительно сияющую потусторонней белизной в темном небе. Он закрывает глаза и сбрасывает с себя это наваждение, понимая, что опять стоит на веранде, но уже в другой одежде. На нем черные брюки и черная шелковая рубашка в восточном стиле с высоким воротом-стойкой. На плечах тонкий черный шелковый шарф. Он оборачивается. Девушка, облаченная в легкий полупрозрачный пеньюар, стоит в дверях коттеджа и кивает ему головой в сторону океана.

— Иди. Он ждет тебя.

— А ты?

— Я... Я буду наблюдать за вами отсюда. Никак не могу привыкнуть ко всему этому.

— Может быть, со временем ты привыкнешь?..

— Со временем?.. Может быть... Иди.

Сумерки. Время смещения света и тьмы, перекресток прошлого и будущего. Мужчина смеется и, поправляя раздувающийся на ветру шарф, спускается по лестнице вниз, на дорожку, ведущую через песчаный пляж к водным заводям бухты. Его легкие ботинки не оставляют на песке следов, словно он превратился на время в бесплотного призрака, нарушившего этим вечером безмятежность безлюдного места. Вот он подходит к воде и, присев, опускает в нее обе руки. Его губы шепчут что-то похожее на языческое заклинание. Затем он делает несколько шагов назад и садится прямо на песок, не опасаясь испачкать дорогие брюки. Сняв с шеи шарф, мужчина надевает его на голову, на манер бедуинской повязки, чтобы скрыть под тонкой тканью свое лицо — говорят, тени прошлого иногда не узнают своих близких, забывая их облик, и приходят на их зов, ориентируясь только на особое мерцание глаз. Человек замер, словно и правда став тенью, пронизываемую теплым ветерком, дующим со стороны океана. В его голове возникло эхо далеких слов из зороастрийского предания: «Душа умершей собаки превращается в ручей»...

Черная овчарка появилась как всегда неожиданно.

— Арчи...

Мастер сновидений улынулся под повязкой, протягивая руки к вновь прибывшему существу.

Они бегали по кромке воды, словно тогда, много лет назад, когда все было по-другому. Волны сибирской реки с загадочным названием «Обь» накатывались из далекого прошлого и

накладывались на шум океанских волн, создавая пространственно-временную петлю, иллюзию, в которой встретились два старинных друга: человек и собака, сказочник и персонаж его сказок, шаман и дух давно умершего друга, пришедший на его зов. Звонкий лай и громкий смех заполняют обычно тихий и безлюдный пляж.

Мужчина останавливается и, переводя дыхание от нечеловеческой гонки по песку, смотрит на дом. В окне силуэт девушки. Она уже одета в черное вечернее платье и стоит, наблюдая за игрой призрака и человека.

Он призывно машет ей рукой, но она отрицательно качает головой, словно раздумывая о чем-то, а потом делает жест рукой, не то, махая им в ответ, не то... прощаясь. Мужчина удивленно смотрит на собаку, а та остановилась, сев на песок и тоже наблюдая за домом.

— Арчи, что это с ней? В прошлый раз вы почти познакомились.

Собака не двигается с места.

— Ты что-то чувствуешь?

В карих глазах пса отражаются мерцающие окна дома и темный женский силуэт. Мужчина понимает — что-то происходит. Свет в окнах гаснет, и через секунду девушка выходит на улицу, но идет не к океану, а спускается во двор с другой стороны дома. Арчи озабоченно смотрит на своего бывшего хозяина, который растерянно замер, нахмутив брови.

«Последний раз... Что-то должно случиться...». Тревожное ощущение. Рывок. Мужчина, сорвавшись с места, бежит к дому. Его движения приобретают какую-то звериную грацию. Человек и в самом деле не может двигаться столь быстро. Он преодолевает за один прыжок по несколько метров, не увязая в песке. «Здесь действуют особые законы...».

Забор. Мужчина прыгает вверх, без усилий преодолевая высоту в человеческий рост, словно черный волк или, скорее, пантера, и замирает наверху, глядя вниз, во двор. А там стоит незнакомый автомобиль темного цвета, в недрах которого исчезает девушка, напоследок бросая растерянный взор на одинокий дом у океана. Она вздрагивает, когда ее взгляд падает на черную фигуру, застывшую, словно горгулья, на каменном заборе, окаймляющем коттедж. В ее глазах — боль и сожаление. В глазах ее спутника, выглянувшего из тьмы салона — изумление и страх.

«Куда они уезжают? Почему этот незнакомец увозит ее? Что происходит?».

Мужчина чувствует, что может в один прыжок преодолеть расстояние до автомобиля и как черный смерч обрушиться на бликующий отсветами дворовых фонарей металл.

Неуловимое движение, и в его руках появляются два коротких клинка, словно выращенные в мгновение ока из самих ладоней. Мужчина даже не помнит когда и, главное, зачем он прицепил к предплечьям пружинные ножи. Его внутреннее пространство сейчас заполнили до отказа лишь три чувства: оглушительные волны чужого страха, боли, а также ощущение шероховатых рукоятей ножей, дрожащих в руках, словно в предвкушении близкой кровавой жертвы.

Девушка что-то говорит своему спутнику, и тот поспешно заводит мотор. Мужчина на стене может видеть в сумерках как двигаются его губы, испуганно шепча:

— Колдун проклятый...

Девушка раздраженно обрывает его.

— Замолчи. Поехали.

В ее глазах слезы. Она смотрит сквозь окно на замершего перед прыжком человека, словно досадуя на то, что он увидел и этот странный зловещий автомобиль, и ее незнакомое спутника, и эти слезы. Машина срывается с места и, хрустя гравием, стремительно вырывается за ворота таинственного дома.

Человек на заборе не двигается. Понимание чего-то необратимого словно надломило в нем саму возможность шевелиться. Вот оно. Все-таки это произошло. Он так и сидел неподвижно, провожая взглядом уезжающий автомобиль, пока тот не затерялся со временем в

многочисленных огнях на оживленной трассе, ведущей в город.

Город. Светящийся в темноте вечера громадой, испещренной миллионами неоновых светлячков-окон и витрин, вдалеке, он напоминал сейчас зловещего людоеда. Человек на заборе с ненавистью смотрел в эти хищные глаза урбанистического монстра, испытывая ненависть и тоску, перемешанные в разрушительное чувство сожаления и уничтожения. Так они и смотрели друг на друга, словно испытывая силу каждого: закутанная в черное фигура воина-шамана и гигантский спрут, поработивший человечество, и, словно насмехающийся сейчас над чувствами одинокого человека, противопоставившего себя его власти.

Ладони крепко, до боли, сжали рукоятки ножей, вибрирующих, словно это и вправду были живые существа. Для мастера ножевого боя, в основу которого положены тайные силы теней и сновидений, найти несколько человек в огромном городе не составляло никакого труда. Найти и... Человек потряс головой, словно освобождаясь от этого наваждения, вероятно порожденного его глубинными страхами, выпрыгнувшими из глубины подсознания, отзываясь на коварный зов оружия в его руках, а затем обернулся на океан и увидел на песке одинокую черную фигурку собаки. Арчи. Много лет назад погибший пес сидел сейчас около кромки воды и терпеливо ждал, чем закончится вся эта странная человеческая мистерия. Забор словно разделял два мира: один, в котором жил своей жизнью многомиллионный город-людоед, укравший только что очень дорогого человека, и другой, полупустынный, сотканный из сумерек и грез, пропитанный воспоминаниями, снами и магией ощущений.

Человек спрыгнул с забора вниз подобно черному ворону, спорхнувшему с ветви дерева. Ноги в легких парусиновых туфлях неслышно приземлились на гравий, и он стремительно побежал обратно, туда, где ждал его в предзакатных сумерках верный пес. По дороге он отбросил в стороны ножи, которые тут же исчезли с легким шорохом в прибрежном песке, сорвал с лица черный шарф, заструившийся над бухтой подобно черному летучему змею, подхваченному невидимой рукой легкого ветра.

— Она уехала, Арчи...

Пес подошел поближе и уткнулся головой в руки человека, который опустил перед ним на колени и обнял, прижимаясь к мягкой шерсти.

— Она опять убежала от меня. Испугалась. Возможно, так и должно быть. Ей там будет лучше, привычнее. Ее дом там.

Пес-призрак дотронулся холодным мокрым носом до щеки своего бывшего хозяина.

— Арчи, я найду ее. Обязательно найду. Я ведь так ей ничего и не сказал. Она просто забыла все. Забыла. И поэтому боится. Она нужна мне, Арчи...

Собака подалась навстречу человеку, словно пытаясь прижаться к нему, но тут же стала зыбкой как вода, и в самом деле превращаясь в сотни ручейков, хлынувших вниз, и тут же тающих на песке.

Человек еще пытался удержать свое видение, хватая ускользающего призрака дрожащими руками, но невыносимый свет закатного солнца больно ударивший по глазам последними лучами, швырнул его назад и вниз, на мокрый песок, заструившийся под ним, подобно пустынному зыбуну.

Луна. Ослепительно яркая луна в окне. Это не солнечный, а ее свет больно бьет по расширенным в темноте зрачкам. Человек изумленно смотрит на яркий диск, на окружающую обстановку спальни, еще продолжая по инерции ощущать прикосновение к своему телу мокрого шелка рубашки. Но спустя мгновение он понимает, что под ним действительно лежит мокрый шелк, покрывающий подушку. В этом мире не было никакой собаки, никакой девушки и никакого дома на берегу океанской бухты. Все это было сном, призрачным видением, а на подушке были слезы, просто слезы, но такие же горькие и соленые как океанская вода.

Часть 1. ОХОТНИК (ПРИЗРАКИ)

Хроники одной экспедиции (Воспоминания)

2002 год. Алтай. Улаганский район

*«...Гроза отшумела. Ушла, спрятав в ножны клинок.
За ней удалился с достоинством Гром-генерал.
Ушел, не нажав напоследок взведенный курок.
Ушел не спеша, чтоб не думали, что убежал.
Мы выйдем из Леса по еле заметной тропе,
покинув укрытие — свод из тяжелых ветвей.
О чем-то задумавшись, нежно прижмешься ко мне,
И спросишь, слегка улыбнувшись:
— Ты кто? Чародей?»*

«Вдвоем». А. Коробейщиков

Глава 1. Заблуждение

Новые впечатления

*А где-то меж звериных троп
Среди густой травы
Лежал несчастный землекоп
Без ног, без головы...*

«Про одного ученика и шесть единиц» Самуил Маршак.

Они поняли что заблудились, когда на их пути новь встретилась причудливая коряга, напоминающая очертаниями какого-то экзотического морского монстра.

— Вот блин, опять этот осьминог. Что же это, а? Опять что ли сюда вышли?... — с досадой бормотал Бурман, широкоплечий бородатый охотник, выполняющий в группе роль проводника. Все остальные зафыркали и стали обмениваться шутками и колкостями в адрес непутевого предводителя. Но Бурману было не до смеха. Он, нахмурившись, растерянно озирался по сторонам, не веря собственным глазам. Такое с ним случилось впервые. И этого просто не могло быть. Он уже бывал в этих местах, и даже в случае потери тропы, которая неизбежно должна была вывести группу к стоянке около реки, он прекрасно ориентировался на местности, безошибочно определяя стороны горизонта и правильное направление движения. В этот раз окружающая местность будто сошла с ума. Элементы рельефа коварно меняли свое местоположение, будто нарочно перепутанные невидимым злоумышленником. И даже небесные светила, созвездия и солнце, казалось, присоединились к этому невероятному сумасшествию, поменяв в одночасье свои неизменные маршруты на небосводе. Конечно, все было бы проще, если бы у них остались GPS-навигаторы, позволяющие сверять дальнейший маршрут с картографической схемой, на которой их местонахождение определял специальный спутник слежения, выдающий данные на портативные карманные приборы. Но навигаторы исчезли. Также как исчезли и ружья. ВСЕ РУЖЬЯ. Просто пропали и все, оставляя своим обладателям гадать поутру о причинах столь неожиданного исчезновения. Бурман удивленно обернулся на своих спутников.

— Сюр какой-то... Бредятина.

Когда они готовились на эту охоту, все было просто и понятно, и предвещало не только увлекательную прогулку по предгорной тайге, но и захватывающее приключение с отстрелом волков, которых расплодилось в последнее время в горах Алтая невиданное множество, и на которых охотно давали «отстрельную» лицензию охотоведы. Поэтому в этот раз с собой даже взяли жен, которые уже давно упрекали своих супругов в чрезмерном увлечении охотой в ущерб совместному отдыху. И хотя изначально все понимали, что на охоту эта экспедиция уже не походила, результат был налицо: две семейных пары и растерянный холостяк Бурман заблудились далеко не в самом сложном, по охотничьим и туристическим меркам, районе. Было ли это следствием нарушения охотничьих традиций и участием в чисто мужском мероприятии женщин, Бурман не знал, но его одолевали тревожные предчувствия, которые он поначалу тщательно скрывал. Теперь же он по настоящему испугался. Кому как не ему, опытному туристу, сплавщику и охотнику, приходилось слышать о существовании таинственных лесных духов, путающих следы и завлекающих самоуверенных чужаков в губительные таежные дебри. Без малейшей возможности на спасение. Раньше Бурман считал это суевериями, но потом, пару раз побывав в сходных ситуациях, стал относиться к подобным историям серьезно. Теперь же, когда

солнце клонилось к горной гряде, угрожая исчезнуть через час или полтора и оставляя заблудившихся горе-охотников в ночной тайге, он испытывал не только растерянность, но и какое-то ощущение тоски и обреченности. «Принесла же сюда нелегкая этих баб», мрачно подумал он, разглядывая еще веселящихся супругов Мальцевых и Строгановых. Они еще ничего не поняли. Уже тогда, когда поутру они обнаружили пропажу ружей и дорогостоящих приборов спутниковой навигации, нужно было сделать соответствующие выводы. Просто так оружие в воздухе не тает! Подозревать кого-то из присутствующих в злом умысле или же просто глупой шутке не было оснований. Если это была шутка, то она уже давно затянулась. А если это был злой умысел, то оставались не ясны мотивы злоумышленника, который лишил всю группу средств для самозащиты. Кроме того, и GPS-приборы и ружья были достаточно дорогостоящими, чтобы было можно вот так взять и просто спрятать их где-нибудь в тайге. Серьезный удар по семейному бюджету. Да и зачем?! Но если это были не женщины, тогда оставался открытым вопрос: как ночью в лесу могли бесследно испариться три ружья? Зря он согласился на эту авантюру с супружеским походом. Слава с Геной просили. Умоляли просто. «Ну ее, эту охоту, зато хоть отдохнем с девчонками капитально, баллы заработаем на десять лет вперед». Заработали... Бурман вытер мокрое от пота лицо ладонью и холодно сообщил идущим позади него спутникам:

— Все, возвращаемся на поляну.

Ирина Мальцева вздернула свои густые брови и, улыбаясь, спросила:

— Игорь, ты что? Мы же сегодня утром отсюда еле ноги унесли. Там же вещи пропадают.

Бурман кивнул и пожал плечами.

— Утром. А сейчас вечер. До поляны километра полтора. Ничего необычного не замечаете?

Супруги переглянулись.

— Мы что, правда, заблудились?

Бурман сдавлено хмыкнул.

— Кривда. Через час стемнеет. Кто-нибудь хочет остаться здесь?

Люда Строганова поежилась и прижалась к мужу.

— А может, поищем другое место? Как вспомню ту поляну, аж мурашки по коже. Уж лучше здесь...

Гена наклонился к ней и, поцеловав в щеку, улыбнувшись, объяснил:

— Здесь тайга. Ночью в тайге опасно, тем более без оружия. А на поляне можно развести костер.

Люда дотронулась рукой до ножен, висевших на его поясе.

— А это? Ножи то у нас остались...

Бурман фыркнул. Женщины уже начинали действовать ему на нервы.

— Людочка, тот, кто спер наше огнестрельное оружие, и любезно оставил нам ножи, вероятно, сделал это по одной простой причине — ножи для него не представляют никакой угрозы.

Строганова удивленно посмотрела на бородача.

— Игорь, ну ты что пугаешь нас. И так страшно уже, ты еще... Ты думаешь, нас кто-то обворовал? Какой-то человек? Специально?

Бурман закатил глаза и нарочито громко вздохнул, демонстрируя явное раздражение.

— Люда, блин, а куда, по-твоему, могли деться за ночь три ружья? Кому они, нахрен, понадобились? Ну не бурундучки же их у нас утащили?

Ирина переглянулась с мужем.

— Ну не человек же?

Бурман покачал головой.

— Да уж понятно. Человека мы бы заметили. Да и нет здесь никого километров на тридцать как минимум.

На несколько минут все замолчали, обдумывая услышанное.

— Ладно, двинулись, — пробормотал Бурман, разворачиваясь и направляясь в противоположную сторону их движения. Туда, где на злополучной поляне им предстояло провести еще одну тревожную ночь.

Как и следовало ожидать, приключения на этом не закончились. Поляну они тоже не нашли. Тропинка, по которой они шли все это время, вдруг ни с того ни с сего просто оборвалась. Была, была, и вдруг исчезла в густых зарослях колючего кустарника, которого здесь не было еще несколько часов назад! На проводника нельзя было смотреть без страха. Глаза впередиидущего охотника, а в городской жизни директора крупной компьютерной фирмы Игоря Константиновича Бурмана, казалось, вылезут из орбит.

— Ешкін кот! Да этого, в натуре, просто быть не может! Что же это, а?

Идущие за ним гуськом супруги испуганно замерли. До них только сейчас дошло, что неунывающий оптимист и весельчак Бурман не на шутку испуган. А бородатый проводник опустил на колени и истерически засмеялся.

— Вот блин, влипли! У-у... Вот влипли...

Словно вторя его причитаниям, где-то вверху пронзительно и тоскливо закричала какая-то птица. Перепуганные люди прижались поближе друг к другу, словно, наконец, признавая свою беспомощность перед теми неведомыми силами, на территории которых они еще недавно чувствовали себя охотниками. Пока они знали куда идти. И пока у них было оружие.

Бурман назвал эту местность «морок», аномальной геомагнитной зоной, в которой привычные для людей пространственно-временные константы становились зыбкими и изменчивыми. Оптимизма это никому не прибавило. Пять человек, голодные, усталые, перепуганные, уже три дня бродили по тайге, тщетно пытаясь выйти к спасительной реке, которая, как утверждал тот же Бурман, по всем признакам должна была находиться где-то в двухстах-трехстах метрах от них. Им иногда даже казалось, что они слышат ее шум, но понять что это, реальный звук или очередная слуховая галлюцинация, коими изобиловал поймавший их в свои объятия «морок», было невозможно: как только люди из последних сил бежали на голос реки, тайга непонятным образом словно переворачивалась. И, пробежав, продираясь сквозь кустарник, эти несколько сот метров люди опять выходили к злополучной коряге в форме зловещего монстра. Гена Строганов в отчаянии даже пытался разрубить ее своим охотничьим ножом, приписывая именно этому древесному уродцу обрушившиеся на них несчастья, но ощутимых результатов это не принесло. Обессиленный человек с крохотным лезвием не мог причинить перекрученному дереву значительных повреждений. Бурман пробовал провести какой-то ритуал, наподобие шаманского камлания, пытаясь задобрить духов местности, в которых к исходу третьего дня блужданий поверили все, даже прожженный скептик Ирина Мальцева. Но и это не помогло. Тайга оставалась безучастна к незванным гостям. Духи этой безумной местности продолжали безмолвно и терпеливо наблюдать за их страданиями и страхами. А к ночи началась жуткая гроза.

Молнии долбили землю с такой силой, что казалось весь гнев небес обрушился на земную твердь в этом месте. Призрачно-синие сполохи прорезали ночную темноту витиеватыми разрезами, но не эпизодически, как это бывает в городе, а одна за другой, так что создавалось впечатление, что это одна-единственная молния кривляется и гримасничает

стробоскопическими разрядами в темном поднебесье. Люди испуганно скупились под широкой кроной одного из кедров раскинувшего во все стороны свои широкие мохнатые ветви. Опытные мужчины понимали, что во время грозы прятаться под высокими стволами деревьев было небезопасно. Но местность, в которой они находились, представляла собой сплошной кедрач. Бурман нашел среднее по величине дерево, рассчитывая на то, что в случае попадания молнии пострадают в первую очередь кедры-великаны, нацеленные в грозное небо темными стволами подобно ракетам стратегического назначения. Но его прогнозы опять не оправдались. Даже молнии в этой тайге сошли с ума. Они били по кедровому лесу, словно пренебрегая всеми законами физики — по кустам, в землю, по деревьям, не взирая на длину их стволов. Обалдевшим от этой стихийной вакханалии людям показалось, что они в аду. Разряды мощностью сотни миллионов вольт как будто наказывали за что-то мокрую от ливня землю. Девушки сначала визжали от ужаса, уткнувшись в промокшие ветровки мужей, а потом оцепенели, замерев и зажав головы дрожащими руками. Да и было от чего. Воздух будто искрился от невидимого электричества и слышался какой-то странный звук, от которого возникало ощущение глухоты, темнело в глазах, а сердце начинало биться с сумасшедшей скоростью, периодически останавливаясь. А потом все одновременно потеряли сознание. Видимо, сработали предохранительные механизмы человеческой психики, а может, на них повлияло неведомое излучение пронизывающее все пространство вокруг. Во всяком случае, в беспомощности люди пережили какое-то время, пока стихия бушевала, показывая свою истинную мощь. Когда Мальцев пришел в себя, первое что он увидел, была шаровая молния. Светящийся оранжево-желтым светом шарообразный сгусток неведомой энергии медленно плыл по воздуху наподобие мыльного пузыря, клокочущего током. Несмотря на диаметр шара, и его расстояние до людей, Мальцев отчетливо слышал тихое потрескивание исходящее от грозного пришельца. Молния парила в полутора метрах от земли, и, подлетев к какому-то кустарнику, с шипением растворилась в его гуще, оставляя за собой опаленные искрящиеся следы. Мальцев осмотрелся. Товарищи по несчастью, словно пытаясь вжаться в спасительный ствол дерева, продолжали лежать без сознания. Гроза ушла дальше, но окружающий лес еще освещали ее далекие сполохи. Кроме того, Мальцеву показалось, что сами растения вокруг светятся. Будто еле уловимое свечение пронизывало каждый листочек, каждую травинку. Пораженный этим зрелищем неудачливый охотник попытался встать, но как только он сделал резкое движение, коварная тьма внутри черепной коробки опять сковала длительным беспомощством возможность мыслить. На этот раз забытье длилось до самого рассвета.

Бурман и не подозревал, что у субличного на первый взгляд Влада Мальцева может быть такой мощный удар правой. Раздался гулкий звук, и директор компьютерной фирмы отлетел в мокрые кусты папоротника.

— Еще раз позволишь себе, сволочь... Я... Я тебя вообще урою. Понял?

Бурман, шатаясь, поднялся на ноги и потрогал рукой челюсть.

— И откуда только еще сила осталась?

Возможно, он был прав. Для Строгановых и Мальцевых не было более авторитетного специалиста по таежным походам, чем Бурман. Все это понимали. Но все также понимали, что сейчас уже нет смысла упрекать «безмозглых мужиков в том, что они потащили в тайгу своих не менее безмозглых жен». Однако Бурман продолжал без устали твердить об этом, словно обсасывание этого уже давно случившегося факта могло как-то повлиять на исход событий. И вот когда его надоедливое бормотание прорвало плотину благоразумия у Мальцева, среагировавшего на очередное оскорбление своей жены, самый опытный в данной ситуации человек, который один только, пожалуй, и мог вывести их всех отсюда, получил оглушительную

оплеуху.

— Ну что, еще добавить?

Мальцев стоял напротив него в угрожающей стойке, прищутив глаза. Бурман покачал головой.

— Да нет, достаточно. Только и с меня хватит! Я уйду! Один я хоть выберусь...

Строганов, растерянно наблюдавший эту сцену, укоризненно пробормотал:

— Ну что ты, Игорь. Мы же без тебя пропадем совсем...

Бурман безумно засмеялся.

— Да вы что, до сих пор не поняли? Мы и так все пропадем! Нас же специально по кругу водят, я же вижу! Им что-то надо от нас...

Он заозирался, словно отыскивая в кустах невидимого соглядатая.

— Кому им?

Строганов растерянно посмотрел на Мальцева, который продолжал злобно разглядывать бывшего друга, поигрывая желваками.

— Да откуда я знаю... — Бурман развел руками, — Одно только мне ясно: вспомните, сколько раз мы ходили в тайгу, и плутали, и попадали в такие передрыги... Но ведь выбирались. А тут — бродим в кедраче в нескольких метрах от реки, словно придурки ослепшие, и ничего. Безрезультатно! Первый раз такое у меня! Первый раз...

Мальцев успокаивающе погладил стоявшую рядом жену по руке и вызывающе спросил:

— И что? Ты хочешь сказать, наши девчонки в этом виноваты? Ты что, совсем сдвинулся, Игорек?

Бурман округлил глаза.

— А ты не понял еще? Ну и оставайся здесь, вместе со своей... — он опять машинально коснулся ушибленной челюсти, — женой любимой. Все оставайтесь. А я пойду. Может быть без баб, одного меня они выпустят.

Он помолчал еще немного, кивком головы приглашая Строганова присоединиться к нему. Но Гена лишь сильнее прижал к себе заплакавшую от обиды и растерянности Людмилу. Бурман пожал плечами и, картинно помахав им рукой, повернувшись, стремительно зашагал в сторону, противоположную их движению. Четыре изможденных человека: два мужчины и две женщины молча смотрели ему вслед. Через пару минут широкая спина их друга и проводника скрылась из вида.

Потом были еще два, полных ужасных скитаний, дня. Выживали все только за счет дождевой воды лесных луж, ягод и грибов, которые собирали мужчины. Женщины, экономя силы, лежали на траве у огня — благо, спички у них остались, и даже не отсырели. Но все понимали, что еще один, ну максимум два дня, и их блуждания могут закончиться трагически — все уже основательно простыли, появились жар и кашель. Стертые ноги кровоточили. В поиски спасателей уже никто не верил, хотя сначала только на это и надеялись. Но за все дни скитаний они не слышали даже далекого звука вертолета, а это указывало либо на то, что их еще не хватились, либо на то, что их уже ищут, но совершенно в другом месте.

Ночью у Строгановых начались галлюцинации. Высоко в небе висела огромная полная луна, испещренная темными узорами неведомых материков и освещающая призрачным светом все пространство вокруг. Видимо, именно она и спровоцировала это временное помутнение рассудка. Люда вдруг ни с того ни с сего рассмеялась и, с трудом поднявшись на больные ноги, шатаясь, молча пошла в чащу леса. Мальцев вопросительно кивнул Гене, но тот был совершенно спокоен, отрешенно наблюдая за поведением своей супруги.

— Куда это она? — удивленно спросил Владислав и покосился на свою жену, которая обессилено спала рядом.

— В лес, — тихо пробормотал Гена и улыбнулся товарищу.

— В какой лес? — ошалело спросил Мальцев. Они уже давно справляли очень редкую от постоянного недоедания нужду всего в нескольких метрах от общей группы, в целях экономии сил и чтобы постоянно держать друг друга в поле зрения.

— В лес, — повторил Строганов и, закрыв глаза, облегченно засмеялся, — Мы решили, что так будет лучше.

Мальцев почувствовал, как в душе неприятно зашевелились смутные подозрения.

— Гена, ты что несешь? В какой лес? Ты в порядке? Догони ее сейчас же! Быстро!

Но Строганов только слабо качнул головой.

— Ты не понял. Так будет лучше. Сначала она уйдет, потом я. Ну а потом и вы...

Мальцев понял, что происходит что-то страшное, и, встав, пошатываясь, побежал за медленно уходящей в темные заросли кустарника Людмилой. Когда он ее догнал, и схватил за руку, девушка с неестественной для себя силой вырвала руку и упорно пошла дальше.

— Люда, стой! Ну, подожди, — он грубо схватил ее за руки и развернул к себе. В некогда потрясающе красивых глазах сейчас было только безумие и какая-то глубокая тоска. Людмила дернулась, но на этот раз вырваться у нее не получилось.

— Отпусти меня, мне идти надо...

— Куда тебе надо? — Мальцев потряс ее, надеясь вернуть в нормальное состояние, — ты просто устала. Все мы устали. Нам нужно отдохнуть... А потом мы пойдем дальше. И утром выйдем отсюда. Пойдем, Людочка.

Но девушка упорно пыталась вырваться из его объятий.

— Мне надо. Он зовет меня...

— Кто? — Мальцеву казалось, что он кричит, хотя на самом деле его вопросы были заданы приглушенным тихим голосом, дрожащим от усталости.

— Он, — отчаянно пробормотала Людмила и сделала очередную попытку вырваться.

— Да кто он? Кто? Бурман?

Девушка глупо захихикала, словно была пьяна и услышала какую-то нелепицу.

— Бурман мертв. Все мы мертвы.

Мальцев почувствовал, что стремительно теряет остатки энергии, и если сейчас он не заставит ее вернуться, то через несколько мгновений у него просто не останется на это сил. Хлесткая пощечина заставила девушку замолчать. Ее ноги подкосились, и она опустилась на траву. Мальцев наклонился к ней.

— Люда, ты устала. Сейчас вот мы полежим немного и вернемся обратно. Нам надо поспать. Утром силы нам пригодятся.

Пощечина пошла ей на пользу: Строганова посмотрела на него более-менее осмысленным взглядом, всхлипнула и заплакала, уткнувшись головой в его плечо. Мальцев погладил ее рукой по волосам.

— Ничего. Мы выберемся. Обязательно выберемся.

Если бы Люда смотрела ему в глаза, то непременно бы поняла — Владислав Мальцев сам не верил в то, что говорил.

Чтобы не рисковать, он разбудил жену и коротко объяснил ей суть происходящего. Потом они вдвоем связали Людмиле руки ремнем, один конец которого Мальцев привязал к своей левой руке. Но это не решило проблему. Через несколько минут после того, как он погрузился в сон, какое-то неведомое чувство опасности снова вытолкнуло его на поверхность утомленного

сознания. Он натянул ремень и, убедившись, что Людмила лежала на месте, осмотрелся вокруг в поисках источника дискомфорта. Место, где лежал Строганов, пустовало.

Справиться с мужчиной было сложнее, и Мальцеву пришлось собрать в кулак остатки воли и сил, чтобы придавить к траве очередного беглеца.

— Отпусти... — шипел Геннадий, извиваясь под преследователем, словно пойманный змей. — Мне надо уйти. Так будет лучше. Лучше для всех.

Мальцев закричал и усилил нажим, блокируя все отчаянные движения своего лучшего друга.

— Да вы что, с ума посходили? Геныч, очнись! Да что с тобой?

Строганов перестал вырываться, обмяк и, всхлипнув, тихонько заплакал.

— Влад, все. Все, понимаешь?

— Что все? Нас найдут! Бурман выберется и приведет сюда спасателей.

Строганов уткнулся лицом в траву.

— Никто не придет. И мы не выберемся. Дай мне уйти. Все равно придется. Зачем откладывать?

— Куда ты собрался? Как Игорь, в одиночку плутать?

— Игорь уже не плутает. Он уже вышел. Теперь наша очередь. Люду ты не пустил. Теперь он зовет меня.

Мальцев сжал зубы и, наклонившись к самому уху друга, прошептал почти зло:

— Да, кто вас зовет-то? А? Кто?

Строганов замер, а потом обреченно пробормотал:

— Лес.

Это были его последние слова перед сном, который Мальцев сначала принял за обморок. Обратно Гену пришлось тащить волоком. Учитывая все выпавшие на их долю мытарства, Мальцеву это далось с огромным трудом. Через полчаса, держа в руках уже два ремня, он откинулся головой на ноги спящей жены, зная, что обязательно почувствует, если ей тоже придет в голову эта нелепая мысль с побегом. А потом мысли завертелись перед внутренним взором как на карусели, и он провалился в глубокий сон, исполненный сумбурными и тревожными сновидениями. С ветвей приютившего их дерева закапала прохладная вода. Снова начался дождь.

Бурмана они нашли утром. Вернее то, что от него осталось. Растерзанное тело балагура Бурмана лежало на небольшой полянке поросшей чертополохом. Хотя это уже было даже не тело — куски окровавленного мяса валялись рядом с узнаваемой зеленой ветровкой, которую Игорь привез из Латинской Америки, будучи там участником международного рафт-марафона. Он поменялся верхней одеждой с одним американцем, бывшим командос, щеголявшем в этой куртке полувоенного образца, просто идеально подходившей как для тур-походов, так и для охоты. Теперь модная ветровка походила на изодранную половую тряпку, которой убирали на скотобойне. Обессиленные люди замерли перед этим абсолютно нереальным зрелищем. Сил для эмоциональной реакции ни у кого уже не осталось. Все четверо просто стояли и смотрели на останки своего друга, разбросанные по поляне.

— Кто это его? — отрешенно спросила, наконец, Ирина, чувствуя, что, несмотря на желание заплакать, слез в обезвоженном организме просто не было.

Мальцев сразу понял, что произошло, и теперь эта мысль панически билась в сознании.

— Уходим отсюда. Быстро!

Он затравлено осмотрелся и решительно пошел через поляну, переступая через фрагменты изуродованного тела. Идти назад было равносильно гибели, потому что на обратный переход у

них просто не хватает сил. Впереди тоже была смертельная угроза, но у них, по крайней мере, был хоть какой-то шанс избежать с ней встречи, и выйти, наконец, к спасительной реке.

Остальные участники неудавшегося похода безропотно последовали за ним, брезгливо обходя кровавые куски мяса.

— Влад, это волки? — напряженный голос Ирины дрожал.

Мальцев молча тянул их за собой, пока зловещая поляна не осталась далеко позади. Когда они остановились для очередного отдыха, жена повторила свой вопрос. Но ответил на него Строганов, который тоже сразу догадался об истинной причине гибели Бурмана.

— Нет, Ира, это не волки. Это медведь.

— Медведь? — машинально переспросили обе девушки сразу, и синхронно повернув головы в направлении поляны.

— Но ведь медведи на людей нападают редко, ты же сам рассказывал, — Люда дрожала, и непонятно было от чего — то ли от страха, то ли от эмоционального шока, то ли от простуды, то ли от всего этого вместе.

— Нападают. Еще как. Это был необычный медведь, — Строганов закашлял и снова поднялся на ноги, — Нам нужно идти. Уходить отсюда. Если он рядом, он нас учует.

Все поднялись с травы, хотя идти сил уже не было — всю четверку изрядно качало от усталости.

— Шатун? — спросил Мальцев вслух, хотя сам прекрасно знал ответ.

— Да. Теперь это медведь-людоед. Теперь он во много раз опаснее обычного. Если бы это был обычный, Игорь бы от него ушел. Он знал повадки медведей. Уходим...

Они медленно пошли дальше сквозь тайгу, настороженно оглядываясь по сторонам. Если медведь не покинул эту местность, у них просто не было ни единого шанса на спасение. Еще там, на поляне, Мальцев обратил внимание на то, что труп был еще свежим. А это значило, что ночью Бурман был еще жив. Медведь напал на него около двух или трех часов назад. Оставалось надеяться, что за эти несколько часов зверь ушел в сторону противоположную той, куда двигались сейчас обессиленные люди. Но Мальцев помнил, что два дня назад Бурман тоже ушел в противоположную сторону. Загадочная тайга опять перекроила все дороги и направления, сведя их в одном месте. А это значило, что медведь-убийца тоже мог быть где-то совсем рядом.

Вопреки ожиданиям, чуда не произошло. Минул еще один день, но тайга по-прежнему не выпускала людей из своих объятий, путая дороги и скрывая от них реку. Опять сумерки медленно окрашивали воздух. Опять светила высоко в темнеющем небе одинокая призрачная луна. Спички закончились, и теперь все просто попадали на траву, охваченные жаром усиливающейся простуды, даже не замечая вечерней прохлады. Опять возвращалась ночь, полная тревог, страхов и надежд.

В темноте пришли лесные мыши. Или это были крысы, или кто-нибудь похожий на этих животных — Мальцев не видел их, но отчетливо слышал их писк в нескольких сантиметрах от себя. А потом зверьки полезли на заснувших людей. Видимо их притягивало тепло, которое еще сохранялось под кожей человеческих тел, циркулируя по венам, вырабатываясь в клетках. Грызуны пришли греться. Мальцев чувствовал, как крохотные ножки слегка продавливают его влажную куртку, и маленькие тельца снуют по ней в поисках отверстий и полостей. Он дернулся, и сбросил с себя несколько попискивающих тварей. Но через некоторое время холод опять заставил мелких животных атаковать его тело в поисках тепла. На этот раз Мальцев даже не стал сопротивляться — очень хотелось спать, и ему было безразлично, кто разделит с ним остатки теплого пространства под мокрой одеждой. Уже засыпая, он подумал, что если вдруг

умрет во сне, организм еще какое-то время будет выделять тепло, и его температура будет, в любом случае, хоть на несколько градусов, выше нуля, до которого остыл воздух в ночной тайге. И мертвое тело будет еще служить окружающей природе, обогревая крохотных таежных жителей до утра, до момента, когда на горизонте поднимется спасительное яркое солнце, пронизывающее пространство согревающими лучами. Чей-то влажный меховой бок шаркнул по щеке и тут же исчез, оставив за собой еле уловимый неприятный запах. Мальцев поморщился и, вяло пошевелив рукой, рухнул в темную засасывающую пучину сновидений.

Ему снился двор его детства. Зеленые клумбы, пестреющие «анютиными глазками» над которыми парили бабочки и стрекозы. Качели, турник, скамейки, на которых постоянно собирались все окрестные пенсионеры... Все было таким близким и реальным что казалось шагни вперед и снова окажешься в своем прошлом, в мире где все было легко и просто, где царило веселье и преданная дружба, достойная персонажей Дюма. Теплый ветер принес аромат цветов с клумбы и гудрона со свежепокрытой крыши трансформаторной будки, стоящей в самой глубине двора. Владислав улыбнулся. А ведь именно в этом дворе он впервые влюбился. В Ирку. Вот в этой беседке они впервые поцеловались. А вон за теми гаражами ему разбили нос, когда он дрался из-за нее с парнем из ее класса. А она видела это все с балкона на седьмом этаже и кричала им что-то... Кричала. Громко.

Кричала...

Вспышка яркого света с болью ударила по переносице откуда-то изнутри, и неведомая сила вырвала Мальцева из мира грез. Где-то совсем рядом истошно кричала женщина. Ирка! Мальцев развернулся всем телом и вздрогнул от ужаса. Кричала не Ирина. Жена тоже еще спала, свернувшись в позе эмбриона, позволяющей удерживать стремительно расходящееся в прохладу утра тепло организма. Кричала Людмила. Вернее уже не кричала, теперь она выла от смертельного ужаса, нависшего над ней в облике огромного медведя терзающего зубами ее руки, которыми она отбивалась от этого кошмара из последних сил.

— А-а-а, — пронзительно закричал Мальцев, вскакивая. Но вместо крика из его рта вырвался отчаянный хрип. — А-а-а.

Медведь даже не обратил на него внимания, он был занят жертвой, которая оказалась ближе всех к нему, когда он выскочил из чащи леса и атаковал свою добычу. Раздался отвратительный хруст, и перекушенные руки прекратили сопротивление. Теперь хищник поднялся на задние лапы и обрушился всей своей мощью на окровавленное тело, распластанное под ним. Людмила слабо вскрикнула последний раз и замерла. А медведь принялся рвать зубами ее грудную клетку. В этот момент в себя пришел Гена Строганов и открыла глаза Ирина. Мальцев даже не знал, какой момент был для него страшнее — когда он видел жестокую расправу над Строгановой или когда проснувшиеся близкие ему люди осознали что происходит. Гена шумно втянул в себя воздух и завыл как дикий зверь, бросаясь на медведя, забыв про свой нож, и нанося ему удары руками, пытаясь оттащить хищника от уже безжизненного тела своей жены. Медведь огрызнулся и ударил его огромной лапой. Гена отлетел в сторону, но тут же вскочил на ноги и как заведенная кукла опять бросился на убийцу. Невероятным усилием воли Мальцев стряхнул с себя ступор, вызванный шоковым состоянием, и достал из напоясного чехла нож. Он прекрасно знал, что это оружие не причинит вреда многокилограммовой туше медведя, но другого выбора у него не было. Он просто не знал что делать. Одна только мысль билась в его голове: когда медведь убедится, что жертва мертва, он умертвит всех остальных. Последовательно и неотвратно.

«Все. Это конец» — мелькнула в его голове отчаянная мысль, и в этот самый момент медведь переключил свое внимание на Гену Строганова, который отчаянно бросился на лесного

гиганта, окончательно лишившись рассудка и страшно воя. Мальцев кинулся на помощь другу, но Ирина, видимо машинально сделала то, что сделал бы, наверное, в подобной ситуации любой человек охваченный ужасом и вырвавшимся из подсознания инстинктом выживания. Она вскочила на ноги и побежала в чащу леса. Мальцев застыл. Его раздирали два противоречивых чувства: помочь другу и догнать жену. Он знал, если Ирина заблудится одна в лесу, она не проживет там и нескольких часов. Владислав оглянулся на место кровавой схватки. С Геной тоже уже было все кончено. Медведь снес ему когтистой лапой половину головы и перебил позвоночник. Помощь другу была уже не нужна. Мальцев изо всех сил сжал нож в руке, чувствуя, как рукоятка выскользывает из дрожащей ладони и, развернувшись, стремительно побежал на подламывающихся ногах в том направлении, где только что скрылась его жена. Медведь проводил взглядом убегающую добычу и принялся неторопливо разделять свежее мясо. Он знал, что обессиленные жертвы не смогут убежать от него далеко, и он без труда выследит их, также как он сделал это сутки назад, когда брел по следу этой беспечной четверки, ожидая наиболее удачного момента для атаки. В этой тайге просто не было места, куда бы они могли спрятаться от него. Не было...

Охваченные животным ужасом, люди бежали вперед, напрягая последние силы, продираясь сквозь кустарник и минуя коряжистые овраги. Им обоим казалось, что они слышат тяжелый гулкий топот и хрип мохнатого убийцы за спиной. Жуткого убийцы, так непохожего на симпатичного героя тех сказок, которые им рассказывали в детстве. Когда силы уже совсем оставили беглецов, тайга вдруг расступилась, и они шатаясь выбежали на песчаный берег шумной горной реки, где упали в изнеможении, затравленно озираясь на темную тайгу скрывающую в себе смертельную опасность. Но медведь не появлялся. Их никто не преследовал. Супруги обнялись и истерично зарыдали без слез, еще не веря в собственное спасение. Теперь они нашли то, что так безуспешно искали все эти дни. Теперь им не грозила жажда. Теперь у них вновь забрезжила надежда на то, что их обязательно найдут. Нужно было только немного восстановить силы. Совсем немного времени, чтобы прийти в себя. Мальцев прижал потерявшую сознание супругу к себе, из последних сил борясь с накатывающим ощущением беспомощности и сжимая в руках нож. Его полузакрытые глаза были сфокусированы на той узкой прогалине ведущей в тайгу, по которой они вырвались из этого коварного изумрудного царства. Если медведь появится, он дорого продаст их жизни. Он будет защищать свою Ирочку. Он будет драться из последних сил. Он... Шум реки, наконец, захватил его в свои объятия и, закружив, понес куда-то в безмятежную даль. Туда, где все происходящее больше не имело значения, где не было усталости и страха. В сновидения...

Глава 2. ОДИНОЧЕСТВО

Сумасшествие

*«Сфинкс зачарованный тихо смеется,
под ивой устроившись, в зыбкой тени.
Кто-то неслышно по травам крадется.
Кто-то, кто ждал меня все эти дни...»*

«Светотени» А. Коробейщиков

Они пришли в себя днем. Яркое светило солнце, и было непонятно прошло всего несколько часов или они проспали целые сутки. Первым делом, несмотря на воспаленное горло, они напились холодной горной воды, которая показалась им самым изысканным лакомством на свете. Потом умылись, и, наконец, воспользовавшись тем обстоятельством, что на солнце было тепло и даже жарко, супруги выстирали всю свою одежду. Все нервное потрясение не прошло даром, особенно последняя встреча с представителем таежной фауны — от одежды исходил резкий запах мочи и мышинного помета. Когда через несколько часов вещи высохли, Мальцев предложил покинуть это место. Перед его взором все еще стояла оскаленная пасть ослепленного охотничьим азартом медведя и безжизненные окровавленные тела в его цепких лапах. Чтобы сбить предполагаемого хищника со следа они спустились по щиколотку в воду, и пошли вдоль берега, следуя направлению течения. Вода была такой холодной, что периодически они выскакивали на берег, и растирали замерзшие ноги руками, понимая, что подобные мероприятия наверняка отразятся на их и без того подорванном здоровье не в лучшую сторону. Но ужас перед медведем был настолько силен, что если бы он появился в данный момент из тайги, они оба не задумываясь, бросились бы в бешеную реку с намерением переплыть ее, конечно же, без малейшего шанса на выживание. Почему-то быть унесенным неумолимым течением было гораздо предпочтительней, нежели оказаться в пасти животного, лишившего жизни всех тех, с кем Мальцевы дружили практически с детства.

Они прекратили путать следы, когда дошли до широкой отмели, которую отгораживала от таежного царства каменная гряда, состоящая из огромных валунов, из которых многие были даже в несколько раз выше человеческого роста. Гряда почему-то производила впечатление искусственной, хотя невозможно было представить, что кто-то мог манипулировать столь массивными камнями в этой дикой безлюдной местности. Во всяком случае, в этом месте был залив с чистой, более теплой и спокойной водой. И, кроме того, это место внушало чувство защищенности и покоя. Решено было остаться здесь и уже отсюда следить за рекой в надежде, что их заметят либо вертолеты спасателей, либо сплавщики. Бурман говорил, что по этой реке вплоть до поздней осени проходят рафтинг-трассы. Воспоминания о Бурмане снова всколыхнули в памяти события последних дней, и Мальцев, как мог, некоторое время успокаивал жену, которая на редкость мужественно и достойно держалась последнее время, а потом занялся самой актуальной для них проблемой безопасности. Пока у них еще было время, и невидимый медведь, или еще какой-нибудь хищник, давали им необходимую передышку.

Первым делом он решил сделать небольшую вылазку в близлежащую тайгу. Это было необходимо сделать чтобы, во-первых, составить представление о возможных подступах к месту их убежища со стороны леса, а во-вторых, собрать сухого хвороста для костра и несколько длинных, но крепких, палок необходимых для создания более эффективного оружия, нежели

короткоклинковый охотничий нож. Ирина не хотела отпускать его одного и не хотела оставаться одна, и Владиславу пришлось взять ее с собой. Они входили в лес, словно вступали во владения злобных духов: настороженно, испуганно, стараясь не производить лишних звуков. Но днем тайга не производила столь устрашающего впечатления, и была даже красивой. И если бы не события последних дней, можно было бы от всей души наслаждаться буйством красок невероятной природы. Однако в преддверии очередной ночи, подобная красота выглядела особенно зловеще. И даже яркие цветы на поляне казалось, источали не нежный аромат, а запах опасности и угрозы.

Чтобы принести на берег как можно больше сушняка, Мальцевым пришлось сделать несколько вылазок в лес. Каждый раз, когда они уходили с берега, Ирина с тревогой оборачивалась на реку, словно опасаясь, что именно в их отсутствие мимо проплывет долгожданный рафт, или именно в это время пролетит поисковый вертолет, который, скорее всего, не заметит людей в таежном массиве. Поэтому они старались не задерживаться в тайге, и обратно возвращались почти бегом. Куча хвороста и несколько основательных фрагментов сухих древесных стволов уже лежали на песке. Там же лежала кучка сухого мха необходимая для получения огня — спичек уже давно не было, и единственной возможностью зажечь спасительный ночью костер оставался старинный метод трения, позволяющий высечь одной палочкой искру из другой палочки. Мох должен был удерживать это тление как можно дольше и превратить его в огонь, которому можно было уже преподнести пищу поосновательней. И пока Ирина пыталась получить огонь столь древним и трудоемким способом, Мальцев принялся заострять концы длинных крепких палок, превращая их в копья. Он где-то слышал, что некоторые охотники используют подобное оружие для того, чтобы убить медведя. Владислав сначала никак не мог понять, как можно деревянной палкой нанести вред толстокожему повелителю таежных просторов. Но здесь все дело оказалось в использовании инерционного движения медведя. Это был единственным условием удачного выполнения этого трюка. Зверю нужно было заставить встать на задние лапы, и когда тяжелый хищник обрушивался на свою жертву сверху вниз, пытаясь задавить ее своим весом, нужно было выставить перед собой кол и ждать пока мишка не наколется на острие мягким животом, вгоняя его своей инерцией все глубже и глубже внутрь своего тела, до тех пор, пока оно не проколет сердце или печень, и не выйдет с другой стороны, не оставляя косолапому никаких шансов на выживание. Правда, в последние мгновения своей жизни медведь успевал либо задрать свою коварную жертву, либо все-таки придавливал ее своей, уже безжизненной, тушей. Но опять же, у человека противопоставившего себя одному из самых грозных животных на планете, хотя бы оставался шанс на выживание. И этим шансом Мальцев не хотел пренебрегать. Поэтому он выточил сразу четыре копья, тут же почувствовав некую уверенность, которую не мог обеспечить ему маленький стальной нож. Опять вспомнились загадочно пропавшие ружья. Все могло бы быть совсем по-другому, если бы они не исчезли той злополучной ночью. Бурман был бы жив, и Гена, и Люда... Они бы просто изрешетили этого самодовольного, упивающегося своей безнаказанностью и силой, «хозяина тайги». Но все произошло так, как произошло, и не было сейчас никакого смысла мечтать о несбыточном или предаваться горестным воспоминаниям. Им, каким-то чудом оставшимся в живых, необходимо было выжить и дальше. Выжить любой ценой. Мальцев сжал в руках длинное острое копьё и яростно погрозил им в сторону леса. Когда они выберутся отсюда, он обязательно вернется в этот лес и найдет этого кровожадного монстра. Правда тогда он будет более подготовлен. Тогда... Мальцев поймал на себе растерянный взгляд своей жены, которая тщетно пыталась получить из двух древесных палочек долгожданный огонь.

Сны не приносили долгожданного отдыха. Боязнь внезапного появления хищника превратила сновидения в пытку. Мальцев даже не спал. То состояние, в которое он погружался ночью, больше напоминало тревожную дрему вперемешку с ужасами и кошмарами, от которых он вскакивал и, выставив перед собой один из кольев, настороженно вглядывался в темноту, одновременно проверяя, рядом ли жена, и прислушиваясь к ее хриплому и неровному дыханию, определяя, жива ли она. Потом он понял, что подобный сон только отнимает у него силы, и стал спать днем, а Ирина, более-менее выспавшаяся под его охраной ночью, сторожила его покой. Пищевой рацион семьи по-прежнему составляли ягоды и грибы, которых, к счастью, росло множество на окрестных полянах. На сбор выходили, по-прежнему, вдвоем. Мальцев держал в руках копье и осматривался, зная, что медведь выскочив из своей засады, может в считанные мгновения преодолеть огромные расстояния. Ирина же занималась непосредственно поиском пригодных к употреблению даров леса. Так прошло еще два дня, пока на песчаной отмели не появился призрак.

Первой следы обнаружила Ирина. Вернее следы встречались супругам и раньше, но каждый из них принимал их за отпечатки ног друг друга. Ирина, когда просыпалась утром, и шла к реке умыться, с улыбкой смотрела на их ровную цепочку идущую вдоль кромки воды. Она знала, что мужу приходится нелегко ночью, когда все вокруг, в непроглядной тьме, может представлять потенциальную опасность. Поэтому не было ничего необычного в том, что муж мог подходить к реке и ополаскивать лицо ледяной водой, прогоняя сон. Владислав же, измотанный ночными дежурствами, полагал, что это утренний моцион жены оставлял за собой вязь ее отпечатков на песке. Недоразумение выяснилось случайно. Они опять предприняли очередную вылазку в тайгу, а когда вернулись, то сначала даже не поняли, что произошло. Перед самым походом, Ирина машинально, думая о чем-то своем, провела по песку палкой, ровняя его и стирая отпечатки ног. Когда же они вернулись на отмель, вдоль самой воды отчетливо выделялись человеческие следы.

— Влад! — Ирина даже потеряла на мгновение голос, с усилием преодолевая спазм в горле, — Влад!

Мальцев подбежал к ней, схватив лежавший рядом с ним на земле кол. Но жена больше не могла вымолвить ни слова. Она лишь показывала пальцем на вереницу следов, испуганно качая головой.

Мальцев даже не понял в чем дело. Он еще раз посмотрел на отпечатки, потом на перепуганную супругу.

— Ира, что случилось?

— Следы... — только и смогла прошептать она, задыхаясь от ужаса.

— Ну и что? Здесь всегда следы...

— Я... Я... Я их стерла перед уходом, — Ирина выдохнула и с шумом втянула в себя воздух, — Это не наши следы! Здесь кто-то был в наше отсутствие! Мы пропустили их... Они уплыли. Все! Они уплыли!

— Да кого, кого мы пропустили? — Мальцев лихорадочно соображал, пытаясь понять, что хотела сказать ему этими невразумительными фразами жена.

— Спасателей. Рафтеров. Они увидели костровище, походили, и не нашли нас, не дождались. Они уплыли, Влад! Совсем... Все кончено...

— Да е-мое, Ирина, ты точно уверена, что следов здесь не было?

Жена закивала головой и заплакала.

— Ну... — Мальцев растерянно оглянулся. Никого вокруг не было. Река по-прежнему была безлюдна. Владислав уже давно засомневался в словах Бурмана. Ему казалось, что они вообще

оказались на другой планете, где нет людей, а только лес и хищные животные. Ну, если и не на другой планете, то в такой заколдованной глуши, про которую ни рафтеры, ни спасатели просто не слышали. Он обнял жену и повел ее прочь от этих проклятых следов. Нужно было успокоить ее, а потом все-таки разобраться с тем невидимкой, который посетил место их вынужденной стоянки в отсутствие хозяев.

Следующие сутки прошли относительно спокойно. Ирине удалось найти несколько лекарственных трав, которые помогли немного сбить температуру. Новых следов на берегу не было, а про старые никто не вспоминал. Мальцев, потому что полагал, что жена просто ошиблась, Ирина — потому что уже и сама ни в чем не была уверена. Сознание под действием стресса способно выкидывать еще и не такие номера. В любом случае, если даже следы и были, появление призрака было не таким ужасающим происшествием, нежели наличие на песчаной отмели огромных медвежьих лап. Мальцев поймал себя на мысли, что этот людоед превратился для них в воплощение всего мирового зла, какое только можно было себе вообразить. Словно все детские и взрослые страхи слепились в один, леденящий душу комок ужаса, и теперь одно только воспоминание о том жутком раннем утре парализовало волю, разум и тело. Но медведь не напал. Возможно, потерял свою добычу, а возможно просто ушел за более доступной жертвой. Но, несмотря на это затишье, Мальцев по-прежнему ни на секунду не расставался с деревянной пикой, которая словно стала продолжением его изможденного тела. Он даже ходил, опираясь на копьё, как на посох. И он совершенно точно знал, что если ситуация сложится таким образом, что придется пустить это копьё в дело, он не будет колебаться ни секунды. Все условности и шаблоны поведения, действенные в городе, во время этой затянувшейся экспедиции осыпались словно шелуха, обнажая скрытые до поры до времени и дремавшие в сумерках сознания инстинкты. В этих же сумерках скрывалось еще кое-что. Голоса. Когда Владислав впервые услышал их, то вел себя примерно так же, как Ирина увидевшая цепочку следов около воды. Хорошо еще, что жена в этот момент спала, и ему хватило выдержки не будить ее на волне своего эмоционального взрыва. Он обшарил весь берег. Но голоса исчезли так же внезапно, как и появились. Были ли это на самом деле звуки человеческой речи, принесенные ветром по речной поверхности? Или это были галлюцинации, бред воспаленного воображения, расшатанного многодневным нервным и физическим истощением?

Призрак позволил увидеть себя следующей ночью. Сначала опять были голоса, к которым Мальцев, сидевший около костра, тщетно прислушивался, вытягивая шею и приставляя к уху ладонь, пытаясь выделить их на Общем фоне шума водных порогов и шлепанья волн о прибрежные камни. После того как голоса умолкли, ночному сторожу показалось, что около самой воды было какое-то движение! Он вскочил и, сжимая обеими руками копьё, вышел из светового круга, пристально вглядываясь в темноту вокруг. Когда зрение более-менее адаптировалось к ночной тьме, Мальцев отчетливо увидел у самой кромки воды силуэт человека! Казалось, что незнакомец стоит и разглядывает людей, расположившихся около огня. Владислав почувствовал, как все тело охватил какой-то паралич, который не позволял сделать ни единого движения, не вымолвить ни единого звука. Человек! Здесь! Спасатель? Местный? Друг или враг? Силуэт у воды не сделал ни единого движения, и Мальцеву показалось, что он опять ошибся, и это не человеческая фигура, а сплетение призрачных лунных отсветов, бликов на воде и теней, которые с приходом тьмы господствовали повсюду. Человек? Здесь? Сначала голоса, потом силуэт... Галлюцинации начинали прогрессировать. Мальцев закрыл глаза и потряс головой, словно стряхивая с себя это наваждение. А когда открыл, незнакомца там уже не было.

Видения. Он посмотрел на беспокойно спящую супругу. Было ли это все-таки следствием нервного и физического истощения, или, может быть, они наелись какой-нибудь травы содержащей галлюциногены? Примечательно было то, что его уже не интересовали ответы на эти вопросы, которые его аналитический ум задавал сам себе машинально. Мальцев чувствовал, что если еще через пару дней их не обнаружат, они либо окончательно свихнутся, либо просто загнутся от пневмонии или голода.

Яркая фиолетовая вспышка мигнула, словно сторожа сфотографировал тот самый неизвестный незнакомец, прячущийся где-то в окружающей тьме. Потом еще одна. Гроза. Мальцев задрал голову и посмотрел вверх. Когда ему на лицо упали первые тяжелые капли грядущего ливня, он побежал будить жену. Им предстояло спрятаться в небольшом углублении в основании самых больших камней, окаймляющих место их стоянки. Предстояло также перенести туда самые большие палки, тлеющие в костровище. Потому что если огонь погибнет, им будет крайне сложно получить его вновь с помощью сухих палочек. Через пять-десять минут вокруг не останется ничего сухого. Очередная молния прорезала темные небеса прямо над их головами. Буйство стихии начиналось в полную силу.

Ирина и Владислав уже не имели сил, чтобы даже делать вылазки в лес, пополняя запасы пищи и дров. Они просто сидели около догорающего костра и отрешенно смотрели на речной поток, прижавшись друг к другу. Уже не было страха, не было боли, вообще не было никаких эмоций. Видимо перегорели какие-то предохранители в сложной системе нервно-психических взаимодействий. Два человека чувствовали только обреченность, но она не была окрашена в негативные тона. Наоборот, было в ней что-то освобождающее, спасительное, плавно переводящее к принятию мысли о неизбежной смерти, здесь, в этом заброшенном и богом и людьми месте. Галлюцинации словно стали уже неотъемлемой частью окружающей реальности. Им обоим слышались голоса, поющие какую-то мелодичную песню на незнакомом языке. Слышался треск тысячи кузнечиков, доносящийся с лесной поляны и переходящий на песчаном берегу в какой-то завораживающий, потусторонний мотив, уносящий сознание куда-то далеко-далеко, к иным измерениям других пространств. Несколько раз в эту чарующую музыку вторгался грозный рык голодного медведя бродящего где-то совсем близко. Но он уже не пугал отрешенную пару, грезившую о чем-то запредельном. Шум реки, треск кузнечиков, треск умирающего костра и далекая песня...

Превозмогая эту дурманящую дрему, Мальцев медленно приходил в себя, последними усилиями воли стряхивая с себя предсмертные наваждения. Ему снилось или грезилось, что он был бабочкой и беззаботно порхал над разноцветьем таежной поляны. Возвращение в умирающее тело давалось мучительно. Перед глазами все плыло. Он с трудом покачал тяжелой головой и попробовал пошевелиться. Тело ответило ему неохотно, сопровождая каждое движение пронзительной болью мышц. Разлепив пересохшие губы, он тихо позвал:

— Ир... Ириша...

Но жена молчала, прижавшись к нему и не поднимая головы с грязными, растрепанными волосами. Могло показаться, что она спит. Но Мальцев знал, что этот сон может затянуться навечно. Он сделал невероятное усилие и толкнул жену плечом.

— Ира не спи... Ответь...

Слова давались ему с трудом, но больше всего мучительно было осознавать, что жена уже ушла. Оставила его здесь одного и ушла, позволив этой странной песне увести себя в дали, из которых уже нет возврата назад. Возможно, что она тоже парила над изумрудными травами легкотелой бабочкой, даже и не помышляя о возвращении и пробуждении.

— Ира... ответь... нельзя... я...

Мальцев еще толкнул ее несколько раз, пока не понял, что единственное, что он может сделать в этой ситуации, это расслабиться и последовать вслед за ней, прекращая эти бесполезные и мучительные попытки удержаться в этом мире, догоняя ее на загадочных тропах иных просторов. Он закрыл глаза, а когда снова открыл их, то увидел его. Призрака.

Человек в коричневой прорезиненной ветровке, таких же прорезиненных штанах и высоких кожаных ботинках стоял в нескольких метрах от костра и рассматривал изможденных людей совершенно спокойным и даже равнодушным взглядом серых, практически бесцветных глаз. Человек был совершенно лыс, и это придавало его облику некую зловещую мрачность. Мальцев смотрел на незнакомца, словно решая, кто это: еще один элемент его бредовых видений, очередная галлюцинация или это все-таки долгожданный житель того мира, который доставил им с женой столько боли и страданий. Внешне человек походил на сплавщика, но было в его позе что-то... неуловимо странное. И этот равнодушный взгляд. Мальцев, превозмогая онемение губ, криво улыбнулся, издавая звук, похожий на смех. На лице незнакомца не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на обессиленную пару, словно ожидая, чем все закончится. Мальцев понял — человек походил на сплавщика только внешне. В его поведении вообще не чувствовалось ничего человеческого. Слово это был и не человек вовсе, а существо иного плана, разглядывающее новичков, готовящихся переплыть Реку Смерти.

— Ты кто?... — прохрипел Мальцев, которого даже развеселило это сравнение, — Харон?

Незнакомец не ответил. Он только лишь поднял взгляд чуть выше линии валунов, окаймляющих залив, словно прислушиваясь к чему-то, происходящему там, за каменной грядой, в тайге.

— Ты кто? — повторил вопрос Мальцев и сделал неудачную попытку встать, заваливаясь назад. — Ты пришел за нами?

Незнакомец опять посмотрел на него своим пустым взглядом, и еле заметно отрицательно покачал головой.

— Ты реальный или ты мне кажешься? — Мальцев опять попробовал встать, и выпрямился, покачиваясь и еле удерживаясь на ногах. — Зачем ты здесь?

В чертах незнакомца по-прежнему не было никаких эмоций. Однако на этот раз он заговорил. Его голос был гулким, словно доносился из глубокого колодца.

— Я пришел к вам.

Мальцев опять усмехнулся. Его даже уже не пугал мысль о возможном сумасшествии. Сейчас уже это все не имело значения. Ирина мертва. Он, скорее всего, если уже не мертв, то тоже скоро присоединиться к ней.

— Зачем?

Незнакомец обернулся и посмотрел в небо, на темную грозовую тучу, выплывавшую из-за гор на противоположном берегу реки.

— Скоро будет гроза.

Словно в подтверждение его слов вдалеке басовито громыхнул гром.

— Вам нужно беречь огонь, если хотите выжить.

Мальцев хрипло засмеялся.

— Выжить? А зачем? Выжить... — он кивнул на неподвижное тело жены, — Кому теперь это надо? Все кончено.

Незнакомец равнодушно пожал плечами, словно выражая свою безучастность к происходящему. Он опять посмотрел на грозовую тучу, и, повернувшись, пошел к воде.

— Эй... — хрипло крикнул Мальцев и махнул ему вслед рукой, словно пытаясь остановить

свое последнее видение, — Не уходи. Постой! Харон!

Он сипло и безумно захохотал вслед этому забавному персонажу-галлюцинации, который шел прямо к воде, словно намереваясь нырнуть в ледяные волны этой необузданной реки, оставляя за собой на песке ровную цепочку знакомых следов.

Спустя некоторое время очнулась Ирина. Мальцев смеялся и плакал, а супруга сначала никак не могла понять, где она, а затем изумленно смотрела на возбужденного мужа, который что-то невнятно рассказывал ей про какого-то Харона и целовал ее онемевшие руки. Когда его буйство прекратилось, и он проводил ее, поддерживая, до спасительного убежища в основании больших валунов, начался дождь. Владислав успел принести несколько тлеющих углей из костровища и два или три сухих полена, оставшихся из всего стратегического запаса дров. Огонь был спасен на какое-то время, которое целиком и полностью зависело от милости разбушевавшейся стихии, обрушившейся сверху плотной стеной безжалостного дождя.

Произошел какой-то перелом в их состоянии. Видимо включились резервные возможности организма, позволившие им почувствовать себя немного лучше. Во всяком случае, они снова могли передвигаться и обеспечивать себя дровами и пищей в виде ягод и грибов, которых было на редкость много в округе. Это давало надежду на то, что они могут продержаться еще несколько дней. Или продлить себе мучение.

Всю ночь за каменной стеной раздавались самые жуткие на свете звуки. Хрустели сучья, гудела под чьими-то тяжелыми шагами земля, и сотрясали прозрачный ночной воздух сопение и храп. Медведь. Этот неугомонный убийца все-таки нашел их. Мальцевы отчаянно побросали в костер сухие ветки, которые Владиславу удалось принести из леса уже поздним вечером. Огонь благодарно принял это подношение и грозно трещал, словно отгоняя от двух безгранично преданных ему людей незваного ночного визитера. В усыпанном мириадами ярких звезд темном небе отрешенно светила огромная луна и через весь небосвод тянулся похожий на дымчатую дорожку от костра величавый Млечный Путь.

Медведь нервничал. Иногда он нервно ерзал на одном месте, утробно рыча, а иногда даже опирался на камни, скребя по ним огромными когтями, словно раздумывая, стоит или не стоит напрягать свои силы и преодолевать эту, отделяющую его от ослабевшей добычи, каменную преграду. Мальцевы прижались друг к другу, боясь не то что пошевелиться, но даже дышать. Им казалось, что даже звук их сердец выдает их присутствие. Их сознания сжались до размеров крохотных точек, затаившихся в самых дальних уголках разума. Все ужасы недельной давности снова ожили в памяти, обостряя до предела все чувства и впрыскивая в кровь настолько избыточное количество адреналина, что оно просто делало невозможным любое движение. И даже если бы зверь решил штурмовать в принципе незначительную для него преграду, что, по непонятной причине, он до сих пор не делал, Владислав просто не смог бы ему сопротивляться, пуская в ход ставшие бесполезными сейчас остро отточенные деревянные копья, лежавшие около его ног. Близость самого грозного хищника сибирской тайги парализовала саму возможность что-либо делать. Оставалось только сидеть и ждать чем закончится вся эта, переполненная трагическим динамизмом, мистерия.

Зверь вдруг зарычал пронзительно и протяжно. Затем посопел немного и, судя по звукам, наконец, удалился. Владислав замер пытаясь определить его местонахождение, но из-за шума реки невозможно было разобрать, что происходило всего в нескольких метрах от них, за каменной стеной естественного происхождения. Воображение рисовало Мальцеву одну картину страшнее другой. Ему казалось что медведь, используя свое звериное чутье, нашел наиболее

приемлемый для себя путь до своей добычи, и сейчас он обрушится на них сверху многокилограммовой тушей, свирепо терзая несопротивляющихся жертв своими беспощадными саблеобразными зубами.

— Он ушел? — тихо прошептала Ирина. От испуга она начала немного заикаться, и все силилась выговорить еще что-то, но, видимо не найдя в себе силы, просто замолчала до крови закусывая дрожащие губы. Владислав только сейчас заметил, что их тела сотрясает крупная дрожь — «отходняк» после адреналинового отравления, нервная перегрузка, заставляющая перенастраивать все психосоматические связи внутри охваченного паникой тела.

— Да, ушел. Он ушел Ириша, ушел...

Он затравлено осмотрелся, все еще ожидая появления зверя откуда-нибудь со стороны реки. В этом случае он должен закрыть Ирину от приближения безжалостного убийцы, сократить мучительные моменты ужаса перед неминуемой гибелью. Дрожащие руки прижали лицо супруги к своей груди, а губы механически бормотали отвлекающие фразы:

— Он ушел. Ушел. Все. Все закончилось...

Песчаный пляж был как на ладони — луна заливала все вокруг пронзительно ярким светом. Смотря туда, Мальцев еще раз сильно вздрогнул, словно его пробило высоковольтным электрическим зарядом. Ирина прижалась к нему крепче, жалобно заскулив:

— Что? Что? Он?

Но муж лишь еще крепче прижал ее к себе, успокаивающе глядя по спине.

— Нет-нет. Нет... Это не он. Не он...

Мальцев не хотел, чтобы жена увидела его. Не потому что *это* могло напугать ее еще больше чем медведь. Просто он боялся, что она как раз ничего не увидит, а это обстоятельство могло окончательно подорвать в нем остатки благоразумия и еще хоть какого-то трезвомыслия, жизненно необходимого им обоим в сложившихся обстоятельствах. Признаться честно, он думал, что *этого* не может быть. Что это следствие миновавшего их кризиса, порождение его фантазии. Однако четкий силуэт человека отчетливо выделялся на фоне мерцающей в лунном сиянии воды. Харон сидел около самой реки, сложив перед собой ноги на манер индейских вождей, и все так же отрешенно наблюдая за происходящим. Галлюцинации продолжались.

Он появлялся внезапно, впрочем, как и внезапно исчезал. Ничего иного от приведения Мальцев и не ожидал. Он даже привык к этому странному фантому, скрашивающему его одиночество во время ночных дежурств. Ирина была совсем плоха, и ему приходилось следить за ее сном, тревожно прислушиваясь к хриплому неровному дыханию, меняя холодные компрессы из фрагментов своей рубашки, которыми он обкладывал грудь и лицо жены. Харон не мешал ему. Лысый незнакомец либо молча сидел рядом, отрешенно наблюдая за действиями ночного сторожа, либо вдруг начинал тихо и нудно рассказывать ему о чем-то, для Владислава совершенно непонятном. Было в этом что-то жуткое и совершенно безумное. Поначалу Мальцева даже веселили беседы с порождением своей больной фантазии. Это напоминало отчаянное веселье перед смертью, когда все уже переставало иметь значение и напоминало финальную истерику. Но потом, прислушиваясь к бормотанию своего необычного собеседника, Владислав понял, что тот не просто уводит его своими разговорами в окончательную пучину сумасшествия. В его словах было что-то... необычное, малопонятное, и в то же время очень важное. Иногда Ирина просыпалась и тревожно шептала:

— Влад, ты с кем говоришь?

Он ласково гладил ее рукой по голове и успокаивал:

— Спи, моя любимая. Все нормально. Это я сам с собой. Чтобы не заснуть...

В эти моменты Харон замолкал, ожидая пока женщина снова погрузится в пучину

тревожных сновидений, а затем снова начинал свое невнятное бормотание.

— Женщины боятся. Их надо беречь... — Харон говорит вроде бы про Ирину, но при этом смотрит в сторону противоположного берега, скрытого темнотой. Мальцев нежно гладит спящую жену по голове.

— Я знаю. Я буду охранять ее.

— Они сильнее мужчин, и в этом их слабость. Но их слабость является и их силой.

Владислав усмехается. Как всегда ничего не понятно, но это лучше чем сидеть одному в тишине. Харон продолжает:

— Женщины прячутся.

— От кого?

— От всех. От мужчин, от теней в ночном небе, от самих себя. Они очень сильно напуганы, отсюда боль и обиды. Ты поймешь. Позже...

Они сидят какое-то время молча, затем Харон нарушает тишину очередной малопонятной речью:

— Когда-то они повелевали всем здесь... Но теперь все по другому. Война будет до тех пор, пока Женщины не вспомнят свою истинную сущность, а мужчины не станут Мужчинами.

Призрак встал и, даже не посмотрев в сторону своего собеседника, молча шагнул в темноту.

— Я чувствую воду...

Мальцев ворошит палкой костер. Десятки раскаленных светлячков вьются в темном воздухе обжигаящей стайкой и улетают прочь, вверх, перемешиваясь со звездами.

— Опять будет гроза?

Харон мотает головой.

— Я чувствую воду.

Он смотрит на собеседника и показывает рукой в сторону реки. Мальцев кивает.

— Понятно. Ты чувствуешь реку. Зачем ты говоришь мне об этом? Это важно?

— Алтай изменился... — Голос Харона не выражает никаких эмоций, словно это не визуальное воплощение больного воображения, а киборг, оставленный здесь неведомыми умельцами. — Это важно.

— Я не понимаю, — Мальцев, прищурившись, разглядывает незнакомца, — Все-таки, кто ты?

Харон смотрит, будто сквозь него.

— Такие как я, приходят в смутное время...

— Смутное время? Что это значит?

Харон отрешенно качает головой.

— Это значит, что такое время настало, и я пришел...

Пару раз за ночь приходил медведь. Зверь опять нервно терся о камни с той стороны, порывая и фыркая. Собеседники замолкали, выжидательно глядя в направлении звуков, издаваемых страшным гостем. Но если во взгляде Мальцева был ужас, то взгляд Харона по-прежнему ничего не выражал. Странный визитер в одежде, напоминающей сплав-комбинезон, словно знал что-то про этого зверя, чего не знал о нем Мальцев. И это знание позволяло ему оставаться невозмутимым. Медведь действительно уходил спустя какое-то время, разочарованно вздыхая и поскуливая. А беседы продолжались. Затем воздух неизбежно становился светлее, и Харон, как и подобает классическим призракам, неизменно уходил. Сам процесс его исчезновения всегда ускользал от Мальцева. Лысый человек мог оборвать фразу, не закончив ее,

и встать с песка, внезапно направившись к воде. Но вот куда девался он дальше, Мальцев никак не мог увидеть. То ли он нырял в реку, воспользовавшись тем обстоятельством, что Владислав часто моргал — глаза воспалились и к тому же слипались от хронической усталости. То ли загадочный пришелец просто уходил куда-то за камни, исчезая там до следующего визита. Цепочка его следов обрывалась у самой воды. А иногда никаких следов не оставалось и вовсе. Мальцев не удивлялся. Он полностью принял условия этой странной игры, уже просто не зная, где заканчивалась явь и начиналась иллюзия, или наоборот, где, наконец, обрывались сотканые из галлюцинаций видения, и начиналась суровая реальность, продолжавшая терзать суровыми испытаниями двух людей, уже потерявших надежду на спасение.

С Ириной они уже практически не общались. Когда она просыпалась, Владислав, бодрствующий из последних сил, тут же засыпал. Приходил в себя он уже под вечер. Они делали очередную, очень короткую, с учетом последних визитов медведя, вылазку в лес за сушняком и грибами, и поспешно возвращались назад, под зыбкую защиту каменной гряды. Жизнь на грани смерти продолжалась.

— Умереть — это не значит успокоиться... — На лице беспристрастного Харона пляшут отсветы от костра, — Смерть и то, что ты о ней думаешь — не одно и то же...

Мальцев не удивляется. То, что собеседник читает его мысли, объяснялось очень просто — этот загадочный человек сам был порождением этих мыслей. Получалось что Мальцев, по сути, разговаривал сам с собой. Непонятно было только, почему умирающее подсознание выбрало в качестве визуального образа лысого, совершенно незнакомого Владу, человека. Однако бесполезно было пытаться анализировать непредсказуемые и загадочные механизмы психики, тем более, психики находящейся на грани срыва.

— А ты откуда знаешь?

Харон молчит. Будто разглядывает причудливые узоры на тлеющих углях в самом чреве костра.

— Что Харон, страшно умирать? — Мальцеву захотелось сбить эту спесь всезнайства и невозмутимости с порождения своей фантазии. В конце концов, они умрут вместе, и нечего сидеть тут и разглагольствовать о том, что только еще должно произойти. Хотя, возможно, подсознание таким образом просто готовило само себя перед последним прыжком в неведомое.

— Страшно... — ровным голосом проговорил призрак и посмотрел, обернувшись, сначала на реку, а затем на Мальцева, больше не добавив ни слова.

В этот момент проснулась Ирина. Приподняла голову, посмотрела прищуренными глазами на странную парочку у костра, и, фактически не просыпаясь, опять заснула, откинувшись на импровизированный лежак из мальцевской куртки.

— Ты доверяешь ей? — ровный и безжизненный голос Харона еле слышен на фоне шума реки и треска костра.

Мальцев кивает.

— Да. Я ее очень люблю.

— Я спросил про доверие, а не про любовь.

Мальцев удивленно разглядывает порожденную им же иллюзию. Это уже что-то новенькое. Подсознание вызывает его на диспут о любви и доверии?

— А это разве не одно и то же?

Харон отрицательно мотает своей лысой головой.

— Нет. Это не одно и то же.

— Почему?

— Она тоже любит тебя. Но она тебе не верит.

Мальцев фыркает и разводит руками.

— У нее нет оснований мне не верить.

Глаза собеседника не отсвечивают отблесков костра. Они, словно губка, впитывающая влагу, втягивают в себя все вокруг, как будто человек ими обладающий никак не может насладиться этим миром.

— А у тебя?

— Ты хочешь знать, есть ли у меня основания верить себе?

Собеседник кивает.

Мальцев думает некоторое время, рассеянно наблюдая за дикой пляской огненных язычков в костре.

— Ты знаешь, а ведь ты прав. Я сам себе не верю. Вру сам себе. И ей не верю. Я знаю, что она мне изменяла несколько раз, там, в городе. Знаю с кем. Но я всегда боялся даже думать об этом. Боялся потерять ее. А она наверняка знает, что я изменял ей. Вот бредятина. Исповедоваться о своих сексуальных и моральных проблемах своему же глюку.

Харон закрывает глаза, словно прислушиваясь к чему-то, затем медленно открывает их.

— Она хочет убить тебя.

Мальцев нахмурился.

— Ты что несешь, придурок?

Харон, казалось, даже не обиделся.

— Она думает об этом, когда ты спишь.

Мальцев почувствовал, как колючий холод прошел по спине царапающей волной. Он вспомнил, как проснулся вчера днем и увидел, что жена сидит в метре от него. В руках она держала его охотничий нож. Он молча кивнул ей тогда, как бы спрашивая, в чем дело. Но она лишь грустно покачала головой, показывая, что все нормально. Теперь, в свете комментариев своего экстравагантного подсознания, этот эпизод представал совершенно в новом свете.

— Но зачем?

Харон моргнул.

— Это неважно.

— А что важно?

— Важно, что она хочет убить тебя.

Мальцев ощутил, как тело охватывает какое-то оцепенение. Возможно, его сознание просто не могло допустить такой мысли, а подсознание, накопившее гораздо больше исходной информации, вынесло столь шокирующий вердикт и озвучило его ровным голосом лысого приведения по прозвищу Харон. А что, ведь Ирина тоже человек. Причем ее психика могла оказаться гораздо более уязвимой, чем у супруга. И может быть, у нее уже давно тоже произошел какой-нибудь сбой, вызванный столь сильными потрясениями. И если у Мальцева сумасшествие проявлялось в виде болтливого ночного собеседника, то у жены оно вполне могло проявиться в виде столь странного, с точки зрения здравого смысла, желания.

— Ты уверен?

— Да.

— И что мне теперь делать? Не спать? Поговорить с ней?

Харон пожимает плечами.

— Это бесполезно. Не спать ты не сможешь. Поговорить с ней тоже — она тебе не доверяет.

— Но почему? Мы столько пережили с ней! — в голосе Владислава уже нет насмешливых ноток. Подсознание озвучило слишком серьезную тему, чтобы пренебрегать ей только потому,

что в качестве своего глашатая оно использовало образ незнакомого лысого мужика. — Я стал любить ее еще больше. Я только сейчас понял, как она нужна мне. И как я был часто не справедлив к ней там, в том мире...

Харон смотрит на него.

— Ты понял. Любовь и доверие — не одно и то же. В такие моменты обостряется и то и другое. Люди переполнены обидами и страхами, потом появляется ложь. Они убивают быстрее всего остального.

— Постой. Так она что, мстит мне?

— Нет. Она чувствует. Она готовится.

— К чему?

— Она не хочет, чтобы ты оставался здесь один. И сама не хочет оставаться одна. Она любит тебя, но она растеряна. Она уже приняла решение. Она хочет все прекратить. Она хочет, чтобы ты увидел...

Возникла долгая пауза. Мальцев пытался осмыслить услышанное, но шум реки мешал сосредоточиться.

— И что же нам теперь делать? — беспомощно повторяет свой вопрос Мальцев, с тревогой поглядывая на медленно светлеющее небо, опасаясь не успеть получить ответ на этот вопрос.

Харон кивает, словно опять прочитав его мысли, и встает.

— Не вам. Тебе. Она уже приняла решение.

— Что делать мне?

Равнодушный Харон стоял и смотрел на него, будто ему было все равно, что произойдет с этими двумя перепуганными, усталыми и обреченными людьми. Затем он развернулся и, как всегда, направился к речной заводи. На полпути он остановился и, обернувшись на растерянного Мальцева, тихо произнес:

— Беги.

Шум реки пытается заглушить эти страшные слова. Тонкие губы беспечного призрака двигаются чуть заметно в утренних сумерках:

— Или убей ее первым.

Следующий день превратился для Мальцева в кошмар, превосходящий по своему трагизму все остальные, произошедшие за все время этой злополучной поездки в горы. Он пытался увидеть в Ирине признаки безумия, но она вела себя как обычно. Погладила его рукой по голове и ласково кивнула на лежащее место у костра.

— Спи милый, я буду рядом...

Учитывая события минувшей ночи, фраза прозвучала зловеще. «Она не верит тебе». Проклятый Харон!

— Ириша...

— Что, любимый?

— Ты мне веришь?

В ее пронзительно голубых глазах непонимание, удивление и... еще что-то.

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Да так, — Мальцев чувствует, как закрываются под действием непреодолимой силы усталые веки. Сейчас нельзя спать. Нельзя. Любой ценой нужно удержаться от того, чтобы не провалиться в глубокий сон. Хотя, сейчас, при свете солнца, разговор со своим странным ночным видением казался каким-то горячечным бредом. И тот случай с ножом. Ирина могла взять его просто так, чувствуя себя увереннее с оружием. Ей ведь тоже приходилось оставаться на берегу в одиночестве... Уже сквозь дымку накатывающей дремы, Владиславу пришла в голову

мысль что возможно Ирина тоже остается в это время не одна. И возможно даже, что ее собеседником является тот самый лысый призрак, обитающий в этой безлюдной местности.

Он проснулся от предчувствия. Жена склонилась прямо над ним, зажимая обеими руками рукоять ножа, готовясь нанести им удар в грудь. Увидев, что он проснулся, и теперь с изумлением смотрит на нее, Ирина размахнулась, но он успел перехватить ее руки, вырвав из них нож. Так значит все это правда!

— Ира, ты..? За что? — он с силой тряхнул ее так, что у нее клацнули зубы. Она зарыдала, пытаясь что-то бессвязно рассказать ему. Но он не понял ни слова из ее истеричных фраз.

— За что? Ты? Меня? Ты сошла с ума?

Он тряс ее за плечи, словно эта тряска могла выбить из нее, поселившееся в недрах психики, безумие.

— К тебе кто-то приходит? Что он тебе говорит? Это он тебе велел? Харон, да? Ты видела его? У нас не должно быть секретов друг от друга, пойми! Ирочка, я тебя люблю...

Она посмотрела на него, на мгновение прояснившимся взглядом, а затем ее зрачки закатились, и Ирина потеряла сознание, завалившись безвольным кулем на бок. Мальцев уложил ее на лежак, а сам побежал к реке. Там он первым делом окунулся в ледяную воду с головой, прогоняя сон и проясняя мысли. Затем он вернулся к жене и выжал на нее обрывки отрезанной от одежды ткани. От холодной воды жена пришла в себя, но говорить по-прежнему не могла. Мальцев поднял руки вверх, и закричал в бессильной злобе, не зная, кому он посылает это бессильное проклятие: небесам, тайге, медведю, людям или загадочному ночному пришельцу с тусклыми глазами. В любом случае его никто не услышал — вместо крика у него вырвался лишь хриплый стон. Стон отчаяния.

Призрак шел от реки, сливаясь с ночной темнотой. Выйдя в световое пространство костра, безликий силуэт превратился в лысого человека.

Харон. Подошел и сел к костру, по-прежнему не проявляя абсолютно никаких эмоций. Он все знал, все предвидел. Всезнающий советчик. Вестник безумия. Он умеет читать мысли и появляется даже во снах. Да, да, Мальцев видел его сегодня во сне! Эту отвратительную безмятежную рожу. От него невозможно укрыться даже в сновидениях, последнем убежище агонизирующего сознания! Мальцев со страхом смотрит на отрешенного гостя.

— Ты кто? Черт? Леший? Водяной? Инопланетянин?

Харон качает головой.

— Нет.

— Откуда ты? Ты мне кажешься или существуешь на самом деле?

— Не знаю. Я здесь живу. Я существую.

— Ты живешь прямо здесь? На берегу реки?

— Здесь. Река дает жизнь. Она же отнимает. Все справедливо. Я всему учусь у реки.

— Ты отшельник?

— Нет. Я часть всего, один из многих. Я поздно это понял. Теперь живу здесь. Любуюсь рекой, лесом, костром, ночью, звездами. Вы, люди, не цените всего этого...

— Что значит — «вы, люди»? А ты что, не человек что ли?

Харон поднимает перед собой руки и делает перед собой в воздухе странные движения, не то, танцуя, не то, поглаживая костер, не то, отмахиваясь от дыма и невесомого пепла.

— На Земле есть такие места, как это. Они необычные. Поэтому я здесь. Когда настают смутные времена, мы можем появляться.

— «Мы», это кто?

— Такие как я.

Мальцев чувствует, что дальнейшие расспросы в подобном стиле только отнимут у него остатки сил. Он пристально смотрит на собеседника, но того не смущает этот взгляд. Харон совершенно спокойно выдерживает его, словно на самом деле не понимая о чем идет речь. Мальцев ухмыляется и переводит взгляд на костер.

— Ты снился мне сегодня...

— Я знаю. Я не хотел пугать твою жену и пришел к тебе во сне. Мне нужно успеть сказать тебе многое.

— Ты умеешь приходить в сны?

— Ты видел меня. Я видел тебя. Мы общались.

— Да, я тебя видел. Но я не умею ходить по снам. Я их просто вижу. А ты, значит, умеешь?

Харон растягивает губы в мертвенной улыбке. Так могут улыбаться разве что механические куклы в фильмах ужасов.

— Ты умеешь. Все умеют. Ходят не все. Бояться.

— Кого бояться?

— Себя. Снов.

— А ты, значит, не боишься?

Резиновая улыбка исчезает с губ собеседника.

— Я не помню. Страх был давно. Теперь нет. Я просто делаю это и все. Ходить по снам просто.

— Кто же ты, все-таки? — повторяет свой вопрос Мальцев. — Человек или нет?

Харон, не мигая, смотрит на него.

— Станный вопрос, — он молчит какое-то время, — А ты — человек?

Мальцев не знает, как ответить. Он чувствует какой-то подвох.

— Пока еще да.

— А после того, как ты умрешь, ты перестанешь быть человеком?

Мальцев закрывает глаза. Дух-софист. Последний собеседник перед смертью. Призрак-философ, напоминающий больше мастера-дзэн со своими сводящими с ума вопросами, ответами и советами.

— Я не знаю. Я узнаю, когда умру.

Молчание. Мальцев открывает глаза. Харон любит костром, словно каждый раз видит его в первый и последний раз.

— Ты же все знаешь. Знаешь, когда я умру? — Мальцев не верит этому алтайскому дзэн-отшельнику озвучивающему его внутренние сомнения, но, задав этот вопрос, он ощутил, как внезапно замерло сердце в груди, притормаживая динамику потоков крови, циркулирующих по телу.

— Это важно для тебя?

— Важно.

— Почему?

— Хочу подготовиться.

Харон молчит, словно вспоминая что-то. Затем, его лишенный эмоций голос опять выдает загадочную фразу:

— К этому невозможно подготовиться.

Высоко в небе горит голубовато-оранжевым пламенем яркий шар, разрезая тьму. Он медленно прочерчивает дугу среди звезд и тает, исчезнув за ближайшей горой. Харон провожает его взглядом. Очевидно, это отработанная ступень ракетносителя или часть спутника. Бурман

рассказывал, что основная траектория падения продуктов космической индустрии проходит через Алтай. Харон опять читает его мысли.

— Алтай готовится. Все вокруг готовится.

— Готовится к чему?

Впервые за все время общения на лице Харона проступает что-то похожее на сожаление или боль.

— Скоро все будет по-другому. Люди запутались. Стали опасными. Все вокруг будет против них.

Застонала спящая на лежаке Ирина. Владислав нагнулся к ней и погладил по голове, отмечая у жены сильнейший жар.

— Харон, ты можешь помочь мне вылечить ее?

Ответ отрицательный.

— Ты можешь помочь нам выбраться отсюда?

Снова кивок лысой головы.

— Тогда зачем ты приперся к нам?

Харон равнодушно пожимает плечами.

— Это вы пришли ко мне.

— Ну, так отпусти нас.

— Я вас не держу.

— Выведи нас из этой гребаной дыры.

— Куда?

— Домой.

Харон смотрит сквозь него, как будто это Мальцев является бесплотным призраком.

— Ты что, не понял? У вас нет дома.

С этими словами он встал, и хотя до утра было еще далеко, медленно пошел в реке, словно не желая больше разговаривать с обреченным человеком. Мальцев отрешенно глядел на удаляющуюся спину призрака, затем перевел взгляд на постанывающую во сне жену, и тоже поднялся с места, доставая из чехла отобранный у Ирины нож.

Он догнал его уже почти у самой воды. Нож с отвратительным хрустом вошел в спину в районе сердца. Харон выгнулся и, вскрикнув, упал вперед, в воду, раскинув руки. Мальцев еще какое-то время наблюдал, как его безвольное тело безмятежно плавает в медленной заводи, постепенно увлекаемое течением в основной бурный поток реки. Когда мощная тяга сшибающихся волн захватила мертвого духа в свои объятия и понесла вдаль, играясь с ним как со сломанной игрушкой, Владислав вытер тыльной стороной руки лицо и, повернувшись, зашагал к костру. Раскаяния не было, лишь только тягучая пустота внутри. Пустота, обреченность и безнадежность. Нельзя было понять, был ли Харон человеком или все-таки это была галлюцинация. Поэтому и переживать на этот счет не имело смысла. Мальцев подумал, что возможно подобные мотивы и толкают некоторых умалишенных на убийства, превращая их в маньяков. Но ему не было сейчас до этого ровным счетом никакого дела. Он избавился от него. От собеседника, который целенаправленно сводил его с ума, копаясь у него в мыслях и проникая в его сны. Может быть, именно этот лысый советчик доводил таким же образом и Ирину. Но кто бы он ни был, в любом случае все было кончено. Владислав подошел к костру, и, подбросив туда последние тяжелые сучья, лег рядом с Ириной, поцеловав ее в лоб. Надоело все. Пусть все будет так, как будет...

Он лежал на спине и отрешенно смотрел в ночное небо, раскинувшееся над ними

безграничным звездным лугом. Созвездия завораживали, оживали, разговаривали с ним. Млечный Путь клубился и тек, словно река, приглашая человека отправиться в далекое путешествие к берегам неведомых миров. Вселенная смотрела на него миллиардами глаз, все понимая, сочувствуя, плача и смеясь одновременно. Все было не случайно. Владислав только сейчас начал осознавать это. И их поездка в эту тайгу, и все их злоключения, и появление Харона, и даже его смерть. Все складывалось в какой-то замысловатый узор, понять который можно было, только оттолкнувшись от земли и упав в этот завораживающий вечный океан космоса, сливаясь с ним и растворяясь в нем без остатка. Владислав обнял Ирину и широко раскрыв глаза приготовился к прыжку.

Влажное утор разбудило его своей всепроникающей прохладой. Он все-таки заснул, пренебрегая своими сторожевыми обязанностями. Проспал остаток ночи, оставив их лежбище без охраны. Но медведь к счастью не появился, а Харон больше не должен был беспокоить ни его самого, ни его жену своим сводящим с ума присутствием. Никого.

Какое-то саднящее чувство внутри. Предчувствие чего-то...

— Ириша, как ты?

Жена не ответила. Мальцев наклонился к ней и слегка потряс за плечо. Ирина не шевелилась. Безжизненное тело сжалось в комок, прижимаясь напоследок к самому дорогому существу в этом мире — к мужу, который проспал ее уход.

— Ира! — Мальцев еще раз потряс ее, понимая, что это бесполезно. И хотя они оба были уже готовы к этому, сознание никак не хотело сдаваться, признавая возможность собственной кончины и кончины любимого человека.

— Сейчас, Ирочка. Сейчас. Тебе просто надо согреться. Сейчас. Я тебя верну. Согрею...

Мальцев заметался у костра, бросая в потухший огонь тонкие прутья, оставшиеся от ночного запаса дров.

— Сейчас. Я его зажгу. Подожди. Не уходи. Любимая моя... Я сейчас...

Он сорвал с себя рубашку и накрыл ей неподвижно лежащую Ирину, словно это могло вернуть ее к жизни. Затем, слабо отдавая отчет в происходящем, он, как был, полуобнаженный, не замечая утреннего холода, побежал, шатаясь, в направлении самого низкого камня, отделявшего речную заводь от таежной чащи. Именно через него они с Ириной делали свои вылазки в тайгу за пищей и дровами. Дрова. Дрова. Дрова. Только лишь одно это спасительное слово билось в агонизирующем сознании. Огонь. Огонь. Жизнь... Он залез на камень и застыл от ужаса. Прямо перед ним, с другой стороны гряды показалась огромная морда бурого медведя.

Крик. Истошный крик, прорезавшийся из самых глубин тела, подобно последнему выдоху, вместившему в себя всю силу духа и силу тела. Время остановилось на мгновение. А затем все опять пришло в движение. Медведь как-то сипло выдохнул и мгновенно шарахнулся назад, исчезая за серой поверхностью валуна. Видимо он все-таки решил перелезть через каменные завалы, не ожидая встретить здесь свою потенциальную жертву. А Мальцев, словно крик прорвал в нем какие-то потаенные плотины энергии, прыгнул назад, на песок и пронзительно рыча, словно ослепленный яростью зверь, побежал к костровищу. Там Ира, там деревянное копьё. Он будет защищать ее.

Подбежав к потухшему костру, он схватил длинную пику, и сжал ее до боли в пальцах. Затем, хищно озираясь, крикнул, обращаясь к неподвижной Ирине:

— Я сейчас. Ничего не бойся. Я сейчас. Сейчас.

И побежал назад, не замечая усталости и испуга. Там, в тайге были дрова, которые могли спасти Ирину, и он не собирался останавливаться. Даже перед этим подлым зверем,

пользующимся своим физическим превосходством перед слабым человеком. Его душила жажда мести. Мести за всю боль, которую доставил им этот кровожадный хищник. Мести за своих друзей, за свою жену, за все! Он преодолел камень в один прыжок и с диким криком ринулся вниз, на ту сторону гряды. Во враждебную таежную среду, выносившую в своем чреве медведя-убийцу.

Приземлившись на землю, он завалился на траву, потому что падения не выдержали ослабевшие ноги, подломившиеся в коленях. Завалился и тут же вскочил, выставляя перед собой заготовленное специально для этого момента оружие. Убить. Уничтожить. Проткнуть. Нанизать. Ярость и сила, ненависть и боль. Мальцев, рыча, осмотрел поляну и замер, не опуская копья. Прямо перед ним, в лужах едкого помета лежала неподвижная туша медведя. Из оскаленной пасти вывалился окровавленный, прокушенный собственными смертоносными зубами, язык. Зверь был мертв. Но Мальцев, еще не осознавая этого, с размаху воткнул в него деревянный кол, словно изгоняя из этого мира кровожадного вампира. Острие соскользнуло по толстой шкуре, лишая своего хозяина равновесия. Вставать было тяжело, но Мальцев опять поднялся на ноги и, уставившись с ненавистью на мертвую тушу бывшего хозяина тайги, бросился на нее, нанося уже поверженному противнику удары ногами и руками. Когда через несколько минут приступ безумия прошел, Владислав встал и, отойдя от трупа в сторону, опустил на колени, чувствуя, как дрожит все тело. Вибрация мышц достигла такой частоты, что ноги вдруг просто отказали, и человек снова упал в траву, заходясь в рыданиях и столах.

Солнце было уже в самом зените, а паралич все не проходил. Мальцев лежал на расстоянии вытянутой руки от существа, которое еще несколько дней назад наводило на них с Ириной ужас. Именно вот эти лапы драли на кровавые куски тела их друзей, вот эти зубы крошили их кости. Теперь зверь был мертв. На косматую шкуру уже слетались мелкие насекомые, роящиеся то ли над трупом, то ли над оставленным им пометом. Мальцев лежал и смотрел на искривленную смертельной агонией морду зверя. Мысли приходили в голову сами собой, выстраивая смысловую цепочку объяснений, которые давали ответы на вопросы, мучавшие его в течение последних дней.

Медведь умер от неожиданности. Сердце не выдержало внезапного испуга, и животное погибло не от острого кола, а от банального разрыва сердечной мышцы. Оказывается, и столь могучие звери могут быть уязвимыми. Стечение обстоятельств. Фактор неожиданности. Роковое мгновение. Встретись они хотя бы на несколько секунд раньше или позже все было бы по-другому. А ведь медведь решился на атаку только этим утром. Ни раньше, ни позже. Для такой машины каменная гряда изначально была незначительным препятствием. Он мог без труда преодолеть ее еще тогда, когда первый раз пришел по их следу на этот злополучный берег. Однако он не нападал. Бродил, фыркал, готовился к чему-то. К чему? Ответ пришел моментально, будто пробудилась дремавшая на дне чувственной сферы интуиция.

Страх. Медведь боялся. Боялся кого? Их с Ириной? Смешно. Мальцев видел как этот монстр щупая расправился с его друзьями. Тогда кого? Ответ опять напрашивался сам собой. Харон. Загадочный лысый человек с песчаной заводи. Медведь не мог преодолеть гряду, потому что чувствовал за ней его присутствие. Харон и приходил, наверное, чтобы защитить их от этого зверя. Ведь появлялся он, словно предчувствуя появление мохнатого убийцы. А когда Мальцев убил Харона, медведь тут же примчался из тайги, почувствовав, что сдерживающих его факторов на этом песчаном пляже больше нет. И когда перед ним внезапно возник Мальцев, возможно, что мишка подумал что это Харон, и умер от ужаса. Кто же он, этот странный собеседник, которого бояться даже грозные повелители тайги? Мальцев ждал, что интуиция опять не

замедлит с ответом, но вместо него в сознании вспыхнул целый сноп искр, каждая из которых была воспоминанием этих безумных бесед. Харон охранял их с Ириной. Он был странным, непонятным, но он не сделал им ничего плохого. Его беседы сводили с ума, но в них все было правдой. Он словно хотел передать Мальцеву что-то. Что-то очень важное. Владислав глубоко втянул в себя утренний воздух. Он должен вспомнить. Но зачем? Все равно это финал. И не смотря на то, что медведь лежал перед ним безвредным куском мяса и костей, Мальцев понимал, что он переживет его всего на несколько часов. Ну и пусть. Теперь это уже не имело значения. Он сделал это. Отомстил. Он уходит из этого мира как воин, а не как изможденная и гонимая страхом, жертва. Мало кому из людей удавалось убить медведя. Особенно своим криком. Мальцев рассмеялся. Его боятся медведи. До помета, до разрыва сердца. Кто ничего не боится, тот и есть самый страшный! Пусть. Теперь можно. Он смеялся легко и беззаботно, как человек, которому больше нечего бояться в этом мире. Как человек, приготовившийся к последнему прыжку в Бесконечность.

— Ирочка, подожди, я иду за тобой. Скоро. Уже очень скоро...

Его тихий хриплый смех утонул в оглушительном стрекоте лесных сверчков.

Видения сменяли одно другое, словно черно-белые слайды, лишённые звукового сопровождения. Ему мерещилась жена, которая, улыбаясь, шла к нему через цветочный луг в окружении роя бабочек. Потом перед глазами замерцали какие-то полупрозрачные пятна. Какие-то мифические призрачные животные похожие на гибрид птиц и зверей парили в воздухе. Потом пришел Харон и долго сидел рядом, в нескольких метрах, подпирая лысую голову рукой, но на этот раз молча, не говоря ни слова, словно опасаясь получить в ответ на свои философствования удар ножом в спину. Мальцев смотрел на череду немых образов до тех пор, пока легкий свежий ветерок не вывел его из этого дремотного состояния. Все вокруг было без изменений: солнце, трава, кузнечики, шелест листвы, далекий шум реки, туша мертвого медведя...

Когда он услышал голоса, то первой мыслью было желание поскорее впасть в это состояние как можно глубже. Галлюцинации это хорошо. Это значит, сознание начинает мерцать, гаснуть, умирать. Мальцев чувствовал, что еще чуть-чуть, и он шагнет за какую-то фундаментальную черту, за которой его будет ждать Ирина. Строгановы. Бурман. Харон. Лица опять замелькали перед внутренним взором как кадры в старом фильмоскопе. Знакомые и незнакомые. Вот одно склоняется над ним совсем близко. Ты кто?

Слышится далекий изумленный голос. Он зовет кого-то. Теперь людей несколько. Лица незнакомые. Они удивляются, что он убил медведя. Да, он убил. Они удивляются, что он жив. Он жив? Жив!?

Жив!!!

Мальцев сидел закутанный в теплое шерстяное одеяло около вытащенного на песок рафта. Несколько глотков сильно разбавленной водки сделали свое дело, и он, вернувшись в сознание, опять стремительно впадал в неконтролируемое состояние спасительного опьянения. Рафтеры, четверо молодых ребят, замотали тело Ирины в огромный отрез полиэтилена, и теперь этот сверток лежал на том же месте, на котором раньше лежало ее тело. Они сказали, что заберут ее позже, что рафт перегружен, и они смогут взять с собой только Владислава. Он сначала сопротивлялся, но потом как-то сразу утих и успокоился, понимая, что Ирину уже не вернуть, а ее телу уже никто не угрожает. Труп медведя был подвергнут трофейному разделыванию: на руке у подошедшего к рафту парня лежали несколько огромных зубов и несколько черных

кривых когтей. Он протянул их Мальцеву.

— На, это тебе. Боевой трофей.

Мальцев машинально принял природные орудия убийства, не отводя взгляда от полиэтиленового свертка. Он думал только об одном. Ирина так долго ждала этого момента. Не дождалась. Теперь она остается. А он уезжает. Он выжил. Рука сжала изо всех сил острые зубы и когти. Сквозь пальцы просочились несколько капель крови. Боль вернула возможность соображать.

— Все. Поехали.

Парни засобирались, а он встал и остановил их рукой:

— Ребята постойте. Я сейчас. Секунду. Попрощаюсь.

Он подошел к завернутому трупу жены и опустился перед ним на колени.

— Прощай, Ирочка. Я никого не любил, так как тебя. Никого. Ты пока остаешься здесь. Не бойся. Тебя больше никто не пугает. Медведь мертв. Я его убил. Он больше не придет и не причинит никому вреда. А я приеду за тобой. Обязательно. Очень скоро. Увезу тебя домой. Прощай...

Он уткнулся в сверток головой и обнял его напоследок бережно и нежно.

Пустынный берег удалялся, и это обстоятельство заметно сказалось на членах сплавкоманды. Они расслабились, движения стали раскованней. Мальцев повернулся к самому старшему участнику группы, прохрипев сорванным и простуженным голосом:

— Как вы нас нашли?

Высокий крепкий парень лет тридцати ослепительно улыбнулся, кивая головой назад, в сторону удаляющегося залива.

— Да случайно нашли. Глебу, вон, сон странный приснился, про это место. Будто позвал кто. Вот и решили зайти. Мы по этому рукаву вообще стараемся не сплавляться.

— А что так?

Парень промолчал, и Мальцев понял почему — плохая примета. Упоминание о несчастных случаях на маршруте в момент другого маршрута чревато притягиванием аналогичных несчастий.

— Понятно.

В рафте возникло молчание, нарушаемое лишь шумом воды за бортами судна.

«Странный сон... Будто позвал кто...».

Мальцев усмехнулся. В памяти снова возникло невыразительное лицо ночного гостя.

«— Ты снился мне сегодня...»

«— Я знаю. Я не хотел пугать твою жену и пришел к тебе во сне».

Харон. Галлюцинация-телохранитель. Философ-призрак.

— Проклятое это место, — наконец пробормотал один из команды, — дурной славой пользуется. Здесь переход опасный — очень много рафтов переворачивается. А вода ледяная. Трупы в этот залив и выносит.

Мальцев почувствовал пустоту под ложечкой, ощущение мучительного падения в бездну, и осторожно спросил:

— А не слышали вы, в этом месте не погибал такой лысый сплавщик? Коричневый костюм, лицо такое невыразительное...

Ребята задумались. Один из них, отдуваясь после нескольких подгребаний веслом, прерывисто произнес.

— Да я вроде слышал что-то. В позапрошлом году, по-моему, где-то здесь новосибирский тренер известный утонул. Так вот он как раз лысый был. Дубинин у него фамилия была. А что,

знакомый ваш?

Мальцев не ответил. Его внимание было целиком приковано к почти уже скрывшемуся из вида заливу. Ему показалось... Нет, точно! Он отчетливо видел, как рядом с блестящим на солнце свертком из полиэтилена сидит какой-то человек. Картинка была такой отчетливой, что не было сомнений — это не иллюзия и не галлюцинация. Мальцев приставил к глазам ладонь, и прищурился, пытаясь разглядеть его. А человек, словно почувствовав этот взгляд, встал во весь рост и подошел к самой воде. Мальцев улыбнулся. Фигурка абсолютно лысого человека выглядела уже совсем крохотной, но Владислав успел увидеть, что перед тем как скрыться из вида, человек поднял вверх обе руки и помахал ими вслед уплывающему рафту. Словно желая всем находящимся в нем счастливого пути.

Часть 2. ВОИН (ЛЮДЬ)

Оккультные войны

Хроники невидимого противостояния

2005 г, июль, Москва

«В современном обществе пагубно поддаваться инстинктам, приобретенным в другие времена, да еще в очень непохожей культуре. Это как выставленные на погибшей планете гироскопы: лучше не думать, куда они показывают курс».

«Священная книга оборотня». Виктор Пелевин.

Глава 1. ЦУНАМИ

В преддверии Больших Волн

УФСБ, Комитет по контролю стратегических наукоемких производств (КПКСНП)

*«...Звук странный... чуть слышный, коснулся окошек,
потрогал решетки... растаял... исчез...
Был ветер ли это? А может, Царь Кошек,
Пожаловал в Замок, покинув свой лес...»*

«Зеленый Альбом» А. Коробейщиков.

Здание на улице Якушева не выделялось ни какими-либо специфическими внешними атрибутами, ни табличками или вывесками, указывающими на его принадлежность. Просто обычный пятиэтажный особняк, выкрашенный в нейтральный серо-зеленый цвет. Скромные металлические ворота со стандартным оформлением: запрещающим знаком и световой табличкой, призывающей опасаться возможного появления автомобиля. Мало кто знал, что в этом невыразительном здании размещался Комитет, основной задачей которого было непосредственное кураторство над всеми перспективными научными разработками и уже запущенными в производство проектами, представляющими ценность для «стратегических интересов государства». Именно в это здание поступала аналитическая информация из всех уголков страны. Именно здесь принимались решения по вопросам режима, финансирования, присвоению тому или иному предприятию-разработчику степени конфиденциальности и определения дальнейших уровней взаимодействия с данным предприятием. Именно в этом здании трудились самые профессиональные эксперты и аналитики, имеющие кроме нескольких высших образований еще и воинское звание, причем, не ниже офицерского.

Несмотря на поздний час, в одном из кабинетов, располагающемся на втором этаже здания, горел свет. Начальник Комитета полковник Скоков как всегда уходил с работы поздно, иногда вообще оставаясь ночевать в здании КПК. В кабинете полковника, в комнате отдыха, стоял удобный диван и был встроен в шкаф миниатюрный холодильник, что сглаживало дискомфорт подобных ночевков. Борис Леонидович Скоков вообще был непритязателен к антуражу рабочего офиса, чем очень удивлял своих коллег. Но если бы кто-нибудь из его сослуживцев побывали у него дома, их удивление бы значительно возросло. Квартира начальника Комитета была обставлена с учетом разумного минимализма, в классическом японском стиле, как будто ее владелец был не полковником ФСБ, а средневековым самураем, чудом оказавшимся в современной Москве: полупустые комнаты, выстланные прессованной рисовой соломкой, раздвижные «шудзи», низкие столики, два самурайских меча на подставке из японского кедра. Его внешность тоже соответствовала этому образу. Те, кто впервые видел Скокова, сразу обращали внимание на его гладко выбритую голову и невероятно пронзительный взгляд, обладающий поистине гипнотическим влиянием. Казалось, что полковник смотрит не на людей, а куда-то глубоко внутрь, в ту самую область, где зарождаются мысли и чувства. Фигура этого сорокапятилетнего мужчины в рабочей обстановке всегда была скрыта под дорогими костюмами. Но, опять же, если бы кто-нибудь мог видеть его без одежды, то контраст между социальным обликом Бориса Леонидовича Скокова и его потаенной жизнью был бы очевиден. Если в костюме он был сухопар, и даже худощав, то под одеждой он скрывал великолепно

развитую мускулатуру, возможность приобрести которую, достигается только многолетними занятиями боевыми искусствами. Словно дополняя образ самурая, сзади, между лопатками, была выполнена великолепная крохотная татуировка — два стилизованных иероглифа, означающие в переводе понятия «Защита-Сила» и «Движение-Поток». Специалист по тату сказал бы, что рисунок создавал большой мастер, и что стоимость подобной, несмотря на свою внешнюю простоту, работы, оценивается очень дорого. Где мог полковник Федеральной Службы Безопасности сделать подобную татуировку и привить себе любовь к японской культуре никто из его знакомых не знал. Никто вообще толком не был посвящен в обстоятельства назначения Скокова на должность начальника Комитета. Его прошлое было окутано туманом, а свое настоящее он скрывал под непроницаем покровом безупречной службы в стенах КПКСНП.

Вот и сейчас, когда его коллеги уже давно разъехались по своим квартирам и домам, полковник сидел перед экраном портативного ноутбука, лежащего перед ним на гладкой полированной поверхности итальянского стола. Проблема, над которой он работал, несколько выделялась из общего ряда проблем, с которыми блестяще справлялись его замы и начальники отделов. Поэтому Скокову приходилось самому изучать материалы дела, которое ему принесли всего лишь несколько часов назад. Делал он этого исключительно для того, чтобы сложить более детальное представление о той сфере деятельности, в которой работало проблемное предприятие, представители которого должны были встретиться с ним завтра, в девять часов утра.

На экране ноутбука высвечивалась вся информация по научно-производственной корпорации «НОРС»: структура, контакты, личные дела сотрудников, основные направления работы. Корпорация развивала крайне интересный, интеграционный метод научно-производственных исследований. Вся работа основывалась на комплексном подходе, подразумевавшем исследования на стыке разных наук: химии и электроники, волновой физики и биологии, математики и медицины. Компания успешно, хотя и не без помощи курирующих структур, зарекомендовала себя в качестве перспективного партнера на современном интеллектуальном рынке. Создание новых видов энергогенераторов, основанных на использовании тончайших биологических пленок, напыляемых на кварцевую основу. Создание технологических новинок в области импульсной механики, основанных на бионическом управлении, когда с помощью импульсов человеческого тела, можно управлять сложнейшими электромеханическими агрегатами. Нанотехнологии — прорыв в область технического микромира, когда одни микророботы начинают создавать других, еще более малых микророботов, и так до тех пор, пока механизм не станет размером с клетку, или даже еще меньше. Все это и многое другое, составляло засекреченные разработки «НОРСА». Разработки, которые очень интересовали Комитет, и за которые «НОРС» неформально именовали в КПК «Фабрикой Чудес». Наверное, в пику голливудской «Фабрике Грез», которая создавала кинематографическую иллюзию, а разработчики «НОРСА» создавали реальные чудеса, благодаря которым Россия могла по прежнему гордиться своим интеллектуальным потенциалом и уверенно чувствовать себя на международном технологическом рынке.

Проблемы в корпорации начались именно тогда, когда специалисты «НОРСА» подготовили отчетный пакет для демонстрации на международной технической выставке в Брюсселе. Речь шла об одном из самых мощных направлений корпорации — сфере нанотехнологий. Как только пакет презентационных документов и опытные образцы были собраны, на НПК словно обрушился тайфун проблем.

Во-первых, это гибель сразу трех ключевых руководящих персон, учредителей НПК «НОРС»: Суворова, Куцана, Венгерцева. Инсульт, суицид и автомобильная катастрофа. Если не ставить все эти происшествия в один ряд, то внешне все выглядело просто как череда

несчастных случаев, и никаких намеков на стороннее вмешательство. Но когда подобная динамика происходит в течение десяти дней, происходящее трудно принять за банальную «черную полосу» в жизни предприятия. В течение четырех дней в корпорации побывало три инспекции из различных силовых структур, желающих получить допуск ко многим стратегическим документам компании. Все три инстанции действовали по «наводке» добровольных неизвестных информаторов, предоставляющих весьма достоверные, на первый взгляд, факты нарушения НПК «НОРС» действующего законодательства РФ: экономические преступления, наличие незаконных программных продуктов и баз данных, фальсификация договорных документов и так далее. Все предлагаемые анонимами материалы после тщательного исследования оказались весьма искусно сфабрикованными фальшивками. Скоков открыл в параллельном окне компьютера программу с дополнительной информацией. Люди в камуфляжной форме и зловещих черных масках у входа в «НОРС» стали привычной картиной для сотрудников фирмы на этой неделе. Причем операции проводились столь картинно и зрелищно, что недвусмысленно указывало на желание создать определенный психологический эффект, оказанный в результате этих мероприятий на сотрудников организации. В двух отделах была сделана попытка опечатывания стационарных компьютеров и изъятия нескольких ноутбуков и двенадцати винчестеров — встроенных блоков-носителей информации. Правда, все попытки тут же пресекались вмешательством оперативных сотрудников курирующего «НОРС» Комитета, но, тем не менее, определенный деморализующий эффект этими «наездами» был достигнут. Одновременно с этим, происходит разрыв контрактов с пятью производственными объединениями, до этого безупречно выполняющих все договоренности с корпорацией. За неделю из фирмы увольняются восемь ведущих сотрудников. В сети фирмы появляется компьютерный вирус, который, несмотря на все старания программистов и самые последние программные защиты, парализует деятельность компании на два дня. В подвале здания происходит возгорание, и пожар уничтожает почти треть подземных коммуникаций «НОРСА». Два дня назад три этажа в здании оказались обесточены в результате короткого замыкания, произошедшего в одном из распределительных электрощитов. Но это было еще полбеды. Как выяснили специалисты Комитета, это было необычное замыкание. Простой сбой в электропитании корпорации приняли бы на себя и выровняли специальные генераторы бесперебойного питания, рассчитанные на час работы в аварийном режиме за счет накопительных емкостей электроэнергии. Но это замыкание, собственно, было даже не замыканием. Электропроводку, и целый сонм высокоточных дорогостоящих приборов просто выжгли направленным избыточным импульсом энергии. Электрики даже установили место подключения прибора, который мог бы спровоцировать подобный «взрыв» в энергосети. И на этом фоне отмечается невероятная активность промышленных шпионов, пытающихся всевозможными путями получить доступ к самым последним разработкам компании. Скоков открыл отдельный файл, содержащий в себе информацию по деятельности службы информационной безопасности корпорации.

Крупная компания, занимающаяся высокотехнологическими исследованиями, неизбежно становилась объектом самого пристального внимания со стороны многочисленных заинтересованных лиц. Различного рода нападки и попытки проникновения в секреты фирмы регистрировались службой безопасности «НОРСА» практически каждые десять минут. Здесь отмечались и хакеры-любители, и охотники-частники, и мощные конкурирующие организации, прибегающие к услугам профессиональных промышленных шпионов, и даже официальные силовые структуры, пытающиеся осуществить негласный контроль над передовым краем интеллектуального бизнеса. Поэтому, отследить тщательно спланированную крупномасштабную атаку со стороны профессиональных разведчиков не всегда представлялось возможным. Однако

когда в практически режимном учреждении объявляется чрезвычайная ситуация, к стандартному арсеналу службы безопасности предприятия добавляется весьма значительные возможности специального отдела технической службы ФСБ, в частности, спец-служба информационно-экономической безопасности КПКСНП. Вот и сейчас Скоков внимательно читал отчет оперативников, проводивших две весьма специфических разработки, со звучными названиями: «Капкан» и «Кольчуга». Целью первой было отслеживание подозрительных включений как с внешней стороны информационной сети «NORS-Net», так и во внутренней системе пользователей компании. Вторая подразумевала пресечение стороннего вмешательства путем создания дополнительных линий защиты с использованием специального программного обеспечения. В результате проведенных мероприятий было выявлено множественное использование идентификационных номеров доступа в сеть «НОРСА» сотрудников НПК, что могло указывать либо на массовый саботаж, либо на массовую кражу идентификаторов, что в свою очередь говорило о высокой технической подготовке злоумышленников. Полковник прочитал комментарии специалистов после длинного списка фамилий сотрудников, замеченных в несанкционированном доступе к секретной информации, хранимой в секретных файлах:

«Личности владельцев идентификационных номеров тщательно проверены. Установлено: никто из вышеперечисленных фигурантов к фактам нарушения режима политики безопасности отношения не имеет... Выводы...». Скоков пробежал взглядом несколько специфических формулировок, из которых было ясно, что злоумышленники присвоили себе чужие идентификаторы с помощью поисковой системы «Internet Scanner», которая проникает в уязвимые места виртуального пространства фирмы, обнаруженные сканером, а также программы подбора паролей «Crack».

Полковник откинулся назад в кресле и, закрыв глаза, помассировал виски кончиками пальцев. Все было как-то слишком сложно, очевидно и картинно. Ему, как специалисту в области информационных технологий было известно, что самыми эффективными методами сбора информации были либо поиск недовольных сотрудников фирмы, либо подкуп стратегических фигур, либо внедрение своих агентов. И в первом, и во втором, и в третьем случае, самая исчерпывающая и охраняемая информация утекала из фирмы быстро, тихо и незаметно. Если конечно кому-то не было нужно, чтобы факт шпионажа был обнаружен. Вот и сейчас, создавалось впечатление, что невидимый противник просто откровенно демонстрирует и руководству «НОРСА» и его кураторам свое техническое и профессиональное превосходство. Но самым интересным в сложившейся ситуации был тот факт, что на фоне явного технологического и психологического давления на научно-производственную корпорацию, неизвестный злоумышленник использовал и другие, мощные, но еще непонятные сотрудникам КПКСНП механизмы воздействия на «НОРС». Последний из оставшихся в живых руководителей корпорации — Торопов назвал это «чертовщиной». Погибший Венгерцев в своих письмах и дневниках оставил более интригующие названия: «инфернальные силы» и «окультурное влияние». Повесившийся в собственной ванной Куцан просто оставил на кафельной плитке рисунок фломастером — рожицу ухмыляющегося черта заглатывающего крохотный земной шар. А Суворов ничего подобного в качестве послания оставить просто не успел — insult сразил его наподобие удара шпагой — стремительно и неотвратно. Единственное, что наталкивало на размышления оперативников, внимательно изучающих обстоятельства смерти одного из учредителей НПК — это его странное поведение в последнее время. Убежденный атеист Суворов за несколько дней до кровоизлияния в мозг приобрел в специальном магазине амулет, защищающий от влияния злых духов, которым пользовались в своих ритуальных практиках шаманы северной Америки, а также «Dreamcatcher» — «Ловец Снов» и миниатюрный томик Библии.

Скоков открыл глаза и его взгляд упал на репродукцию картины висевшей на одной из стен его кабинета, с изображением цунами — устрашающие волны обрушивались на обреченный город. Полковник улыбнулся. Он почувствовал то, чего зачастую не доставало ему в урбанизированной атмосфере Москвы, но являлось неотъемлемым элементом, составляющим сложный узор его жизни, большая часть которой протекала за гранью официальной работы в стенах Комитета. Он почувствовал охотничий азарт. Предвкушение чего-то захватывающего и волнующего. Полковник встал и, подойдя к репродукции, пробормотал, зачарованно глядя на буйство стихии, бушующей на глянцевом ватмане.

— Цунами, накатив на берег первой волной, всегда отходит обратно. Уступая место второй волне. Более разрушительной.

Он протянул руку и коснулся гладкой поверхности изображения в том месте, где пенилась вода на гребне огромной волны, зависшей над городом карающей дланью грозного морского божества.

Встреча с представителями НПК «НОРС» состоялась не в одном из приемных кабинетов Комитета, а личном кабинете Скокова, что само по себе указывало на особое отношение начальника КПКСНП к проблемам, имевшим место в корпорации.

— Расскажите кратко о тех разработках, которые вы готовили в качестве выставочного материала для брюссельского салона, — полковник внимательно разглядывал собеседников, которые сидели напротив него. Седовласый джентльмен в дорогом костюме, директор НПК Торопов Валентин Михайлович заметно нервничал. Он всего второй раз встречался с начальником Комитета по Контролю, и, будучи человеком далеким от силовых структур, испытывал невольное волнение при одном упоминании грозной аббревиатуры присутствующей в длинном названии курирующей организации. Начальник службы безопасности «НОРСА» Жданов Марк Анатольевич, был более привычен в общении с представителями ФСБ, так как сам являлся ветераном данной службы, и, будучи уволен в запас в звании майора, был рекомендован на эту должность при непосредственном участии аппарата КПКСНП. Поэтому он спокойно наблюдал за нервной манерой изложения своего непосредственного начальника. Торопов перебирал в руках перьевую ручку, постукивая ей по полированной поверхности стола и периодически отводя взгляд от наблюдающего за ним Скокова.

— Молекулярные микророботы. Мы работали как раз над этим направлением.

Полковник на секунду задумался, словно перебирая в голове все необходимые файлы с нужной информацией.

— Если я не ошибаюсь, в свое время настоящий фурор произвела книга некоего Эрика Дрекслера, одного из отцов-основателей этой отрасли знаний?

Торопов уважительно посмотрел на полковника.

— Ну и хорошо, меньше вводной информации. Так вот, у нас разрабатывались два особо приоритетных направления нанотехники: медицина и, — он многозначительно улыбнулся, показывая кивком головы на стены кабинета. — Понятно, что на брюссельской выставке мы планировали выставлять именно медицинское оборудование. Речь шла о биотехнологических нанороботах. Мы создали уникальную модель, которая выступала в качестве аналога иммунных антител. То есть, наноробот вводится в организм, и распознает чужеродные гены и вирусы. С помощью специального бионического программного обеспечения робот видоизменяет ДНК «пришельцев», и они начинают воспроизводить уже позитивные микромеханизмы, что приводит к естественному выздоровлению организма. Уникальная особенность подобного наноробота заключается еще и в том, что в качестве источника энергии он использует не чужеродные для организма виды энергий, такие как батареи сторонней зарядки или аккумуляторы, а собственно,

глюкозу, которую сам организм выделяет в неограниченном количестве.

Скоков кивнул, показывая, что этой информацией он уже владеет, и теперь можно было переходить к непосредственной сути проблемы. Торопов задумался, размышляя с чего начать.

— После того, как мы подали регистрационную заявку на брюссельскую выставку, с фирмой начали происходить различного рода неприятности.

Он еще раз сжато пересказал ту информацию, которую полковник внимательно изучил накануне вечером.

— Кроме обозначенных в отчете мероприятий, какие действия были предприняты собственными силами службы безопасности? — этот вопрос Скокова был адресован уже Жданову, который невозмутимо принял на себя эстафету экспресс-опроса.

— Ну, во-первых, после стандартного оповещения сотрудника из оперативного центра «Куратора», была усилена личная охрана сопровождения директора НПК. Также усилены охранно-пропускные мероприятия. Лаборатории с повышенным уровнем секретности переведены на особый режим...

Скоков поморщился, что не ускользнуло от внимательного взгляда Жданова.

— Секунду, все это является стандартными процедурами. Меня интересуют нестандартные мероприятия, — полковник выразительно посмотрел на бывшего коллегу, словно подталкивая его к озвучиванию какой-то вполне конкретной и ожидаемой им информации, — Еще какие-нибудь непредусмотренные режимными правилами оперативные мероприятия были осуществлены? Какие-нибудь необычные контакты?

Жданов нахмурился, словно перебирая в памяти обстоятельства последних злополучных недель, а затем переглянулся с Тороповым, и неожиданно смутившись, замялся:

— Был еще непроверенный контакт со сторонней организацией.

Полковник еле заметно кивнул, ожидая продолжения.

— Контакт в частном порядке осуществил бывший директор НПК Венгерцев, погибший несколько дней назад.

— Что за контакт?

— Частная организация. Занимается психологической и информационной безопасностью. Но... — начальник СБ опять замялся, — Насколько я знаю, Венгерцев пригласил эту организацию для несколько иных целей.

В ответ на выжидательный взгляд полковника, он ровным голосом отчеканил:

— Оккультные войны.

— Что? — Скоков удивленно посмотрел на Жданова.

— Венгерцев считал, что «НОРС» подвергся оккультному влиянию. Говорят что сейчас это очень модная тема в Москве. Якобы многие экстрасенсы бывшего Союза и те, кто имеет связи с архаичными дедушками и бабушками в затерянных деревнях, сейчас активно внедряют методы дистанционного воздействия в сфере конкурентных войн. У нас ведь и на самом деле такая чертовщина твориться начала, что в пору и на колдовство подумать. Поэтому он пригласил фирму, которая как раз занимается подобными мероприятиями. Я об этом узнал несколько дней назад от его жены. С ее слов директор этой фирмы был хорошим знакомым Венгерцева. А, кроме того, никакой информации он от него не требовал, в корпорации ни разу не появлялся. О нем вообще ничего слышно не было. Поэтому я и не указал об этом контакте в официальном отчете.

— После гибели Венгерцева кто-нибудь из представителей этой фирмы пытался выйти с вами на контакт?

— Нет, — Жданов улыбнулся кончиками губ, — Я думаю, это был просто жест отчаяния со стороны Венгерцева. А фирмы эти... Профанаторы в большинстве своем, на мой взгляд.

Информационные войны это я могу понять: промышленный шпионаж, психологическое давление, «черный PR» и всевозможные грязные технологии. Но при чем здесь колдовство?

— А вы? — Скоков перевел свой пронизывающий взгляд на Торопова, — тоже так считаете?

Директор «НОРСА» пожал плечами.

— Я... уже не знаю что думать. Я сейчас очень хорошо Лешу Венгерцева понимаю. Когда за несколько дней, один за другим... Тут во что угодно поверишь — и в чертей, и в дедов-колдунов, и в бабок-ведуний.

— А что это за фирма? О ней есть хоть какая-нибудь установочная информация?

Жданов отрицательно помотал головой. Когда Венгерцев в частном порядке обратился за помощью к каким-то специалистам по «невидимым войнам», режим особого положения в НПК еще не был объявлен, а, следовательно, личная жизнь директора не являлась сферой его внимания. Тем более, если этот специалист был хорошим знакомым Венгерцева.

— Узнайте о ней как можно больше. Поезжайте к его жене. Деликатно выясните все обстоятельства. Меня интересует все, что связано с этим контактом, — Скоков встал из-за стола и прошел в комнату отдыха, приглашая собеседников за собой. Неслышно заработал электрический чайник. Все трое участников беседы расположились на мягком диване. Через несколько минут в комнате распространился ароматный запах дорого кофе.

— Ну а теперь поподробнее расскажите, что за чертовщина с вами происходит? — Скоков специально сменил тон беседы и обстановку, чтобы сгладить ту негативную динамику, которая довлела над рассудком не только единственно выжившего директора «НОРСА», но и даже бывшего сотрудника Управления, который тоже оказался втянут в то безумие, которое царило в «НОРСЕ» уже несколько недель.

Торопов растерянно переглянулся со Ждановым, и немного помолчав, не то, вспоминая хронологию происходящего, не то, просто набираясь сил, для того чтобы начать этот непростой, для некогда уверенного в себе человека, разговор.

Скоков проснулся не оттого что ему снился страшный сон. Он уже давно привык к снам, наполненным страхами. Пробуждение было вызвано необходимостью реализовать то, что было получено во сне. Новая информация. Новое видение. Он открыл глаза, и его взору предстала привычная картина изображенная на стене его спальни: огромные волны, расходящиеся в стороны и обнажающие дно моря, на котором покоился гигантский спрут, напоминающий больше не просто обитателя морских глубин, а грозного повелителя всех водных просторов на планете. Скоков улыбнулся. Ему нравилось море. Оно покорило его разум и поработило себе его душу, после того, что он узнал там, в загадочных землях далекой Японии, в благословенные восьмидесятые, во время его иностранной карьеры в качестве технического эксперта специальной миссии КГБ СССР. Он неторопливо откинул в сторону тонкое покрывало и встал. Тело еще испытывало на себе холод, который словно тянулся за проснувшимся человеком дымным шлейфом из мира снов. Необходимо было стряхнуть с себя остатки наваждения. Скоков направился в ванную, где планировал принять обжигающе ледяной душ — единственное средство, моментально восстанавливающее сознание после далеких ночных грез. Проходя мимо подставки с мечами, он остановился и бережно взял один из них в руки.

Вакидзаси. Малый меч традиционной самурайской пары. Рукоятки обоих мечей были сделаны из темной и белой кожи морского ската. Скоков трепетно провел рукой по оплетке из шелкового шнура, а затем достал встроенный в специальную нишу небольшой нож — кудзука — с бронзовой рукоятью, на которой была сделана искусная гравировка. Повертев нож в ладони, словно пробуя его на вес, полковник медленно вложил его обратно, в скрытую нишу. Он любил

это оружие. Ему каждый раз нравилось разглядывать ножны, покрытые черным лаком, детали оправы из позолоченной бронзы, стилизованные под волны, декоративные накладки на рукояти меча — мануки — из серебра с изображением кузнечиков и дельфинов. Даже здесь основным сюжетом оформления было бурное море. Скоков положил меч обратно на подставку. Если бы его сослуживцы узнали, сколько стоил хотя бы один меч, который полковник только что держал в руках, они бы удивились даже не столько его стоимости, а скорее тому, на что высокопоставленный офицер технической спецслужбы мог в принципе потратить эти деньги. Но именно поэтому никто и никогда не был в его квартире. Именно поэтому у него не было друзей. Именно поэтому начальник Комитета по Контролю получил среди своих подчиненных негласное прозвище Кощей, одновременно затрагивающее и его экстравагантную внешность, и его отрешенную недоступность. Но Скокова мало интересовало мнение его подчиненных. Ему было достаточно того, что в Комитете его не только побаивались, но и заслуженно уважали. Однако это не значило того, что в его окружении не было людей, которые знали об истинной сфере увлечений полковника. Такие люди были. Но работали они не в Комитете. И среди них он тоже получил прозвище, которое напрямую затрагивало аспекты его нерабочей, потаенной личной жизни, окутанной загадками.

РОНИН. Самурай, потерявший своего вышестоящего вассала и теперь не состоящий на императорской службе, а представлявший свои интересы и самостоятельно отстаивающий свои жизненные стимулы.

Легкий утренний ветерок впорхнул в приоткрытое окно, и невидимым призраком заскользил по комнате, овевая прохладой застывшего перед стойкой с мечами человека. Скоков задумчиво посмотрел на московский пейзаж, практически невидимый за дымчатой занавеской, прикрывающей окно, и медленно втянул в себя воздух, залетевший с улицы. На его лице отразилась неуловимая сложная гамма чувств, отражающая одновременно разочарование и тоску, азарт и решимость, страх и ликование. Наблюдая безмятежное июльское утро, заполняющее улицы столицы рассветными красками, он словно не видел всего этого. Его внутренний взор был прикован к потрясающему зрелищу, возникшему вдруг где-то в глубине воображения: стремительная темная волна-цунами, закрывающая собой горизонт, и низкий жуткий гул, сотрясающий небо и землю.

Жданов приехал в офис Комитета вечером следующего дня. На этот раз Скоков встретился с ним не в своем кабинете, а в одном из кабинетов, предназначенных для ведения конфиденциальных переговоров. Именно поэтому в помещении была предусмотрена минимальная мебельная обстановка: простой стол, три офисных кресла-стула, занавески на окне и телефонный аппарат, стоявший на специальной тумбочке. Зайдя в комнату, Жданов сразу оценил антураж и понял ее предназначение. Предстояла беседа между двумя профессионалами, и оба прекрасно понимали, что разговоры на общие темы это одно, а обсуждение установочных данных, которые вполне могли оказаться информацией стратегического значения, это совсем другой уровень взаимоотношений. Скоков улыбнулся и кивнул гостю на один из стульев.

— Прощу вас, Марк Анатольевич.

Присаживаясь, Жданов задержал свой взгляд на телефоне. Подобный минимализм в мебели был обусловлен, конечно же, не недостатком финансирования Комитета, а элементарным удобством в процессе регулярной проверки подобных кабинетов на наличие технических источников утечки информации. О том, что комната надежно защищена от прослушивания, он не сомневался, но телефон его насторожил. В последнее время в сфере промышленного шпионажа стала особенно популярна процедура подслушивания помещений через телефонную линию. Телефонный радиоретранслятор подключается к телефонной линии и питается

непосредственно от нее, что делает его особенно эффективным — время работы такого устройства не ограничено питанием. При положенной трубке прибор работает как радиомикрофон с высокой чувствительностью, позволяющей прослушивать помещение площадью до пятидесяти квадратных метров. То есть хозяин помещения даже и предположить не может что его телефон, не смотря на то, что трубка лежит на рычагах, активно передает вовне все, что происходит в офисе или квартире. При поднятии трубки устройство переходит в режим телефонного ретранслятора, прослушивая телефонный разговор. Жданов сам недавно устанавливал подобные устройства в офисной части «НОРСА», поэтому один вид телефонного аппарата в полупустой комнате его подсознательно насторожил. Хотя, было понятно, что в Комитете ФСБ по техническому надзору, подобные моменты были предусмотрены и совершенно исключены. Скоков, чей везде проникающий взгляд, сразу заметил секундную задержку внимания собеседника на телефонном аппарате, не замедлил это прокомментировать:

— Телефон подключен к единой офисной станции, к которой присоединен специальный электронный фильтр, делающий невозможным прослушивание помещения через телефонную линию.

Представитель службы безопасности НПК смутился. Скоков опять улыбнулся:

— Итак...

Жданов протянул полковнику небольшой лазерный диск, содержащий необходимую информацию.

— В процессе разговора с супругой Венгерцева удалось установить что фирма, в которую обращался Алексей Иванович, называется «АКБ». Мы навели справки. «АКБ» официально зарегистрирована год назад в Москве под названием «Агентство Корпоративной Безопасности». Занимается фирма в основном психологической безопасностью: обучение бизнесменов приемам и способам профилактики и коррекции негативных состояний, создание эффективной стратегии переговоров, противостояние манипуляциям, психологическим атакам и эмоциональной агрессии. Также, Агентство занимается так называемыми «информационными войнами». Здесь и деловая разведка, и информационная безопасность. Все лицензии есть: ФСБ, Гостехкомиссия и так далее. Но в рамках психологической и информационной безопасности, фирма развивает еще одно направление, несколько экзотическое для современного бизнеса, но, как показала практика, очень востребованное. Речь идет об оккультной или психофизической безопасности. Как раз по этому направлению Агентство и работало с Венгерцевым. Директор Агентства — некто Мальцев Владислав Сергеевич.

Скоков слушал собеседника с непроницаемым лицом, но было видно, что он ловит каждое слово, поглощая всю услышанную информацию, тут же сортируя ее в своем уме. Жданов продолжал:

— Насколько нам удалось узнать, он приехал в Москву год назад из Барнаула, Алтайский край. Скорее всего, именно там он изучал какую-то культуру, связанную с шаманизмом. Отсюда и подобные специфические знания. Самое интересное в его биографии, это обстоятельства при которых он начал заниматься этими экзотическими практиками. Три года назад он, вместе с женой и друзьями подвергся нападению медведя в тайге, во время охоты. Все участники этого похода погибли. В живых остался только один Мальцев. Причем, ему каким-то образом удалось убить атаковавшего их медведя. И вот после этого он бросает свою работу, и в течение полугода проходит реабилитацию в психоневрологическом центре. Затем он внезапно исчезает из города. Никто из его друзей и бывших коллег по работе не знают о его местонахождении. Были лишь слухи, что он опять уехал на Алтай. И после этого, через год с небольшим, он объявляется в Москве и через три недели регистрирует АКБ. Самое забавное, что Агентство сразу обрастает заказчиками. Причем, весьма платежеспособными заказчиками. Мы подняли несколько

контактов. Бизнесмены, которые работали с Мальцевым остались довольны уровнем услуг оказанных Агентством. Рассказывают об этом Мальцеве удивительные вещи. У него даже прозвище есть в деловых кругах — Аргус. Насколько я помню, что-то из греческой мифологии. По-моему, так звали стража с тысячью глазами, который охранял кого-то по приказу Зевса.

Скоков улыбнулся, но комментировать слова собеседника не стал, показывая кивком головы, что что-то подобное он тоже слышал. Жданов показал рукой на дискету, лежащую перед полковником на столе.

— Кроме данных по Агентству, там указаны все адреса и телефоны их клиентов, которых нам удалось установить.

Он замолчал и выжидательно посмотрел на куратора. Если Скоков и был доволен оперативным исполнением и весьма солидным информационным досье о фирме, о которой еще вчера вообще ничего не было известно, то это было скрыто под спокойным, совершенно лишенным мимических реакций, лицом.

— Это все?

Жданов кивнул.

— Отлично. Мы изучим предоставленную вами информацию. Если возникнут вопросы, с вами свяжутся. А пока, у нас остается в силе запланированная на послезавтра планерка.

Оба собеседника встали. Встреча была закончена.

Глава 2. ТЫСЯЧЕГЛАЗЫЙ АРГУС

Лица и маски

«В мифологии супергероев есть всегда сам супергерой и его Альтер-эго, его второе Я. У Бэтмена это Брюс Уэйн, у Человека Паука — Питер Паркер. Когда этот герой просыпается утром — он Питер Паркер. Он должен надеть костюм, чтобы стать Пауком...»

Билл. К/ф «Убить Билла — 2»

Голубоватый свет фар выхватил из темноты ажурный прямоугольник ворот. Через мгновение автономная станция, датчики которой были скрыты в кирпичном заборе, идентифицировала радиосигнал идущий от миниатюрного передатчика в салоне автомобиля. Еще через мгновение электрозамок ворот щелкнул, и створки медленно разъехались в разные стороны. Темно-серый «Опель» с легко тонированными стеклами неторопливо въехал на территорию дома, чуть слышно шелестя шинами по идеально ровному асфальту дорожки. Ворота за ним также неторопливо закрылись.

Мальцев любил автоматику. Технологические новшества не только значительно экономили время, но и создавали ощущение комфорта и уюта. Вспыхнули фонари на стоянке перед домом, освещая место для парковки и часть клумбы с лилиями. Еще заезжая во двор коттеджа, Мальцев увидел, что в доме никого нет. Окна дома были темны, а на открытой стоянке отсутствовал автомобиль Валерии.

Значит, опять... Владислав непроизвольно выругался. Это случалось все чаще и чаще. Они ссорились, потом мирились, потом опять ссорились, и снова мирились, заверяя друг друга в безумной любви и взаимном уважении. А потом Лера просто уезжала в очередной ночной клуб или притон со своим «другом юности», сыном одного из друзей ее отца, Анжеем и обкуривалась там до чертей, до галлюцинаций, до реанимации. А потом курс детоксикации и снова мольбы и угрозы, увещевания и обвинения.

Мальцев вышел из автомобиля, и, словно тот был виноват в сложившейся ситуации, с силой хлопнул дверцей. Это было как проклятие, тяготевшее над ним. Как порча, отравляющая всю его жизнь. Стоило ему сблизиться с какой-нибудь женщиной, и надежда на новую счастливую жизнь рушилась как по мановению волшебной палочки. Невозможно было только понять, что за злой волшебник упражнялся в своем черном искусстве, и кому это вообще было нужно. И ведь ясно было, что причина кроется в нем самом, а не в женщинах, которые словно сходили с ума, после непродолжительного совместного проживания. Но ситуация все равно слишком напоминала постороннее вмешательство, настолько нелепо и стремительно начинали развиваться события каждый раз.

Дверь в коттедж тоже открывалась автоматически. Электромагнитные идентификаторы были встроены в наручные браслеты, которые были только у хозяев дома, и как только кто-нибудь из них приближался на расстояние нескольких метров, электронная система «свой-чужой» принимала соответствующий закодированный сигнал, и блокировала сигнализацию, отмыкая входной замок. В доме было тихо. Мальцев поднялся на второй этаж и прошел в спальню. В комнате как всегда, в предшествии нарко-алкоголических загулов жены, царил беспорядок. Прямо на не заправленной кровати валялись вещи, выброшенные второпях из шкафа: трусики, бюстгалтеры, рубашки и скомканные легкие брюки. На спальном тумбочке лежала наспех написанная записка:

«Приеду поздно. Поехали с подругами отмечать день рождения Ленки. Лера».

Мальцев разжал пальцы и листок бумаги, словно опавший лист, спланировавший с дерева, упал к его ногам.

Вот так вот просто и лаконично. Не «сегодня приеду поздно», а «приеду поздно». Очень расплывчато и туманно, но зато правдиво. Ведь поздно может означать и ночь, и утро, и даже завтра, а может быть даже послезавтра или через неделю. Ведь «день рождения Ленки» тоже очень условное мероприятие, и соответственно, имеющее грандиозное пространство для маневра. Оно может проистекать в ночном клубе, на какой-нибудь квартире, на загородном коттедже, в конце концов. И гостями на этом дне рождения могут оказаться кто угодно. Мальцев опять раздраженно выругался. Знать бы еще кто такая эта Ленка, и существует ли она на самом деле.

Он неторопливо разделся, нарочито аккуратно разместив одежду на плечиках, и как был, обнаженный, прошел в ванную комнату.

Горячая вода и ароматическая соль лишь частично сняли напряжение после рабочего дня. Внутри упругой пружиной давило чувство обиды и раздражения.

«Все, хватит! Сегодня нужно кончать со всем этим цирком. Сколько можно терпеть этот тягучий кошмар?».

Мальцев откинулся головой на край джакузи и закрыл глаза. Медитативная музыка, раздающаяся в скрытых стеновых колонках, вопреки обычному эффекту, сегодня лишь добавляла раздражения. Оставалось чувство нерешенной проблемы, которое, подобно капле дегтя, отравляющей огромную бочку меда, мешало расслабиться и настроиться на позитивную волну.

«Сколько можно? За что мне все это? За что...».

По щеке вдруг покатила слеза, а рука машинально коснулась странного талисмана, висевшего на груди: медвежьих клык и коготь, нанизанные на серебряное кольцо. Еще три года назад эти экзотические причиндалы росли из мощного тела принадлежащего могучему повелителю тайги. Существо, не ведающему поражений и погибшему от страха. Мальцев почувствовал, как воспоминания всколыхнули потаенный ужас, поднявшийся из глубин сознания и выступивший холодным потом на горячей коже. Этот ужас принес душевную боль и мелкую дрожь, охватившую все тело. Это он убил его. Не убил бы страхом, прикончил бы древесным колом. Не колом, разорвал бы руками, загрыз зубами. Он помнил те нечеловеческие силу и ярость, которые вышли на свободу в то драматическое мгновение. Словно прорвало плотину, скрывающую их в непроглядном мраке подсознания. Согласно поверьям охотников, теперь эти трофеи по праву принадлежали ему. Они не только напоминали об удачной охоте и воинском подвиге, одном из тех, которые становятся легендами или иногда просто вырождаются в охотничьи байки. Этот талисман был Посланием, Подарком Духа, передавшему человеку огромную Силу через грозного обитателя таежной чащи. Благодаря этой Силе обреченный на смерть человек смог выжить, смог увидеть запредельное, смог, по сути, стать шаманом. Так, во всяком случае, говорил об этом Ковров, человек, приоткрывший ему двери в тайный мир алтайской магии. И вот теперь этой Силы не хватало на решение банальной проблемы, связанной с извечным конфликтом мужского и женского. Мальцев до боли сжал ладонь. Физическая боль на некоторое мгновение просветлила разум, позволив душевной боли отойти на второй план.

Он не думал, что сможет снова быть близок с женщиной, сможет опять жениться. Не думал он также, что когда-нибудь снова вернется в тайгу. Настолько сильным было потрясение, связанное с гибелью Ирины и его друзей. Словно в резонанс с его внутренним диалогом, медленная музыка в ванной комнате перешла на более динамичные ритмы. Тревожно зазвучали далекие барабаны и пронзительно запел варган. Мальцев почувствовал, как тело задрожало еще

сильнее. Воспоминания о тех жутких событиях пробудили не только ужас. Они воззвали к жизни память, в которой скрывался и он — загадочный некто. Не то человек, не то призрак, по прозвищу Харон.

Мальцев тогда перерыл весь Интернет. Ездил в Новосибирск. Поднял всю информацию по тренеру рафтинг-команды по фамилии Дубинин. И когда ему, наконец, удалось разыскать его фотографию, он долго всматривался в черты лица погибшего спортсмена. Сначала ему казалось, что это именно он являлся ему в том проклятом заливе. Но коварный скептик в голове тихо шептал: «Ты выдаешь желаемое за действительное. Ты что, это не он. Он только похож. Тоже лысый. Тоже в сплав-комбине зоне. Но это не он. Это просто не может быть он. Ведь этот человек погиб. Погиб. Да и внешне есть значительные отличия. Смотри, какой динамичный и подвижный человек, это видно даже по фотографии. А Харон был как робот, заторможенный и малоподвижный». Мальцев соглашался сам с собой, переживая эти внутренние сомнения, но потом принимался спорить сам с собой: «Да он, это. Он! Похож. Просто у Харона черты лица менее эмоциональные, не такие волевые. Но ведь этому может быть объяснение. И место совпадает. А то, что мертвые иногда возвращаются... И вообще, кто сказал что он погиб? Ведь их рафт перевернулся, и в воде оказались четверо. Трех нашли, а его нет. Может, он выплыл. От шока немного психика нарушилась, и он стал жить на берегу реки, философствовать...» Но скептик не унимался: «Но ведь ты убил его. Ударил ножом. А после этого видел опять. Живого».

«А кто сказал, что я его убил? Может, я его только ранил...».

Уже в городе, Мальцев ждал, что загадочный собеседник с лысой головой как-то напомнит о себе. Появится ночью в комнате, присев на край кровати. Или опять возникнет в сновидении. Ведь в сновидениях нет расстояний и времени. Но ничего подобного не было, словно город обладал каким то экраном, препятствующим проникновению в его владения необъяснимых субъектов из горной тайги. И спустя год Мальцев сам отправился на его поиски. Но той заводи найти так и не смог. Словно ее стерли с лица земли те самые неведомые силы, опять переставив части ландшафта, будто это были кубики гигантского конструктора. Он не нашел Харона, но зато нашел нечто иное. В горном лесу он встретил человека, который, во время их первой встречи, напоминал скорее лесного духа, и который выслушал его с пониманием, ничего не объясняя, но приглашая за собой в загадочный мир таежных тайн. В мир Силы.

Мальцев улыбнулся. Адучи. Кочойда. Максим Ковров. На этот раз память подкинула ему приятные воспоминания. Пугающие его ранее таежные ливни и стены непроглядного тумана стали мистическим пологом, скрывающим чудеса. Грозная и ужасная тайга превратилась в охотничьи угодья, исполненные, захватывающими дух, приключениями. Горы, из безмолвных символов смерти, превратились в священных Существ, скрывающих тайные тропы, ведущие к Могуществу и Свободе.

Непроглядные ночи сменяют пронзительные дни, и люди в зеленых куртках с капюшонами, лица которых разрисованы ритуальными знаками, крадутся сквозь буйную растительность леса. Из личного имущества — только ножи. Это обязательное условие подобных походов. Это наследие древней традиции, насчитывающей многие сотни лет.

Мальцев открыл глаза. Вода в джакузи уже давно остыла — он сам ограничил поточную подачу, и теперь сидел и дрожал, непонятно от чего — то ли от холода, то ли от неожиданного путешествия в прошлое. Прошлое, наполненное переживаниями и потрясениями. Он встал и, дотянувшись до полотенца, растер им кожу, закутавшись затем в теплый махровый халат. Решение принято. Это произойдет сегодня. Он нашел себе суррогат, заменивший, как ему показалось, Ирину. Но теперь наваждение окончательно развеялось, и он понял, что Лера только показалась ему понимающей и нежной. Он сам хотел, чтобы она была такой. Ему так

необходимы были тогда нежность и понимание... И когда он встретил Валерию, он тут же превратил ее в ожидаемый идеал и наделил всеми необходимыми качествами. Иначе она просто не смогла бы подойти к нему — внутри прочно сидело табу на любые общения с женщинами, настолько сильным был эмоциональный шок от потери Ирины. Но Лера смогла обойти все защитные кордоны, будто чувствуя в нем покалеченную родственную душу. Ей тоже пришлось пережить многое: и родительское самодурство, доходившее до абсурда, и наркологическую лечебницу, и две попытки суицида, одна из которых закончилась клинической смертью. Их близость напоминала безумие — они оба словно пытались утопить в страсти и нежности друг к другу ту боль, которая тянулась за ними обоими из прошлого дымными шлейфами душевных пожаров. А потом наступил перелом. И инерция пережитого, подобно мазохистскому кайфу, вновь потянула их в разные стороны. Владислав все чаще стал уезжать на Алтай. Лера все чаще стала встречаться с бывшими друзьями. И если поначалу, после поздних визитов домой, от нее неумовимо пахло дорогим шампанским, то позже, Мальцеву привозили ее совсем в невменяемом состоянии, вызванном передозировкой наркотиков. Они беседовали. Искали причины. Анализировали. Принимали решения. И снова все начиналось как в кошмарном сне, будто все сказанное в одно мгновение переставало иметь значение. После тщетных попыток убеждений, Мальцев стал лечить ее другими методами, часть из которых не вязалась с современными представлениями медицины, и относилась к давно забытому в цивилизованном мире искусству языческой магии. Но неведомая сила, словно управляемая злой волей, вновь выдергивала Леру из-под его влияния. Жена стала исчезать на сутки, иногда на недели. Тогда он отвез ее к родителям. Последовал неприятный разговор с «крутым» папой, который обвинил его в растлении дочери и пообещал оторвать ему голову. Но Мальцев сумел доходчиво объяснить упертому родителю, что специфика его работы в настоящее время наделяет его определенными возможностями, позволяющими эффективно решать подобные проблемы. Инцидент был исчерпан. Валерия приехала к нему через два дня и стояла в коридоре на коленях, причитая, что никто кроме него не сможет ей помочь, умоляла о помощи. Он ей верил, потому что хотел верить. И все начиналось с начала. Две-три недели спокойной жизни, и очередной срыв...

Сегодня в череде кошмаров должна была быть поставлена точка. Мальцев поднялся по витой лестнице в свой кабинет. Закрыв за собой дверь, он достал из сейфа массивную папку из дорогой кожи. В ней были собраны материалы обо всем, что касалось его жены: адреса ее подруг и друзей, фотографии, CD-диски с видеоматериалами и прочая информация, которую он был вынужден собирать, пытаясь удерживать ее от губительного падения в бездну самоуничтожения. Она знала об этом, потому что представляла, какими возможностями он обладает. Но это останавливало ее лишь поначалу. Скрытые программы саморазрушения увлекали ее все дальше и дальше, в область лжи и измены, наркотиков и алкоголя. У нее просто не было сил, чтобы противостоять этой смертельной инерции. А у него не было сил, а возможно, и желания, чтобы эту инерцию как-то остановить. И поэтому, он просто наблюдал. Разбивая себе сердце и оплакивая свою слабость, а также их скорый, но неизбежный разрыв.

Аргус, всевидящий тысячеглазый Страж из древнего мифа. От него действительно ничего невозможно было утаить. Мальцев обладал удивительной способностью доставать информацию практически любого уровня доступа, словно невидимые духи, для которых не существовало ни стен, ни расстояний, приняли на себя обет служить ему.

Эти возможности Аргус планировал использовать и сейчас. Он сел на мягкое ковровое покрытие в северной части кабинета, свободной от мебели и достав из папки картографический альбом Москвы и одну из фотографий Валерии, положил их перед собой. С глянцевого листа беззаботно улыбалась молодая красивая женщина, лет двадцати шести. Мальцев задумчиво, почти нежно, коснулся кончиками пальцев ее изображения. Обман. Иллюзия. За этой улыбкой

тщательно прячется безумие и страх, обреченность и отчаяние.

«Не поддаваться. Хватит. Это нужно закончить сегодня. Она уже давно иная...».

Он достал из кармана халата замшевый мешочек и вытряхнул на ладонь тонкую серебряную цепочку, на конце которой крепился небольшой конус, вылепленный из прополиса. Маятник. Древнее приспособление, используемое в ритуальной практике шаманов. Этому его научили тайшины, люди, открывшие для него новые грани восприятия мира. Этому и многому другому... Он достал из кармана небольшую табакерку со съёмной крышкой, в которой оказался зеленоватый, крупно перетертый порошок — можжевельник с добавлением специфических трав. Эту смесь на Алтае традиционно использовали как элемент «Алас» — обряда очищения огнем. Аргус захватил щепотку порошка и высыпал его в перевернутую крышку. Щелкнула зажигалка, и пламя жадно перекинулось на ритуальное подношение. Через мгновение огонь погас, оставив за собой тягучий след из ароматного дыма, заструившегося вверх, заполняя все пространство комнаты.

«Любой объект в этом мире оставляет СЛЕД. А значит, его можно ВЫСЛЕДИТЬ...».

Маятник в чутких пальцах шамана качнулся и принялся вращаться по часовой стрелке. Мальцев задавал вопросы и внимательно и терпеливо наблюдал за движениями прополисного комочка, заостренного к низу. Так прошло несколько часов. Но для Аргуса времени не существовало. Его движения были настолько неторопливы, что казалось, он впал в какой-то гипнотический транс, вызванный качанием маятника. Вопрос — ответ. Движения маятника и движения глаз, сопровождающих его. Вопрос — ответ. Тонкая грань соединения сознания, подсознания и надсознания, содержащего ответы на все вопросы, доступные человеку. Маятник, казалось, танцевал какой-то мистический танец над фотографией улыбающейся девушки, а городской шаман, наблюдающий за этим танцем, прозревал один за другим слои невидимых информационных полей, пронизывающих пространство. Вопрос — ответ. Разговор с самим собой, вернее, с какой-то потаенной частью самого себя, для которой маятник был лишь ключом к необходимой информации. Вопрос — ответ. Аргус закрывает глаза, и кладет маятник перед собой, прямо на глянцевый танцпол разговарившейся фотографии. От тысячеглазого Аргуса невозможно спрятаться. Все. Все вопросы заданы, все ответы получены. Он знал, где в данный момент была Валерия. И он планировал нанести в это место незамедлительный визит. Пока информация еще была актуальна.

Одевшись в свободную одежду полуспортивного покроя, он погасил везде свет и вышел из дома. Горечь предстоящей разлуки перемешивалась внутри со странным возбуждением, связанным с этой необычной охотой, создавая странное ощущение, напоминающее терпкий коктейль из двух взаимоисключающих, и в то же время, каким-то загадочным образом, взаимодополняющих друг друга эмоций. Вспыхнули огни, освещая стоянку. Мальцев стремительно шел к автомобилю, вдыхая полной грудью дурманящий аромат цветов с ближайшей клумбы. Его обоняние обострилось до предела. Ночная охота начиналась.

Перед тем как сесть в «Опель», Мальцев, нахмурившись, бросил взгляд на темный дом. Он ассоциировался у него с Лерой. Он и купил его вдали от центра города специально для нее.

— Харон, ты можешь помочь мне вылечить ее?

— Ты можешь помочь нам выбраться отсюда?

— Выведи нас из этой гребаной дыры.

И мертвенный голос Харона в тишине ночи, как напоминание о прошлом:

— Куда?

— Домой.

Харон смотрит сквозь него, как будто это Мальцев является бесплотным призраком.

— Ты что, не понял? У вас нет дома.

Ровно и неслышно заработал мотор, зажглись фары, и автомобиль вырулил на асфальтовую дорожку. Через несколько минут ворота за ним закрылись, будто невидимые духи продолжали прислуживать своему повелителю, и «Опель» исчез во мраке ночи.

«Беги».

«Или убей ее первым».

Спортивный автомобиль Анжея он увидел еще издалека. Вызывающе «Порше» красного цвета сразу выделялся на фоне остальных машин припаркованных около ночного клуба «Q-ROCK». Мальцев еще несколько минут посидел молча в прохладном темном салоне своего «Опеля», а затем, словно понимая, что решение уже принято и оттягивать время не имеет смысла, решительно открыл дверцу и вышел в душные объятия городской улицы.

В клубе царило стандартное свето-звуковое безумие. На первом этаже господствовала тьма и стробоскопы. На втором — бар, сделанный «под дерево» и пропитанный мягкой атмосферой рок-тусовки. Мальцев осмотрелся. Насколько он знал Валерию, обычные посиделки в баре ее не устраивали. Ей нужен был адреналин. Ослепительный свет, выжигающий на сетчатке глаз причудливые узоры. Звук, проникающий в самые потаенные места человеческого тела. Поэтому искать ее нужно было именно на первом этаже. Мальцев прошелся вдоль стены, подойдя к стойке, возле которой несколько молодых людей экспериментировали с «Xenta absent». В мелькании синих вспышек, их лица, освещаемые факелами, горящими над бокалами с коктейлями зеленого цвета, напоминали лица потусторонних монстров со стеклянными глазами. Мальцев закрыл глаза. Так ему было даже проще ориентироваться в этой вакханалии человеческих пороков. Он всем телом ощущал атмосферу клуба, пропитанную похотливыми мыслями, алкогольными фантазиями и еще множеством эмоций, которые витали в воздухе, заражая своим настроением всех пленников этого темного помещения огромных размеров. Тонкое ощущение, возникшее на фоне всех этих наслоений, подсказало направление. Мальцев открыл глаза и пройдя несколько десятков шагов вглубь зала сразу увидел супругу.

Валерия была уже изрядно пьяна. Она натянута смеялась, но в ее глазах даже издалека была видна тщательно скрываемая тоска. Справа от нее сидел мускулистый молодой человек, затянутый в нарочито облегающий тело комбинезон с неоновыми надписями на груди и спине. Анжей. Лера буквально лежала в его объятиях, уже ничего не замечая вокруг. За столиком сидели еще два незнакомых парня и девушка по имени Таня, сестра Анжея. Никакой Ленки, как и следовало ожидать, поблизости не было. Мальцев еще какое-то время наблюдал за ними издалека, скрываясь в толпе, а потом подошел к столику, не говоря ни слова. Увидев его, Лера сначала ничего не поняла, а затем, осознав, кто перед ней стоит, побледнела и выпрямилась. Глупая пьяная улыбка тут же сползла с ее лица. Зато нагло улыбнулся Анжей и еще крепче демонстративно прижал к себе Леру, небрежно бросив:

— О-о, привет! Тоже отдыхаем?

Мальцев игнорировал его вопрос, продолжая молча смотреть жене в глаза. Она сначала дернулась, пытаясь отстраниться от навязчивого сопровождающего, но потом поняла, что ее сил не хватит, чтобы преодолеть его стальную хватку, и замерла, растерянно разглядывая мужа.

— Как... ты меня нашел?

Мальцев не произнес ни слова. За него все сказал его взгляд, пронзительный и острый, словно острая рапира, угрожающая вонзиться в тело, в мозг, в душу, разрушая все на своем пути.

— Присаживайся, как там тебя, Влад? — Анжей продолжал нахально скалиться, кивнув на место рядом со своими друзьями, которые тоже хищно заулыбались, предвкушая дальнейшее развитие событий. Мальцев знал, что Анжей был партнером по бизнесу брата Валерии — Игоря. И именно Игорь познакомил их, всячески поощряя эту связь. Этим объяснялось и это хамство и эта самоуверенность. Мальцев кивнул жене, демонстративно игнорируя всех присутствующих.

— Пойдем, выйдем на улицу. Мне нужно что-то сказать тебе.

Супруга сделала попытку встать, но рука ее друга удержала ее на месте. Нагло улыбаясь, Анжей даже не смотрел на Владислава, нарочито выразительно глядя на танцпол. Парни за столиком фыркнули, одобряя его действия. Мальцев не пошевелился, выжидательно глядя на жену. В ее глазах отразилась целая гамма чувств: ужас, отчаяние, обреченность...

— Эй ты, не хочешь присоединиться к хорошим людям, вали отсюда, — Анжей перевел на Мальцева мутные от наркотиков глаза. — Че вылупился? Не мешай отдыхать. А жену твою я привезу. Позже...

Парни за столиком уже просто давились от смеха. Мальцев сжал зубы, медленно осматриваясь по сторонам. «Не здесь. И не сейчас». Погасив разрушительные эмоции ярости, он как-то странно посмотрел на каждого присутствующего. Лера вжалась в кожаный диван, увидев этот взгляд. Так обычно смотрят на безжизненные предметы, а не на живых людей. Но никто ничего не понял. Все дружно и оскорбительно заржали, ожидая продолжения. Но его не последовало. Мальцев печально кивнул жене и произнес только одно слово:

— Прощай.

Через минуту он уже выходил из клуба.

Проходя мимо красного «Порше», Мальцев остановился и усмехнулся. Фотографии этого автомобиля уже были у него в картотеке. Средним пальцем он оставил на лобовом стекле невидимую, на первый взгляд, надпись:

«Orkus vulgaris».

Опять улыбнулся. Но если бы Анжей увидел эту улыбку, вряд ли он чувствовал себя защищенным в этом мире.

«Орк обыкновенный».

Мутанты. Люди с извращенным сознанием. Гоблины. Орки. А говорят, что сказки это вымысел. Мальцев на несколько секунд закрыл глаза. Какой же это вымысел, если на самом деле, в нашем, реальном мире существуют орки, злые колдуны и прочая нечисть.

Он открыл глаза и, обернувшись, посмотрел на залитое ярким искусственным светом здание ночного клуба.

«Люди переполнены обидами и страхами, потом появляется ложь. Они убивают быстрее всего остального».

Он сел в автомобиль, но мотор не завел. Все медлил, ждал, надеясь, что вот сейчас двери клуба распахнутся и из него выбежит Валерия... Простит он ее в очередной раз? Ведь решение уже принято. Все задуманное сказано. Она не выбежит. Ее держит сейчас в своих крепких лапах наглец Анжей, карикатурное воплощение мачо-самца, разбалованный сынок богатых родителей. Он ведь наверняка не понял еще, какая трагедия разыгрывается между ними. Для него это игра. Он глумится, издевается, упивается сам собой. Да он в принципе не может этого осознать. Во-первых, потому что его сознание одурманено наркотиками. Во-вторых, потому что он — мутированный гoblin, злобное животное, пародия на человека, затянута в дорогой и модный клубный прикид.

«Скоро все будет по-другому. Люди запутались. Стали опасными. Все вокруг будет против них».

Мальцев посмотрел на часы и дал самому себе еще минуту времени. Самому себе и Лере. Ведь никто не тащил ее насильно в этот клуб. Никто не заламывал руки. Она сама сделала свой выбор. Сделала... Секундная стрелка стремительно двигалась по циферблату, словно таймер, отсчитывающий мгновения до взрыва. Тик-так. Тик-так. Все. Ему показалось, будто тонкая стрелка даже замерла на мгновение, остановленная условным взрывом, оглушительно прогремевшим где-то в подсознании. Нужно уезжать. Мальцев повернул ключ зажигания. Тонированное стекло заскользило вниз. Он еще раз посмотрел на двери клуба.

«Такие как я, приходят в смутное время...».

Автомобиль вырулили с парковки и, проезжая мимо дверей клуба, издал длинный пронзительный звук клаксона, похожий на вой боевого, или скорее, охотничьего рога, объявляющего о начале дикой охоты.

«Это значит, что такое время настало, и я пришел...».

Валерия позвонила через полчаса, но он ей не ответил. Говорить было уже не о чем. Послал только короткое SMS:

«Все твои вещи привезу завтра к родителям. Мой дом для тебя закрыт. Прощай...».

После этого, Мальцев изменил все кодовые сигналы идентификации, что сделало недоступным дом, в прямом смысле этого слова. Видеокамеры в динамических кронштейнах, закрепленные на стенах домах были переведены в режим объемного сканирования, что позволит узнать о том моменте, когда Лера придет назад, привычно ожидая, что через очередную истерику все будет забыто и прощено. Ведь она до сих пор наивно думает, что знает все его слабые стороны, среди которых жалость и милосердие занимают далеко не последнее место. Он вернулся в кабинет и, достав из сандаловой шкатулки несколько ароматизированных свечей, зажег их, расставляя, в специальных подставках, на ковровом покрытии, где еще несколько часов назад он колдовал над ее фотографией. Сняв одежду, в которой он ездил в клуб, Аргус облачился в свободную куртку и штаны темного цвета, надев на ноги мягкие войлочные туфли. Он знал, чувствовал, что они придут. Перепуганная женщина и самодовольный наглый гоблин, не сумевший вызвать его на открытый конфликт в клубе. А это значило, что к приезду «гостей» следовало подготовиться. Нельзя подавать необоснованных надежд существам, которые сами ищут боль и хаос. Аргус сел на мягкий ворс ковра. В памяти зашептал далекий голос:

«Наше искусство можно использовать только для защиты. На этом основано все наше мировоззрение».

Он открыл лежащую перед ним коробочку с красками и, погрузив два пальца в акварельную синеву, нанес на лицо первую линию ритуального рисунка.

Тай-Шин. «Волчий стиль». Искусство психофизического воздействия. Зеркальная тьма, отражающая агрессию самоубийцы.

Два года... Два года назад он познакомился с человеком который начал обучать его искусству алтайских воинов-шаманов Тай-Шин. «Свободные Волки». «Вершина Горы». Древняя доктрина сверхчувственного восприятия. Но обучение не было закончено. Однако кое-чему он успел научиться. И раз его не приняли в круг избранных, он волен распоряжаться полученными навыками в соответствии со своим мировоззрением. Однако, несмотря на это, Аргус старался не вносить в искусство «Черного Волка» ничего лишнего. Он прекрасно понимал что, будучи древней доктриной, Тай-Шин смогло остаться действенной и по сей день только благодаря определенным правилам, нарушение которых могло повлечь за собой самые непредсказуемые последствия. «Черный Волк» являлся начальной дисциплиной для дальнейшего изучения Тай-Шин. Сюда входило все связанное с боевым искусством ножа и психологическим воздействием на противника. И именно поэтому следовало быть максимально осторожным во всем, что

касалось использования аспектов этого знания в современном мире. «Ну что же, для защиты, так для защиты». Он закрыл глаза и отпустил свой внутренний диалог, погружаясь в спокойную пустоту безмолвного сознания. Ловушки расставлены. Зеркала готовы.

Окутанный тягучим ароматным дымом он так и просидел неподвижно до того момента, пока не запищал пейджер сигнализации, извещая о том, что сканер засек крупный объект в непосредственной близости с домом. Это значило, что кто-то остановил автомобиль на площадке перед коттеджем. Это также значило, что «гости» прибыли. Аргус отрешенно кивнул сам себе, и неслышно встав, совершенно бесшумно переместился к окну. Отсюда площадка перед домом была как на ладони, и он неподвижно наблюдал, как Валерия растерянно пытается открыть калитку, манипулируя своим бесполезным уже браслетом перед пультом домофона. Как и следовало ожидать, она приехала не одна. Ведь могла бы взять такси и хотя бы изобразить что-нибудь оригинальное, придумывая очередную ложь, облаченную в жалостливую нелепицу.

Красный «Порше» пронзительно засигналил, привлекая внимание хозяина безмолвного дома. Спустя минуту, водитель покинул автомобиль, раздраженно что-то говоря своей спутнице. Судя по его жестам, он предлагал не то перелезть через калитку, не то вообще своротить ее с петель.

Аргус не шевелился. Он ждал. Противник должен сам вторгнуться на его территорию, создавая необходимый прецедент. Тогда все условности будут соблюдены. Тогда уже можно будет не сдерживать себя.

— Ты, долбанная козлина! Давай открывай ворота! — Анжей был уже совсем невменяем. Было непонятно, как он вообще доехал сюда, управляя автомобилем. — Привез я твою жену истеричную. Выходи, забирай ее, а то обратно увезу.

Валерия плакала. До нее постепенно стала доходить вся серьезность происходящего. Она присела на корточки прямо перед воротами и обхватила голову руками, раскачиваясь из стороны в сторону. В это время Аргус неслышно вышел из дома через второй вход. Оказавшись на улице, он вдруг замер на мгновение. Ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Он прислушался, различая только шелест теплого летнего ветра в листьях деревьев и вопли пьяного Анжея с другой стороны ограды. Аргус обернулся на темные кусты сирени в глубине сада. Если кто-то наблюдал за ним сейчас, то только оттуда. Мальцев расфокусировал зрение, пытаясь разглядеть незримого соглядатая. Нет. В саду он был один. Его зрение невозможно было обмануть, недаром ведь его называли «тысячеглазым». Но вот это ощущение... Казалось даже что на него смотрит не человек, а сама Вселенная взирает сверху вниз тысячей золотистых глаз, словно зеркальное отражение увеличенное в гигантской линзе. Мальцев покачнулся, почувствовав головокружение. Такое же состояние у него было, когда он покидал Алтай. Вернее было бы сказать — бежал с Алтая. Бежал, гонимый древними страхами и ослепленный обретенным могуществом. Бежал, чтобы помогать людям...

«Не уравновешенный Белым Волком, Черный Волк заведет тебя в самую дикую чашу тайги, ослепив силой и ослабив страхами. Искусство Черного Волка, практикуемое обособленно, опасно для воина Тай-Шин. Помни об этом всегда...»

— Анжей, не надо!

Далекий крик Леры вывел его из состояния оцепенения, вызванного нахлынувшими ощущениями и воспоминаниями.

— Анжей, ты его совсем не знаешь. Ну не надо, господи...

— Я только побазарю с ним и все...

Судя по голосу, проникатель уже далеко зашел на территорию, прилегающую к коттеджу. Вероятно, он сумел все-таки перелезть через забор и, не сумев отворить ворота, пошел бродить

по двору в поисках хозяина дома.

Аргус появился из-за угла здания, словно грозный страж потустороннего мира — одетый в темное, с лицом раскрашенным белыми и синими полосами, сплетенными в причудливый узор, он стремительно и уверенно двигался навстречу незваному гостю. Память опять выдала очередную картинку из прошлого — именно такие ощущения испытывал Мальцев, когда шел на первую драку в новой школе...

Около подъезда дома, в который переехали Мальцевы всего несколько дней назад, его ждали местные пацаны. Они кидали в окна маленькие камешки и ржали, о чем-то громко переговариваясь между собой. Мама тогда ничего не поняла, отца не было дома, а камешки все стучались и стучались в окно его комнаты. Тогда для него не было более страшного звука. Липкий, тягучий страх, парализующий мышцы растекся по телу предательской слабостью. Хотелось спрятаться, сжаться, исчезнуть, пересидеть это жуткое время, дожидаясь пока пацаны уйдут, и мир снова станет добрым и светлым, хотя бы на какое-то время. Но камешки снова бились в окно, напоминая о том, что отсидеться в квартире не получится и нужно принимать какое-то решение. Решение, от которого будет зависеть вся его дальнейшая жизнь. Превозмогая слабость, он подошел к окну и открыл створки. Внизу было человек восемь. Они сразу оживились.

— Эй ты, новенький, давай выходи. Побазарить надо.

— О чем?

— Ты че, борзой в натуре? Сказали, выходи.

— Ты сам борзой. Ты так будешь со своими друзьями разговаривать.

Внизу изумленно замолчали, запереглядывались, а потом несколько деловитых пацанов, показывая свой опыт в подобного рода вопросах, замахали ему руками, приглашая спуститься и перемежая свои предложения отборным матом и угрозами. Слова это слова, но «за базар отвечать надо». И иногда слова меняют все. Особенно если они не подкрепляются действиями. Конфликт перешел в другую фазу. Мальцев кивнул им и закрыл створки. Через минуту, взяв в тумбочке оловянный кастет, он решительно вышел в коридор. В его голове тогда билась одна лишь мысль: откуда в этих людях столько тупой и непонятной злобы? Но эта мысль очень быстро померкла, оставляя в душе волнующее предчувствие грядущей битвы и крови. Там где злоба и тупость, там всегда кровь...

«Черный Волк является неотъемлемой частью каждого воина. Глупо пытаться не замечать его или пробовать избавиться от него. Поэтому у воина остается лишь два варианта — либо он обуздывает Черного Волка, либо Черный Волк обуздывает его».

Анжей увидел его уже слишком поздно. Одурманенное травой и синтетическими стимуляторами сознание работало медленно, но даже если бы он заметил Мальцева раньше, то все равно не сделал бы ни малейшей попытки бежать и спастись. Худощавый Всеволод Мальцев не вызывал у Анжея ощущения опасности ни своим внешним видом, ни своим, обычно, деликатным поведением. Теперь же, увидев перед собой облаченного в темную одежду воина вместо одетого в деловой костюм специалиста по информационным технологиям, Анжей даже не узнал его. Он с удивлением рассматривал человека с причудливой маской, и с его лица не сходила пренебрежительная улыбка, словно ее обладатель постоянно издевался над всем, куда падал его взгляд.

— Смешно? — Аргус чуть наклонил голову, глядя ему прямо в глаза.

Наконец, узнав Мальцева, Анжей фыркнул и рассмеялся, недоверчиво и удивленно пялясь на него.

— Смешно? — повторил свой вопрос Аргус, делая шаг навстречу противнику.

Анжей закивал головой, не переставая смеяться. Ситуация веселила его все больше. Очевидно, сыграли свою роль наркотические растормаживающие препараты. Превозмогая хохот, Анжей пробормотал, вытирая рукавом набежавшие на глаза слезы:

— Лера не говорила, что ты клоуном подрабатываешь... В натуре смешно.

Стремительный удар рукой в солнечное сплетение заставил его замолчать. Широкоплечий атлет осел на землю, судорожно пытаясь втянуть в тело спасительный воздух. Аргус молча замер над ним, отрешенно наблюдая за его беспомощными телодвижениями. Затем он перевел взгляд на ворота. Из-за декоративных решеток на него смотрела Валерия. В ее глазах был ужас. Растрепанные волосы и размазанная по щекам тушь делали ее похожей на ведьму из детских фильмов. Молодую, дьявольски красивую ведьму, которая что-то шептала, словно произнося заклятие позволяющее повернуть время вспять. Она еще не могла поверить, что на этот раз ситуация вышла из-под контроля, и произошло что-то действительно ужасное.

Два человека в круге света перед домом представляли собой нереальное зрелище — как будто две разных эпохи сошлись, чтобы помериться силами. Наркоман, затянутый в облегающий, подчеркивающий фигуру, клубный комбинезон и, одетый в просторную темную одежду, воин с ритуальным узором на лице, словно персонаж забытых древних мифов, шагнувший в этот мир из глубины веков.

Анжей наконец отдышался и поднялся на ноги изумленно разглядывая своего противника. Если бы не боль в груди и столь профессионально нанесенный ему удар, он бы подумал что все это розыгрыш. Но, наконец, разглядев среди сплетения разноцветных линий узора глаза Мальцева, он понял что ситуация далека от юмора, и что человек стоявший перед ним меньше всего хотел его насмешить. Аргус стоял недвижимо, внимательно разглядывая перемену в настроении противника.

— Как-то не хорошо получается. Всем грустно, а тебе смешно. Негармонично.

Он сделал неуловимое движение, и боковой удар, выполненный открытой ладонью, с гулким звуком качнул голову клубного завсегдатая в сторону.

Атлет пошатнулся и тут же встал в защитную стойку, мгновенно протрезвев. Собирая о нем информацию, Мальцев знал, что Анжей Городницкий в прошлом занимался кикбоксингом. Поэтому он ждал стандартной реакции и не менее стандартной схемы передвижений. Неизменная наглая ухмылка на лице кикбоксера выдавала в нем презрение к любому противнику: реальному или потенциальному. Презрение порождает заведомо ложную оценку происходящего. Недооценка порождает поражение. Анжей сделал обманное движение ногой и выбросил вперед руку, сжатую в кулак. Он целился в голову противника, чтобы сразу переломить исход поединка, травмировав его лицо. Но цели там не оказалось. Человек с раскрашенным лицом словно ждал этого удара, предчувствовал его, потому что он ушел с линии атаки за несколько мгновений до ее выполнения. Навыки кикбоксера не позволили Анжею упасть, но он настолько был уверен в логическом завершении своей атаки, что потерял равновесие. Аргус оказался у него за спиной, отвесив ему хлесткий подзатыльник, от которого у противника клацнули зубы.

— Большого не заслуживаешь.

Анжей зарычал от ярости и, развернувшись, провел еще одну стремительную атаку, один из ударов которой все-таки достиг цели. Кулак прошелся вскользь по ребрам, и Аргус чуть слышно выдохнул, гася боль, опять уходя с линии атаки. Противники замерли друг напротив друга.

— Злой клоун... — Анжей опять нагло улыбался, а Мальцев развел в стороны руки, изогнув кисти, сделав их похожими на звериные лапы. Это и были «лапы Волка»: особая техника пробуждения энергии скрытой в центрах, расположенных с тыльной стороны ладоней. Уже через мгновение огненная волна побежала по тончайшим энергетическим трассам,

опоясывающим все тело наподобие тончайшей паутины. Глаза налились темной мерцающей силой, за владение которой, все известные гипнотизеры мира отдали бы все свое состояние. Из сумеречной норы подсознания выглянул Черный Волк, владеющий древними тайнами упорядоченного хаоса и созидательного разрушения. И в этот самый момент время словно остановилось. Застыл натянуто улыбающийся Анжей с выставленными перед собой руками. Застыли в воздухе комары, вышедшие на ночную охоту. Замер ночной ветер. Превратилась в неподвижную статую Валерия, растерянно наблюдающая за этой необычной дракой. Звезды остановились на небосводе, прекратив свое непрерывное движение, и сосредоточив свои взгляды на человеке с маской духа-сновидца на лице. Аргус физически почувствовал, как невидимый наблюдатель словно подался вперед, внимательно отслеживая дальнейшее развитие событий. Черный Волк приготовился к прыжку...

Память. Коварная память, снова воспроизводила события давно минувших дней.

Алтай. Непроходимая чаща горной тайги. Два человека в темно-зеленых куртках с накинутыми на головы капюшонами и лицами, разрисованными ритуальными знаками, неслышно двигаются среди буйной растительности леса. Из всего личного имущества — только ножи. Это обязательное условие подобных вылазок.

Волки-шаманы. Хранители Алтая.

— Макс...

Впередиидущий человек мгновенно останавливается и оборачивается к Мальцеву. На Владислава смотрело лицо, черты которого сложно было рассмотреть сквозь причудливый узор маски. Человек прикладывает палец к губам.

— Т-сс... Не произноси здесь мое имя.

Мальцев смущенно кивает. Он сделал это машинально, совершенно позабыв о тех инструкциях, которые получил перед тем, как войти в эту величественную алтайскую тайгу. Здесь нет имен. Войдя в лес, люди перестают быть людьми. Этому его учил человек в маске, застывший перед ним сейчас, словно персонаж какой-то странной сказки. Кочойда. Лесной Дух. Так его называли в высокогорных деревнях местные жители. И неважно кем он являлся в повседневной жизни — здесь он был безликим магическим существом, владеющим сверхъестественными силами.

«Кочойда наносит на лицо ритуальную раскраску для того, чтобы спрятать за ним человеческое лицо. Потому что многие духи сторонятся людей. Одни — опасаются, другие — ненавидят. Когда Кочойда перестает быть похож на человека, духи перестают опасаться его, проявляют к нему интерес, принимают его за одного из духов и впускают в свой мир».

Он смущенно кивает, признавая свою оплошность. Кочойда вопросительно смотрит на него.

— Куда он нас ведет? — Мальцев дрожит, но не от холода. Эта дрожь напоминает предчувствие чего-то неизвестного, пугающего, грандиозного. Кочойда прислушивается к далеким звукам и улыбается.

— Не знаю.

Они опять стремительно двигаются вперед, стараясь не издавать звуков, которые могли бы выдать их присутствие в лесу.

Олень уводил их все дальше и дальше в чащу тайги. Но два охотника неотступно следовали за ним, словно их связывала с лесным животным невидимая нить. Иногда им казалось, что они потеряли след, но олень снова обнаруживал себя, видимо, будучи еще молодым и неопытным. Небо затянули сумеречные облака, и осторожно стал накрапывать дождь. Кочойда сказал, что олень должен вывести их к волшебному источнику с целебной водой, из которого пьют только

животные и духи. Для людей эти тайные тропы были недоступны, поэтому пройти ими мог только Кочойда — безликий Лесной Дух.

Ноги в мягкой обуви не оставляли следов на мокром мхе. Охотники передвигались в низких стойках, настороженно вслушиваясь в окружающие звуки. Внезапно из ближайшего валежника раздался грозный рык. Послышался треск ломаемых сучьев. Кто-то большой и грузный продирался сквозь заросли дикой малины. Люди в зеленых куртках замерли на месте в тех позах, в которых их застал этот предостерегающий звук. Кочойда махнул рукой, и они мгновенно оказались на земле, прижимаясь к ней всем телом. Мальцев почувствовал, как останавливается от ужаса его сердце, сначала забившееся в груди, словно плененная птица, а потом тоже застывшее, будто испугавшись, что его звуки услышит тот, кто встал на их пути грозным призраком дремучей тайги. Медведь! Тело скрутила нервная судорога. Мальцев сжал зубы и ощутил приступ тошноты, подталкиваемый наружу спазмом внутренних мышц. Медведь. Словно очередное испытание, повторение невыученного урока, дурной сон, повторяющийся снова. Он не знал, что ему делать. Хотелось одновременно вжаться в землю, вскочить и бежать сломя голову, куда глаза глядят, сделать невероятное усилие и проснуться. Он застонал и пошевелился, приготовившись встать на ноги, одновременно доставая из чехла клинок. Послышался отчетливый характерный звук извлекаемого ножа.

— Тшш-шш, — Кочойда сделал предостерегающий жест. — Он нас услышит.

Мальцев хотел что-то сказать, но только лишь пробормотал что-то невнятное. Все что угодно, только не медведь. Не медведь. Этого просто не могло быть. Треск из валежника послышался с нарастающей силой.

— Он нас заметил, — Кочойда поднялся на ноги, — он знает, что мы здесь. Уходим.

Мальцев вслед за ним поспешно встал и тут же опять опустился на землю — ноги подломились в коленях, ослабнув от невероятного нервного потрясения, впрыснувшего в тело избыточную долю адреналина. Это ощущение в точности напоминало тот паралич в тайге, когда он атаковал тушу мертвого уже медведя. Максим учил его контролировать адреналиновый уровень, там, в палаточном лагере. Но теперь мысли путались, и было невозможно что-либо вспомнить, а тем более применить на практике. Так, дыхание. Поверхностное, резкое, сбивающее парализацию. Теперь, глубокое, ровное, восстанавливающее контроль над чувствами. «Лапа Волка». Голова пустая. Обжигающая волна энергии. Страх живет только тогда, когда поддерживается внутренний диалог. Когда голова освобождается от внутренней болтовни, остаются только инстинкты, ведущие человека к выживанию кратчайшими путями.

— Уходим.

Охотники исчезли с поляны так же стремительно, как и появились.

По дороге им встретился другой олень, на которого они выскочили из густых зарослей. Большой рогатый самец не успел убежать и теперь стоял, широко расставив передние ноги и чуть наклонив перед собой мощные рога. Он еще никогда не видел подобных зверей, и теперь внимательно изучал их повадки, намереваясь отчаянно защищать свою жизнь. Два человека опять замерли, стараясь не делать резких движений. Олень фыркал и неуклюже пятился назад, но эти движения были обманчивы. Мощные ноги могли в любой момент сделать сильнейший рывок, а рога были готовы сокрушить незваных визитеров. Мальцев разглядывал животное, ощущая в руке теплую рукоятку ножа. Клинок был спрятан за лучезапястный сустав, что говорило о том, что оружие будет применено только в самом необходимом случае. Он помнил, что Максим рассказывал ему о том, что олени являются для человека гораздо более опасными животными, нежели даже волки.

— Ахш... — Кочойда смотрел оленю прямо в глаза, разведя в стороны пустые руки и еле

уловимо раскачиваясь всем телом, словно приготовившаяся к броску кобра. Тихие слова, словно шипение змеи, успокаивало и завораживало. «Искусство Нашептывания». Смесь древней магии и гипноза. Мальцев почувствовал, как его тело тоже попало в такт этим невнятным заклинаниям, окутавшим его сознание теплыми волнами чужой воли. Он тоже начал двигаться синхронно, будто следуя тихому ритму этих увещеваний, увеличивая их силу. Олень снова фыркнул, но уже менее агрессивно. Его сознание тоже захватили в мягкий плен эти странные звуки. Он стал переминаясь и пятиться, а затем, не торопясь и с достоинством, повернулся и побежал в глубь леса. Охотники осмотрелись, прислушиваясь к тайге. Медведя не было слышно, но они все равно не собирались искушать судьбу, понимая, что с подобным существом ножами и гипнозом справиться будет гораздо сложнее.

Они вышли к реке, пробежав еще несколько километров. Раздевшись, они вошли в ледяную воду, смывая с лица краску. Через полчаса лесные духи перестали существовать, превратившись в обычных туристов, идущих по одному из отдаленных маршрутов. Единственным отличием их от привычного образа туриста, было отсутствие рюкзаков. Куртки были вывернуты на другую сторону, краска с лиц смыта, ножи спрятаны за пояс. Через несколько часов они должны были выйти в район одного из поселков.

— Максим, а почему медведь нас не преследовал? — Владислав постепенно отходил от пережитого ужаса, чувствуя, что ему необходимо много говорить.

— В этом не было необходимости, — человек, которого еще недавно именовали Кочойда, теперь выглядел как натуралист-следопыт — внимательный взгляд цепких глаз и аккуратная туристическая одежда. — Он лишь предупредил нас. Мы его поняли и ушли.

— А олень тоже понял нас и ушел?

Максим улыбнулся.

— Олень ушел, но ничего не понял.

Они оба засмеялись, снимая напряжение последнего часа.

— А если бы медведь погнался за нами? — Мальцев машинально запустил руку под одежду и сжал в ладони амулет, висевший на кожаном шнурке: коготь и клык убитого им зверя.

— Это был не медведь, — Максим сделал значительное лицо.

— А кто?

— Страж.

Мальцев нервно поежился и осторожно спросил:

— Страж чего?

— Того, что мы искали — волшебного источника.

— А почему он не захотел пускать нас?

— Не знаю, — Максим пожал плечами, — возможно, у него были на это причины.

— А если бы он все-таки погнался за нами? Что бы мы делали?

Максим внимательно посмотрел на попутчика.

— Ты спрашиваешь, смогли бы мы с ним справиться или смогли бы убежать?

Мальцев кивнул. Он не рассказывал новому товарищу свою историю, но чувствовал, что произошедшее имеет к ней непосредственное отношение.

— Да.

Максим остановился.

— А тебе что больше хотелось сделать?

Мальцев тоже остановился. Он знал, что Макс не любил излишней болтовни, но сейчас ничего не мог с собой поделать, пережитый страх искал выход, и самым простым было выговориться, исторгая из себя остатки эмоционального потрясения.

— Я испытывал два взаимоисключающих ощущения. Мне было страшно. Очень страшно. Я хотел убежать, и я знаю — я бы смог это сделать. В такие моменты человек либо падает, либо бежит как ветер. Но я также чувствовал агрессию. Я хотел убить его. Или хотя бы ранить. Короче, испугать. Я хотел бы, чтобы он перестал чувствовать себя безраздельно сильным. Я хотел бы, чтобы он убрался с нашей дороги.

Максим кивнул, словно соглашаясь с каким-то своим внутренним впечатлением.

— Я чувствую в тебе боль. Давнюю боль. Ты обижен на тайгу, на горы, на зверей. Тебе проще лишиться другого существа силы, нежели самому стать сильным, и решить проблему без крови. Бессилие всегда пытается разрушить мир вокруг себя. Сила постоянно создает этот мир, делая его более совершенным. Ты должен отдавать себе отчет, что твои чувства могут оказаться губительными для тебя. Ты начал изучать древнее искусство. Но ты не можешь не понимать, что основа этого искусства зародилась именно здесь: в тайге, в горах, среди зверей. Ты встал на Путь Воина, поэтому ты не сможешь идти по нему, цепляясь за старые убеждения и обиды. Одно из направлений Тай-Шин, Искусство Черного Волка, касается как раз работы со своими страхами, агрессией, своей темной половиной. Черный Волк является неотъемлемой частью каждого воина. Глупо пытаться не замечать его или пробовать избавиться от него. Поэтому у воина остается лишь два варианта — либо он начинает управлять Черным Волком, либо Черный Волк начинает управлять им.

Мальцев медленно потянулся к чехлу, закрепленному на поясе, и достал оттуда нож. На лезвии заискрились яркие отсветы летнего солнца. Клинок, словно пил этот дневной свет и свежий воздух, истосковавшись по ним в тесном пространстве кожаных ножен. Мальцев поднял его вверх, на уровень глаз, и, прищурившись, зачарованно посмотрел на эту причудливую игру солнечных зайчиков. Максим вопросительно кивнул ему:

— О чем ты думаешь?

Мальцев с печальной улыбкой посмотрел на собеседника.

— Ты же знаешь, зачем спрашиваешь?

Максим пожал плечами.

— Тебе же надо высказаться.

Мальцев взмахнул рукой, и нож описал перед ним замысловатую траекторию, похожую на перевернутую на бок восьмерку или знак бесконечности.

— Я думаю, что этот страж не пустил нас к источнику из-за меня. Он почувствовал мою скрытую боль и подавленную ненависть. Я жалею, что несколько лет назад я не умел им пользоваться, — он медленно водил клинком в воздухе, — Сейчас я начал чувствовать нож. Но это знание уже не сможет ничего исправить.

— Но оно может избавить тебя от боли и страха. Оно может избавить тебя от новой боли и новой ненависти.

Мальцев усмехнулся и, как будто шутя, направил острие ножа в грудь своему собеседнику.

— Да, я понимаю. Ты наблюдаешь за мной. Ты опасаясь, что мой Черный Волк станет опасным для тебя? Для всех вас? Ты поэтому не хочешь свести меня со своим учителями?

Максим тоже улыбнулся и в одно мгновение его собственный клинок оказался у него руке. Мальцев вздрогнул и замер в нерешительности. Он знал, на что способен был его собеседник, когда в руках у него был нож. Магия и молниеносная техника короткоклинкового оружия, сплетенные в грозное боевое искусство древних шаманов. «Тай-Шин». Они стояли так несколько бесконечно долгих минут, глядя друг другу в глаза. Мальцеву вдруг показалось, что сейчас Кочойда зашепчет свои гипнотические заклятья, и он не сможет выдержать этого пронзительного взгляда. Но Максим неуловимым движением развернул острие к себе, спрятав его за руку. Его глаза стали мягче, уже не давя так сильно на психику, парализуя волю.

— Я не опасаясь. Я знаю. Мои чувства подсказывают мне, что твой Черный Волк еще доставит тебе немало хлопот. Он будет подкарауливать тебя на извилистых тропах твоего пути, чтобы напасть со спины. А если ты развернешься к нему лицом, это совершенно ничего не изменит, он нападет на тебя спереди. Он в любом случае бросит тебе вызов, который ты будешь обязан принять. Если к этому моменту ты не заручишься поддержкой Белого Волка, твоя битва будет непродолжительной. Не уравновешенный Белым Волком, Черный Волк заведет тебя в самую дикую чащу тайги, ослепив силой и ослабив страхами. Искусство Черного Волка, практикуемое обособленно, опасно для воина Тай-Шин. Помни об этом всегда.

Он вложил свой нож в чехол и усмехнулся, разглядывая Владислава.

— Белый Волк очистит тебя от всего лишнего. Нужно лишь время. Ты пришел к нам, а это значит, что неведомая Сила привела тебя сюда. И не мне оценивать твой путь. Я могу лишь идти какое-то время рядом с тобой. Но если наши пути разойдутся, я приму это как должное. А что касается скрытой боли и подавленной ненависти... — Он замолчал, словно раздумывая как правильно изъясниться. — Я ведь тоже человек. Такой же, как ты, как все. Но я понял одну очень важную мысль, которая изменила мое мироощущение — мир вокруг является нашим отражением, и одновременно нашим продолжением. И пока я буду пытаться сражаться против него, он будет наносить мне все новые и новые удары. Один за другим. Именно поэтому в основу боевого искусства Тай-Шин положено милосердие. Основа нашего мастерства в том, что мы влияем на окружающее силой своего духа. Мы изменяем пространство и время, не прибегая к насилию. Сражаясь с миром, люди сражаются сами с собой. Поэтому, твои чувства оправданы. Мы все проходили через это. Нелегко посмотреть в глаза собственному отражению. Особенно, если там замер приготовившийся к прыжку Черный Волк...

Анжей ударил, но его рука провалилась в пустоту. Зеркало. Аргус полностью уступил управление ситуацией противнику, позволив ему самому уничтожить себя. Черный Волк не прыгнул. Он превратился в мистическую Пустоту, которая вмещает в себя все: движение и покой, ярость и милосердие, действие и отрешенность. Кикбоксер восстановил равновесие после неудачной атаки и ударил снова. И снова мимо. Аргус вдруг почувствовал полное безразличие к происходящему. Еще несколько минут назад он намеревался уничтожить этого отвратительного гоблина в дорогостоящем наряде. Но сейчас это чувство будто растворилось в острой ностальгии, внезапно нахлынувшей тоске по алтайским горам и утраченному обществу тайшина. Захотелось просто повернуться и пойти по направлению к автомобилю, сесть в него и уехать, не оборачиваясь, набирая скорость, направляя машину в сторону грядущего восхода солнца. Подальше от этой московской ночи, дающей приют подобным гоблинам и упырям. Анжей сделал обманный финт и ударил ногой, врубившись подошвой в напряженный пресс противника. Мальцев согнулся пополам и рухнул на асфальт. Милосердие... Действительно, нелегко смотреть в глаза собственному отражению. Тем более осознавать, что где-то в глубине души скрывается во тьме подсознания подобный урод. Злобный и надменный, агрессивный и тупой.

Черный Волк. Оборотень и лицедей. Он способен принимать различные облики и надевать различные личины. И он же способен их разрушать. Потому что Черный Волк человека — это Хищник. Черный Волк Тай-Шин — это Пустота. Когда он становится Пустотой, он уже не может никому причинить вреда, потому что в зеркале Пустоту может отражать только Пустота.

— Ну, ты что, клоун? Больно? Сейчас еще больнее будет! Лера, иди сюда. Быстрее. Сюда, говорю!

Мальцев смотрит на жену, стоящую за решеткой ворот и вытирающую слезы.

«Она не хочет, чтобы ты оставался здесь один. И сама не хочет оставаться одна. Она любит

тебя, но она растеряна. Она уже приняла решение. Она хочет все прекратить».

Он помотал головой, словно стряхивая завесу наваждения, опять уносящего его в прошлое. Сегодня память разболталась гораздо больше обычного. К чему бы это? Может это Алтай зовет его вновь? Может, действительно настало время вернуться? Третий раз. Символично. «Бог троицу любит...». Любит... Бог любит...

Мальцев улыбнулся, преодолевая тупую боль внутри, и сдавленным голосом прошептал:

— Он любит тебя...

— Что? Что ты там бормочешь? — Анжей нервно прохаживался перед ним, очевидно решая, что делать дальше.

— Любит, говорю.

— Кто?

— Бог. Любит даже такого тупого бычару как ты...

Анжей опять противно заржал.

— В натуре дебилный ты, Слава. Шизо. Мать вашу, творческая интеллигенция...

Он с размаха ударил Мальцева ногой в лицо, но не удержался и, словно потеряв равновесие, упал рядом, пронзительно завыв от боли. Опорная нога оказалась сломана в колене точным и сильным контрударом, нанесенным из неудобного, на первый взгляд, лежачего положения. Вот почему «Волчий стиль» был особенно эффективен именно как древнее искусство обороны. С воином Тай-Шин, даже поверженным на землю, необходимо быть настороже. Анжей этого не учел. Вряд ли он вообще что-нибудь слышал про воинов Тай-Шин. Аргус поднялся на ноги и нагнулся над поверженным противником. В его руке появился крохотный пакетик из тонкой бумаги, наполненный мелко потолченным порошком серо-зеленого цвета. Но это был уже не можжевельник. Трусим движением пальцы разорвали пакет, и порошок оказался у Мальцева на ладони. Он поднес руку ко рту и с силой дунул на ладонь. Облако мелкой пыли полетело прямо в лицо кричащему от боли Анжею. Порошок мгновенно впитался в слизистую носа и глаз, всасываясь в кровеносную систему организма, разнося по телу человека вещество, имеющее растительное происхождение и созданное специально для ритуальных мероприятий. Анжей зачихал и зафыркал, но уже через несколько минут его крики прекратились. Даже сильная боль не могла прервать те видения, которые возникали перед внутренним взором наркомана, еще ни разу не пробовавшего вещества подобного действия. Мальцев внимательно наблюдал за ним. Он не знал, что видит сейчас раненный им противник, но он точно знал, что это путешествие внесет значительные коррективы в его жизнь. На фоне химических препаратов, которыми Анжей накачался при множественных свидетелях в клубе, этот препарат останется незамечен медицинской экспертизой. Но он включит механизмы подсознания, которые растормаживали на протяжении столетий этим порошком тайшины, воины древнего Алтая.

Корчун. Черноголов. Трава Путешествий. Тропарь шаманов Тай-Шин.

Мальцев видел, как из закрытых глаз Городничьего потекли тонкие ручейки слез. Корчун начал свою завораживающую мистерию. Обычно в этот момент к человеку принявшему зелье, приходит Посланник из Детства. Он разговаривает с ним. Он пытается пробудить в нем самые светлые стороны его натуры, взывая к его разуму. Если человек принимает своего некогда преданного Внутреннего Ребенка, тот уводит его к далеким берегам осознания. К области, где ждут своего часа нереализованные детские мечты и желания. Где ждут свое раскаявшееся чадо тайные Хранители его жизненного пути. Но если человек отвергает светлого Посланника, появляется тот, кто прячется до поры до времени в самых дремучих дебрях подсознания, в темной вселенной страхов и заблуждений. Появляется убийца. Теперь Анжею предстояло сделать свой выбор. Мальцев выпрямился, оставляя грезившего наяву человека наедине со своим выбором.

«Все. Все счета закрыты. Прочь... Прочь... Прочь отсюда скорее».

Он не оборачиваясь, пошел по направлению к дому.

— Влад! Влад... — Валерия отчаянно кричала ему вслед, повторяя его имя словно заклинание. Он остановился, но только лишь на мгновение. Чтобы расслышать тихий шепот призрака из прошлого.

«Беги».

«Или убей ее первый».

Он обернулся и сделал рукой неопределенное движение: то ли отталкивая бывшую супругу, то ли помахав ей на прощание.

Милосердие... А он уже думал, что ему никогда не придется плакать...

«Скорая помощь» приехала чуть раньше наряда милиции. Мальцев наблюдал сквозь жалюзи как микроавтобус въезжает на территорию его дома и останавливается около распластанного на земле тела Городницкого.

Это нужно было когда-нибудь закончить. Не так, так иначе. Он вторгся на его территорию. Он ударил его первый, не здесь, нет. Там, в клубе. Нет, еще раньше. Когда осознанно совратил его супругу. Когда приучил ее к наркотикам. Когда начал играть в игру, правил которой до конца даже не знал. А психологические удары ничуть не менее болезненны, чем физические. Он ударил его, даже не осознавая древней сакральной мудрости:

«Если ты делаешь больно кому-то, ты должен быть готов, что кто-нибудь сделает больно тебе».

Юридически все выглядело безупречно. Морально — тоже. Но было внутри какое-то еле уловимое ощущение, будто кто-то невидимый по-прежнему наблюдает за развитием всей этой ситуации. Наблюдает не просто так.

Мальцев отрешенно смотрел, как Валерия, проскользнув в открывшиеся перед автобусом «Скорой» ворота, пробежала мимо Анжея, и даже не посмотрев на него, побежала на подламывающихся ногах к дому. Через несколько секунд раздался робкий стук в дверь. Мальцев не пошевелился. Все внутри него словно онемело. Он знал, что подобная эмоциональная анестезия не будет длиться вечно, и что скоро боль вернется вновь, терзая его с удвоенной силой. Но это будет потом. Пока внутри лишь лед и пустота.

Анжея осмотрели и погрузили на носилки. Скорее всего, он больше не сможет полноценно передвигаться. Повреждение колена довольно серьезная травма. Но если он выбрал темного пришельца, то это ему больше и не понадобится. И сожалений по этому поводу Мальцев также не испытывал. Холод и пустота.

Если же он выбрал светлого посланца, то уровень его регенеративных способностей многократно возрастет, и даже перелом ноги станет для него лишь временным неудобством, той ценой, которую ему пришлось заплатить за прорыв к своей истинной сущности.

Через пару минут к дому подъехал патрульный автомобиль милиции. Переодевшись и тщательно смыв с лица следы ритуальной маски, Мальцев сам вызвал и тех и других. Он хотел, чтобы все формальности были соблюдены. Перед тем, как неведомый мир алтайских гор вновь поглотит его тело и его душу. Нужно было закончить ряд дел, оборвать несколько якорных канатов, поставить точки в нескольких важных предложениях. Это как раз было одним из них.

Мальцев нахмурился. Валерия по-прежнему стучала в двери, правда все настойчивей и настойчивей. По тропинке к дому шли два сотрудника милиции. Высоко в небе таяли одна за другой бледные звезды. И было внутри какое-то смутное беспокойство, какое-то робкое предчувствие грядущих катаклизмов. Как будто точка, поставленная им только что, могла в любой момент обернуться многоточием.

В дверь снова постучали. Но на этот раз не просительно, а требовательно. Аргус улыбнулся и пошел открывать входной замок.

Инцидент с милицией был исчерпан в течение нескольких минут. Мальцев сделал всего один звонок по мобильному телефону, и невидимый высокопоставленный собеседник заверил его, что делу будет дан правильный ход, и его постараются в этой связи не беспокоить. Он, в свою очередь, выразил свои сожаления по поводу того, что с находившимся в состоянии наркотического опьянения хулиганом, проникшим на территорию его жилища и напавшему на него, пришлось действовать «неюридическими методами».

Теперь оставалось решить вопрос с Валерией. Она ушла в ванную, позволяя мужу переговорить с сотрудниками милиции, за это время пытаясь привести себя в порядок, смывая с тела порчу прошедшего уикэнда. Мальцев сел в глубокое кресло в гостиной и, закрыв глаза, стал ждать. Холод и пустота. Милосердие?..

Видимо он задремал, потому что перед внутренним взором опять стали появляться и таять картинки из прошлого...

Еще днем они переплавились через какую-то ледяную речку и к вечеру остановились на ночлег в небольшом урочище, которое накрывала с двух сторон косматыми ветвями кедров горная тайга. Разбили лагерь — восемь палаток и огромный костер в центре поляны. Темнело стремительно, и поэтому ответственные за костер торопились набрать сушняка, выискивая в округе большие надломленные ветви деревьев, уже лишенные жизненных соков и высушенные солнцем. Мальцев нервничал. Это был уже его четвертый вечер в алтайской тайге, во время этой поездки. Поездки, на которую он решился спустя год после тех трагических событий, произошедших примерно где-то в этих местах. Однако один он идти не решился, и присоединился к сборной группе, идущей аналогичным маршрутом. И хотя названия речек и гор были знакомы, Мальцев не узнавал тех мест, в которых ему пришлось пережить весь кошмар той печальной экспедиции. И вроде особенно запоминающиеся элементы окружающего ландшафта были те же — одинокий старый кедр, заросший серебристым от старости мхом, часть горной стены в виде лика богатыря, наблюдающего за заходом солнца. Однако все остальное словно убрали куда-то за год неведомые силы, управляющие миропорядком и неведомые человеку. От этого мурашки бежали по телу. Мальцев вглядывался в лица туристов: беспечные, веселые, уверенные в себе и завтрашнем дне, и зябко ежился. С одной стороны он даже мысли не допускал, что все они тоже могут забрести в тот проклятый «морок» в таежном лесу, убивающий, вытаскивающий на поверхность все самое отвратительное и, в то же время, самое прекрасное. С другой стороны — он очень этого хотел. Опять окунуться в мир грез на грани смерти, в котором живут необычные создания, недоступные обычному человеческому восприятию. Харон...

Мальцев окинул взглядом темнеющую стену кедрача вокруг их стоянки. А может быть, он прячется где-нибудь неподалеку? Стоит сейчас в темноте среди стволов и смотрит на них. Задумчивый, всезнающий, непонятный, пугающий.

— Влад, — молоденькая девушка по имени Лена, машет ему рукой, чтобы он помог ей соорудить из старых бревен несколько «седаков» вокруг костра. Он закрывает глаза на мгновение, прогоняя наваждение и улыбаясь, кивает ей головой.

Костер урчал, словно голодный зверь, глодающий вкусную кость. Языки пламени облизывали сухие дрова, набирая силу и вытягиваясь вверх, разрастаясь с каждой минутой. Большая часть группы, человек десять уже сидели вокруг костра. Остальные возились в

палатках, разбирая вещи. Спустя некоторое время один из парней, Евгений, расчехлил свою, судя по внешнему виду, уже бывалую гитару, и к песне костра присоединился ряд молодых и звучных голосов:

«Ни дождика, ни снега, ни пасмурного ветра
В полночный, безоблачный час
Распахивает небо сверкающие недра
для зорких и радостных глаз.

Сокровища Вселенной мерцают, словно дышат.
Звенит потихоньку зенит.
А есть такие люди, они прекрасно слышат,
как звезда со звездой говорит...»

Над раскаленными поленьями, лежащими на периферии костра, закипел большой котелок с травяным чаем. Ароматную жидкость разлили по кружкам и пустили по кругу. Мальцев держал горячую чашку в руке и, вдыхая терпкий запах туристического варева, казалось, грезил наяву. Царившее внутри напряжение, обострившееся с наступлением темноты, потихоньку таяло. Он продолжал рассматривать лица членов группы, одновременно бросая короткие взгляды периферическим зрением в темноту за освещенным кругом. В сознании словно пытались склеиться воедино два мира: привычный человеческий, с песнями, смехом, байками и огнем, и непривычный, темный, принадлежащий загадочной тайге, обычно не жалующей незваных пришельцев. Пробудившиеся год назад инстинкты не давали расслабиться, автоматически контролируя стену тьмы за спинами беспечных туристов. Ну конечно, кого им было здесь бояться? Ни один зверь не подойдет к такому скоплению людей, тем более защищенных ярким пламенем костра. Ни одного постороннего человека здесь просто быть не могло на многие километры вокруг. А нелюди... В нелюдей здесь хоть и верили, но похоже, у собравшихся было на этот счет особое настроение. Восторженный ужас или пугающее очарование. Мальцев не сводил изучающего взгляда с участников похода. А они, словно уловив его мысли, постепенно сменили песни на рассказывание традиционных баек про местные «кошмары». Без этих наивных, но одновременно душераздирающих историй, любой поход терял свою остроту и ощущение экзотического приключения.

— Я вот расскажу вам историю про хозяйку Черной горы... — веснушчатый парень, Дима, делает нарочито серьезное лицо, — Только не думайте что это выдумка. Я сам один раз свидетелем этому был.

Все замолкают и, улыбаясь, слушают рассказчика. Постепенно улыбок становится меньше. Да и не удивительно — вокруг ночь и тайга во все стороны. И кто его знает, что за жизнь течет в это время всего в нескольких метрах, за стеной светового круга, в непроглядной тьме. Мальцев не слушает. Он уже много раз слышал эту историю. Он смотрит в огонь, а все его тело жадно ловит окружающие звуки вокруг. Его интересует как раз та, ночная жизнь, пропитанная тьмой и безлюдьем. Ему кажется, что эта темнота наполнена движением. И если она сама не двигается вокруг человеческого лагеря, то это может означать только одно — это двигаются существа, населяющие эту тьму.

Пять минут, десять. Рассказчик закончил, но его тут же торопливо перебивает очаровательная брюнетка, которой не терпится рассказать очередную страшную историю. Мальцев любит эту девушкой. Красивые черные глаза, правильные черты лица, милая

улыбка. Валерия.

— А вы слышали историю про Лесного Духа?

Все отрицательно кивают, с нетерпением ожидая продолжения. Валерия загадочно улыбается и продолжает:

— Говорят, что Лесной Дух может принимать форму человека и выходить к забредшим на его территорию людям в виде старичка... — девушка выдерживает паузу, — или заблудившегося туриста...

Она замолкает на несколько секунд, испепеляя слушателей своими черными глазами.

— Или... красивой девушки... — все улыбаются, но она не смеется, продолжая рассказ и постепенно понижая голос до еле различимого на фоне костра таинственного повествования.

Мальцев прислушался к себе. Что-то неуловимое заставило его сосредоточиться на присутствующих. Какое-то еле заметное изменение, недоступное для обычного взгляда. Спустя пять минут он понимает что — один из присутствующих, молчаливый молодой человек в темно-зеленой ветровке, с постоянно накинутым на голову капюшоном, впервые заинтересовался рассказом. Мальцев присмотрелся к нему повнимательнее. Он уже давно отметил, что этот парень на протяжении всего маршрута сторонился шумных туристических мероприятий, держась как-то особняком. Единственное что Владислав знал о нем, что его зовут Максим Ковров, и что он из Барнаула. И хотя за четыре дня все уже основательно перезнакомились, об этом человеке он не смог сложить какого-то конкретного впечатления. Максим держался все время таким образом, что его словно и не было заметно среди других, более общительных участников похода. Вначале Мальцев принял его за опытного туриста, которому было просто неинтересно участвовать в традиционных игровых элементах туристического экскурса. Но сейчас он понял, что Максим был чем-то похож на него — его больше интересовал мир темноты, мир который был богат на различного рода неожиданности для ничего не подозревающих, до поры до времени, людей. И эта его отстраненная поза — похоже, он тоже слушал то, что происходило в лесу. А то, что происходило в световом круге, воспринималось им как периферийный антураж, шумный и предсказуемый, знакомый и неинтересный. И вот теперь, этот Максим неуловимо насторожился, подняв глаза на рассказчицу. История про Лесного Духа его определенно заинтересовала. Мальцев внимательно вглядывался в его лицо, вернее в ту часть лица, которую было видно из-под капюшона. Ковров, словно почувствовав этот взгляд, повернулся к нему. И тут Мальцев увидел в бликующих отсветах костра его глаза. Они мелькнули всего на мгновение, но ему показалось, что Максим знает, о чем он сейчас думает! Взрыв хохота нарушил невероятность момента. Все присутствующие дружно смотрели на Мальцева. Валерия, смеясь, грозила ему изящным пальчиком.

— Да нет, не похож. Хотя... Все время молчком и молчком. Влад, ты случайно не Лесной Дух? Нет? Тогда с тебя история.

Мальцев заулыбался, смущенный столь неожиданным проявлением внимания к нему со стороны почти всей группы.

— История? Да я, честно говоря, не знаток.

Все засмеялись.

— Точно — подозрительный.

Лена, которой он помогал раздвигать бревна, звонко спросила:

— А никто не помнит, когда он вообще к нам присоединился?

Взрыв хохота. Мальцев действительно опоздал и догонял группу, которая уже вышла на маршрут, фактически, бегом.

— Ну вот, Лера, а что делает Лесной Дух, когда его раскрывают?

Девушка смотрит ему прямо в глаза.

— Такого еще не было. Лесного Духа невозможно раскрыть. Он же оборотень. Он тщательно маскируется, но если в отношении него возникают подозрения, он начинает изворачиваться, хитрить, делать все, чтобы люди не поняли что он не из их племени. Влад, придется рассказать нам что-нибудь, чтобы снять с себя все подозрения.

Все опять смеются, но делают это в большей степени для того, чтобы снять избыточное напряжение. Страшные истории в ночной таежной глуши, конечно, веселят, но только ту часть сознания, которая очень слабо осознает всю глубину происходящего. Мальцев улыбается Валерии и смотрит на Коврова. Тот тоже улыбается, похожий на остальных, затерявшийся в толпе, такой же, как все, ожидая от него очередную историю. Странный тип.

— Ну ладно. Только... — он картинно делает паузу, — вы сами попросили...

Все дружно кивают. А он закрывает глаза, словно профессиональный сказитель, но внутри у него паника. А может... Рассказать им? Про «морок», про медведя-убийцу, про призрака у воды... Только вот в шутку этот рассказ он вряд ли сможет обратить, а они ждут от него какой-нибудь легкой «страшилки». Придется попробовать. Исторгнуть из себя в окружающую темноту этот ужас, носимый в душе целый год. Освободиться. Рассказать эту грустную и страшную сказку окружающему лесу, притихшему в ночи. Пусть послушают ее те невидимые духи, которые кружили их год назад в этих местах. Пусть услышит ее Харон, если он находится где-нибудь неподалеку. Итак.

Он откашливается, словно давая понять, что история может быть продолжительной и, выдержав паузу, начинает:

— Они поняли что заблудились, когда на пути новь встретилась причудливая коряга, напоминающая очертаниями какого-то экзотического морского монстра...

Когда он закончил, все сидели молча, находясь под впечатлением услышанного. Несмотря на то, что у этой рассказанной истории было счастливое окончание, она все равно произвела довольно гнетущее впечатление.

— Ну вот, а говорил «не знаток»... — протянул Дима, наклоняясь к костру, и протягивая к огню руки, — тебе бы книги писать.

Мальцев грустно улыбнулся и кивнул головой, отслеживая тем временем реакцию двух человек: Валерии и Коврова. Они оба пристально смотрели на него, словно пытаясь проникнуть за границы его тела, заглядывая ему прямо в душу. Но если Лера смотрела задумчиво и с интересом, то Ковров улыбался! Мальцев улыбнулся ему в ответ.

— Ну что же, мою историю вы послушали. Теперь, в рамках повествовательной эстафеты хочу по праву передать слово, вот, Максиму.

Парень в накинутах на глаза капюшоне кивнул, не переставая улыбаться, словно ожидал этого предложения. Теперь все внимание было сосредоточено на нем. Мальцев удовлетворенно заерзал на месте. «Послушаем молчуна». Ковров тем временем наклонился к костру и взял в руки потухший огарок одного из поленьев, ошетилившийся черными коряжистыми сучками. Повертев его в руках, он осмотрел всех присутствующих из-под капюшона. Затем медленно, словно артист, накладывающий грим перед ответственным выступлением, он провел этим огарком по лицу в определенной последовательности, покрывая его устрашающим черным узором, на манер боевой раскраски «коммандос». Все присутствующие удивленно и одобрительно загудели в предвкушении очередной истории. А Ковров, по-прежнему не произнося ни слова, потянулся к костру и, бросив туда огарок, выхватил оттуда тлеющую палку. В другой руке у него, словно материализовавшись из воздуха, появился нож. Туристы восторженно вздохнули. Только Дима зачаровано пробормотал:

— Вот блин, проморгали настоящего Духа Леса...

Ковров поднялся на ноги и, неуловимым движением спрятав лезвие ножа за руку, поводит импровизированным факелом в воздухе:

— Когда Охотник становится Духом Леса, а Дух Леса — Охотником, их уже невозможно различить...

Все восприняли это, как начало истории, и нетерпеливо замолчали. Мальцев почувствовал вдруг сильное головокружение. Его качнуло в сторону, и в ушах возник еле слышный звук, напоминающий шум далекого океана. Он озадаченно прислушался к своим ощущениям. Ему показалось, будто кто-то невидимый, один из жителей этого таежного океана вокруг, попытался заговорить с ним, неслышным для обычного слуха, шепотом. Владислав отчаянно дернулся, но тело, скованное странной слабостью, не шевельнулось. Мальцев сделал невероятное усилие и скинул с себя незримые щупальца чужой воли.

«Это что такое?»

Он заозирался, тщетно пытаясь увидеть хоть что-нибудь в темноте вокруг. Валерия, которая не сводила с него взгляда, вопросительно кивнула ему. Он смутился и, натянуто улыбнувшись, пожал плечами. Не хватало еще, чтобы она подумала, что он испугался. Валерия улыбнулась ему в ответ и кивнула на место рядом с собой. Мальцев встал и, переглянувшись с Ковровым, который словно выжидал чего-то, сел рядом с девушкой. Она тут же взяла его за руку и прижалась к нему плечом.

— Истории становятся все страшнее.

Мальцев одобряюще улыбнулся ей, хотя внутри у него все дрожало от только что пережитого ощущения.

— Не бойся, я оставил костюм Бэтмена в палатке, но если понадобится, я за ним сбегаяю.

Валерия как-то по-особенному посмотрела на него.

— Так ты сегодня на дежурстве? Я думала сегодня день Спайдермена.

Он не успел ей ответить, потому что Ковров начал свой рассказ.

— Раз уж вы затронули тему духов леса и оборотней, я расскажу вам про «мынчар-кермос», духов, которые могут воровать во тьме голоса и облики. Вы готовы?

Присутствующие заворожено закивали головами.

— Шаманы знают об их существовании уже тысячи лет и называют их детьми ночи. Их природа совершенно чужда человеческой, поэтому их встречи с людьми могут закончиться совершенно непредсказуемо. Никто не знает, как они выглядят на самом деле. Известно только, что они живут во тьме и могут копировать голоса живых существ. Самые умелые из них могут копировать даже внешность. Скорее всего, именно эти существа, «мынчар-кермос», являлись прототипами леших в детских сказках. Неизвестно зачем они это делают, но они любят воровать людей. Они заманивают их в лес, во тьму. Что происходит с несчастными, попавшимися на их обман, неизвестно. Они просто исчезают и все...

Ковров замолчал. Его лицо, покрытое странным рисунком, дополняло рассказ особенным колоритом. По манере рассказа было непонятно — пугает он своих слушателей или просто информирует — настолько неэмоциональной была его речь.

— Они на самом деле существуют, верите вы в них или нет. Но если вы захотите проверить, я потом дам несколько полезных советов, которые, возможно, сохранят вам жизнь.

Максим опять замолчал. Через минуту, не дождавшись продолжения, подал робкий голос один из туристов:

— Хиленькая история какая-то... Короткая.

Лицо в маске из золы медленно повернулось к нему. Черные линии растянулись в улыбке.

— Вы что же, подумали что это вся история? Это прелюдия. А теперь собственно и сама

история. Произошло это два года тому назад в районе реки Башкаус. Группа, по численности примерно такая же, как наша, разбила лагерь в одном из горных урочищ, примерно таком же, как это. Пока одни возились с вещами около палаток, большая часть группы организовала костер и все сели вокруг огня, чтобы предаться радостям активной ночевки. Все было как обычно — привычная организационная суэта, треск огня, теплый чай и разговоры. Вокруг, во все стороны раскинулась безбрежным океаном черная ночь, которую отгонял на несколько метров от людей верный костер. Однако не все собравшиеся около костровища чувствовали себя уютно.

Рассказчик обвел слушателей взглядом, дольше обычного задержавшись на растерянном лице Мальцева. Но никто этого не заметил, все были поглощены необычным рассказом.

— Одна из девушек никак не могла понять, кто может осторожно ходить в темноте вокруг костра, в сплошной таежной чаще, лишь слегка похрустывая мелкими ветками, лежащими на земле? Девушку звали Инга. Она пыталась рассмотреть ходака во тьме, но стоило ей начать вглядываться в ночь, шаги тут же прекращались, будто человек замирал на месте, опасаясь быть увиденным. Ответ пришел сам собой. Ее муж Игорь собирался пойти и набрать еще сушняка для костра. Он все переживал, что до утра костер может погаснуть. Инга пару раз окликнула его. Но ответом ей было все то же молчание.

«Игорь, ну хватит, перестань! Я же нервничаю. Ответ немедленно! Это ты?» — прокричала девушка невидимому ходоку.

«Ну, кто здесь еще может быть? — спросила ее подруга, сидевшая рядом, — Конечно, ребята дурачатся».

Из темноты опять послышались шорохи и звук шагов, который был слышен только двум или трем человекам сидевшим неподалеку.

«Игорь, хватит уже. Не смешно. Выходи».

«Я...» — раздался голос Игоря из темноты. Но был он какой-то странный: гулкий, напряженный. И возник, словно с опозданием, будто человек во тьме перебирал различные варианты ответа, прежде чем выбрал один.

«Игорь, что-нибудь случилось? Давай выходи сюда, на свет. Хватит по темноте лазать. Опасно» — Инга встала и подошла к самой границе светового круга, где свет и тьма перемешивались в нечто зыбкое, сумеречное. Она наклонилась вперед, пытаясь рассмотреть мужа, но опять ничего не увидела.

«Инг, ну что там?» — подруга вопросительно кивнула ей головой.

«Не знаю, может, случилось что...»

Инга сделала шаг вперед, и тьма мгновенно поглотила ее, выхватив из светового круга.

«Игорь, ты где?»

«Я... Иду... Палатки... Костер...». Она озадаченно остановилась, вслушиваясь в это невнятное бормотание мужа где-то неподалеку. В темноте все равно было ничего не видно, потому что глаза привыкли к свету. Девушка сделала шаг вперед. Костер был совсем рядом и она совсем не чувствовала страха, только беспокойство за мужа, который вел себя несколько странно. Возможно, он выпил немного спирта, который туристы всегда брали с собой в неизменном турнаборе, и теперь, захмелев, бродил в темноте, заблудившись в буреломе.

«Инга, так вот же он!» — подруга окрикнула ее, потому что увидела как с противоположной стороны костра, от палаток, к собравшимся около огня бодрой походкой шел Игорь.

«Инга!» — еще раз позвала подруга, но ответа не услышала. На ее лице появилась растерянность.

«Игорь, так ты же только что там был. Я сама слышала».

«Где — там? — подошедший Игорь недоуменно уставился на девушку, — А Инга где?»

«Да как, где? Она же тебя искать пошла. Ты же нам из темноты отвечал!».

«Откуда отвечал? Я в палатке вещи раскладывал. А Инга что, в лес, что ли пошла? Инга! Ты где? Я уже здесь. Возвращайся». Но Инга не ответила...

Ковров опять замолчал, поворошил уже тлеющим факелом-палкой костер, давая ему возможность разгореться.

— И что... было дальше? — осторожно спросила Валерия, прижавшись к Мальцеву еще крепче.

— Ничего, — Максим пожал плечами, — Все пошли ее искать. Взяли фонари, пирофакелы. Но тщетно. Инга исчезла самым загадочным образом. Не нашли ее и на следующий день, при свете дня. Облазили всю тайгу на полкилометра — безрезультатно. Ни девушки, ни тела, ни ее загадочного ночного собеседника.

На несколько секунд у костра повисло в воздухе напряженное молчание. Все ждали, что последует какое-нибудь продолжение, но Ковров лишь молча занимался костром.

— Блин, что-то жутковато... — пробормотала тихонько Валерия, и затем уже громко произнесла, — А ты обещал нам рассказать про то, что может нам помочь, если мы с ними встретимся.

Ковров кивнул.

— Есть несколько основных правил. Первое: после захода солнца находиться в доме, а если вы оказались на улице, то непременно расположиться рядом с огнем. Огонь — это защитник и покровитель человека в темное время суток. Второе: ночью громко не разговаривать и не отходить друг от друга. «Мынчары», если конечно они рядом, только и ждут подобной оплошности, чтобы продемонстрировать свое коварное искусство лжи и обмана. Третье: в тайге, особенно в ночной тайге, держите при себе нож. Это один из самых древних защитников человека. Все злые «кормосы» — духи, боятся острия, тем более, металлического. И, наконец, четвертое: если огонь рядом, внимательно следите за ним, он вам подскажет, если кто-то из «мынчар» бродит поблизости.

— Это как? — удивленно спросил все тот же Дима.

— Пламя, — Ковров кивнул на оранжевую пляску огненных язычков, — оно изменит цвет. Оно заискрит зеленью, если почувствует духа-«мынчара» невдалеке.

Все присутствующие, как один, уставились на костер. Уже несколько минут в его солнечных тонах мерцали редкие сполохи зеленых лент.

— Это что, шутка такая, да?

— Круто!

— А что ты туда кинул? Медный порошок?

— Вот это да, Макс! Ты заранее подготовился?

Вопросы посыпались градом после минутного обескураженного молчания. Но Максим оставался недвижим. Его взгляд был устремлен в самое чрево костра. Туда, где набирал силу факел в его руке. Мальцев переглянулся с Валерией и тоже хотел что-то сказать, но опять почувствовал головокружение. Нужно было всего лишь отойти от огня подальше, глотнуть спасительного воздуха. Огонь. Жарко. В тайге прохладно. Было невероятно душно и дыхание давалось с трудом. Он что-то сказал Валерии и встал. Всего лишь глоток свежего воздуха, там, в тайге. Голова кругом...

— Стой!

Крик Коврова раздался внезапно и неожиданно громко. Все испуганно замолкли. Замер и Мальцев, оборачиваясь на рассказчика. А тот встал и, зашептав незнакомые слова на странном языке, крутанул в руке факел, который, рассекая ночной воздух оранжевым колесом, издал пронзительный шипящий звук.

— ТЭРЬ!!!

Опять крик, яростный и невероятно громкий. Лицо, испещренное черными линиями, смотрит куда-то вверх голов сидящих, в ночную темень за их спинами. Факел в руке Коврова рисует в воздухе невероятные фигуры, тающие за ним протяжным световым следом, подобно пучку электронов на экране осциллографа. Нож в другой руке двигается так стремительно, что даже не видно было мелькания острого клинка.

— Тэнгри!!! Алаш...

Люди у костра, наверное, подумали, что театральное представление продолжается, потому что никто не вымолвил ни слова. Все тихо сидели на своих местах, зачарованные увиденным. И тут, Мальцев все понял! Не на Коврова нужно было смотреть! А на того, к кому он обращался, там, во тьме. Кому он показывал нож и факел, а также свое мастерство владения этими предметами.

Он с усилием, будто кто-то пытался удержать его голову неподвижной, повернулся туда, куда был направлен взгляд Коврова. Все вокруг словно замедлилось в несколько раз, став тягучими и отчетливыми. Мальцев пошатнулся, но удержался на ногах. И тут он увидел! Ночь стала прозрачной и наполненной движением. Он видел, видел все! Как будто у него было тысячи глаз, открывшихся в одно мгновение во всем теле и пронизывающих ночной лес на многие метры вокруг. А там... Там...

Крик Коврова.

— ОТ-АНА...

Костер вспыхнул, взметнув высоко вверх языки обжигающего пламени, словно в него плеснули бензина. Все дружно откинулись назад, изумленно охнув. А из леса, из сплетения кустов и деревьев, склеенных между собой непроглядной тьмой, раздался хруст сухих веток, отмечающий звуки стремительно удаляющихся шагов и громкий смех, обладатель которого уходил прочь. Неестественный, явно ворованный у кого-то из беспечных людей хохот стелился по земле, а затем поднялся куда-то вверх, словно насмешник залез на деревья и прыгал по ним с ветки на ветку, унося в таежное чрево тайну своей нечеловеческой природы.

Все сидели в ступоре, пытаясь справиться с жутким ужасом, сковавшим их тела невидимой цепью. Отходить от костра никто не решился. Как не решился никто острить насчет заранее спланированного спектакля.

Ночь страшных историй удалась.

Наверное, он все-таки заснул, и воспоминания растормошили какие-то потаенные механизмы сновидений. Видения из прошлого постепенно сменились сюрреалистическими сюжетами, в которых плавали по комнате полупрозрачные существа, с потолка свисала до пола серебристая светящаяся паутина, стены комнаты то сдвигались, то раздвигались, меняя очертания привычного антуража. А потом к нему пришел Венгерцев! Один из тройки погибших учредителей «НОРСА». Мальцев отчетливо видел его: невысокий, неуклюжий, типичный ученый из добрых восьмидесятых. Не смотря на то, что Венгерцев был одним из основателей одной из крупнейших в России научно-производственных фирм, он так и не научился до последнего момента распоряжаться своим состоянием и покупать себе одежду, соответствующую своему статусу. И вот теперь, Мальцев удивленно смотрел на призрачного гостя в своей комнате, отчетливо осознавая, что спит. Но видение было настолько отчетливым, что создавалось впечатление полного присутствия в комнате погибшего несколько дней назад человека. Венгерцев осмотрелся и улыбнулся Владиславу, словно подбадривая и давая понять, что не желает ни пугать, ни причинить бывшему приятелю никакого вреда. Мальцев сделал попытку пошевелиться, но тело, словно не принадлежало ему, будучи бесчувственным и

тяжелым. Оставалось просто сидеть и смотреть на незваного визитера.

— Влад, здравствуй! — Венгерцев подошел к креслу совсем близко, но остановился, будто понимая чувства живого человека. — Я ненадолго. Я пришел предупредить тебя...

Мальцев испытывал странное чувство, состоящее из двух параллельных, не пересекающихся друг с другом ощущений. С одной стороны он отметил, что совсем не боится появления мертвеца. С другой, его не покидало впечатление «дежавю». Эти два чувства текли двумя мощными потоками, все время пытаясь слиться в одно единое и простое осознание.

— Они скоро придут за тобой... — Венгерцев говорил очень четко, но каким-то непривычным, гулким голосом, — Они знают, что ты здесь. Бежать бесполезно. Они всюду. Они будут всегда находиться рядом. Двери находятся не снаружи. Водопады света. Найди их...

Мальцев хотел задать визитеру вопрос, но лицевые мышцы также сковала непонятная неподвижность. «Кто? Кто придет? Кто?» — бился в его голове вопрос, но он не мог произнести ни звука.

— Мы ошибались. Очень жаль времени. Те, кто придет за тобой, будут не похожи на остальных. Ты их узнаешь. Они молчат. С ними можно разговаривать шепотом.

Мальцев сделал невероятное усилие и действительно прошептал, выдавливая из себя:

— Ты же... мертвый... Как ты?

Венгерцев грустно кивнул головой, словно сожалея об этом печальном обстоятельстве.

— Тяжело умирал. Больно было. Теперь все по-другому. К тебе вот пришел, предупредить. Ты еще можешь уйти...

И тут Мальцев понял. Два потока сошлись в один, став единственной дорогой к пониманию происходящего — как будто две рельсы соединились, нарушая все законы железнодорожных коммуникаций. Венгерцев напомнил ему Харона! Не внешностью, нет. Было в облике потустороннего визитера и в манере его поведения что-то неуловимо похожее на стиль общения речного призрака с гладко выбритой головой.

Вспышка. Видение поплыло, и Мальцев почувствовал, что теряет осознание текущего момента. Но перед тем как нырнуть обратно в мир определенности, он понял, что Харон тоже приходил к нему не случайно. Что-то в той злополучной экспедиции было такое, что сдвинуло привычные грани восприятия трехмерной материальности, и Владислав Мальцев стал воспринимать гораздо более глубокие ее слои. Просветление через потрясение. Об этом ему говорил Максим Ковров, но он не понял его тогда. А ведь все было очевидно. Прежний Мальцев умер в таежной глуши, а на смену ему появился новый Мальцев: умеющий общаться с тенями ушедших в иной мир. Именно поэтому Ковров назвал его шаманом. И весь этот спектакль с «мынчарами» тоже был не случаен. Он предназначался не для того, чтобы напугать туристов. Ковров сделал все это специально для него. Он смотрел за его реакцией. И когда он понял, что Мальцев тоже видит духов в нескольких шагах от костра, он осознал что встретился с Владом в этом туристическом походе не случайно. Именно поэтому он стал посвящать его в загадочный мир Иту-Тай. Мир за гранью видимой вселенной.

Шаман. Посредник между миром мертвых и живых. Мальцев сидел на кресле, чувствуя, как покрылось мокрым липким потом все его тело под одеждой, как мелко дрожит каждый мускул, сотрясая тело пугающей языческой пляской. Он облизал пересохшие губы шершавым языком и, медленно повернувшись, посмотрел на настенные часы. Прошло всего четыре минуты с тех пор, как он сел в это кресло. Четыре минуты!

Не может быть. Как же так? За это время столько пережить и вспомнить!

Он потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Из этого видения он вынес что-то очень важное. Что-то, что тянулось за ним все последнее время шлейфом смутных ощущений. Что-то,

что могло все изменить. Что?

Причины его посвящения в Тай-Шин? Его новые открывшиеся возможности? Мотивы появления Харона? Да-да-да, все это и еще многое другое. Мысли вертелись по кругу, не позволяя сосредоточиться на чем-то одном. Мальцев зажмурился. Пляска мыслей лишь усилилась, раскручиваясь до невероятной скорости. Может, он тоже вдохнул Корчуна там, на поляне перед домом? Но в любом случае, если даже немного пыли попало ему в нос, Корчун не мог оказать на него такого эффекта. Тогда что это? А может, просто настало время? Он же не знал, какие ощущения испытывает человек, становясь шаманом. Согласно легендам, кандидату в шаманы приходилось миновать множество испытаний, связанных с физическими и психологическими потрясениями. Редкие истории, слышанные им, рассказывали о том, что духи проверяют шамана, пытаясь отыскать у него некую «шаманскую косточку» — то, что делает обычного человека шаманом. Что это была за «косточка» Мальцев не знал, но для него было очевидно, что и физических, и тем более, психологических потрясений испытанных им за те несколько дней в тайге хватило бы на несколько шаманов. И духи тоже проверяли его...

«...Я часть всего, один из многих. Я поздно это понял. Теперь живу здесь. Любуюсь рекой, лесом, костром, ночью, звездами. Вы, люди, не цените всего этого...»

Мальцев сжал руками подлокотники кресла так, что побелели пальцы.

Только бы опять не вырубиться! Сейчас нельзя!

«...Когда наступают смутные времена, мы можем появляться...»

Ощущение опасности. Аргус сделал отчаянную попытку подняться с кресла, но опять откинулся назад. Перед глазами все плыло. Вокруг мерцал ослепительным калейдоскопом сноп ярких огней, заливая призрачным светом все вокруг. Встать! Нужно встать... В доме опасность.

«...Ты что, не понял? У вас нет дома...»

«Беги». «Беги». «Беги».

«Или убей ее первым».

Владислав зарычал и, сделав невероятное усилие, поднялся с кресла. Мысли на мгновение прояснились. Он понял, что с ним происходило. Специалист по психофизической безопасности назвал бы это «дистанционным информационным кодированием». Шаман — «кам джиген» — «магической атакой другого шамана». Экстрасенс сказал бы, что это оккультное влияние. Деревенский ведун назвал бы это просто «морочкованием» или «черноглазом». Но какое бы название не носил этот процесс, он был связан с воздействием на расстоянии, подавлением воли и лишением сил.

Началось. Мальцев думал, что все может еще обойтись. Что те люди, которые противопоставили свои возможности возможностям «НОРСА», не станут заниматься им. Ведь все материалы по этому делу не были переданы представителям НПК. Хотя, глупо было надеяться на это. Агентство копнуло слишком глубоко. И когда осознало это, в панике включило все тормоза, но было уже слишком поздно. Профессионалы не терпят чужого внимания. А те, кто планомерно уничтожал «НОРС» было профессионалами. Это было видно и по динамике процессов происходящих с Аргусом. Такое воздействие было доступно только специалистам высокого класса.

«...Они знают, что ты здесь. Бежать бесполезно. Они всюду. Они будут всегда находиться рядом. Они скоро придут за тобой...».

Ведь не случайно Венгерцев приходил к нему. Поздно. Слишком поздно. Мальцев сделал шаг вперед и еле удержался на ногах. Ничего, держись шаман. Еще шаг. На следующем шаге он упал на колени и завалился на бок. В голове бушевал ураган непонятных мыслеформ. Вот оно оружие нового поколения. Хорошо забытое старое. Наследие ортодоксальных предков. Не все современные киллеры выполняют свои «заказы» с помощью радиоуправляемых фугасов,

винтовок с мощной оптикой, автоматов и пистолетов, снабженных глушителями. Есть и такие, которые работают настолько тонко и незаметно, что об их существовании никто и никогда не догадается. Однако результаты их деятельности обычно бьют точно в цель, невзирая на стены и расстояния, наличие охраны и тайных мест, где можно спрятаться. Они работают с информацией. С тем, из чего состоит сущее. Они проникают в мозг и тело подобно невидимому яду. Они режут по самым глубоким нервным узлам, тонким лезвием невидимого скальпеля. Они разрушают взаимосвязи. Они манипулируют временем и пространством. Их невозможно поймать за руку и предъявить обвинение. Они — призраки. Однако, призраки эффективные. Кто может быть страшнее призрака-убийцы?

Мальцев сжал зубы и приподнялся над полом. Руки сами сложились в знакомую позицию «Лапы Волка». Сразу стало намного легче, будто спала с тела невидимая сеть, сковывающая все его движения. Мальцев встал и осмотрелся. Сознание прояснилось. Первым делом необходимо было добавить в окружающее пространство как можно больше огня. В серванте, стоявшем в метре от новоявленного шамана стояли в серебряных подсвечниках несколько высоких свечей. Он тут же зажег их все и расставил около себя сев в центре импровизированного круга. Затем, подумав, взял одну и проследовал с ней в кухню. Там, налив в первый попавшийся под руку стеклянный фужер немного воды из под крана, он открыл холодильник и, вытащив из специальной подставки белый конус яйца, разбил его кухонным ножом, который тут же машинально положил в карман. Пустая скорлупа осталась лежать на столе, а содержимое яйца — густой белок и упругий желток, утонули на дне фужера. С этим коктейлем Мальцев вернулся в зал и опять занял место в центре огненного круга. Сейчас главным было выиграть время. Подобные атаки не могли длиться долго. Каким бы ни был индуктор, проецирующий свою волю на выбранный им объект, инерция рано или поздно должна была исчерпаться. Это всего несколько минут. А уже потом можно будет спокойно обдумать происходящее. Мальцев положил рядом с собой нож и, взяв фужер в правую руку, стал водить им по часовой стрелке у себя над головой, в нескольких сантиметрах от макушки. Это был древний метод очистки энергетического тела. Яйцо в соединении с водой было несравненным энергетическим абсорбентом, вытягивающим на себя невидимые стрелы чужеродного воздействия. Через пару минут ощущение давления на голову исчезло полностью. Мальцев опустил уже затекающую руку и внимательно рассмотрел содержимое фужера. Создавалось такое впечатление, что яйцо просто вскипело в холодной воде. Желеобразные волокна, тянувшиеся от желтка вверх, напоминали крохотного осьминога, заснувшего на дне фужера. Будто и на самом деле невидимые стрелы пронзили воду тонкими трассами, заполнившимися белковой субстанцией. Вода практически полностью втянула в себя деструктивный заряд. Теперь необходимо было вылить ее в ванную или раковину, проследив, чтобы желток обязательно разбился о крестообразную перегородку в сточном отверстии. Проточная вода должна была унести далеко ту негативную информацию, которую удалось выудить из энергетического поля вокруг человеческого тела. Мальцев поднялся на ноги и посмотрел на дверь ванной. Там должна быть Валерия. Он совсем забыл про нее. Да и не удивительно — с момента, как он опустился в кресло и погрузился в этот невероятный потусторонний цейтнот, прошло не более десяти минут. Ну и хорошо. Она не должна была видеть всего этого. Она и так считает, что его увлечение древними языческими традициями отрицательно влияет на его психику. Неплохое оправдание своим собственным наркоманским инсайтам. Значит — на кухню. Мальцев сделал несколько шагов вперед и замер, почувствовав, как по спине холодной волной прошелся тревожный ветер, предвещающий опасность. Мелкие волоски на всем теле зашевелились, будто человек попал в сильное электромагнитное поле. Японцы называют подобное ощущение «сакки» — «дыхание смерти».

«...Они скоро придут за тобой...»

«...Ты еще можешь уйти...».

Опасность в доме. Мальцев медленно поставил фужер с водой на пол и, потянув из кармана нож, так же медленно осмотрелся по сторонам. В доме кто-то был. Он ощущал это с предельной четкостью. Глаза не видели никого в сумраке коридора ведущего на кухню, но тело ощущало присутствие чужака.

Мальцев повернул нож острием наружу. Он понял. Этот кратковременный дистанционный удар по его психике был предназначен в качестве отвлекающего маневра. Чтобы отвлечь внимание от того, кто проник в дом для нанесения вовсе не магического удара. Неужели это происходит вот так? А потом все маскируется под несчастный случай. И может быть и Куцан, и Суворов, и Венгерцев ушли из жизни именно так. Кто-то помог натянуть петлю на шею, кто-то вколол под кожу препарат, вызывающий симптомы инсульта, кто-то направил автомобиль на перегородку моста...

Внезапная злость вдруг накатила откуда-то изнутри, обжигая сердце и мозг огненной волной. Аргус снова зарычал. Сначала чуть слышно, а потом громче, словно волк, готовившийся к последней схватке. Пусть визитер, кто бы он ни был, тоже испытает, что такое страх. Незнакомая, с той роковой встречи с медведем, ярость, снова поднялась на поверхность рассудка, затмевая законы логики и активируя инстинкты выживания. Черный Волк опять пробуждался, чтобы спасти жизнь своему хозяину.

Кто может быть страшнее призрака-убийцы? Призрак-антикиллер. Воин-оборотень, владеющий тайнами древней магии шаманов и короткоклинковым оружием. Аргус расфокусировал глаза и тут же увидел злоумышленника. Это был не человек. Гигантская серая тень, по размерам напоминающая человека, но формой похожая на кокон с неровными краями, замерла в углу. Ее и невозможно было увидеть обычным взглядом. Именно поэтому тень выжидала. Она и предположить не могла что «тысячеглазым» Мальцева назвал Ковров именно за умение видеть всем телом, чувствовать пространство. И вот теперь, поняв, что ее обнаружили, тень сначала сжалась, словно пытаясь просочиться в щели на стене, а потом увеличилась в размерах, расправив свои очертания. Мальцев впервые сталкивался с подобным проявлением потустороннего мира. Он даже не понял что это — энергетическое поле-убийца, сгенерированное опытным колдуном или дух-кормос, проникший в его жилище и выдающий себя за обычную тень во тьме коридора. Но кто бы это ни был, в руках у шамана было весьма своевременное оружие. Этому его научил Максим. Нож — это одно из самых верных и эффективных видов оружия. Стальное лезвие обладает возможностью разрушать не только плотную органическую ткань, но даже тонкие нематериальные информационные структуры. На протяжении столетий шаманы Алтая защищали себя от влияния враждебных духов с помощью острого ножа. Именно поэтому нож стал основным оружием в боевом искусстве Тай-Шин. Теперь же предстояло вспомнить все, чему Ковров успел научить его во время их совместных занятий. Тень стала еще больше и вдруг, в одно мгновение она сорвалась с места, бесшумно и быстро заскользив, по направлению к человеку. Мальцев крепче сжал нож и сделал стремительный выпад. Нож располосовал тонкую и невесомую серую плоть, но тень окутала его со всех сторон и сомкнулась над ним, подобно пеленальному кокону. Мальцев почувствовал что умирает. Вся его жизненная сила стремительно уходила из тела через каждую пору кожи, через каждую клеточку. Тень, словно пила из него жизнь, подобно изнывающему от жажды животному, приникшему к прохладной горной речке. Аргус застонал и опустился на одно колено. Так вот оно что. Нет, эти люди все-таки оставались верны стратегии физического невмешательства, в лучших традициях магических войн. Им и не надо было здесь быть. Они создали эту бестелесную тварь и теперь управляли ей на расстоянии, манипулируя

энергетическим балансом в теле намеченной ими жертвы. И, скорее всего именно так и погибли все директора «НОРСА» и, возможно, еще десятки или даже сотни людей в этой ненасытной Москве, вставшие на пути этих невидимых умельцев с возможностями колдунов и навыками убийц. Аргус сделал отчаянное движение и взмахнул рукой. Клинок вспорол тень еще раз и Мальцев почувствовал, что она среагировала, словно вздрогнула от боли. Поле сократилось, и ощущение потери энергии на мгновение стало слабее. Значит, все-таки она уязвима, эта тень-вампи́р. Еще удар и еще. Через несколько мгновений Аргус уже выпрямился во весь рост и кромсал воздух вокруг себя направо и налево, вспарывая пространство четкими изящными движениями кухонного ножа. Увлеченный борьбой за жизнь, он не видел, как открылась дверь в ванную, и изумленная Валерия, закутанная в махровое полотенце, замерла на пороге, растерянно наблюдая за происходящим в коридоре. Со стороны это выглядело ужасно. У девушки было всего только два глаза, и все что она могла увидеть, напоминало буйство психически помешанного человека вооруженного кухонным ножом. Мальцев рычал и наносил удары во все стороны сразу. Нож в его руке мелькал с невероятной скоростью. Так мог двигаться либо действительно ненормальный псих, либо человек, владеющий сложным искусством ножевого боя. Валерия не могла определить, кого она наблюдала в данный момент, поэтому благоразумно стояла молча, ожидая, чем же закончится вся эта ужасающая мистерия.

А тень стала отступать. Несмотря на то, что после каждого удара невесомая серая ткань словно склеивалась заново, ее разрушительная инерция стала ослабевать. Энергокиллер стал меньше в размерах и не так поворотлив. Теперь Аргус просто добивал это неведомое энергетическое образование, понимая что эффект неожиданности противником был потерян, и тень скоро истратит свой энергетический ресурс, который она пополняла, скорее всего, за счет потребляемой энергии жертвы. И будь на его месте обычный человек, он был бы уже мертв несколько минут назад. Причем без видимых физических повреждений и следов убийцы в квартире. И вряд ли, пославшие этого невидимого монстра колдуны могли предположить, что у жертвы не только окажется с собой нож, но и то, что жертва сумеет им воспользоваться.

Тень отступила в сторону кухни. Мальцев продолжал кромсать ее ножом, отслеживая границы противника с помощью сверхчувственного восприятия. Невидимая поверхность энергокиллера покрылась рябью, ощутимой у атаковавшего ее человека, как вибрация идущая волнами по всему телу. Затем тень вздрогнула и рассыпалась в пространстве, опадая клочками темного тумана, таящего в воздухе. Аргус, шатаясь, смотрел на это зрелище, понимая, что поединок со злополучной тенью на самом деле отнял у него остатки сил. Он устало опустился на колени, опираясь о пол свободной рукой и острием ножа, зажатого в другой. В глазах опять потемнело, но теперь в доме не ощущалось постороннего присутствия, а это значило, что атака закончилась. Элемент неожиданности был потерян, и теперь он сможет подготовиться к следующему визиту, кто бы это ни был. Аргус покачнулся и тихо засмеялся. Еще один медведь был убит. Свободной рукой он нащупал талисман у себя под рубашкой. Сколько же еще можно сражаться? И, самое главное, за что? За убеждения? За деньги? За что ему прилетает все это? Или так прессует всех шаманов, сумевших заглянуть за грани плотного мира? Тогда зачем ему нужен этот проклятый дар, видеть невидимое и ощущать непроявленное?

«Черный Волк является неотъемлемой частью каждого воина. Глупо пытаться не замечать его или пробовать избавиться от него. Поэтому у воина остается лишь два варианта — либо он начинает управлять Черным Волком, либо Черный Волк начинает управлять им».

Аргус закрыл глаза и почувствовал что падает.

— Влад...

Тихий голос из недавнего прошлого. Он силится вспомнить, где слышал его, но не может. Волны беспомыслия уже закружили его, унося в призрачные дали искру его сознания.

— Влад, что с тобой?

Валерия. Голос испуганный. Она все видела. Ну и пусть. Каждый идет своим Путем. Нет смысла возвращаться или пытаться оглянуться назад.

«Белый Волк очистит тебя от всего лишнего. Нужно лишь время...»

Алтай. Он зовет его. Зовет...

Там его ждут ответы на все вопросы. Там его ждет таинственная и непостижимая сила Тай-Шин.

«Ты пришел к нам, а это значит, что неведомая Сила привела тебя сюда».

Там его ждет Харон и Ирина.

Мальцев улыбнулся. Перед самым последним моментом прыжка в беспмятство, на грани сознательного и бессознательного, он опять поймал ответ на свой глубинный вопрос. Ведь он знал это, знал...

Если он может общаться с ушельцами на ту сторону этого мира, значит...

...Он может встретиться с Ириной...

Тьма обрушилась внезапно, как будто кто-то включил всепоглощающую беззвездную ночь. Валерия осторожно наклонилась над распластанным на полу телом ее мужа, не понимая, что с ним происходит. Только теперь, после контрастного душа, очищающего сознание, до нее окончательно дошел весь трагизм происходящего. Она села на пол, и обхватив руками колени, закусила губу, тихо заплакав.

Ночь страшных историй заканчивалась.

Он сидел на поляне, окруженной со всех сторон кустами роз. Это было специальное место для медитаций. Здесь он чувствовал себя комфортно и уединенно. Поляна находилась в глубине сада, куда не долетали звуки с дороги. Тишина и покой. Далеко на востоке поднималось ярко-оранжевое солнце, пронизывая пространство живительными лучами, прогоняющими ночную тьму. Аргус сидел неподвижно, чувствуя, как уходит ощущение тревоги и тает внутри глубинный страх.

Война. Он специально приехал в Москву, чтобы сражаться. Он хотел использовать свои возможности для того, чтобы защищать обычных, не сведущих в психофизических противостояниях людей от злобы и властолюбия существ, наделенных, в силу определенных обстоятельств, необычными способностями. Его бесила сама мысль о том, что кто-то, получивший доступ к сверхъестественным, с позиции обычного человека, возможностям, использует эти возможности для удовлетворения своих властных или корыстных амбиций. Он еще мог понять, когда, например, молоденькая девочка, владеющая неосознанными силами, и страдающая от безответной любви к молодому человеку, в сердцах проклинает его, или, еще хуже, «заказывает» своей бабушке-ведунье, проживающей в отдаленной деревне. Он еще мог понять, хотя и с большим трудом, когда изнывающий от своей никчемной жизни неудачник, с латентными способностями великого колдуна исходит завистью на своего богатого соседа, который начинает чахнуть или лишается своего благополучия. Но он никак не мог понять, когда люди, которые осознают свое могущество и прекрасно понимают уровень ответственности за свои поступки, пусть даже интуитивно, но, тем не менее, используют всю мощь своего интеллекта и силу своего духа для осознанного воздействия на противника, которым, в большинстве случаев, является более удачливый друг, обидчик или просто банально заказанный за деньги «объект». Вот именно для противодействия подобным существам и была разработана несколько лет назад система психофизической защиты «Грифон», основанная на древнем наследии воинов-шаманов Тай-Шин и на самых современных разработках в области психологии и безопасности. Эту систему создал Ковров. Но он изначально был против идеи Мальцева

использовать эту систему для создания индустрии услуг, основанной на защите от невидимого влияния. Когда Мальцев уезжал в Москву, Ковров отговаривал его ехать. Он сказал тогда, что уже прошел этот участок пути, и опыт его психофизических баталий показал тщетность подобной стратегии — когда группа людей пытается противостоять другой группе, гораздо большей по численности. Он сравнил эту войну с истреблением рыжих муравьев на кухне. Когда на смену десятку маленьких назойливых насекомых, приходят сотни. И так до бесконечности.

«Система муравейника, — сказал он тогда, — создана таким образом, что муравьев невозможно уничтожить. Они лишь рабочая сила. Они лишь подчиняются командам муравьиной Матки. Так же и люди. В самой основе существования современного вида человека лежат ущербные механизмы мировосприятия. И каждый человек является потенциальным колдуном, который неизбежно начинает вредить своим собратьям в той или иной степени. Люди, если они не захотят измениться, обречены быть аналогами рыжих муравьев, рабочими механизмами. Единственной их глобальной целью всегда будет содержание Матки. В процессе реализации этой цели, они будут постоянно воевать друг с другом, отбирая друг у друга аналоги пищевых крошек: деньги, положение, власть, славу, сексуальных партнеров. И противостоять миллиону, подчиненных одному стимулу, существ, по крайней мере, неразумно, бесполезно и утомительно».

«Но ведь можно уничтожить Матку, — возражал Мальцев, — тогда муравьи исчезают. Если уничтожить управляющий механизм, управляемая система выйдет из строя. Значит можно уничтожить те программы, которые делают людей муравьями».

«Да, муравьи исчезают. Но, во-первых, ненадолго, а во-вторых, Матку не так просто уничтожить. И не забывай, «Грифон» создана как система обороны, а не нападения. Вся ее стратегия построена на этом. Если ты начнешь искать Матку, это еще не значит, что ты сможешь ее найти. А если найдешь, то не значит, что сможешь уничтожить. Но даже если ты ее уничтожишь, то на ее место вскоре придет другая Матка, и все начнется сначала».

«Что же тогда можно сделать?»

«Ничего, — Ковров, улыбаясь, смотрит на озадаченного Влада, — в том-то все и дело, что тут сделать ничего нельзя. Масштабы слишком велики. Но... — он делает значительную паузу, — Иногда муравьи просто исчезают вне зависимости от уровня противодействия их существованию. Происходит что-то... и они просто уходят куда-то, все до одного. Вот именно в этом «что-то» и кроется высшая тактика боевого искусства. Не делать ничего для того, чтобы произошло что-то... Защищать людей, не защищая их. Неслабая головоломка для наших мозгов?».

Можно было сказать, что именно Ковров создал Агентство. Его философию, его инструментарий, его базу. И когда он покинул Москву и вернулся на Алтай, то люди, работавшие под его руководством, пытались удержаться в этой сложной и опасной сфере бизнеса. Однако безрезультатно. И когда в Москву приехал Мальцев и нашел остатки некогда могущественного Агентства, то все сотрудники с энтузиазмом приняли его в качестве своего нового Руководителя. Конечно, немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что Мальцев представился учеником Коврова. Однако он на самом деле очень быстро нарастил мускулы на этом основании, упрочив позиции Агентства в специфическом виде новомодного бизнеса и вернув ему былой статус. Аргус очертя голову смело ринулся в бой, покоряя своим мастерством и своим нетрадиционным подходом к обеспечению информационной безопасности, кишащую колдунами и черными экстрасенсами, Москву. И вот теперь он столкнулся с кем-то, значительно превосходящим его по возможностям. Что теперь оставалось делать в этом случае? Сражаться дальше или уйти в тень, отступить?

Первый вариант. Еще вчера он бы даже не колебался, чтобы дать сотрудникам Агентства

отбой по всем направлениям, связанным с этим делом. Заказ по «НОРСУ» они получили неофициальный. Венгерцев, правда, заплатил им аванс — весьма солидную сумму. Но ведь этот аванс они сполна отработали: собрали солидный объем информации по атаке на «НОРС». И, не смотря на то, что Венгерцев погиб, Мальцев планировал передать эти материалы нынешнему руководителю НПК Торопову. Влад усмехнулся. Внешне это могло выглядеть довольно нелепо, но только сотрудники Агентства знали истинную цену этой информации. АКБ работало практически в режиме военного времени — утром, днем, вечером и ночью. Специалисты по сбору информации рыскали по городу, просеивали Интернет, встречались с нужными людьми и приносили в офис переполненные информацией фото- и видеокамеры, диктофоны и электронные записные книжки. Аналитики сидели перед призрачно мерцающими мониторами компьютеров, составляя различные схемы, графики и таблицы. Специалисты по нетрадиционной диагностике сидели над фотографиями, как зачарованные наблюдая за мерными движениями маятников, вращающихся на тонких серебристых цепочках. Этому его тоже научил Ковров. Маятник был древнейшим инструментом, используемым в традиции сибирских шаманов. С его помощью шаман получал необходимую информацию «из мира духов». Современные ученые назвали бы этот мир Единым Информационным Полем, но смысл оставался тем же — развивший свою чувствительность человек получал возможность настраивать свое сознание на взаимодействие с этим Полем, получая доступ к информации практически любого уровня. Одним из подручных инструментов настройки на это взаимодействие был как раз маятник. Ковров научил Аргуса изготавливать маятник, оживлять его, понимать его язык и защищать себя от негативных аспектов чужеродной информации, которую приходилось выуживать из Информационного Поля, словно опытному рыбаку, подсекающему стремительную и осторожную рыбку, ухватившуюся за соблазнительную наживку. Приехав в Москву, Аргус адаптировал все полученные знания к современным условиям, и для Агентства перестали существовать стены и расстояния. Работа с материалами, накапливающими информацию, стала основной деятельностью АКБ. А его основным девизом стали слова Коврова, которые как нельзя точнее отражали принципы современной охоты в информационном пространстве:

«Любой объект в этом мире оставляет СЛЕД. А значит, его можно ВЫСЛЕДИТЬ...».

И вот они выследили... А когда поняли кого, то отступить в тень было уже поздно. Их кончено же заметили. И, несмотря на то, что они даже не делали попыток вмешиваться в этот конфликт, пытаясь ограничиться только информационным обеспечением, события прошедшей ночи показали, что отсидеться с подобным материалом на руках не получится. Можно даже было не передавать пакет документов Торопову. «НОРС» был обречен, это было понятно. Но против «НОРСА» работали профессионалы, а профессионалы очень любят оставаться «инкогнито». С другой стороны, Мальцев надеялся, что раз пока к ним не применили ни одной меры воздействия, значит, дают время сообразить и отойти в сторону. Профессионал никогда не будет беспорядочно бить по полям, он всегда наносит точечные рассчитанные удары. Но вот это ощущение невидимого наблюдения... «Ни одной меры воздействия». А Валерия? Невидимый хирург произвел глубокий разрез и теперь показывал пациенту его левую руку, безмолвно ожидая, придется ли резать дальше или ограничиться этой демонстрацией своих хирургических талантов. А серый киллер-невидимка, сосущий человеческую жизнь, будто сухая губка, жадно впитывающая живительную влагу. Это был явно смертельный удар. Своеобразный «black code», «черная метка». Значит, АКБ уже оказалось втянуто в эту войну.

Не открывая глаз, Аргус медленно поднял руку, дотрагиваясь пальцами до амулета на груди. Коготь был прохладным на ощупь, словно тепла человеческого тела не хватало на то, чтобы нагреть его. А клык, наоборот, был теплым, будто напитанным энергией человеческой крови,

бегущей по венам под тонкой поверхностью кожи. Аргус сжал их в руке и почувствовал знакомое ощущение нарастающей ярости. Он никому не позволит вставать на его пути: ни медведям, ни обкуренным гоблинам, ни убийцам-невидимкам с навыками колдунов-хирургов. Но ведь в Агентстве работают еще люди. Пятнадцать человек. И понятно, что все они знали, куда устраивались на работу и какого уровня риску подвергались. Но тем не менее... Через несколько часов в офисе АКБ должно было состояться экстренное совещание всех сотрудников для того, чтобы выработать стратегию поведения в данной ситуации. Сражаться... Сражаться с противником имеющим явное превосходство всегда называлось героизмом. Погибнуть героем? Оценят ли этот героизм люди, которые даже не подозревают о самом существовании среди них скрытых манипуляторов, владеющих сверхъестественными силами? Вряд ли. Скорее всего, никто из жителей этого огромного муравейника даже не узнает о том, какая драматическая война разворачивалась в сутолоке суматошной столичной жизни. «НОРС» скоро будет, скорее всего, разорен или перейдет к новым руководителям. О маленьком Агентстве, штат которого составлял всего пятнадцать человек, вообще никто не вспомнит. Ради чего тогда все это? Понятно, что не ради денег. Ради морального удовлетворения? Аргус не чувствовал себя удовлетворенным. Наверное, прав был Ковров, когда говорил, что эта война не может быть выиграна подобными методами. Ради выживания? Но ведь выжить можно, не обязательно бросаясь на амбразуру дота. Тогда что? Уйти? Скрыться? Исчезнуть? Уехать туда, где его уже не достанут даже бестелесные серые убийцы.

Алтай. Ведь недаром его зов так силен последнее время. Недаром он пробуждает воспоминания. Недаром он защищает, давая возможность вернуться. Недаром Ковров сбежал из Москвы, вернувшись на Алтай.

«Ты еще можешь уйти...».

А как же Агентство? Как все те люди, которые поверили ему, которые честно работали с ним, противопоставляя свои знания злу и насилию, захлестывающим Москву? Их тоже взять с собой в благословенный мир золотых гор?

«Путь армии отследить легко. Путь одиночки сложно». Эта древняя мудрость слишком поздно всплыла в памяти, оставляя чувство горечи и обреченности.

Аргус открыл глаза и, прищурившись от ярких солнечных лучей слепящих глаза, медленно поднялся на ноги. Его маленькая армия ждала в офисе. Война колдунов началась.

Глава 3. ЗОЛОТО ИНКОВ

Мир боли и страха

«Вы можете думать, что все изложенное ниже — вымысел или художественное преувеличение. Но я сам был свидетелем происходящему, и с ужасом и благоговением готов свидетельствовать, что все описанное очевидцами истинно существует. Признаться, после пережитых событий, мир стал восприниматься мной по-другому. Не хуже, нет. Я просто понял, что он вмещает в себя много больше, чем мы можем себе это вообразить».

«Экспедиция в далекое лето». Литвинов С.Е.

Психофизические войны совсем не напоминают привычные боевые действия, в которых есть хоть какая-то определенность. Не происходит ничего из ряда вон выходящего: никаких взрывов, выстрелов, провокаций. Просто что-то начинает происходить... Причем это «что-то» абсолютно не выделяется на привычном общем фоне — просто вдруг у человека обострилось хроническое заболевание или начали возникать проблемы в бизнесе. Ничего необычного, все укладывается в рамки понятий об очередной «черной полосе». Никаких явных противников и злоумышленников. Изменения от психофизических ударов могут быть быстрые и медленные, последствия могут быть разрушительными и не очень. Все зависит от силы воздействия и его фокуса. Но одно обстоятельство присутствует в самом принципе ведения подобных войн — для них нет ни стен, ни расстояний. Потому что в основе этих войн лежит воздействие, основанное на информационных изменениях в поле, которое пронизывает привычный материальный мир. Соответственно и защита от невидимых ударов должна иметь информационную природу.

Мальцев опять предавался воспоминаниям сидя в своем автомобиле и закрыв глаза. Ему необходимо было вспомнить сейчас многое из того, чему обучал его Максим Ковров, и что он, возможно, упустил, когда создавал свою империю психофизической безопасности.

Алтай. Далекие горы в призрачной дымке облаков. Открытая беседка, напоминающая своими очертаниями традиционный алтайский аил. Густая ветвь кедра склонилась подобно навесу над небольшой статуей Будды, стоявшей рядом с беседкой и окруженной чашечками с дымящимися травяными смесями. Ковров, облаченный в черный халат, расшитый красными и синими рунами, сидит рядом с Мальцевым. Они в гостях у одного из друзей Коврова, странного человека по имени Чоло. Хозяин беседки деликатно оставил коночи — гостей, одних, предварительно вручив каждому по большой чашке, наполненной ароматным чаем, в котором угадывались экзотические нотки алтайских трав.....

— Мы называем их «инки»... — Ковров произносит это смутно знакомое Мальцеву слово и молчит, словно ожидая от собеседника какой-то ответной реакции.

— Инки? Это что-то связанное с ацтеками?

— Это аббревиатура. «Информационные киллеры» или сокращенно — «инки». Так проще обозначать ту категорию людей, которые могут стать твоими основными противниками, если ты выберешь в качестве своей социальной деятельности сферу информационной безопасности, так как это сделал в свое время я, когда еще только начинал адаптироваться в мире социальных взаимоотношений.

— Кто они?

— Это люди, которые поставили свои сверхъестественные возможности на службу своему раздутому эго. Информация. Что это такое, по-твоему?

Мальцев задумчиво пожимает плечами.

— Ин-форма-ци-я, — медленно повторяет почти по слогам это слово Ковров, словно разбирая его на уроке русского языка, — подумай на досуге. Сейчас лишь скажу тебе, что информация лежит в основе всего, что нас окружает. Вот посмотри на это дерево. Оно содержит в своей основе определенный информационный шаблон. Повлиять на это дерево можно по-разному. Но как ты сможешь повлиять на него, если будешь находиться на значительном расстоянии?

— Подумаю о нем. Мысль ведь тоже является информационным носителем. Информация мысли и информация шаблона дерева вступят во взаимодействие.

— Хорошо. Но этого мало. Для того чтобы повлиять на дерево нужно его чувствовать. Поэтому, можно сказать, что информация и чувства являются двумя аспектами одной медали. И именно поэтому, для того, чтобы развивать возможности информационного влияния, необходимо развивать сферу чувственного восприятия. А вот здесь кроется очень коварная ловушка. И «инки» стали ее пленниками. Можно сказать, что здесь необходима дисциплина, некая этическая составляющая, которая не позволит тебе вмешиваться в информационный шаблон дерева, как и любого другого предмета с целью его изменения. У «инков» подобной дисциплины нет, поэтому они считают, что могут влиять на все вокруг, изменяя мир вокруг себя в соответствии со своими неумными желаниями. «Инк» — это обычный человек, со своим прежним уровнем осознания, но человек, обладающий возможностями, позволяющими ему навязывать свою волю окружающим. Можно сказать, что это человек, который нашел волшебную палочку и принялся тут же воплощать в реальность все свои самые потаенные мечты и желания. Представляешь, какие мечты и желания присутствуют у большинства людей?

Мальцев готов поспорить:

— Постой, но ведь среди них наверняка есть люди, поднявшиеся за счет своих новых возможностей на более высокий уровень развития.

Ковров скептически качает головой.

— Если человек поднимается на более высокий уровень развития, он никогда не будет причинять вред другому живому существу. «Инки» же движимы жадной властью или денег. Это злые колдуны, отягощенные злом и властолюбием.

— И как им можно противостоять?

Ковров поднимает вверх указательный палец:

— Защита от информационного воздействия должна иметь информационную природу. Для начала необходимо попытаться понять основную схему воздействия на свою жертву, которую используют в своих нападениях «инки». Очень сложно предугадать с какой стороны ударит противник. Особенно, если этот противник изощрен в искусстве атаки. Но можно практически наверняка узнать, куда он ударит! Понимаешь? Нет смысла думать об этом, сжигая нервы, энергию и время, тем самым дополнительно себя истощая. Это же элемент тактики информационной войны. Самая примитивная информационная закладка. Довести до жертвы деструктивную информацию, которую мозг тут же начинает анализировать, генерируя всевозможные варианты развития событий. И тогда жертва начинает сама себя разрушать. Без шума и пыли. И вибрационного воздействия никакого не надо. Весь мир превращается в потенциального агрессора. Представляешь, каково это, воевать с окружающим миром? А на самом деле, эта война существует лишь в вашем воображении, является лишь вашим собственным порождением. А в окружающем мире всего лишь прячется в толпе хитроумный и честолюбивый человечек, который только довел до жертвы совершенно бредовую информацию,

несколько фраз или даже слов. И жизнь жертвы превращается в кошмар — именно то, что зачастую и нужно «инкам». Поэтому, стратегия активной самозащиты здесь не срабатывает. Это аксиома — «инк» может нанести удар только в слабое, незащищенное место. Он может зацепиться только за что-то внутри своей жертвы. Если зацепиться не за что, атака проваливается. Именно поэтому, самой эффективной стратегией является создание зеркального щита вокруг объекта нападения. Безопасность — это следствие нейтрализации внутренних конфликтов. Ты начинаешь не злоумышленника искать, им может оказаться кто угодно, даже самый родной и близкий тебе человек. Ты начинаешь делать себя легким, прозрачным, пустым, превращая свою жизнь в непрерывный путь духовного роста. Поэтому стратегия истинной победы заключается не в схватке, а в самосовершенствовании, когда противник даже не помышляет напасть на тебя...

Мальцев открыл глаза и посмотрел за окно своего автомобиля, который стоял в каком-то старинном двореке с ветхими трехэтажными домами.

«Странно» — подумал Мальцев. Он много раз ездил этой дорогой, но на эти дома никогда не обращал внимания. А они словно выпали из далекого прошлого — трещины на кирпичных стенах, яркие клумбы, изобилующие цветами и густой зеленью. Такие дома были привычным явлением в семидесятых годах, но никак не в начале нового тысячелетия, когда на месте подобных развалин взлетали в небо многоэтажные зеркальные монолиты. Особенно, почти в самом центре Москвы. Мальцев заехал в этот дворик случайно. По дороге на работу ему позвонил его заместитель Строганов и сообщил, что в офисе проводится какая-то силовая акция. Люди в черных масках и с оружием. Все сейфы и компьютеры заблокированы. Все ждут его, Мальцева. Строганов сообщил оперативникам что директор находится в командировке, и, воспользовавшись случаем, набрал его по мобильному телефону. Сеанс связи прервался неожиданно, видимо Строганов больше не мог говорить, всему персоналу, скорее всего, запретили пользоваться любого рода связью до окончания проведения оперативных действий.

«Опель» свернул с автострады и завернул в этот спокойный, будто затерявшийся во времени, дворик. Мальцев сидел в автомобиле и отрешенно смотрел за окно. Телефон знакомого чиновника из МВД не отвечал. И это был тревожный знак. Учитывая уровень услуги, которую Мальцев в свое время оказал этому человеку, этот номер был доступен для него всегда. И если сейчас «должник» безмолвствовал...

Если он сейчас появится в офисе, то неизвестно чем это может закончиться. Скорее всего, его свобода будет ограничена — неважно каким предлогом воспользуются для этого люди, посетившие их офисный центр. В компьютерах и сейфах нет ничего противозаконного. Вся информация хранилась в специальной информатеке, которая существовала в виде двух мощных компьютерных систем, снабженных всевозможными защитами и значительной базой памяти. Компьютеры находились на съемной квартире, о существовании которой знал только Мальцев. Вся информация передавалась через Интернет в одностороннем порядке, так что обнаружить по каналу передачи место назначения было крайне затруднительно. Но если бы это была обычная инспекция... В свете последних событий не вызывал сомнения тот факт, что противники АКБ задействовали свои силовые связи — тот же ресурс, который использовался в схеме давления на «НОРС». Что это было — МВД, ФСБ или еще какая-нибудь силовая структура было в принципе неважно. Противник нанес очередной удар, который также был элементом сложной информационной коррекции, проводимой невидимыми профессионалами. Официальный центр АКБ был парализован, но это не значило, что истинный ресурс Агентства был выведен из работоспособного состояния. Мальцев решительно развернул автомобиль, намереваясь покинуть этот гостеприимный дворик, подаривший ему несколько минут тишины и одиночества, так

необходимых ему для размышлений. Когда «Опель» уже выезжал на автостраду, дорогу ему преградила черная «Волга» с тонированными стеклами. Сигналить этому нахалу не имело никакого смысла, потому что была очевидна принадлежность этой машины к автопарку силового ведомства — от нее неуловимо исходили флюиды, характерные для энергетики спецслужб.

Мальцев обреченно откинулся на спинку водительского сидения. Выследили все-таки...

«Все. Вот теперь все... — устало подумал Владислав, прищурившись наблюдая за зловещим автомобилем в ожидании дальнейшего развития событий, — Как в кино, прямо».

«Волга» развернула передние колеса и медленно двинулась вперед, сворачивая с автострады и тесня «Опель» обратно в старенький дворик. Мальцев кивнул и, принимая навязываемые ему условия, обернулся и дал задний ход, возвращая автомобиль на место своей недавней стоянки. Ему даже стало как-то легче. Во-первых, отпала необходимость в принятии дальнейших решений, во-вторых, было даже символично, что все закончиться в этом уютном дворике, вырванном из прошлого неведомыми законами времени. Когда «Опель» уперся задним бампером в оградку одной из клумб, Мальцев повернулся и посмотрел на черный автомобиль, преградивший ему дорогу к свободе. Теперь, когда «Волга» стояла фронтально, зеркальный эффект боковых стекол не распространялся на лобовое стекло, что позволяло разглядеть силуэты и смутные очертания лиц находившихся в салоне. Мальцев опустил солнцезащитный козырек, гасящий яркий солнечный свет, бьющий прямо в глаза и, приглядевшись к визитерам, вздрогнул, почувствовав, как перехватило дыхание и сильно забилось сердце, прокачивая усилившийся поток крови, обильно снабженный хлынувшим туда адреналином.

Этого просто не могло быть. Хотя, учитывая события последних дней... Сумасшествие...

Прямо на него из сумрака салона черной «Волги» внимательно смотрел... Харон!

Мальцев едва успел открыть дверь и опустошить содержимое желудка на землю. Его выворачивало так, как будто кто-то специально сжимал железными тисками внутренности, исторгая из тела жуткое напряжение последнего времени.

Харон! Харон... Не может быть... Здесь, в городе. Призрак из далекой алтайской тайги. Последний страж тела Ирины. Философ из сновидения.

Мальцев постарался унять эту жуткую дрожь во всем теле.

— Сделайте несколько глубоких вдохов и ровных выдохов. Это поможет.

Голос незнакомый. И совсем не похож на голос духа, охраняющего заброшенный залив. Мальцев судорожно вздохнул и чуть поднял голову, разглядывая дорогие ботинки, державшиеся на деликатном расстоянии от рвотных масс.

— Это бывает. Спастика внутренней мускулатуры. Возникает в результате стресса или сильного испуга.

Мальцев сплюнул горькую слюну и поднялся вверх, разглядывая собеседника. Ошибка. Это был не Харон. Возбужденное воображение наделило чертами воспоминания человека лишь внешне похожего на загадочного призрака. Тоже полностью лысая голова и пристальный взгляд серых глаз. Но если у Харона глаза были скорее бесцветными, у визитера они наоборот постоянно меняли насыщенный цвет в рамках всего серого спектра.

— Кто вы?

Незнакомец улыбнулся и показал Мальцеву глазами на переднее сидение, располагающееся рядом с водительским. Владислав кивнул головой, словно приглашая незваного гостя войти на его территорию. Лысый человек сел в автомобиль и аккуратно закрыл за собой дверцу.

— Скоков Борис Леонидович, — представился он и, выдержав непродолжительную паузу, добавил, — полковник Федеральной Службы Безопасности.

Мальцев кивнул, словно подтверждая свои ожидания.

— Понятно. Мне представляться не нужно, я правильно понимаю?

Скоков усмехнулся.

— Да, Владислав Сергеевич, не стоит, у нас и так мало времени. Я надеюсь, вы понимаете, что наша встреча не носит случайного характера? Ну, вот и отлично, тогда не будем затягивать беседу. Времени у нас на самом деле немного. Насколько я знаю, у Вас очень серьезные неприятности?

В ответ на удивленный взгляд директора АКБ, полковник спохватился и добавил:

— А-а, нет, сразу обозначу диспозицию — я не отношусь к лагерю людей, которые сейчас ждут вас в офисе Агентства. Можно сказать, совсем наоборот, я здесь, для того чтобы помочь Вам, Владислав Сергеевич. А Вы, в свою очередь, поможете мне.

Мальцев пожал плечами.

— Вы, я вижу, очень проницательный и информированный человек, Борис Леонидович. Но у меня нет ни малейших оснований доверять Вам. Тем более, учитывая обстоятельства о которых Вы прекрасно осведомлены.

Скоков поморщился.

— Время. Время, Владислав Сергеевич! Давайте не будем тратить его на всякую ерунду. Я представляю ФСБ, а Вами занимается служба по экономическим преступлениям и отдел «Р». Знаете что это такое?

Мальцев кивнул. Скоков внимательно смотрел на него своим тяжелым взглядом, будто подталкивая к осознанию простейших истин.

— Я — полковник ФСБ. Это не тот уровень, чтобы лично присутствовать при задержании. В офисе Вас ждут оперативные сотрудники. Доходит до Вас? Чтобы окончательно снять недоверие к моей персоне, добавлю, что являюсь... — Он замолчал, и поправился, — Являлся очень хорошим знакомым Венгерцева.

Мальцев нахмурился, пытаясь сообразить.

— А-а... «крыша»?

Скоков облегченно вздохнул.

— Несколько вульгарное представление, но в самом широком смысле, да. Официальная крыша, с тремя слоями рубероида и дорогой черепицей. Я возглавляю Комитет, курирующий «НОРС». Теперь понятно?

— Теперь — да.

— Насколько я понимаю, мы с Вами заинтересованы в помощи друг друга. Мы — потому что нам необходима информация. Вы — потому что без нашего участия, Вы из этой ситуации точно не выберетесь. Итак... Меня интересует та информация, за которую Вас сейчас так жестко прессуют.

Мальцев грустно усмехнулся и тоже пристально посмотрел собеседнику в глаза.

— Боюсь, Вы мне не поверите.

Скоков удивленно вздернул брови.

— Почему Вы так считаете?

— Потому что то, с чем мы столкнулись, имеет весьма необычную интерпретацию и непривычно для людей... не подготовленных.

Скоков засмеялся, откидываясь на спинку кресла.

— Ну-у... Пусть Вас это не смущает. Я в достаточной мере подготовлен, поверьте мне. И отнесусь к Вашей информации с должным вниманием.

Увидев удивленный взгляд Владислава, он доверительно произнес, чуть наклоняясь вперед:

— Открою Вам небольшую тайну. В качестве гарантий наших доверительных отношений.

Сейчас об этом уже можно упоминать, потому что срок давности вышел, да и государства, которое обязало меня к неразглашению, уже не существует. Я сам занимался в свое время нетрадиционными методами дистанционного воздействия на человека. Поэтому, как Вы выражаетесь, я подготовлен.

— Пресловутые исследования КГБ? — прищурившись, спросил Мальцев.

— Об этом лучше не упоминать, — улыбаясь, мягко произнес Скоков, — лучше не ворошить историю. Она скрывает в себе множество призраков, которых не следует будить.

Мальцев кивнул. Он вспомнил, что ему встречалась информация о разработках КГБ в области биоинформационных технологий. Однажды ему попался любопытный материал, представленный неким Фроловым, президентом одной эниологической организации. Согласно источнику, в 1987 году в Совмин СССР был представлен пакет документов, озаглавленный следующим образом — «О необходимости использования методов биоэнергетики в интересах народного хозяйства и обороны страны». В последнем разделе, четвертый пункт гласил: «Разработка методов и макетов средств дистанционного управления психологическим и физическим состоянием человека, воздействие на механизм принятия решений». Разработкой этой тематики тогда занимались Военно-промышленная комиссия ГКНТ СССР и Академия наук.

— Понятно, — пробормотал он, — изучали возможности колдунов и экстрасенсов?

Скоков сделал неопределенное движение рукой, словно подчеркивая свое нежелание углубляться в эту тему. Если бы только Мальцев мог предположить, что ему пришлось пережить там, в Японии, он не стал бы тратить время на свой вполне закономерный скепсис.

— Ну, тогда, Вы меня поймете, я надеюсь, — Мальцев обернулся и, потянувшись вглубь салона, достал с заднего сидения объемистую кожаную папку, протянув ее полковнику.

— Здесь все.

Он облегченно вздохнул, когда Скоков взял папку в руки.

— Мы называем их «инки»...

Для многих людей детство воспринималось как время зависимости и ограничений, поэтому многие дети мечтали поскорее стать взрослыми. Десятилетний Алик Рубальский обладал редким для подросткового возраста самоощущением взрослого человека и обликом ребенка. В свои десять лет он уже овладел своеобразной профессией, работал в солидной организации и использовал свои внешние данные для наиболее эффективного решения производственных вопросов. Правда и род деятельности и сфера ее применения были совершенно далеки от всего того, чем жили его ровесники. Алик убивал людей. Более того, в свои десять лет он имел послужной список равный списку какого-нибудь наемника, ни один год воевавшего в активной «горячей точке». Алика очень ценили на его работе, потому что он был профессиональным ликвидатором, владеющим уникальным даром останавливать на расстоянии работу сердечно-сосудистой системы. Поэтому его детство закончилось очень рано, а взрослая жизнь была пропитана насквозь духом смерти. Своего отца Алик не знал, а его мама, Виолетта Рубальская, пропала при весьма загадочных обстоятельствах. Когда мальчика забрали к себе его работодатели, они не объяснили ему, что произошло с его родителями. Они сказали лишь, что его дар является очень редким, передается по наследству, и если не проявляется и не используется до шестнадцати лет, то исчезает. Со своей стороны, они приложили максимум усилий, чтобы эта способность в юном даровании не погасла.

Мастер спорта по вольной борьбе Протасов Александр Михайлович прошел сложный путь от заслуженного спортсмена до участника ОПГ — организованной преступной группировки.

Это был огромный размеров тяжеловес, который после ухода из профессионального спорта начал стремительно набирать килограммы. За свою специфическую внешность он получил прозвище *Портос*, которое приклеилось к нему крепче, чем собственное имя. Но самой отличительной особенностью человека-горы была невероятная способность к убеждению. *Портос* обладал то ли необыкновенной харизмой, то ли даром внушения, но результат любых переговоров всегда складывался в его пользу. Этим активно пользовались его криминальные коллеги, привозя с собой на «стрелки» внушительную фигуру профессионального борца, который помимо «убалтывания» любого, даже самого разговорчивого оппонента, отлично владел исконным древним оружием — кистенем. *Портос* был незаменимым человеком в бригаде, но после того, как он столкнулся с невзрачным невысоким человеком полуазиатской внешности, по прозвищу *Директор*, его жизнь круто изменила свое течение. Все лидеры ОПГ погибли при весьма странных обстоятельствах, а остальные члены группировки были рассеяны несколькими грандиозными акциями, проведенными силовыми структурами. Кого-то посадили, кто-то подался в бега, кто-то стал законопослушным гражданином, дав подписку о негласном сотрудничестве. В общем, ОПГ развалилась как карточный домик, а *Портосу* предложили интересную и высокооплачиваемую работу в организации под скромной вывеской — «ИНИС». Так начался новый этап в жизни мастера убеждений.

Человека по прозвищу *Север* не знал никто, зато он мог узнать практически все о любом человеке. Большую часть своей жизни он провел в специальных психоневрологических клиниках, пытаясь излечиться от целого сонма различных психических расстройств, сопровождающихся странными видениями. Он был еще не стар, но его недуги истощили здоровье, и выглядел *Север* гораздо старше своих лет. Для него все закончилось пасмурным мартовским утром 1995 года, когда к нему в палату зашел скромно одетый человек в аккуратном костюме серого цвета. Они встретились взглядами, и этого было достаточно, чтобы у обоих сложилось впечатление друг о друге, и оба человека поняли, что могли бы быть очень полезны друг другу. Человек в сером костюме каким-то непостижимым образом организовал выписку хронического пациента из клиники и стал впоследствии его непосредственным начальником. А *Север*, настоящее имя которого забыл даже он сам, получил очень странную должность, которая целиком отражала суть того, чем ему теперь предстояло заниматься — *Ловец*. Его «заболевания», от которых его безрезультатно пытались излечить на протяжении многих лет врачи, стали трепетно развиваться и активно использоваться. Охота на людей стала приоритетным видом деятельности экс-психобольного *Ловца Севера*.

Скоков очень внимательно слушал собеседника, задумчиво потирая кончик носа указательным пальцем, иногда перебивая, чтобы уточнить ту или иную информацию. А *Мальцев* выговаривался, чувствуя, как ему становится все легче и легче:

— Объем работы колоссальный. Они используют многие исполнительные организации «в темную». Например, ту же милицию. Поэтому их штат вряд ли многочисленен. На информационном уровне все это вполне могут осуществить всего лишь несколько человек. Все что для этого нужно — это хорошая служба по сбору информации. А вот уже с этой информацией профессиональные «инки» могут творить чудеса. Причем вычислить их можно только лишь в одном случае.

— Как? — *Скоков* подался вперед, словно гончий пес, приготовившийся к броску. *Мальцев* развел руками.

— Только аналогичными методами. Больше никак!

Скоков, прищурившись, посмотрел *Мальцеву* прямо в глаза.

— Вы их нашли?

Аргус взгляда не отвел и кивнул головой на папку лежавшую на коленях полковника.

— Да, нашли. Здесь все, что нам удалось накопать. Это небольшая контора, которая скрывается под неброским названием «ИНИС» — «Информационные Исследования». Но те исследования, которыми там занимаются... — он сделал паузу, — Вы должны очень четко отдавать себе отчет — это очень опасные люди. Они профессиональные убийцы, но убийцы нетрадиционные. Можно без всякой иронии назвать их современными колдунами, невидимками. Поэтому, наша информация не послужит основанием для официальных санкций. Вам придется действовать неофициально и быстро. Боюсь, времени у Вас действительно осталось очень мало.

— В чем заключается стратегия «инков», делающая их неуловимыми? — Скоков внес какие-то пометки в портативную электронную книжку, которую достал из внутреннего кармана пиджака.

— В том, что они действуют дистанционно, — Мальцев выразительно посмотрел на собеседника. — Они не нарушают законов, их никто никогда не увидит. Они вообще могут находиться в другой стране, за тысячи километров от своей жертвы. Они работают на информационном уровне, вот в чем их безоговорочное преимущество.

— Эти «инки» значит, что-то вроде информационных снайперов? Интересно. А что они используют в качестве исходной информационной матрицы? Ведь и снайперу нужна четкая цель. Если они находятся далеко от объекта своего воздействия, как они фокусируются на нем? Представляют его в своем воображении?

Мальцев молча достал из чехла мобильный телефон, словно намереваясь кому-то позвонить. Несколько мгновений манипуляций с клавишами, и он, передумав звонить, убрал телефон обратно.

— Все, — сказал он и развел руками.

— Что, все? — удивленно спросил Скоков, а затем вдруг понимающе кивнул, — Цифровая камера?

Мальцев улыбнулся.

— Совершенно верно. Я сфотографировал вас на встроенную в телефон камеру. Качество, конечно, не ахти, но и этого может быть достаточно. Фото является достаточно четкой информационной матрицей. Правда, не цифровое. Цифровое фото очень сильно уступает пленке. Вот на пленку ложиться практически полный электромагнитный пакет вашей личности. Поэтому профессионалы предпочитают работать с профессиональной фототехникой, в большинстве случаев снабженной очень мощной увеличивающей оптикой.

— Так это что, для того чтобы «инк» начал работать со мной, ему необходимо мое фото? — полковник опять задумчиво нахмурился. У него это получалось очень забавно. Он становился похож на маленького серьезного мальчика, которому предстояло решить очень сложную задачу.

— Вовсе не обязательно, хотя и желательно. На самом деле, «инки» стараются использовать целый комплекс матриц. Все, что является энергосодержащей субстанцией: слюна, волосы, ногти, ваша одежда, кал, моча, кровь. Все то, что в средние века знающие люди старательно скрывали от чужого внимания. Прятали, зарывали в землю, топили в реках и озерах, жгли. Современные люди более беспечны. Хотя, не мне Вам объяснять, современные технологии позволяют многое. И собрать о вас подобную информацию стало чрезвычайно просто. А когда информация собрана, и «инк» получает матрицу, вопрос вашего присутствия перестает быть актуальным. Вы можете хоть в Антарктиду уехать и спрятаться там в подземном бункере. Повторяю, для «инков» не существует ни стен, ни расстояний.

— Это... что же... Вы хотите сказать, что эти «инки» охотятся даже за испражнениями?

Мальцев пожал плечами.

— Ну, зачем же «инки». Для этого есть специалисты иного уровня. В подобных фирмах существуют целые службы, которые как раз тем и занимаются, что собирают необходимую информацию. Изучают ваше поведение, отслеживают распорядок вашего рабочего дня, изучают ваши фобии, привязанности и привычки. И поверьте мне, если «инкам» будут необходимы ваши испражнения, они их получают. За вами будут ходить сутками лишь для того, чтобы соскрести ваш неосторожный плевок с асфальта. Ваши анализы в больнице будут покупаться за огромные деньги. Фотоснайперы будут выслеживать вас круглые сутки, чтобы сделать невидимый выстрел, нажав на кнопку фотоаппарата. Под видом бомжей, их спецы будут копаться в мусорных баках, перебирая ваши отходы. Это целая индустрия. И это большие деньги.

В салоне автомобиля опять возникла молчаливая пауза, которую, спустя несколько минут, нарушил Скоков.

— Думаете это все из-за денег?

Мальцев отстраненно посмотрел на папку, потом на полковника.

— Не знаю. Для меня это не имеет в данной ситуации никакого значения. А вот Вы, Борис Леонидович, теперь знаете, с кем имеете дело. Не страшно?

Скоков вздохнул и полузакрыв глаза, словно млея от яркого летнего солнца, пытающегося проникнуть в прохладный салон автомобиля.

— Это моя работа. Кроме того, Венгерцева я знал лично. Это был потрясающий человек. Все мечтал спасти человечество. Идеалист высшей пробы, в хорошем смысле этого слова. Поэтому теперь это и моя проблема. Вы что планируете дальше делать?

Мальцев усмехнулся.

— Защищаться... Они не оставили мне иного выбора.

— Будем координировать наши действия? Мне, скорее всего, может понадобится как Ваша консультация, так и практическая помощь. В этой области я хоть и не полнейший профан, но не настолько подготовлен как Вы. А кстати, Владислав, откуда вы столько знаете про методы работы «инков»?

Мальцев опять машинально перевел взгляд на папку.

— Специфика работы такая. Для того чтобы защищаться от противника, необходимо знать его досконально. Кроме того, у меня работают два бывших «инка».

— Да Вы что? — глаза начальника Комитета округлились, словно он увидел какое-то диковинное существо. — Настоящие «инки»?

— Настоящие. А вы что, думали это такие страшные монстры? Обычные ребята. На улице встретишь и не подумаешь.

— Ну, а все-таки, Вы то где такие навыки получили? Насколько я знаю, в вузах подобным вещам не обучают?

Полковник чуть наклонился к директору АКБ и кивнул на крохотный серебряный значок в форме головы волка, поблескивающий на лацкане его пиджака. — Молва о человеке летит впереди него. Я тут собрал о Вас кое-какую информацию. Можно полюбопытствовать?

Мальцев улыбнулся ему и дотронулся до значка рукой.

— Что Вас конкретно интересует?

— Я слышал, Вы обучались шаманизму, где-то на Алтае, по-моему? Это все оттуда?

Мальцев закрыл глаза и сделал неопределенное движение рукой, словно копируя недавний жест Скокова. Перед глазами, как в навязчивом слайд-шоу моментально возникли картинки величавых гор. Алтай.

Черная «Волга» покинула укромный дворик первой. «Опель» еще постоял несколько минут,

а затем тоже неторопливо выехал на оживленную автостраду. В офис ехать смысла не было. Хотя Скоков и пообещал вмешательство на своем уровне, сейчас офис представлял собой источник повышенной угрозы. Домой... Нет, домой тоже нельзя. Там наверняка его тоже ждут. Валерия рано утром уехала к родителям, так что пусть дом оттянет на себя хоть какую-то часть их человеческих ресурсов.

«ИНИС». Зловещая организация под благообразной вывеской. «Информационные исследования». Бизнес...

Мальцев, нахмурившись, лихорадочно соображал. За ним могли следить уже сейчас. Тем более что для этого не нужно даже прибегать к помощи службы наружного наблюдения, если такая у «ИНИСА» была, или какого-нибудь нанятого детективного агентства, услугами которых наверняка периодически пользовались состоятельные «инки». Наверняка где-нибудь сидит оператор, расстелив перед собой карту Москвы и положив фотографию Мальцева, отслеживает любое его передвижение по городу.

Так. Стоп! Мальцев даже заерзал на сидении от внезапно возникшего азарта. А что если...

«Зеркальный Щит» может сделать его невидимым и отразит все возможные удары противника. Но это не может продолжаться бесконечно. И неизвестно еще сможет ли Скоков справиться с этим «ИНИСом» и сколько на это понадобится времени.

«Охотник сам выбирает себе место для охоты».

Пока что в роли охотника выступали загонщики «ИНИСА». И пока он будет бегать от них, они будут иметь перед ним значительное преимущество, в дуальной паре «жертва-убийца» он сам выбрал себе позицию «жертвы». Настало время сломать сценарий и обратить в жертву самих охотников. Пока они думают, что он растерян и подавлен, и что кроме информационной защиты он не может противопоставить им ничего существенного.

«Зеркальный Щит» никто не отменял. Но он укроется в зеркальную ткань Пустоты, когда покинет Москву, когда нанесет упреждающий удар по самодовольным «инкам», когда уедет на Алтай. Поэтому сейчас продемонстрировать им свои возможности в области «отведения глаз» было преждевременно.

«Инки». Офис «ИНИСА» наверняка является такой же «пустышкой» как и офис АКБ. Их истинные базы и центры, конечно же, хорошо защищены и укрыты. Пусть, в конце концов, этим занимается ФСБ. Аргуса интересовали непосредственные исполнители. Оставалось убедить их в своем отчаянии и слабости. Они наверняка «ведут» его по вибрационному следу. А это подразумевает создание энергетического канала, соединяющего «жертву» и «охотника». А любой канал имеет две точки существования. Значит... Он найдет «инков» используя этот канал! Ведь никогда не знаешь с какой стороны ударит противник. Но можно точно предположить, куда он ударит! И если они не придут к нему, он сам нанесет им визит. И неважно, будет это в физическом теле или нет. В психофизическом противостоянии эти категории переставали иметь определяющее значение.

Садоводство «Луч». Подмосковье.

Он купил этот домик в одном из подмосковных садоводств уже давно, хотя бывал здесь очень редко. Теперь это место как нельзя кстати подходило для того, чтобы воплотить в реальность задуманное. Автомобиль Мальцев решил оставить на стоянке, расположенной около домика правления садоводства. На случай, если в нем был установлен какой-нибудь миниатюрный прибор слежения, выдающий его местонахождение. В самом садоводстве было около двух тысяч домиков, затеряться в которых было несложно. Покидая салон «Опеля» Мальцев взял с собой только пакет с продуктами и минеральной водой. Затем, подумав, он наклонился к бардачку и достал оттуда «ОСУ», укороченный четырехствольный пистолет,

стреляющий травматическими пулями, легкий и компактный. Отомкнул кассету и проверил наличие патронов. Затем проверил заряд батареи лазерного целеуказателя и положил пистолет в карман. Закрыв автомобиль, Мальцев осмотрелся и уже через несколько минут скрылся в одном из зеленых коридоров, утопающем в зарослях акации и ведущем в западное, более безлюдное, крыло садоводства. Уже там, стоя в густых кустах, он начертил в воздухе перед собой какой-то знак и, сделав шаг вперед, повернулся по часовой стрелке, словно заворачиваясь в воображаемый плащ. Это и был плащ, только сотканный не из физической ткани, а из тончайших энергетических волокон, делающих своего владельца невидимым для чужого внимания. Это был еще не «Зеркальный Щит», а лишь одна из его составляющих. Руна невидимости. Одна из рун древнего евроазиатского наследия, буква из алфавита магической письменности шаманов. Она эффективно использовалась как для исчезновения на энергетическом уровне, так и для «отвода глаз» на физическом. Теперь Аргус уходил все дальше и дальше в гущу домиков и коттеджей, не опасаясь того, что неведомый соглядатай сможет уверенно отслеживать его местонахождение. До определенной поры, пока он сам не откроется ему, сбросив с себя защитные чары. Невидимая Охота началась.

Его домик ничем не выделялся среди десятка других садовых домиков, стоявших в округе. Вместо оградки — густые заросли неухоженной малины, нейтрального салатного цвета дом в окружении яблонь, небольшая баня, заросшая со всех сторон кустами смородины. Вдоль тропинки два ряда ярко-желтых цветов. Сразу за ними резервуар с водой, напоминающий бассейн под открытым небом. На водной поверхности — ряска и нападавшие с деревьев мелкие листики и паутина. Мальцев обошел участок, разглядывая предоставленное само себе хозяйство, и вошел в дом, который встретил его прохладой и тишиной. Сюда он иногда приезжал, когда ему требовалось восстановиться после серьезного «заказа» или просто хотелось остаться одному. В последнее время эти поездки становились все реже и реже. И вот теперь хрупкому садовому домику предстояло выполнить функции последней оборонительной цитадели. Мальцев с сожалением осмотрел две комнаты и небольшую кухоньку — он знал, что вернуться сюда ему вряд ли уже придется. Через несколько минут на маленькой электрической плитке тихонько заурчал чайник, словно радуясь возвращению хозяина. Он готовил для него любимый напиток — чай с листьями смородины и жасмина, собранными тут же, около дома. Мальцев открыл окно и с наслаждением полной грудью вдохнул чистый воздух сада. Хотелось провести последние часы перед битвой в этом дивном месте, полноценно наслаждаясь окружающим миром. Было уже около семнадцати часов, скоро уже пронзительно синее небо начнет чуть заметно темнеть, уступая свое время сумеркам. Времени, когда охотники начинают свою завораживающую мистерию.

Он сидел около костра, задумчиво вглядываясь в полыхающую оранжевую глубину. За последние несколько часов он успел сходить на водокачку, прошелся по территории находящегося рядом цветочного питомника, зашел на озеро Стеклоанное. Так его называли из-за кристально прозрачной воды, поступающей в озеро из артезианской скважины. Сумерки медленно сгущались, заполняя садоводство приятными волнами вечерней прохлады и, словно давая человеку еще немного времени, чтобы растянуть удовольствие перед грядущим поединком. Однако окружающая безмятежность расслабляла, создавая иллюзию безопасности. А Мальцев знал, чем чреваты подобные иллюзии, и поэтому не стал затягивать обряд камлания. Этим названием обозначали погружение в трансное состояние алтайские «камы» — шаманы. В начале камлания — ритуальное омовение в воде. Его Аргус совершил еще в чистейших водах Стеклоанного. Затем ритуал земли — общение с деревьями и поиск подходящего для камлания

места. На выбранном месте совершается ритуал огня. Духам местности приносится жертва. Аргус плеснул в огонь заблаговременно взятой с собой водки и прошептал алкыш — ритуальное заклятие. Огонь должен очистить пространство. Только в чистом пространстве можно выходить за рамки привычного плотного тела. Еще одна порция водки была с благодарностью принята духами огня. Со стороны это, наверное, выглядело, по меньшей мере, странно. Но, во-первых, в округе никого не было. А во-вторых, Аргусу было совершенно все равно, как он выглядел со стороны. Он прекрасно знал, какая сила кроется в этих неказистых и нелепых на первый взгляд, старинных ритуалах. Поэтому он решил не отходить от традиций и повторить полученный им от Коврова урок специального камлания, который Максим назвал как-то вроде «Джула обертын». Это был наиболее сложный вид камлания, затрагивающий темные, тайные аспекты практики Тай-Шин, но почему-то Мальцеву он дался достаточно легко, что вызвало явное удивление у Коврова. Теперь становилось понятно почему — дар свободного общения с потусторонним миром, полученный весьма дорогой ценой, накладывал свой отпечаток на динамику обучения этой древней культуре Хранителей Алтая. Аргус протянул руки к огню, а затем достал закрепленный за спиной на ремне короткий клинок. Нож и огонь — два могущественных оружия против злобных духов и чужеродного влияния. Теперь предстояло освятить клинок и станцевать ритуальный танец отпугивания темных духов от священного огня. Аргус полностью отдавался камланию, скорее всего именно для того, чтобы сгладить напряжение от предстоящей охоты. Еще через какое-то время, когда на улице стало совсем темно, Аргус зажег в огне веточку можжевельника, окуривая себя с ног до головы ароматным серебристым дымком. Затем, оставив костер свободно догорать, он вернулся в дом, где планировал приступить к решающему этапу охоты. Нанеся на лицо двуцветную маску: сплетение белых и синих линий, он сел посередине комнаты, предварительно зашторив все окна. Призрачный свет четырех свечей сориентированных по четырем Направлениям танцевал на стенах темной комнаты языческую пляску, отбрасывая во все стороны колыхающиеся тени. Аргус положил справа от себя нож, а левой рукой размолот тонкий пакетик с мелким порошком — точно такой же, которым он увел из этого мира в мир грез Анжея Городницкого. Это был последний пакетик из тех, что ему удалось привезти с собой с Алтая. Ковров подарил ему несколько порций из своих «неприкосновенных запасов» перед отъездом, словно зная, с какой опасностью Мальцеву предстояло столкнуться в Москве.

Корчун лежал на ладони горсткой серо-зеленой пыли, казавшийся совершенно безобидным для непосвященных, но не для тех, кто уже имел дерзость или неосторожность прикоснуться к его истинной силе. Сейчас Корчун должен был показать всю мощь своей магии тем, кто напряженно искал спрятавшегося в гуще садовых домиков беглеца. Аргус усмехнулся и нарисовал правой рукой в воздухе руну снятия защитного полога. Этим жестом он лишил себя ментальной невидимости, открывался навстречу прозревающему оку, ищущему его в информационном пространстве Москвы. Через несколько минут он почувствовал чужое присутствие в своих мыслях. словно неуловимая тень мелькнула на периферии привычных мыслеобразов. Затем легкая щекотка возникла в районе макушки, переходя в раздражающий зуд. Обычный человек просто почесал бы голову, не придавая значения этим ощущениям. Но Аргус знал, чувствовал — «инки» обнаружили его, нашли его след в безграничном пространстве информационных векторов. Теперь они будут пытаться одновременно определить его местонахождение, и в то же время попытаются нанести ментальный удар по его психосфере. И вряд ли это будет серый энергокиллер. Скорее всего, в этот раз «инки» попробуют что-нибудь иное. Наверняка у них хватало талантов в этой загадочной области человеческих возможностей.

Мальчик шел рядом со своим отцом, освещая тропинку перед собой мощным фонарем. Они

приехали в садоводство «Луч» уже поздно вечером и теперь им предстояло искать дорогу к домику практически в полной тьме. Кое-где на участках жарились шашлыки и играла музыка, кое-где просто уютно светились окна. Но путь мальчика и его отца лежал туда, где свет в окнах становился все реже и реже.

— Правильно идем? — мальчик осветил лучом фонаря свороток в кусты шиповника.

Его отец, невероятно грузный мужчина высокого роста нахмурился, раздумывая несколько секунд, словно прислушиваясь к чему-то, а потом кивнул:

— Да, правильно.

Мальчик шагнул на еле заметную в темноте тропинку.

На самом деле это были не отец и сын — так они выглядели только для случайных садоводов задержавшихся в темное время суток на своих участках или площадках перед домиками. Этих двух человек разного возраста связывали между собой гораздо более прочные узы, нежели семейное родство. Их связывал между собой Долг, в рамках которого они совершали иногда абсолютно ужасные, с точки зрения общепринятой морали, поступки. Вот и сейчас они приехали в садоводство не на загородный отдых. Они прибыли сюда работать.

Легкая дымка, набежавшая на сознание. Глаза полузакрыты. Дыхание ровное и глубокое. Мальцев чувствует что «инк» сейчас «читает» его — отслеживает его ощущения, может быть, даже наблюдает его мыслеобразы. Это невероятно сильный «инк». Мальцев слышал, что существуют экстрасенсы подобной мощи. И неудивительно, что подобный экстрасенс работает на «ИНИС». Фирма, вероятно, ценит подобные кадры, либо умеет их убеждать, принуждая к сотрудничеству. Его невидимое око как клешня, как присоска осьминога ухватившего свою обреченную добычу. Отменная энергетическая хватка. Теперь он его не отпустит, несмотря ни на какие защитные манипуляции с рунами или ритуалами.

Ничего, ничего. Пусть крючок будет заглочен как можно глубже. Аргус чувствует, что его сознание будто плавает подобно лодке на поверхности огромного темного озера, увлекаемое в том или ином направлении с помощью невидимых подводных течений. Еще немного и...

Тонкий шнур, сотканный из нитей призрачного серебристого сияния, мигнул во внутренней тьме ветвистым разрядом молнии и снова погрузился во тьму. Вот он — канал. Аргус расслабляет пресс, снимая избыточное напряжение со всего тела. Сейчас главное — не упустить этот шанс. Дыхание стало глубже. Шнур опять мигнул и снова пропал. Хорошо. «Инк» ничего не почувствовал. Он продолжает «пасти» клиента, чего-то явно выжидая. Если бы он хотел уничтожить его, то уже нанес бы удар, подобный высоковольтному разряду, прошедшему именно через этот серебристый шнур. Таким способом астрального убийства пользовались еще древние колдуны. Мальцев помнил, как Ковров рассказывал ему об этом. Но для этого нужна невероятная чувствительность и сила. А, кроме того — умение защитить себя от энергетической отдачи и вовремя отсоединиться от умирающего «клиента». Аргус очень сильно рисковал, играя в эту странную игру с невидимым противником, находящимся где-то на значительном расстоянии от этого уютного летнего домика. Но иного выбора у него не было. Рано или поздно они бы все равно нашли его. А так оставался хоть какой-то шанс...

Темнота была такая полная и всепоглощающая, что казалась однородной массой, в которой в принципе невозможно никакое движение света.

— Ну что там? — Портос, отдуваясь, ждал, пока Алик настроит фонарь.

— Кажется, аккумулятор барахлит. Сейчас... Вот, — луч света опять прорезал ночь, выхватывая из темноты угол какого-то домика. За воротами, в глубине сада тут же хрипло залаяла собака.

Луч света заметался по сторонам, пока не нащупал в густой траве еле заметную тропинку.

— Все, пойдем, — мальчик уверенно пошел дальше, а тучный мужчина, прошептав несколько отборных ругательств, прищурившись, недобро посмотрел ему вслед. Его пугал этот маленький монстр. Пугал своей совсем не детской невозмутимостью, своим невероятным цинизмом и непоколебимой уверенностью. Хорошо еще, что он не умел читать мысли как Директор, или его ученик — Север. Вкупе с даром останавливать сердце, возможности телепата сделали бы этого маленького монстра самым страшным созданием на Земле.

— Эй, ты! Ну что ты там, застрял что ли? — голос маленького вурдалака раздался из темноты подобно звонкому колокольчику.

— Тише ты! — зашипел Портос, выкатывая глаза и взмахнув руками.

— Эй, кто там? Сейчас собаку спущу... — кто-то из дачников проснулся и вышел проверить своего беспокойного пса.

Алик додумался выключить фонарь, и они оба замерли, дожидаясь пока сонный дачник вернется в дом. Спустя несколько минут мальчик опять зажег фонарь, на этот раз, поднеся его к лицу. Портос чуть не заорал во весь голос, увидев в нескольких шагах от себя эту страшную маску.

— Я... тебе...

— Ладно. Пойдем, — Алик был как всегда собран и деловит. Ему предстояло в очередной раз просто выполнить свою работу — в случае необходимости остановить сердце у объекта, скрывающегося где-то неподалеку.

Портос сжал зубы так, что желваки заходили по мясистому лицу упругими волнами, но промолчал. Связываться с этим юным ангелом смерти он просто боялся. Он прислушался к голосу Координатора в микроскопическом наушнике, спрятанном в ушной раковине:

— Вы находитесь в сорока метрах от цели. Необходимо свернуть влево. Там полуразрушенный сарай...

Портос представил себе как Координатор монотонно диктует в передатчик все, что говорит ему Контакттер. А Контакттером сегодня как раз — Север. Тот еще Ловец! Этот найдет кого угодно, хоть на дне Марианской впадины, не то, что в нескольких километрах от Москвы. Наверняка сидит сейчас перед картой с закрытыми глазами, изо рта слюна висит, грязные волосы падают на лоб, и смотрит своим внутренним зрением на картинки, которые возникают во тьме внутреннего экрана. Темнота. Два человека идут сквозь непроглядную ночь, освещая себе путь мощным фонарем. Полуразрушенный сарай. Дом. Дом. Еще дом. А вот и цель — дом, где скрывается беглец. Наверняка не спит, нервничает, лежит под одеялом и смотрит в потолок широко открытыми глазами.

Портос усмехнулся.

— Эй, вурдалак, нам налево. Там сарай...

Легкий, чуть заметный укол кольнул сердце и растаял, словно предупреждение. Мальчик в темноте хмыкнул и опять поднес фонарь к лицу, сразу же превращаясь в настоящего маленького монстра.

Шнур выплыл из темноты сознания и Аргус ухватился за него усилиями своей сфокусированной воли. Сноп искр и яркий свет. Ощущение нарастающей скорости и последующего полета. Спустя мгновения Аргус повис в невесомости безграничной Вселенной, заполненной разноцветными огнями. Шнур дернулся, но воля шамана была непреклонна. Шнур натянулся и завибрировал. Очевидно «инк» почувствовал неладное. Он вряд ли рассчитывал, что по созданному им каналу кто-то сможет прийти в его Вселенную, отыскав укромные лазейки в пространство его сознания. Опять вспышка света. Чьи-то глаза! Вспышка. Лицо. Шнур с

невероятной скоростью погрузился в глубину, увлекая за собой зацепившуюся за него лодку. Скорость и мелькание огней. Туман. Опять вспышка и ощущение полета. «Инк» безумствовал, пытаясь стряхнуть незваного пришельца с энергетического канала связывающего их. Опять чьи-то глаза! Аргус словно посмотрел в глаза «инку» только с другой стороны, откуда-то из внутреннего пространства его души. В это самое мгновение «инк» ударил. Это был мощный энергетический удар, которым он, вероятно, собирался расправиться с «клиентом», после долгого «вождения», после наслаждения своим могуществом. Ожог и ощущение полета и падения. Аргус вздрогнул и открыл глаза. Он по-прежнему сидел в темной комнате с бликующим светом свечей. Рука с порошком лежала на колене. Тело, судя по всему, сильно трянуло после энергетического удара, потому что рука изменила свое положение. Немного порошка просыпалось на пол, но того, что остался в руке, было более чем достаточно. Аргус подбросил Корчун вверх над собой и, подняв кверху лицо, глубоко вдохнул в себя шлейф серебристого облака мелкой пыли.

Ловец выгнулся всем телом и завалился на бок. По его лицу бежали ручьи пота, а руки и ноги сотрясала сильная конвульсия, отчего он больше походил на куклу, которая запуталась в управляющих нитях. Координатор, невысокий широкоплечий мужчина с залысинами, сидящий перед передатчиком удивленно разглядывал своего напарника. Север ни разу не позволял себе подобного поведения. И если он так реагирует, значит, ничего хорошего с ним не происходит. Хотя, ни один из медиков не мог бы сказать достоверно о том, что хорошо, а что плохо для Ловца подобной категории. Север был выдающимся Ловцом, первым после Директора. И он терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в процесс выслеживания. Поэтому сейчас Координатор напряженно размышлял, что ему делать дальше. Еще одна конвульсия. Тело вздрогнуло и опало. Через секунду Север поднялся на колени. На него страшно было смотреть — зрачки глаз куда-то закатились, мокрое от слюней лицо и торжествующая улыбка, больше напоминающая оскал дикого хищника. Координатор глубоко вздохнул. Ну вот, все нормально. Хорош бы он был, если бы покинул свое рабочее место и побежал за помощью на второй этаж, в сектор техобслуживания или в кабинет Директора.

— Что с тобой?

Север невнятно крикнул и попытался встать на ноги. Его шатало. Он медленно приходил в себя после отчаянного выплеска энергии. «Клиент» чуть не пришел к нему по Мосту! Такого еще не было в его практике ни разу! Кто же он, этот таинственный беглец? Может быть, аналитики из Информационного Сектора его недооценили? Ведь если он справился с «Зодчим Теней», то это уже говорило о многом. И вот теперь этот шустрый малый чуть не пришел к нему по Мосту! Об этом срочно нужно было сообщить Директору!

В этот самый момент на него словно обрушился откуда-то сверху огромный мускулистый зверь. Ощущение было такое, что животное прыгнуло с потолка, увлекая Ловца за собой, подминая его своим невероятно сильным телом. Север закричал и закрыл глаза. И тут же все понял! Пришелец прыгнул не снаружи, он атаковал его изнутри, преодолев невесомый серебряный Мост и выскочив из глубины сознания. Он преодолел Мост! Он пришел по каналу ментальной связи! Зверь!

А невидимое животное бесновалось, будто упиваясь своей необузданной дикой мощью. Оно терзало бесчувственное тело Ловца, словно перегрызая сухожилия на руках и ногах, а на самом деле — обрывая тончайшие энергетические трассы, из которых было соткано энергетическое тело Контактера. Север завыл и с испугом посмотрел зверю в глаза. В них сверкала ослепительная тьма. В этой тьме вспыхивали и гасли далекие звезды, складываясь в причудливые созвездия неведомые еще земным астрономам. Зверь, судя по всему, рысь, зависла

над ним угрожающей фигурой и открыла пасть.

Координатор растерянно наблюдал, как Ловец опять упал на пол и забился в судорогах, истошно крича и извиваясь. Затем тело Ловца неестественно выгнулось и застыло.

Ну вот, опять...

Координатор снял наушники и подошел к неподвижному напарнику. Что-то в его позе было...

— Стой! Назад!

Координатор обернулся на знакомый голос. Вообще, в Центре Информационного Поиска никого не могло быть в это время суток.

— Отойди от него. Не прикасайся к телу!

В проеме дверей Центра стоял узнаваемый силуэт. Директор!

— Я только...

— Уходи отсюда. Быстро!

С Директором нельзя было спорить, поэтому распоряжение было исполнено молниеносно. Координатор покинул лабораторию ЦИП, стараясь даже не оборачиваться на тело своего напарника.

Этому приему Ковров не мог его научить. Он сказал, что Внутренний Зверь должен сам прийти к шаману. И хотя тайшины условно называли его Черным Волком, Зверь мог предстать перед своим повелителем в любом облике, более подходящим под «настроение силы» шамана. Когда Аргус в первый раз погрузился в бездну своего внутреннего пространства, Зверь пришел к нему в образе Крысы. Это было незабываемое ощущение. Несмотря на привычное негативное восприятие крысы, оказалось, что это животное обладает невероятными возможностями, особенно в качестве Проводника в Подземные Миры.

Вторым Зверем оказалась Рысь. И если в теле Крысы Аргус в основном путешествовал по различным пространствам, составляющим космос шамана, то в теле Рыси он постигал горизонты своей внутренней силы.

Вот и сейчас, после принятия Корчуна, во время спонтанного выхода внутреннего Зверя, к нему пришла Рысь, которая тут же выследила серебряный шнур связывающий «инка» и шамана. Все остальное Аргус помнил уже с трудом. Мерцание огней. Вспышки света. Скорость. Глаза. Вспышки. Мерцание...

Комната выплывала из небытия, словно поднимаясь из глубин озера, поглотившего невесомую лодку.

«Получилось?»

Аргус прислушался к себе. Он все еще продолжал находиться в теле Зверя. И хотя для зрения обычного человека его просто не существовало, он встал на все четыре лапы и, встряхнувшись, осмотрелся по сторонам. Прямо под ним лежало скрюченное тело «инка». Аргус пошевелился, и образ комнаты сдвинулся, потек.

«Где это он?»

Вокруг было темно.

«Это их офис?»

Он опять попробовал двигаться.

— Стой на месте!

Властный голос оглушительно бьет по обостренному восприятию. Аргус озирается. Зрение начинает привыкать к царившему в комнате сумраку. Из дальнего угла комнаты выходит человек. Это он командовал ему, словно он на самом деле является лесным зверем, а не

человеком.

— Ты и есть зверь. Пока...

Человек читает его мысли! Аргус силиться сказать хоть что-нибудь, но не может.

— Тебе не обязательно говорить. Ты можешь просто думать.

Читает мысли!

— Возможность читать мысли тебя удивляет, а возможность перемещать своего Двойника на расстояние, да еще в трансформированном образе животного, для тебя повседневная привычка?

Аргус мотает головой. Он делает это всего лишь второй раз. Как непривычно общаться в одностороннем порядке, да еще, если собеседник может свободно видеть твои сокровенные мысли.

— Я вижу только страх. А страха не стоит стесняться. Мы все переполнены им. А ты, видно, новичок? Второй раз? Перемещаешься прилично, но вот адаптироваться еще не научился. Если хочешь, я могу научить тебя.

— Кто ты? — наконец смог сформулировать четкую мысль Аргус-Рысь.

Человек усмехнулся. У него странное лицо, оно покрыто тонкой сеточкой морщин, но на нем контрастно выделяются пронзительные молодые глаза.

— Здесь меня называют Директор.

— Ты у них главный?

— Да, если ты имеешь в виду «ИНИС».

— Зачем вы хотите убить меня?

— Убить? Что ты! Если бы мы хотели убить тебя, ты был бы уже мертв!

— Тогда что?

— Мы ждали тебя!

— Зачем?

— Потому что ты — один из нас!

— Ложь! Ложь! Ложь — мысли переходят в грозный рык, подталкивающий, невидимое для обычного человеческого глаза, тело к прыжку.

— Успокойся! — Директор поднимает руку, и Аргус падает вниз, прямо на скрюченное тело «инка». — Если ты будешь дерзить мне, я сделаю тебе больно. Ты что, не понял? Я знал, что ты придешь сюда. Я специально заманил тебя сюда. И вот теперь твое сознание у меня в плену, а твое тело за много километров отсюда, в домике, который находится в садоводстве «Луч». Видишь, я все знаю про тебя. А знаешь почему? Потому что мы уже давно наблюдаем за тобой. Еще задолго до того момента, как ты самонадеянно влез в сферу наших интересов.

— Если вам был нужен я, зачем вы убили всех остальных в «НОРСЕ»?

Директор качает головой.

— Ты, оказывается, еще больше самонадеян, чем я даже мог себе представить. Неужели ты думаешь, что мы все это подстроили, чтобы заманить тебя сюда? «НОРС» перешел дозволенные грани и мы остановили его. А ты просто попал в поле нашего зрения, и мы решили свести оба вектора вместе.

— Кто вы?

Директор подходит чуть ближе. Аргус может рассмотреть его глаза — чуть раскосые, явно выдающие присутствующее в крови азиатское родство.

— Мы — Харты...

— Кто?...

— Харты. Защитники Человечества...

Фонарь осветил угол дома, утопающий в зелени растущих рядом деревьев.

— Здесь?

Портос прислушался к шепоту Координатора, но тот уже несколько минут молчал. Со связью неполадки были исключены, потому что приборы радиосвязи «ВАРД» были одними из самых надежных технологических новинок, стоявших на вооружении только у самых элитных организаций, имеющих непосредственное отношение к федеральному сектору. В самом широком смысле этого слова, «ИНИС» был в этом ряду не исключением. И если Координатор молчал, значит, этому были свои причины, и оставалось только терпеливо ждать, когда в наушниках появится монотонный голос, диктующий новые вводные директивы.

— Здесь? — повторил свой вопрос Алик, водя фонарем по окрестным кустам.

— Судя по всему, да. Только Координатор молчит.

— Как молчит?

— Так. Молчит. Будем ждать.

— Чего? Пока нас комары сожрут?

— Ничего. Подождем. Сколько надо, столько и будем ждать! И выключи фонарь, они на свет слетаются.

— Харты считают, что любые технологии, особенно связанные с внедрением в область сердца и на клеточный уровень, являются губительными для человеческой цивилизации. — Директор говорит с ним доверительно, словно посвящая в семейную тайну. — «НОРС» приоткрыла «Ящик Пандоры». Если бы мы не остановили их, технология вышла бы из-под контроля и тогда...

Восприятие Мальцева покрыто дымкой, словно он спит и видит яркий и насыщенный сон.

— Но сердце... уже давно...

— Именно! Уже давно... Человечество уже давно балансирует на грани самоуничтожения. И удерживаем его на этой грани именно мы — Харты, Сторожевые Псы цивилизации. Мы существуем со дня создания человечества, мы охраняем его от потрясений на протяжении всей писанной и неписанной его истории, и мы будем свидетелями его окончательного краха. Но мы обязаны выполнять свой Долг. Мы обязаны защищать его. Потому что если мы не будем делать этого, то для нас — для таких как ты и я, не будет места в этом человечестве. И куда мы тогда пойдем, отверженные?

Аргус почувствовал, что теряет нить осознания. Комната опять дернулась и поплыла. Но Директор укоризненно покачал головой.

— Теперь у тебя появился выбор: либо ты становишься одним из нас, либо ты становишься чужаком. В первом случае тебя встретят и приведут ко мне, во втором — уничтожат. На этот раз уже без вариантов.

Аргус чувствует, что тело Рыси начало мелко дрожать, словно не имея больше сил оставаться в этом месте. Но неведомая сила продолжает удерживать его в этой странной комнате.

— Вы хотите сделать из меня «инка»?

Директору знакома эта аббревиатура, ведь он может свободно читать все его мысли. Даже мысли о бегстве и обмане.

— В этом нет необходимости. Ты уже стал им. Ты убил моего Ловца.

— Я защищался...

— И он тоже защищался, — в голосе Директора проскальзывают печальные нотки, — мы все стали воинами, потому что это в нашей крови — защищаться и защищать. Одни, вроде

него, — Директор кивает на тело «инка», — защищают себя. Другие, вроде тебя, защищают людей. Но вместе мы делаем великое дело — мы защищаем человечество.

— От кого?

— От вымирания, от деградации, от эпидемий и принятия ложных направлений. От космических угроз, от влияния враждебных нам цивилизаций, от чужаков и от самих себя, наконец.

Вселенная вокруг вздрогнула и качнулась.

Аргус отметил, что Директор настороженно прислушался к чему-то.

— Черт, как не вовремя!

Рысь чуть приподнялась, преодолевая сопротивление чужого силового поля, сковывающего любое телодвижение. Директор наклонился к нему совсем близко и прошептал:

— Я знаю, вижу тебя насквозь — ты, лживая и хитрая рысь! Я чувствую твоё намерение убежать. Запомни, я постоянно слежу за тобой. От «ИНИСА» невозможно скрыться нигде. Нигде!

Опять какой-то шум в коридоре. Директор выпрямляется и отвлекается лишь на мгновение. Но этого мгновения оказывается достаточно для того, чтобы рысь вскочила на ноги и в одно неуловимое движение прыгнула обратно, в темный колодец небытия. Краешком сознания Аргус успевает увидеть, что в помещении еще кто-то есть. Кто это? Неважно. Прыжок. Вспышка света и ощущение полета. Погружение на дно в этот раз сопровождается нехваткой воздуха. Тяжело дышать. Вспышки света бьют по зрению очень болезненно. Что это, происходит действие Корчуна? Неведомые силы закручивают звериное тело, словно увлекая его в центр тайфуна или водяную воронку, сдирая облик животного Силы. Вспышка света. Судороги. Невесомость...

Он открыл глаза. В комнате было по-прежнему темно. За окном, судя по всему, тоже. Мальцев осторожно ощупал свое тело руками. Человек. Рысь ушла также неожиданно, как и появилась. Да и была ли она вообще? Скорее всего, он просто заснул. Теперь очень сложно определить, что это было: сон или необычная реальность? Выверты его сознания, перегруженного событиями последних дней, или реальное события, происходившее в реальном мире в реальное время, всего несколько минут назад?

Мальцев встал и на дрожащих ногах подошел к окну. Откинув плотную занавеску, он отворил окно, вдыхая полной грудью прохладный ночной воздух. Тело дрожало. Самочувствие напоминало состояние перед серьезным заболеванием — температура, усталость, тяжесть в руках, ногах и голове.

Он стоял и смотрел в ночь, скрывающую сад. Тихо шелестел ветер в ветвях высоких деревьев. Бред какой-то! А может все события последних дней это тоже сон? Липкий, страшный сон. Один из тех, которые тянутся за человеком из мира грез, долго не позволяя ему поверить, что это всего лишь сон. Зачем тогда он приехал сюда? Отдохнуть? Точно! Он приехал сюда отдохнуть, и ему приснился жуткий сон: «НОРС», «ИНИС», Харты, «инки»... Скоро встанет солнце, и все события этого сна растают при свете дня, как утренний туман. Однако! Сны стали сниться! Столько информации! А может, все-таки не приснилось?

Мальцев машинально посмотрел в отражение окна и вздрогнул! В отражении на него смотрел воин с бело-синей ритуальной маской Тай-Шин на лице. Значит... Свечи, маска, Корчун... А может он просто надыхался Корчуна? Это все и объясняло. Невероятно реальные видения, напоминающие сны. Зачем? Зачем он принимал Корчун?

Он опять посмотрел в ночной сад. Может опять лечь спать? Утро вечера мудренее! Вот только... А если все это не сон? Нет. Этого просто не могло быть. Это было страшно и нереально! Зачем он вообще поехал тогда на Алтай? Сидел бы дома, занимался бы линейным

бизнесом, выдавливал из себя, капля за каплей, жуткие воспоминания о той трагедии в тайге... Может, права была Валерия? Может, он окончательно расшатал себе психику всеми этими шаманскими ритуалами? Ведь с этими силами нельзя играть в необдуманные игры.

— Что со мной происходит? — он крикнул это достаточно громко, надеясь, что никто в ночном саду не услышит этот вопль отчаяния. И что теперь?

«Теперь у тебя появился выбор: либо ты становишься одним из нас, либо ты становишься чужаком. В первом случае тебя встретят и приведут ко мне, во втором — уничтожат. На этот раз уже без вариантов».

Слова призрака с раскосыми глазами и морщинистым лицом. Призрака из последнего сновидения.

«Встретят и приведут...»

А что если?

В саду кто-то был! Он почувствовал это несколько секунд назад, но только сейчас осознал причину своего беспокойства. Кто-то скрывался в ночном саду! И это нельзя было списать на сновидения или шизофренический бред. Тело отчетливо ощущало присутствие чужака.

Приведут или уничтожат...

Мальцев затравленно осмотрелся и, нагнувшись, поднял с пола нож. Затем, будто вспоминая что-то, он метнулся к столу, на котором лежал пистолет. Насколько он помнил, в кассете было четыре травматических заряда. Этого должно хватить. Нужно опять использовать эффект неожиданности. Вряд ли те, кто ждет его в саду догадываются о том, что он знает об их присутствии.

Мальцев проскользнул в кухню, откуда на улицу вела вторая дверь. Дверные петли никто уже давно не смазывал, поэтому в самый ответственный момент, когда беглецу особенно нужна была тишина, в ночи раздался отвратительный предательский скрип. Аргус выскочил на улицу и прыгнул в темноту, тут же спрятавшись за толстый ствол березы. Здесь он подождал, пока глаза привыкнут к новым условиям, одновременно прислушиваясь к подозрительным звукам вокруг. Тишина. Нет, чьи-то шаги! Кто-то обходил дом, услышав скрежет ржавых петель. Мальцев вжался в кору дерева, влажную от ночных испарений, осторожно выглядывая из-за ствола. Со стороны дороги к нему приближался огромный силуэт человека! Такого великана невозможно было не запомнить. Он «засветился» при охоте на «инков». Директор АКБ сразу вспомнил материалы по «ИНИСУ», его фото. Этот человек — один из них.

«Инк»!

Приведут или уничтожат...

Пронзительно алая точка лазерного целеуказателя возникла на теле Портоса внезапно, так, что он даже не заметил ее, продолжая свой путь к задней части дома. Выстрел прогремел оглушительно громко, и резиновая пуля со стальным вкладышем с противным чмоканием ударила великана прямо в грудь. Удар отбросил его назад, и он завалился в траву, изумленно пытаясь понять причину подобной боли. Он тяжело встал, но второй выстрел опять швырнул его в траву. Жировая прослойка, покрывавшая некогда мощнейший мышечный каркас, возможно, немного сгладила удары, но не настолько, чтобы полностью погасить их инерционную силу. Портос почувствовал, что теряет сознание...

Прошло не менее получаса, когда Мальцев, наконец, выбрался из своего импровизированного укрытия — ствола березы, обросшего со всех сторон мелким березовым прутьем. Если кто-то и был здесь еще, то он вероятно уже сбежал, услышав выстрелы и поняв, что загнанная дичь имеет при себе оружие.

«Все. Нужно сваливать отсюда, как можно скорее».

Мальцев подошел к огромному телу, неподвижно лежавшему в густой траве. Гигант был жив. Он слабо ворочался в траве, постанывая. Скорее всего, он просто потерял сознание от болевого шока. Рано или поздно шок пройдет. Нужно было покинуть это место как можно скорее. Мальцев забежал в дом, чтобы взять ключи от автомобиля. И в этот момент его прихватило. Болезненный спазм сжал сердце безжалостной стальной рукой невидимой обычному глазу. Мальцев охнул и упал на колени. Боль была такой сильной, что невозможно было даже вдохнуть в себя немного воздуха.

В глазах потемнело. Так вот как это бывает. За прошедшие сутки Мальцев испытал на себе практически весь арсенал чудовищной индустрии «инков».

Нет. Это на самом деле были не обычные «инки», с которыми приходилось сталкиваться сотрудникам АКБ ранее. Было в их деятельности что-то...

— А-а, — из его груди вырвался отчаянный хрип, боль стала просто нереальной. Он чувствовал, что этот спазм тоже был не случаен. Кто-то давил его сердце точно также, как «водил» его с помощью пространственного шнура Ловец из офиса «ИНИС». Мальцев сделал невероятное усилие и встал, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь сквозь алую тьму, заполнившую всю периферию зрения. Потом он провалился в небытие.

Пробуждение. Спокойное и легкое, потому что можно было свободно дышать и не болело сердце. Он был жив. Он лежал на полу, беспомощный и раздавленный, переживший невероятное шаманское путешествие и весьма болезненный микроинфаркт. Но, несмотря на все это, он до сих пор был жив!

— А ты что думал, все просто будет?

Звонкий мальчишеский голос раздался откуда-то сзади. Мальцев повернул голову и увидел пацана, который сидел на его кровати и равнодушно смотрел на то, как взрослый мужчина валяется перед ним на полу, мучительно осознавая свое незавидное положение.

— Ты... кто?

Мальчик улыбнулся.

— Алик.

— А... Алик? Какой Алик?

— Алик Рубальский, — с готовностью отрекомендовался мальчик, словно отвечая вызубренный наизусть урок, стоя у доски.

— Как ты здесь оказался?

Мальцев пошевелился и поморщился, затекшие руки и ноги засвербили мучительной болью. Появилась надежда, что это обычный соседский мальчишка, просто зашедший в его дом и случайно обнаруживший здесь умирающего от сердечного приступа человека. Нет. Мальцев откинулся обратно на пол, с гулким стуком ударившись нечувствительной головой о линолеум. Даже, если бы это был соседский пацан, не стал бы он так спокойно вести себя. А этот, словно знал, что здесь происходит. Алик. Тоже, наверняка, один из них.

— Это ты... меня?

Алик кивнул.

— Почему не додавил?

Пацан равнодушно пожал плечами.

— Что дальше?

Алик опять улыбнулся и ехидно выдал:

— Сейчас подождем дядю Портоса, а там решим. Он скоро обещал прийти — пошел ополоснуться на озеро. Он плохо себя чувствует.

Мальцев удивленно посмотрел на подростка.

— Дядю Портоса? Это, наверное, тот большой дядя, которого я пристрелил в саду?

Мальчик смеялся искренне, совсем по-детски, так, как смеются настоящие мальчики и девочки в этом возрасте.

— А ты, Алик, улыбчивый мальчуган. Издержки профессии?

Острый шип опять воткнулся в сердце, заставляя Мальцева застонать и сжаться от боли. Через секунду давление исчезло. Расслабляющий удар. Демонстрация своих возможностей. Мальцев вдруг хрипло рассмеялся. Юный «инк» с любопытством посмотрел на свою беспомощную жертву.

— Алик, а знаешь, что я сделаю, когда стану одним из вас? Хартом, кажется?

Подросток скалит мелкие ровные зубки.

— Что?

— Я дождусь момента, когда ты потеряешь бдительность, а затем, гаденьш, я сверну тебе твою тощую хрупкую шейку.

Вопреки ожиданиям, очередного наказания в виде сердечного спазма не последовало. Несмотря на свой нежный возраст, Алик был профессиональным «гасителем», и прекрасно понимал, что сердце это не тот орган, с которым можно позволить себе играть, словно с ручным эспандером.

— Не свернешь, — пробормотал он, не убирая с лица непосредственной детской улыбки.

— Это почему?

— Потому что поймешь, наконец.

— Что пойму?

— Все. Поймешь, почему мы это делаем. Ты же сам сказал — станешь одним из нас...

Он встал, и подошел к окну, любуясь открывавшимся из него видом на сад. Мальцев отрешенно смотрел на его тонкую спину и его вдруг объял ужас. До него дошел смысл сказанного мальчиком слов.

«Ну, уж нет! Играть, так до конца!» — мелькнула отчаянная мысль. Отсюда у него было только два выхода: либо в дверь, либо.... Приведут или уничтожат. В первом случае он выйдет в знакомый мир, но уже совершенно иным человеком — Хартом. Во втором, он уйдет отсюда самим собой, но тоже изменившимся, шагнув в таинственный мир Непознанного. И сделать выбор необходимо прямо сейчас. Он закрыл глаза и через несколько мгновений, словно вспомнив о чем-то и приняв решение, улыбнулся. Он перевернулся на живот и приник носом к полу, в том месте, где тонким серым налетом лежал просыпанный им ночью порошок. Корчун. Уйти свободным. Громко хлопнув напоследок дверью. Он втянул в себя невесомую пыль и хрипло засмеялся. Юный «инк» обернулся.

— Алик, я решил не ждать момента, когда ты потеряешь бдительность. Сейчас, мальш, я познакомлю тебя с весьма неприглядной частью своего внутреннего мира, — Мальцев, улыбаясь, смотрел с пола на удивленного мальчика, чувствуя, как Рысь осторожно выглянула из своей норы, — Пока не пришел дядя Портос...

Часть 3. ШАМАН (ЧУДЬ)

Войны Синей и Черной Орды

XVI век. Алтай

*«Светлоликие люди появились,
За пределы Алтая размножились,
Красноречивые, остроглазые,
Люди, с глазами, как звезды...»*

Алтайский эпос «Маадай-кара».

«О тайшинах на Алтае знают лишь единицы. Знаешь, почему? Потому что тайшины ходят между Светом и Тьмой. Они могут прятаться в тенях, принимать облик птиц и зверей, растворяться в сновидениях. Их путь соткан из невесомых нитей лунного света, по которому может ступить только легкая нога Шамана. Но им ведома и огненная дорога Воинов, уверенно идущих по солнечным лучам. Они могут ходить где угодно, потому что свои пути они выбирают себе сами. Четыре Ветра — Четыре стороны света... Тот, кто чувствует в своем сердце Силу, не заблудится нигде, какое бы направление он не выбрал».

Шорхит, шаман Тай-Шин. «ИТУ-ТАЙ»

Тайга закончилась внезапно, словно наткнувшись на неприступную горную гряду выросшую из земных глубин отвесной стеной. Дальше начиналось царство другой могущественной стихии. Поляна, которая соединяла эти два разных мира — постоянно меняющийся мир растений и неподвижный многовековой мир скал, представляла собой удивительное зрелище. Огромный выступ, выпирающий из скальных пород и поросший серебристым мхом, был непонятным образом обработан и представлял собой выточенную прямо из камня фигуру то ли человека с головой волка, то ли волка с телом человека. Прямо под фигурой находилась выдолбленная из камня и отполированная плита, на которой мог свободно уместиться человек, а под плитой раскинулись заросли можжевельника, словно связывая горы и тайгу воедино причудливым переплетением пестрой вязи. Семеро всадников, выехавших на поляну из тайги, остановились и замерли, благоговейно рассматривая этот, непонятно каким образом оказавшийся в таежной глуши, монумент.

— Нашли... — послышался приглушенный шепот зачарованных увиденным людей. Кони под ними занервничали, захрапели и забили копытами.

— Спешиться.

Команду отдал высокий человек в темно-сером плаще, лицо которого было обезображено идущим наискось шрамом.

— Ведите себя почтительно, это древний молитвенник Хозяину Алтая, — его голос звучал повелительно, но было видно, что в этом месте власть этого человека уже не имела той силы, которой он был наделен в мире людей. Воины озирались, неосознанно положив руки на рукояти сабель. Уже начали сгущаться вечерние сумерки, а в это время в подобного рода местах человеку приходилось быть настороже. Словно в подтверждение опасений, вышедших из таежной чащи людей, где-то вверху пронзительно и гортанно закричала большая черная птица и, зашелестев крыльями, прочертила черным пятном темнеющее небо над замершими воинами. Люди выхватили оружие, прижимаясь друг к другу и зашептав защитные молитвы. Только один из них, человек со шрамом, прищурившись, проводил птицу взглядом, не проявляя при этом испуга.

— Уберите сабли, — его властный голос, все еще обладающий гипнотической силой, возымел на воинов мгновенное действие — сабли и ножи тут же исчезли в ножнах. — Мы пришли сюда за помощью, и должны вести себя соответственно. Разведите огонь. Коней не расседлывать, только напоить.

Пятеро воинов безоговорочно выполнили команду их предводителя, собирая сухой хворост для костров и привязывая коней к мощным стволам замшелых кедров, стоявших на месте

соединения леса и гор, подобно стражам неведомых границ. Один из воинов подошел к нему и робко спросил:

— Торкул, неужели мы останемся здесь на ночь?

Человек в плаще, нахмурившись, посмотрел на подошедшего:

— По твоему дрожащему голосу, Алык, я понимаю, что ты боишься?

Воин смущается, но лишь на мгновение, он знает, что бояться духов не зазорно.

— Здесь все пропитано колдовством. Я чувствую присутствие духов.

Тот, кого звали Торкулом, улыбнулся, отчего его суровое лицо, перечеркнутое тонкой нитью шрама, приобрело совсем иное выражение — таким его знали только в самом близком окружении.

— Алык, здесь и должно быть полно духов. Мы для этого сюда и прибыли, чтобы найти их.

Воин тоже сделал попытку улыбнуться, но вместо этого получилась отвратительная гримаса.

— А вдруг здесь только духи? Может быть тех, кого мы ищем, и нет уже давно? Может, их и не было или они ушли?

— Алык, не переживай, они здесь. Я чувствую их присутствие...

Увидев ужас на лице воина, Торкул тихо засмеялся.

— Иди, и займись костром. Может быть, у огня твой страх исчезнет.

Он не осуждал этого воина за страх, он и сам чувствовал себя здесь неуверенно. Еще бы — они зашли в самое сердце языческой магии. В святая святых существ, которых молва причисляла не только к духам-хранителям Алтая, но и к шаманам-оборотням, о тайной силе которых ходили легенды. В место, о котором многие даже боялись говорить вслух. Поэтому страх этого молодого, но, тем не менее, храброго и закаленного в сражениях воина-телохранителя был не случаен.

— Торкул, а вдруг они не согласятся нам помогать? О шаманах Тай-Шин ходят разные слухи. Они приходят окутанные мглой и тенями. У них свои законы, мы для них — чужаки. Говорят, что они — оборотни и способны принять любой облик: человека, зверя, птицы и даже ветра. А подчиняются они только своему Вершителю — Белому Волку, Духу Алтая. А еще про них говорят, что они не пользуются оружием, они убивают врагов силой своего взгляда, а такое невозможно без помощи кермос — духов. А те, кто якшается с кермос...

— Хватит! — Торкул грозно посмотрел на молодого Алыка, который от страха вдруг стал непривычно многословен, — иди и займись костром. Подобные разговоры в таком месте могут стоить тебе жизни, помни об этом!

Темнело так стремительно, что воины успели собрать всего лишь несколько вязанок хвороста, как вокруг уже ничего не было видно. Костер придал людям некое подобие уверенности. Живой огонь издревле считался одним из самых надежных помощников против потусторонних существ, присутствие которых, на самом деле, ощущалось в этом месте всеми собравшимися у костровища. Спать никто не хотел, но Торкул приказал двоим воинам встать в дозор со стороны тайги, а остальным расположиться на ночлег. Четверо путников легли почти около самого огня, накрывшись плотными плащами и положив под руки оружие. Кони уже успокоились, и тишину ночи нарушал только треск костра и шелест листвы, потревоженной холодным ветром. Треск и шелест. Воины прислушивались к этим звукам, пытаясь различить в них постороннее присутствие или возможную опасность. Но время, казалось, остановилось в этом месте, убаюкивая испуганных людей тихим бормотанием огня и еле слышным шепотом деревьев. Спустя какое-то время, несмотря на свой страх, они уснули.

Торкул еще долго сидел у огня, бодрствуя, обдумывая причину своего появления здесь — в

туманных горах Ик-Ту.

Большая Битва. Ни у кого уже не вызывало сомнения что Большая Битва началась. А это значило, что скоро людям придется столкнуться с чем-то очень страшным. Чем-то, о чем их далекие предки оставили весьма смутные описания, наполненные тревогой и страхом. Поэтому, многие не хотели в это верить. Черное воинство Караг. Таинственное Ургачимиду, подземное человечество. Согласно преданиям, войско Тьмы должно выйти на поверхность и подчинить оставшихся после невиданной кровавой битвы людей своей воле. Пророчества начинали сбываться. То здесь, то там стали появляться странные существа. Поползли слухи о большом войске — Черной Орде, которую собирает из кочевых племен таинственный богатырь Уромо, собравший вокруг себя шаманов, камлающих духам тьмы. Согласно пророчествам, этим воинством будут повелевать Черные Повелители — Ситаны, владыки самых мрачных подземных миров. И тогда, согласно пророчествам, заступники людей, Хранители Алтая — светлое воинство Акан тоже начнет собирать свое войско.

Торкул пристально смотрел в огненный цветок костра, и в его душе рождались и гасли тревоги и надежды.

Войско действительно стали создавать. Один из алтайских ханов, богатырь, имя которого нельзя было называть даже в мыслях, начал собирать под своими знаменами разрозненные алтайские племена, объединяя их в грозную силу, получившую название Синяя Орда. На ратных знаменах новой Орды была изображена голова синего волка — Кок-Бюри, Небесного Волка, древнего Хранителя Алтая. А богатырь, истинное имя которого было тайной, назван был Серебряным Воином. Согласно легендам, во времена Великих Битв Серебряный Воин всегда появлялся среди людей, чтобы сражаться во главе их. Про пророчество мало кто знает, поэтому многие князцы и мурзы-зайсаны не поверили ему, а многие просто отказались, несмотря на то, что вторжения на Алтай усиливались, и отдельные племена и семьи не могли препятствовать грозным и многочисленным завоевателям. Грабеж, угон в плен женщин и детей, уничтожение мужчин и стариков, глумление над родовыми святынями. Торкул догадывался, почему молчали некоторые князцы — они наверняка уже тайно присягнули в верности эмиссарам Уромо, признавая власть Ситов и пообещав войти в состав Черной Орды.

Торкул нахмурился, а затем чуть заметно улыбнулся. Акан должны помочь им. Он сам не видел их, но пророчество говорило, что когда Великая Битва начнет собирать свою кровавую жатву, светлое воинство Акан придет на помощь людям, чтобы сражаться вместе с ними. Говорили, что при присутствии воинов Акан расцветали цветы и отступала ночная тьма. Они очищали воду и исцеляли зверей. Об их силе ходили удивительные слухи. Впрочем, как и о черной силе Ситов.

Торкул окинул взглядом спящих у костра воинов. У них была особая миссия. И он был горд оттого, что Серебряный Воин доверил ее лично ему — одному из самых преданных своих князей.

Он знал Пророчество с детства, оно пугало и одновременно захватывало дух. В нем говорилось о древнем Договоре, который заключили между собой четыре разных рода, именовавшие себя Хранителями Алтая. Один из этих родов носил имя Акан. В него входили люди, которые уже не принадлежали миру, видимому обычному человеческому глазу. Светлые воины, живущие в городах, располагающихся в Верхнем Мире, покровители и помощники людей. Считалось, что к Акан могли примкнуть в своем посмертии отважные воины и альпы — богатыри, отдавшие жизни за защиту своих семей и почитавшие Хозяина Алтая, великого Алтай-ээзи. Войско Акан именовали Белым Воинством. Торкул надеялся, что когда-нибудь он не только увидит воинов Акан, но и будет сражаться рядом с ними, в их рядах, облаченный в источающие свет доспехи. Другой род, участвующий в Договоре, носил имя Иньо. Это был

загадочный и пугающий род. Он также уже не относился к человеческому миру, но в отличие от Акан, обитатели Иньо были куда более чуждыми человеческой природе. Этот мир называли Призрачным. Считалось, что он лежит в Долине Сновидений. По слухам его населяли устрашающие существа — этот мир пугал, но его представители тоже вступили в Договор, потому что понимали — если власть на Алтае захватят Черные Ситаны, весь Серединный мир погрузится во тьму, включая все миры, примыкающие к нему. Связь с этим миром была потеряна в незапамятные времена. Некоторые особенно сильные шаманы пытались найти туда путь, но все они пропадали в этом таинственном краю без следа. Торкула пробила дрожь от одной мысли о встрече с жителями Иньо. Третий и четвертый род относились к человеческой природе. Считалось, что некогда это был один большой род, охраняющий входы и выходы в Серединный мир. Но позже, он разбился на два племени, тем не менее, связанных между собой узами родства. Джаксин — так называли свой род люди, которые относились к некоему Сумеречному Миру, который находился где-то совсем рядом с человеческим миром. Тай-Шин — так назывался их Клан, созданный для охраны рубежей Алтая. Они зачастую появлялись среди людей, и даже жили среди них. Сумеречные Воины могли свободно ходить между мирами Теней, а также между Светом и Тьмой. О них действительно ходили различные слухи. Их называли оборотнями и шаманами. Их боялись и уважали одновременно, потому что их тайного могущества, по слухам, опасались даже Ситаны. Именно тайшины могли свободно передвигаться по всем трем мирам, и поэтому им выпала миссия собрать участников Договора, когда придет определенное время. И именно поэтому Торкул и еще шесть храбрых воинов отправились на поиски Тай-Шин. Ведь он принадлежал к четвертому роду Хранителей — Ака-Аши, людям Серединного Мира, считающих Алтай Священной Землей.

Вспоминая древние легенды и предания, Торкул, смотревший сквозь пелену огня на тлеющие угли, задремал. Нет, это нельзя было назвать сном — он все осознавал, слышал каждый шорох вокруг, но его тело онемело. Озадаченный этой обездвиженностью Торкул хотел пошевелиться, но не смог. Тело словно связали крепкими кожаными ремнями, делающими любое движение невозможным. Время вокруг будто на самом деле остановилось. О чем-то по-прежнему шептал, потрескивая, костер, и легкий ветер шумел в верхушках высоких деревьев. И все это обняла своими ласковыми руками тишина. Вязкая тишина, которая опустилась сверху, с огромного безграничного неба усыпанного далекими, но яркими звездами. Казалось, прошла целая вечность с того момента, когда люди ступили на землю этого древнего святилища. Ветер и костер. Шелест и потрескивание. Вечность. Преодолевая это сноподобное состояние и порожденную им неподвижность, Торкул сделал последнюю отчаянную попытку проснуться, и, напрягая все свои силы, он тихо зарычал, словно пойманный в ловушку зверь, сбрасывая с себя пелену наваждения. Вокруг все оставалось по-прежнему. Только краски стали более яркими, звуки — отчетливыми. По-прежнему — шелест ветра и потрескивание костра. Наваждение. Воин встал и, пошатнувшись, сделал несколько шагов на подгибающихся ногах в сторону ночной стражи. Подобное состояние озадачило его, но в таких местах нужно было быть готовым к любой неожиданности. Оба воина сидели неподалеку, повернувшись к костру спиной, а взгляды устремив в непроглядную темень тайги. Торкул подошел к ним и тихо окликнул одного по имени. Тишина. Покой. Когда второй страж также игнорировал его оклик, Торкул подошел к ним вплотную и заглянул в их лица. Оба стража бодрствовали. Во всяком случае, так можно было подумать — их глаза были открыты, а руки уверенно лежали на саблях, вытасканных из поясной перевязи и лежавших на их коленях. Костер и ветер. Потрескивание и шелест. В глазах стражей была абсолютная отрешенность. Они смотрели и не видели, слушали, но не слышали. Казалось, что они грезят наяву. Торкул провел рукой у них прямо перед глазами. Тщетно. Неведомые грезы заморозили людей, превратив их в живые статуи. «Здесь все пропитано

колдовством». Торкул озадаченно окинул взглядом поляну. Что-то заставило его насторожиться. Что-то неуловимое... Он еще раз медленно посмотрел на место для ночлега и вздрогнул. В его руке мгновенно появился нож. Там, на противоположном конце поляны, где высилось высеченное неведомыми мастерами изображение человековолка, прямо на каменной плите... полулежал, опираясь на согнутую руку, тайшин!

Воин со шрамом смотрел на него сквозь дымку от костра, и не шевелился. Торкул не увидел чужака сразу, во-первых, потому что человек был недвижим, а во-вторых, потому что его одежда была пронзительно черного цвета. Тайшин. Воин-оборотень, шаман-полупризрак, житель сумерек, существо из иной реальности, куда уходят люди лишь в своих сновидениях. О них действительно ходили разные слухи, и вот теперь человеку выдалась возможность встретиться с одним из них наяву. Торкул поднял нож вверх и демонстративно разжал пальцы. Острое лезвие с еле слышным свистом воткнулось в землю где-то у его ног. Тайшин по-прежнему не шевелился, но воин сумел разглядеть в призрачных отсветах огня улыбку на его лице.

— Я пришел с миром! — произнес Торкул и медленно стал приближаться к святилищу шаманов. Человек в черном продолжал лежать, улыбаясь, рассматривая визитера. — Меня зовут Торкул.

Оборотень, продолжая улыбаться, кивает головой, словно зная и имя пришедшего, и то, зачем он пришел в его владения.

— Я нарушил границы и осмелился явиться в святилище Тай-Шин, потому что настало время Большой Битвы. Мы смиренно просим о помощи Хранителей Священной Земли. Я — один из Ака-Аши. Они прислали меня...

Тайшин в одно неуловимое движение изменил свое местоположение. Вот только что он полулежал, а теперь — раз, и он уже стоит на каменной плите, на согнутых ногах, словно готовясь прыгнуть вниз. Он смотрит с плиты на стоящего внизу воина, но в его взгляде нет ни настороженности, ни агрессии.

— Ака-Аши просили передать, что они чтят память о той помощи, которую им оказывали воины Тай-Шин во времена Больших Битв. Я пришел с плохими новостями — Чудь снова поднялась. Черное войско Ургачимиду собирается под землей, чтобы выйти на поверхность и выжечь ее дотла. Ургуды уже появляются в Серединном Мире. Мы встретили несколько воинов Ургачимиду, когда скакали сюда. Они уже даже не боятся солнечного света. Положение очень серьезное. Ака-Аши собирают большое Войско. Меня прислали узнать, можем ли мы опять, как и много лет назад, рассчитывать на помощь Тай-Шин?

Облаченный в темное шаман на скале, кажется, не слушает его. Его взгляд устремлен во тьму ночи, господствующей повсюду. Он словно прислушивался к чему-то, происходящему в темноте. Торкул только сейчас смог рассмотреть тайшина. Высокий рост, пронзительный взгляд глаз, с желто-карими, как у волка, зрачками и короткие, абсолютно белые, волосы. Эти выбеленные сединой волосы, контрастирующие с угольной чернотой одежды и молодое, почти юношеское лицо шамана, смотрелось нереально, словно он только что вынырнул из мира грез. Впечатление усугублялось тем, что встреча с этим таинственным седым юнцом состоялась в непроходимой, зловещей чаще предгорной тайги, в древнем языческом святилище. Торкул продолжал рассматривать незнакомца, терпеливо ожидая ответа. Он уже все сказал, и теперь нужно было проявить смирение, дожидаясь пока этот человек наверху не соизволит заговорить с ним. А тот все молчал. Казалось, тайшин тоже ожидал чего-то. Наконец, он нарушил свое молчание, произнеся несколько слов на незнакомом Торкулу языке. И, словно отозвавшись на этот зов, ярко вспыхнул костер, устремившись высоко вверх острыми языками пламени. Это определенно было древнее колдовство, о котором Торкул слышал от своих Наставников. Ака-

Аши тоже умели управлять силами природы, но такого проявления могущества Торкул не видел ни разу. Тайшин произнес еще несколько коротких гортанных фраз, но на это раз на его зов отозвались не стихийные силы природы, а представители животного царства. Тьма в направлении тайги расступилась, и из стены мрака на поляну вышли несколько волков. Они совершенно спокойно прошли мимо зачарованных неподвижных стражей, замерших в бесполезном дозоре, и подошли к костру, рассаживаясь в круг около спящих воинов и наблюдая за изумленным человеком, замершим у подножья скалы.

— Мы знаем, кто такие Ака-Аши, — голос тайшина оказался мягким и приятным. Он словно был продолжением той таинственной магии, окутавшей дремой пришедших в это заколдованное место людей. Торкул, преодолевая оцепенение, опять охватывающее его, отвел взгляд от волчьей стаи, и посмотрел вверх, на площадку, где снова полулежал в своей странной позе языческий колдун. — Только Ака-Аши знают, где нас искать. Только Ака-Аши мог набраться безумия прийти сюда. Поэтому и ты, и твои люди все еще живы. Но ты совершенно напрасно шел сюда, Ака-Аши. Нам известно и про Битву, и про Чудь. Мы знаем даже гораздо больше, чем знаете вы, потому что для нас не существует ни расстояний, ни стен...

Торкул моргнул, и видимо именно в это мгновение, непонятно каким образом встав из неудобного полулежачего положения, тайшин прыгнул со своего места на скале, вниз. Это было просто невероятно. Опять магия, обманывающая зрение? Или может быть, шаманы Тай-Шин на самом деле владели каким-то особым способом перемещения в пространстве, превращаясь в невесомый ветерок? В любом случае, площадка у подножья статуи человековолка была пуста, а голос тайшина раздался уже откуда-то со стороны костра. Торкул почувствовал, как закружилась голова, но, сжав зубы, он собрал все свое мужество, чтобы не потерять сознание и повернулся к костру. Тайшин действительно был уже там. Он сидел среди волков, словно являясь их полноправным собратом, или даже, управителем.

— Тай-Шин будет сражаться за людей в этой Битве? — осторожно повторил свой вопрос Торкул, уже ничему не удивляясь.

Седой юноша отрицательно помотал головой.

— Почему?

Тайшин улыбнулся, и положил руку на голову одного из зверей. Волк вел себя совершенно естественно, словно общение с человеком было для него привычным делом.

— Тебе обязательно нужен ответ?

Торкул опустил на землю. Стоять он уже не мог — предательская дрожь в ногах могла выдать его напряжение.

— Мы проделали тяжелый путь. Мы надеялись... Люди не выстоят в этой Битве. Нам нужна помощь.

Тайшин прихватил волка за шерсть и немного потянул на себя. Зверь незлобно оскалился, продолжая спокойно сидеть на своем месте. Торкул вдруг почувствовал полное безразличие — то, зачем его направили сюда старейшины Ака-Аши, было на самом деле чрезвычайно важно для людей. И вот все рушилось. Шаман с лицом юнца и волосами старца одним движением головы разрушил все его надежды и ожидания. Торкул хрипло засмеялся.

— Что, тайное могущество Тай-Шин растратило свое силу?

Молодой шаман улыбнулся воину Ака-Аши с противоположной стороны костра, продолжая играть с волком. Казалось, его совсем не смущало откровенно вызывающее поведение человека со шрамом. Торкул нахмурился.

— Неужели все сказания о Тай-Шин выдумка, и все на что способны легендарные шаманы-волки это дешевые фокусы и не больше?

Тайшин отпустил волка и, хотя улыбка еще блуждала на его лице, пристально посмотрел на

Торкула, который сжался под этим взглядом. В желтовато-карих глазах воина-оборотня было столько силы и магии, что казалось целая Вселенная смотрела сейчас на Ака-Аши глазами этого загадочного человека. Торкул вспомнил слова Алыка насчет силы взгляда тайшинов, но уже просто не мог остановиться, и ему уже нечего было терять. Было только жгучее желание разозлить этого беспечного лесного духа и посмотреть насколько реальная сила Тай-Шин отличается от вымышленной.

— Ну, хочешь убить меня? Мне теперь уже нечего терять. Давай, попробуй. Сделаешь это сам или отдашь приказ своим серым слугам?

Несколько волков в окружении тайшина напряглись, словно поняли слова человека, и зарычали, оскалив острые клыки. Но шаман, закутанный в черную одежду, продолжал сидеть неподвижно. Однако Торкул помнил о том, что подобная неподвижность может быть обманчивой. Он вытащил из напоясного чехла второй клинок и встал на ноги. Волки, все как один, одновременно поднялись, и на их мордах появился хищный оскал. Торкул призывно помахал им кинжалом. Его ноги были слабы, и он даже не мог сдвинуться с места, но руки слушались, а это значит, что он мог обороняться. Настало время продемонстрировать этой странной лесной стае боевое искусство воинов Ака-Аши. Но волки не торопились атаковать человека. Торкул засмеялся и хотел сказать еще что-нибудь оскорбительное, но его внимательный взгляд отметил одну странную деталь — и волки и тайшин смотрели на самом деле не на него, а за него, на то, что происходило у него за спиной. Старый трюк, но сейчас Ака-Аши почувствовал, что позади него на самом деле что-то происходит. Он стремительно обернулся и вовремя — на расстоянии вытянутой руки от него замер в напряженной позе невысокий, но широкоплечий воин, только внешне похожий на человека. Ургуд! Торкул среагировал мгновенно. Его клинок в одно движение вонзился в шею подземного жителя, и на воина Ака-Аши хлынула фонтаном темная вонючая кровь воина Чуди. Ургуд захрипел и завалился на землю, пытаясь зажать руками смертельную рану. Торкул еще даже не успел осознать происходящее, как из лесной чащи на него бросились еще несколько таких же отвратительных существ. В темноте ночи их еще можно было принять за людей, если бы не светящиеся во тьме глаза и странные звуки, издаваемые ими при передвижении. Торкул издал боевой клич, но ему никто не ответил, и никто не мог помочь. Группа воинов, сопровождавших Ака-Аши, по-прежнему была неподвижна, пребывая в своем снопоподобном оцепенении. Один из ургудов подбежал к грезящему наяву стражнику, находившемуся ближе всего к таежной чаще, и одним ударом изогнутого меча снес ему голову. Обезглавленный воин, словно набитый соломой мешок, завалился в траву, заливая ее кровью. Торкул яростно закричал и метнул клинок через всю поляну в ургуда, убившего одного из его телохранителей. Сталь с отвратительным треском вошла убийце в грудь, пробивая странные одежды подземного жителя. Остальные ургуды завyli и бросились на безоружного Ака-Аши. Но тут в битву вмешались волки. Серая стая набросилась на злобных существ, уворачиваясь от ударов их изогнутых мечей, и перегрызая незащищенные подобием кольчуг, горла. Торкул обернулся на святилище и увидел, что юнец сидит уже не у костра, а опять на гладком возвышении в скале, внимательно наблюдая за исходом схватки. Его глаза, казалось, жили отдельной от неподвижного тела жизнью, отмечая все, что происходило на поляне. Торкул хотел крикнуть ему, что волки долго не продержаться против вооруженных ургудов, как случилось непредсказуемое. Два ургуда, сбросив с себя раненных волков, бросились на Ака-Аши, ощерившись кривыми, почти звериными, клыками. Еще три ургуда побежали к святилищу, видимо, намереваясь достать с возвышения и убить безучастного шамана Тай-Шин. И те, и другие, умерли почти одновременно. Торкул не видел, что сделал с ними тайшин, но атакующие колдуна воины подземелья завалились в траву и забились в агонии, едва подбежав к святилищу. А шаман оттолкнулся от площадки на скале и, преодолев большое расстояние,

подобно огромному черному кузнечику, приземлился за костром, в самом центре схватки. Его движения были настолько стремительны и молниеносны, что даже натренированный взгляд Ака-Аши мог ухватить лишь некоторые детали происходящего. В руках у тайшина появились, словно из воздуха, два коротких ножа. Еще два ургуда, оказавшиеся рядом с ним были убиты мгновенно. Ургуды, бежавшие к Торкулу, упали к его ногам с этими же ножами, но торчащими уже из их спин. А тайшин, увернувшись от хищного вращения изогнутых мечей, несколькими хитроумными движениями перебил ноги оставшимся двум нападавшим, затем стремительно сломал им шеи. Битва прекратилась. Одетый в черное юнец, неподвижно стоял посреди поляны, на которой зализывали раны волки и лежали без движения мертвые тела, и опять смотрел на Торкула тем самым пронзительным взглядом, от которого кровь закипала в жилах. В желтоватых глазах воина-оборотня по-прежнему не было ни агрессии, ни злобы, но Ака-Аши пошатнулся от их невидимой силы, проникающей, казалось, в самые потаенные уголки души. Торкул опустился на колени.

— Я приношу свои извинения. Сила Тай-Шин превосходит все слухи, которые слагают про вас люди. Я был неправ. Я снова смиренно прошу использовать хотя бы часть этой силы для защиты людей от Ургачимиду.

Тайшин медленно осмотрел поляну и отдал волкам короткую команду. Звери, прихрамывая, стали подниматься с травы, и один за другим пошли в тайгу, оставляя за собой тонкие полоски кровавых следов. Лесной волшебник улыбнулся Торкулу своей беспечной улыбкой и, повернувшись, пошел вслед за стаей. Уже на самой границе леса, там, куда еще падал рассеянный свет от костра, он остановился и обернулся. Причудливая игра света и тьмы окутала фигуру шамана сонмом движущихся теней. Не переставая улыбаться, он опять посмотрел на Торкула и рукой поманил его вслед за собой. Затем он шагнул в стену тьмы, покрывающую сплошным пологом таежную чашу, и исчез, сливаясь с этой темнотой. Торкул встал, и торопливо побежал вслед за тайшином, преодолевая невероятную слабость в подламывающихся ногах. Ему во что бы то ни стало, нужно было догнать этого странного человека, бредущего во мраке ночи по таежным тропам в окружении диких волков. От этого зависело слишком многое. Через мгновение он тоже шагнул в темноту, и непроглядный мрак сомкнулся над воином Ака-Аши, поглощая и растворяя его в объятиях ночи.

Они долго шли сквозь ночную тьму. Торкулу приходилось ориентироваться на звуки шагов раненых зверей, идущих только им ведомой тропой, уводящей их все дальше и дальше вглубь безграничной тайги. Облаченного в черную одежду шамана не было видно, и Торкул занервничал, опасаясь, что потерял его. Но другого выбора у него не было, и он, один из знатных алтайских князей, продолжал униженно плестись по невидимой тропе, вслед за израненной волчьей стаей. Спустя какое-то время он стал замечать какое-то мелькание в темноте. Словно кто-то шел по лесу и освещал дорогу перед собой крохотным факелом. Но стоило ему посмотреть в сторону света, как неведомый попутчик прятал свой факел, для того, чтобы снова воспользоваться им чуть позже. Сначала Торкул подумал, что это ему мерещится. Затем, когда вспышки света стали повторяться все чаще, он подумал, что это рассветное солнце пробивается в гущу тайги сквозь плотные короны деревьев. Но темное небо было по-прежнему раскрашено созвездиями, а это значило, что до восхода солнца было еще далеко. Торкул заозирался, пытаясь все-таки прояснить для себя источник мерцающего сияния. Но таинственные огни ускользали от него, когда он начинал смотреть на них. Однако стоило отвернуться, и они опять начинали посверкивать в таежной глуши. Смотреть на них можно было только краешками глаз, что было неудобно. Увлеченный этим занятием, Торкул чуть было не отстал от стаи. Он опять сосредоточился на последнем волке, которому видно досталось больше остальных —

несчастный раненный зверь шел тяжело и хрипло дышал. За ним в воздухе оставался отчетливый запах крови. Будучи опытным воином, Торкул знал, что долго этот зверь не проживет. Ему стало жаль этого волка. Возможно, именно он принял на себя удар ургуда, предназначавшийся ему. Через несколько десятков шагов Торкул увидел его. Широкая спина волка была мокрой от крови. Затем он увидел и остальных волков! Торкул озадаченно моргнул несколько раз. Возможно, у него что-то произошло со зрением, а возможно, всему виной были эти странные вспышки, которые уже во всю искрились вокруг, отчего ночь наполнилась ярким и одновременно нежным светом. В этот момент раненый волк, замыкающий движение стаи, споткнулся и упал. Торкул чуть было не налетел на его тело в изнеможении распластанное поперек еле заметной тропинки, идущей сквозь заросли незнакомой травы с широкими листьями. Ака-Аши наклонился и осторожно потрогал волка рукой. Тот ощерился из последних сил и беспомощно откинулся на траву. Бока зверя шумно вздымались и опадали. Торкул закусил губу, не зная, что делать дальше. Затем, он взвалил раненного зверя на руки и, чувствуя, как кровь заливает его одежду, побежал вслед за стаей. Через несколько шагов он понял, что с такой ношей он не сможет держать ритм и непременно отстанет. Ноги и без того подламывались в коленях, дыхание давалось с трудом. Князь запаниковал. Волк еще дышал на его руках, а это значило, что он был жив, и его нельзя было оставить здесь просто так умирать. С другой стороны, если волки уйдут, то Ака-Аши не выполнит то, от чего, возможно, зависит судьба тысяч людей. Судьба Алтая.

— Эй, эй... — его хриплый голос раздался в таежной тишине подобно крику экзотической птицы. Волки даже не обернулись, продолжая свой путь.

— Эй вы, постойте! Он умрет сейчас... Подождите...

Последний волк исчез в густом кустарнике. Торкул упал на колени, но раненного зверя из рук не выпустил. Его душили слезы. Он закрыл глаза и завыл, словно сам был волком. Зверь в его руках стал повизгивать, уже начав биться в конвульсиях. Он умирал. Торкул открыл глаза и сквозь пелену слез увидел рядом с собой тайшина. Тот стоял в шаге от князя, разглядывая его. Ака-Аши кивнул головой на свою кровавую ношу.

— Он умер...

Тайшин протянул к нему свои руки и бережно, будто обращаясь с младенцем, забрал волка у человека. Затем, словно долгий поход сквозь тайгу несколько его не утомил, он повернулся и быстро пошел по тропе, через мгновение исчезнув в кустах, там где скрылась из вида вся волчья стая. Торкул сжал зубы и, с хрипом поднявшись на ноги, поковылял на стертых ногах к кустарнику, который встретил его тонкими ветками, больно царапающими кожу. Когда сопротивление ветвей закончилось, воин вывалился из зарослей на огромную поляну, освещенную призрачным светом не то луны, не то звезд, не то того загадочного свечения, наполнившего лес. В центре поляны сверкала ослепительными звездами Вселенная. Торкул замер от подобной нереальной красоты, не виданной им до этого никогда. Присмотревшись повнимательнее он понял, что это были не звезды, а их отражения. Звездное небо отражалось в прозрачном лесном озере, спокойном и гладком, словно отполированное серебряное блюдо. Перед самой водой, на берегу, ровным строем сидели волки. Их силуэты отражались в озере темными тенями. Тайшин вошел в воду, и по идеальной глади побежали к середине озера расходящиеся круги, от которых отраженные звезды ожили и затанцевали в глубине и на поверхности завораживающий огненный танец. Шаман бережно опустил раненного волка в сноп звездных искр, прямо в воду, будто отдавая ей мертвое тело. Но спустя мгновение волк вздрогнул и, подняв фонтан хрустальных брызг, сам встал на лапы. Увидев это, остальные члены стаи, словно по команде, один за другим, стали входить в лесной пруд. Их серые израненные тела заботливо принимала в себя волшебная вода, пропитанная призрачным светом, окутывающая истекающих кровью зверей темно-синим звездным покрывалом. Торкул

почувствовал, что теряет сознание, и, сделав пару шагов по направлению к озеру, рухнул в черное и вязкое беспмятство, глубокое как волшебное озеро в таежной глуши.

Когда он открыл глаза, то первое что он увидел, было невероятно красивое лицо женщины. Он никогда не видел такой дивной красоты — завораживающие черные глаза, черные волосы и невероятно гладкая и чистая кожа. Несмотря на то, что сеточка тонких морщинок уже легли поверх этой потрясающей кожи, женщина не выглядела пожилой. От нее исходило ощущение внутренней силы и вечной красоты.

Хозяйка волшебного Озера.

Он так подумал, потому что женщина подобной красоты могла принадлежать только к миру потусторонних существ. Последнее, что помнил Торкул, это легкое волнение на зеркальной глади лесного озера и головы волков, словно плывущих между звезд по небу упавшему на землю.

Женщина улыбнулась ему и, встав, исчезла в легкой дымке, которая окутывала все вокруг. Торкул закрыл глаза и стал тереть их руками, пытаясь избавиться от этого тумана. Но все было тщетно, потому что дымка на самом деле висела в том месте, где он лежал. Легкий дым тек из деревянной плашки, наполненной сухими травами, тлеющими от двух тонких лучинок, на концах которых мерцали алые точки огня. Торкул огляделся. Судя по всему, он находился в аиле. Скрепленные сверху жерди были покрыты высушенной корой дерева, а на входе висела шкура оленя, выделанная с высоким мастерством. Полог из шкуры животного откинулся и в аил вошел человек в сером плаще и накинутом на голову капюшоне. За ним следом вошли два воина в черной одежде. Их лица были скрыты под толстым слоем угольной пыли, растертой по коже в виде какого-то замысловатого рисунка. Человек присел рядом с лежаком, на котором лежал воин Ака-Аши, и откинул капюшон. На князя смотрел пожилой человек с пронзительным взглядом ярко-голубых глаз.

— Здравствуй! — у вошедшего был низкий красивый голос, — ты один из Ака-Аши?

Торкул чуть заметно кивнул.

— Зачем ты пришел к нам?

Торкул, прищурившись, окинул старика взглядом, затем перевел его на неподвижных воинов за его спиной.

— Я искал Тай-Шин.

— Зачем? — повторил свой вопрос старик, внимательно изучая алтайского князя, словно пытаясь проникнуть в его душу.

— Я могу сказать это только одному из Тай-Шин.

— Ты можешь сказать это мне. Я — один из Тай-Шин. — Старик держался столь уверенно и спокойно, что Торкулу не трудно было догадаться, что перед ним находится высокопоставленная персона. Два телохранителя за спиной подтверждали высокий статус иноземца в странном одеянии.

— Я пришел просить о помощи.

Старик молчит, ожидая продолжения, но Торкул говорит неохотно. Он еще не пришел в себя после всех потрясений последнего дня, и ему нужно было получить подтверждение слов этого странного человека с глазами, будто кусочки ясного неба. Все-таки он был князем, и говорить предпочитал с равным по положению человеком. И не столько, потому что кичился своим происхождением, а скорее, для того, чтобы решения принятые во время разговора имели под собой реальную силу. Старик, казалось, прочитал эти сомнения в его в душе.

— Со мной ты можешь говорить как с равным.

— Ты князь?

Старик улыбнулся.

— Да, князь. Ты можешь называть меня Волковник.

Торкул несколько раз повторил про себя это странное имя, словно пробуя его на вкус.

— Ты из Сибирских земель?

— Это неважно. Ты пришел просить о помощи, а помощь может прийти из любых земель.

Даже тех, которые не принадлежат этому миру.

— Ты говоришь про Акан?

Волковник смотрит на него своими пронзительными серыми глазами, в которых светилась мудрость и сила.

— Акан не сможет помочь вам в этой битве.

Торкул мотает головой.

— Этого не может быть! Акан являются покровителями Среднего Мира. Они не оставят нас в беде. Согласно древнему пророчеству Акан, как и другие участники Договора Четырех Хранителей, выступят на стороне людского войска. Большая Битва уже не за горами. Мы чувствуем ее. Мы видим, что происходит. Вокруг кровь и смерть. Чудь уже собирается в степных пределах. Скоро она пойдет на Алтай. Я прибыл сюда просить о помощи Тай-Шин. Мы много слышали о вас и о вашем могуществе, которое вы всегда направляли против врагов Алтая. Сейчас я здесь, потому что предсказанное время настает.

Волковник задумчиво кивает Торкулу, сосредоточенно думая о чем-то.

— Да. Все верно. Предсказанное время настает, но не настало. Кровь и смерть всегда будут предвестниками Большой Битвы, но они никогда не прекращались.

Старик замолчал, давая князю время обдумать услышанное.

— То есть... Ты хочешь сказать что-то, что мы приняли за Большую Битву, это нечто иное?

Волковник улыбается. Но улыбка эта была грустной. В ней была многовековая печаль и многовековая мудрость.

— Люди всегда хотят думать, что Время Великих Перемен происходит именно с ними. Большая Битва была испокон веков, она есть и будет.

Старик сделал неувидимое движение, и оба телохранителя одновременно и совершенно бесшумно, будто два ночных ветерка, покинули аил. Князья остались вдвоем.

— Акан не выступит на стороне людей. Помощь Акан заключается в другом, — Волковник говорит тихо, но его слова впечатываются в мысли одного из ханов Синей Орды. — У каждого из участников Договора есть своя миссия. И каждый будет безупречно выполнять ее, сохраняя свой обет верности Алтаю.

Торкул напряженно соображает. Он не может понять отказывает ему тайшин в помощи или нет.

— Скажи мне, если ты можешь говорить от имени Джаксинов, Тай-Шин выступят на стороне людей в этой битве?

Волковник отрицательно качает головой. Торкул откинулся назад, на мягкий лежак, испытывая опять мучительное чувство пустоты, разочарования и страха. Его миссия провалена. Ему не удастся уговорить этих таинственных отшельников поддержать мощь Синей Орды.

— Но почему? — спрашивает он обреченно.

— Потому что ты просто не понял, с кем имеешь дело.

Торкул открывает глаза и удивленно смотрит на тайшина. Волковник накидывает на голову капюшон и, встав, направляется к выходу.

— Я не пугаю тебя. Ты просто на самом деле этого не понял...

Пронзительно синее небо. Зелень сочная и густая. Могучие кедры тянутся вверх раздвоенными верхушками стволов. Высокие травы достигают пояса взрослого человека. Воздух

чистый и свежий. В нем нет тревоги, запаха крови и пожаров. Торкул изумленно осматривается по сторонам. Аил, который он покинул, стоит на таежной опушке, переходящей в травянистые луга. Невдалеке высится цепь высоких гор. Логово Тай-Шин. Вокруг — никого. Так вот где скрываются шаманы-оборотни Джаксин. Но почему никого не видно? Аил стоит один, вокруг больше нет ни одного жилища. Но, не смотря на это, Ака-Аши чувствует, что это безлюдье обманчиво. Что за ним наблюдают несколько зорких глаз. Ничего удивительного. О шаманах Тай-Шин ходило много слухов. Мастера скрытого боя. Ночные охотники. Согласно легендам тайшины могли превращаться в зверей, и даже становятся невидимыми, оборачиваясь ветерком, скользким без препятствий над поверхностью земли. Возможно, что людская молва приукрашивала истинные возможности воинов-отшельников, но даже того, что Торкул видел своими собственными глазами прошлой ночью, было достаточно, чтобы поверить во все рассказы о древней магии Джаксин. Далекий шум. Торкул прислушался и, прищурившись, посмотрел вдаль, туда, где холмы стелились перед могучим величием гор. Далеко, примерно на расстоянии семи полетов стрелы, он увидел двух коней. Они резвились там, где трава была пониже. Огненно рыжий и пронзительно черный. Торкул восторженно наблюдал за их поведением. Кони, словно почувствовали на себе посторонний взгляд и, заржав, поскакали по направлению к далеким горам. Князь проводил их восторженным взглядом. Его овеял легким прикосновением прохладный ветерок и полетел вслед за грациозными животными. Ака-Аши обернулся и вздрогнул. Прямо перед ним, словно и в самом деле возникшие из прозрачной ткани ветра, стояли три воина, закутанные в темные одежды. Один из них кивнул князю, приглашая его за собой. Около аила Торкул увидел облаченного в серую накидку Волковника.

Они опять сидят внутри аила, словно опасаясь, что снаружи их беседу могут услышать нежелательные свидетели.

— Черная Орда скоро вторгнется в алтайские пределы, — Торкул еще пытается изменить решение собеседника. — Если Тай-Шин, Акан и Иньо не помогут людям, Чудь выжжет Алтай дотла.

— Тай-Шин, Акан и Иньо помогут людям, но не так как люди этого ожидают, — Волковник по-прежнему говорит тихим и властным голосом, не допускающим возражений. — Ургачимиду поднимется на поверхность, но ургуды всего лишь люди, хоть и подземные. Люди должны сражаться с людьми, это их часть соблюдения Договора.

— Но Черная Орда гораздо сильнее!

— Битвы выигрываются не численностью.

— Но ими управляют Ситаны, — Торкул произнес вслух это название шепотом. Его вообще не принято было произносить вслух, потому что считалось, что Ситаны обладают слухом, позволяющим слышать, даже как растет трава. Упоминание своего имени никогда не остается ими без внимания. Волковник по-прежнему был невозмутим, но Ака-Аши почувствовал, что собеседник тоже напрягся, услышав это имя. Подземные Владыки. Черные Ханы Подземного Мира. Никто не знал кто они, и как они выглядят. Все, что о Ситанах было известно людям, дошло до них в виде устных пересказов, мифов, сказаний и легенд. Ака-Аши считал их Подземными Князьями. Они представлялись ему в виде огромных богатырей, закованных в мощные железные доспехи. Вместо лиц — отвратительные оскалы смерти. В руках огромные мечи, струящиеся черным туманом. Волковник, казалось, прочитал его мысли, потому что старик поморщился и еле заметно поежился.

— Они управляют ими, но они не могут выйти в Серединный Мир. Во всяком случае, до определенного времени. Но тебе нет нужды думать об этом. Ты не противник для тех, кто живет в мрачных чертогах подземелья. Думай о людях.

Торкул печально усмехнулся.

— Я и думаю. Наши лазутчики докладывают, что Орда собирается из разрозненных кочевых племен. Их численность огромна.

Волковник взмахнул рукой.

— Вот видишь! Ты сам говоришь, что их численность огромна. Огромное войско, идущее вперед, словно ужасающий степной ветер, сметая все на своем пути. Чем можем помочь в этой схватке мы? Клан Тай-Шин создавался не для военных битв. Нас немного. Если мы встанем в открытое противостояние, нас затопчут как пожухлую траву. Без пользы. Без боя. Без выполнения нашего священного Долга.

Торкул поднял голову.

— А в чем тогда состоит ваш Долг?

Волковник внимательно посмотрел на него.

— Тебе незачем это знать. Это слишком сложно чтобы понять, и слишком дико, чтобы поверить.

Торкул пожал плечами.

— Я проделал огромный путь, чтобы найти вас. Я потерял своих лучших воинов. Если я уйду отсюда, не узнав истинных причин вашего отказа в помощи Синей Орде, я потеряю веру в Договор, в наследие предков, в жизнь. Мне незачем будет жить, потому что все тогда потеряет смысл. Те немногие защитники Алтая, которые встали под знамена с синей головой волка, обречены. И если Договор не имеет силы...

— Договор имеет силу, — Волковник повысил голос, — но почему ты думаешь, что все вокруг должно быть так, как ты этого хочешь? Посмотри вокруг. Что можно изменить в тайге? Бесплезно раздражаться на дождь или на поведение какого-либо животного. Невозможно это все контролировать. Они действуют естественно для себя, и не всегда их действия совпадают с твоими желаниями. Можно лишь приспособливаться к окружающему миру. Осознать свое место в нем. Также и Договор. Тай-Шин не отказывается от своего участия в Великой Битве. Но люди не будут знать о том, что мы в ней участвуем.

Торкул встал и нервно прошелся по тесному пространству внутри аила.

— Нам нужны герои. Нам нужны богатыри. О Тай-Шин ходит много легенд. Многие из них вызывают дрожь, многие — ужас. Но одно я могу сказать — для многих алтайских князей, которые хоть что-нибудь слышали о воинах-оборотнях Тай-Шин, они всегда ассоциировались с Защитой Алтая. И те, кто планирует вторгнуться на эту священную землю, тоже наверняка слышали о вас. Так пусть же защитники Алтая ликуют, а враги трепещут. Ваше участие может придать нам мужества перед лицом многократного противника.

Волковник вздыхает и молча встает. Торкул растерянно и выжидательно смотрит на старого шамана, который берет стоявший у выхода посох, вырезанный из кедра, и кивает гостю, приглашая его выйти на улицу.

Они идут по лесной тропинке, которая ведет их все дальше и дальше в таежную глушь. Рядом с Волковником бежит огромный волк, кроткий и послушный, словно сторожевая собака. Однако его уши внимательно слушают лес, в котором может скрываться неведомая опасность, а глаза внимательно следят за идущим рядом незнакомым человеком. В любой момент волк мог превратиться в грозного хищника, стремительно атакующего любого, кто мог угрожать закутанному в серый плащ старику.

— Мы не можем выступить на стороне людей, — Волковник отодвигает посохом мохнатые ветви кедров и елей, нависающие над дорогой, — Мы живем в отшельничестве. Среди людей скрывается угроза нашему существованию.

Торкул недоверчиво улыбается.

— Кто из людей может угрожать тайшинам?

Однако лицо старика по-прежнему серьезно. Он останавливается и опять пристально смотрит Торкулу прямо в душу, используя для этого свои всевидящие глаза.

— Я говорю о тех, кто владеет Силой.

— О камах?

— Да.

Торкул задумался, пытаясь осмыслить услышанное.

— Но среди Белых Камов никто не посмеет препятствовать Хранителям Алтая. А среди Черных Камов вряд ли найдется безумец, который осмелился бы выступить против магии Джаксин.

— Речь идет не о Белых и Черных Камах, — старик перевел взгляд на волка, который бежал рядом, поглядывая на разговаривающих, — Эти Камы не причисляют себя ни к Белой, ни к Черной Вере. Они считают себя Защитниками Людей. Мы называем их Кхарты.

С ближайшего дерева спорхнула пестрая птица небольших размеров и стремительно исчезла за ближайшими деревьями, словно испугавшись прозвучавшего слова. Все трое, включая волка, посмотрели ей вслед. Через мгновение они пошли дальше, по узкой тропинке петляющей между старыми деревьями, широкие стволы которых уже покрывали мох и лишайник. С нижних ветвей, словно это и правда были древние старцы, свисали седыми прядями толстые нити паутины.

Они пришли к основанию большого, поросшего густым ельником, холма. Старик, несмотря на свой возраст, совсем не устал, а вот Торкул, опытный воин и достаточно молодой мужчина, дышал довольно тяжело. Видимо он еще не оправился после того потрясения, которое выпало на его долю день назад.

— Давай отдохнем немного, — Волковник кивнул попугчику на большой ствол дерева, поваленный точным ударом молнии. Когда они сели на шершавую кору, старик повторил:

— Они считают себя Защитниками Людей, Героями. Они готовы на все ради людей, и это не пустые слова. Их силы достаточно велики. Они узнают друг друга по неизвестным нам признакам. И они представляют для нас действительно серьезную угрозу.

— Но ведь тайшины тоже считают себя Защитниками Людей, — Торкул удивленно смотрел на старика, который рисовал своим посохом на опавших еловых иглах, устилающих землю желтым ковром, странные узоры.

— Тайшины считают себя Хранителями Алтая, — тихо произнес Волковник.

— А люди... — пробормотал Торкул и вдруг замолчал, пораженной своей догадкой.

— Люди не являются хозяевами и единственными обитателями Алтая, — закончил его мысль старик.

Торкул вздрогнул и посмотрел на старого шамана. А тот, встретив его взгляд, кивнул ему на землю у их ног, где были изображены знаки. Волковник ткнул посохом в один из них, состоящий из двух отрезков одинаковой длины, пересекающихся друг с другом под небольшим углом.

— Знаешь что это такое?

Торкул пожал плечами.

— Крест?

Тайшин прищурившись, усмехнулся.

— Это не просто крест. Это древняя руна. Это знак богов, древних покровителей человека. С помощью этого знака они оставили нам глубокую мудрость. С помощью этой руны мы имеем возможность прикоснуться к могущественным силам. Но об этом позже. Сейчас расскажи мне о

тех, кто встал под знамена с синей головой?

Торкул нахмурился. Его мысли тотчас же улетели к воспоминаниям о долине, где должна была состояться кровопролитная Битва. Здесь, в этом волшебном лесу он забыл на время о том, что где-то чадят смоляным дымом сигнальные костры, и сотни воинов стекаются разрозненными отрядами к основанию Сторожевой Горы.

— Мы собираем всех, кто чувствует приближение Большой Битвы.

— Вы знаете, кто выступает против вас?

На лице Торкула отразилось смятение.

— Черная Орда создана подземными Владыками. Управляют ей, конечно, люди...

— Кто?

— Мы не знаем точно. Наши данные не точны. Нам известно лишь, что Черная Орда имеет какое-то отношение к ойратам. Неизвестно, в каких связях с Ситами состоит Джунгарское ханство, но наши лазутчики видели много джунгарских воинов в ставке Орды. Мы знаем также, что в Орду входят мелкие кочевые племена из казахских степей, а также разрозненные ногайские и узбекские отряды. Имя богатыря возглавляющего сборное войско — Уромобукэ. Говорят, его невероятная сила имеет порочные корни. Будто бы его мать — женщина из мира людей, а отец — ургуд, демон-воитель подземного мира.

Волковник покивал головой и задумчиво прошептал:

— Силы Черной Орды действительно велики.

Торкул глубоко вздохнул.

— Поэтому мы и обратились к вам за помощью...

Волковник опять показал концом посоха на руну, начертанную на земле.

— Крест принадлежит к очень могущественной вере. Древней вере. Это знак, который идет через тьму лет. Его предназначение скрыто от людей, не чувствующих своего сердца. Пойдем дальше, я еще не все показал тебе.

Они встали со ствола дерева и направились к вершине холма. Трава была высотой с человеческий рост, поэтому путникам приходилось приминать ее или раздвигать в стороны, цепляясь за длинные и прочные стебли. Подъем занял достаточно продолжительное время, хотя со стороны холм казался не очень высоким. С его вершины открывался захватывающий вид. Во все стороны расстилалась красивая страна, сотканная из серых гор и пестрых полей, плавно перетекающих друг в друга, словно разноцветные реки. Наблюдая это великолепие, Торкул даже не заметил, как они поднялись на самую высокую точку холма. Там, посреди небольшой лужайки, одиноко стоял вкопанный в землю старинный, выточенный из камня крест. Памятник был основательно обработан дождями и ветром. Его основание покрылось седым мхом. Было видно, что он стоит здесь очень давно.

Волковник кивнул Торкулу на каменное изваяние.

— Вот Тайна, которую людям еще придется раскрыть. Пока же я расскажу тебе про то, что мы защищаем в этих дремучих лесах. Садись и слушай.

Торкул сел прямо на землю, на упругий ковер из травы. Тайшин присел рядом, устраивая деревянный посох себе на колени.

— Я открою тебе часть этой тайны. Но и ее может быть достаточно, чтобы поставить твою жизнь под угрозу. Ты готов к этому?

Торкул усмехнулся.

— Я воин. Моя жизнь с детства под угрозой. Но кто мне будет угрожать?

— Сейчас ты поймешь, — мягко произнес Волковник, с какой-то потаенной печалью поглядывая на собеседника, словно и в самом деле подвергая его смертельной опасности уже одним тем, что он говорит с ним о запретном. — Большая Битва, о которой ты говоришь, будет

не в долине у Сторожевой Горы. Более того, она уже началась, и притом довольно давно. То побоище, которое состоится между Синей и Черной Ордой это лишь одно из ее видимых проявлений. Настоящая война идет не между ханствами и племенами. Ее истоки гораздо глубже. И то, что я расскажу сейчас, может показаться тебе полным бредом.

Торкул внимательно слушает старика. Он внимает каждому его слову, потому что понимает, что иногда несколько слов могут решить исход большого сражения.

Волковник опять чертит перед собой наклонный крест, но на этот раз делает это не посохом, а пальцем. Он кивает князю на этот знак, и тихо произносит, будто опасается, что легкий ветерок может подхватить его слова и унести их к тем, кому они не предназначались.

— Древняя война, которой уже много сотен лет, ведется между мужчиной и женщиной...

Торкул потерял дар речи. Не может быть! Он подозрительно посмотрел на старика, решая, шутит ли он над ним или просто помутился рассудком. Но в глазах тайшина нет ни тени безумия, ни тени смеха. Он пристально смотрит на князя, ожидая, чтобы тот осознал смысл сказанных им слов.

— Не видел среди наших воинов ни одной женщины, — осторожно пробормотал Торкул, не решаясь оскорблять шамана Тай-Шин своими подозрениями и своим недоверием.

— В том-то все и дело, — Волковник многозначительно улыбается, — В войнах участвуют лишь мужчины, ослепленные яростью и страхом. Женщины ждут их в шатрах и кибитках, аилах и острогах. А мужчины уничтожают друг друга. Дети с детства учатся владеть саблех и луком. Но не только для того, чтобы охотиться и добывать себе пищу, а больше для того, чтобы убивать себе подобных. Реки крови пролитой в бесконечных битвах могут сравниться с реками воды, бегущими с гор.

— А при чем здесь женщины?

Волковник поднимается на ноги. Торкул встает вслед за ним. Они подходят к краю поляны. Тайшин показывает рукой на великолепие окружающей природы, раскинувшееся внизу.

— Когда-то, давным-давно, когда в этих горах и степях селились предки наших предков, мир был обласкан женской любовью. Вода и земля, огонь и ветры — все это почиталось как женские божества. Тогда в этих горах был не только Хозяин Алтая, но и Хозяйка...

Торкул удивленно смотрел на собеседника, а тот говорил тихо и нежно, словно грезя о чем-то очень дорогом и любимом.

— Знак, который я показывал тебе, имел тогда особое значение. Он имеет силу и сейчас, но сейчас в мире не хватает Богини. А теперь я открою тебе истинный смысл Договора. Люди убивают друг друга, потому что древняя Богиня покинула этот мир. Если она не вернется обратно, люди рано или поздно погибнут, и подземные правители станут безраздельно править в Серединном Мире. Мы — тайшины, охраняем тропы, ведущие в тот мир, где скрывается Великая Богиня.

— Богиня? — Торкул чувствует непривычную дрожь в теле, — Волковник...

Старик поднимает перед собой руку и, улыбаясь, произносит:

— Ты многое узнал и увидел. Но этого мало. Теперь тебе предстоит познать это. Обратной дороги для тебя уже нет. И поэтому, ты можешь узнать мое настоящее имя, — он прищурился, разглядывая князя, — меня зовут Йоргор.

Глава 2. ПРИКОСНОВЕНИЕ

(Семь дней спустя)

*«Увидев оборотня след, испуганно кричит сова,
Вдыхая чистый лунный свет, растет прозрачная трава.
Аллея из зеркальных роз, очнувшись, словно сбросив сон,
Нас приведет в Обитель Грез, и снова канет в тьму времен...»*

«Светотени» А. Коробейщиков

Прекрасная изумрудная долина раскинулась в урочище суровых серых скал. Три человека замерли на склоне горы, пораженные увиденным. И если двое уже видели это великолепие, то третий, алтайский князь Торкул, восторженно смотрел на долину внизу, как будто это была небесная страна Акан, о которой он так давно мечтал. Зрелище и в самом деле поражало воображение. Цвета самой долины и неба над ней потрясали своей чистотой.

— Что... это? — прошептал Торкул, чувствуя, как тяжело даются ему произнесенные слова — красота местности, куда они пришли, зачаровывала и захватывала дух.

— Ты почти угадал, — Йоргор опять прочитал его мысли, — это вход в чудесную страну. Но это не Акан. Видишь то озеро в центре этой лощины?

Торкул кивнул. Крохотное озерцо переливалось на солнце ослепительным жидким светом.

— Вам нужно туда. Но прежде, чем мы спустимся, вам необходимо подготовиться.

— Вам? Мы пойдем туда вдвоем? — Торкул оборачивается на третьего попутчика. Это тот самый тайшин, который привел его к Йоргору. Колдун, который с молниеносной быстротой и легкостью уничтожил несколько вооруженных ургудов. Который управлял волчьей стаей, слушавшейся его, как домашние животные слушаются своего хозяина. Юноша с седой головой и страшным взглядом, пронизывающим тело и душу. Интай. Камкурт Тай-Шин — «Шаман-Волк», Князь Волчьей Орды. И если Йоргор выполнял в Клане Тай-Шин роль Наставника, Старейшины, то Интай был непосредственным управителем общины шаманов. Вожаком стаи.

Торкул побаивался его. Общение с Йоргором было простым и легким. Тогда как Интай ужасал его своим непредсказуемым поведением. Он был улыбчивый и веселый, и если бы Торкул не видел, как этот воин расправился с несколькими могучими лазутчиками из подземной страны, он бы поверил в этот образ. Иногда Интай уходил в себя и молчал, не отвечая даже на вопросы, обращенные к нему. И вот теперь Торкулу предстояло идти вниз, в эту загадочную долину вместе с одним из самых непонятных ему людей, когда-либо встречавшихся алтайскому князю в этом мире. Интай, казалось, тоже прочитал эти страхи и сомнения в его душе. Он улыбнулся и ободряюще хлопнул Ака-Аши по плечу. Чтобы скрыть неловкость, Торкул нервно махнул рукой в сторону лощины. Страх можно спрятать за разговорами.

— Что это за страна?

Йоргор тоже улыбался. Было непонятно, радуются ли эти тайшины тому месту, куда они пришли, или их веселит глубинный ужас воина, покрытого рубцами от ран, но испытывающего трепет перед мирами, недоступными обычному человеку.

— Ты точно хочешь это знать? — Волковник, прищурившись, разглядывал Торкула.

— Конечно. Я должен знать куда иду.

— Ты мужественный воин. Ты не побоялся прийти в святилище Тай-Шин. Ты не побоялся шагнуть дальше.

— Я делаю это не по причине своего мужества. Признаюсь, я напуган, даже ноги дрожат. Я

не испытывал подобных чувств ни в одной битве, которых я повидал немало. Но я делаю это, потому что от моего похода может зависеть судьба тех воинов, которые готовятся к Великой Битве. Потому что от этого может зависеть исход самой Битвы.

— Верно, — Йоргор кивает ему, не переставая улыбаться. От этой улыбки Торкул стал дрожать еще больше. — От этого может зависеть исход Битвы. Поэтому мы и привели тебя сюда. Никто, кроме тайшинов не может приходить сюда. Потому что Клан Тай-Шин был создан для охраны подобных мест.

— Так что это за долина?

— Это один из входов в Мир Иньо, — будничным тоном произнес Интай, обменявшись со стариком многозначительными взглядами.

— Что...? — Торкул почувствовал, что остатки самообладания покидают его. — Мир Иньо?

— Да, — Йоргор тоже вел себя так, словно походы в Мир Иньо были для него и его спутника обыденным занятием. Хотя... возможно так оно и было. Ведь Торкул ни на мгновение не забывал, кто находился рядом с ним. Шаманы, о которых слагалось не меньше ужасающих легенд, чем про таинственных существ из ужасающего Призрачного Мира.

— Но ведь... Зачем нам туда?

— Как зачем? Ты же сам говорил, что настало время собрать всех участников Договора. А если ты помнишь, обитатели Мира Иньо тоже участвуют в нем.

— Но ведь про них говорят...

— Про тайшинов тоже ходит множество слухов. Ты ведь слышал, что нас называют оборотнями?

Торкул робко кивнул.

— Это правда, — опять выдал Интай и рассмеялся, наблюдая за растерянным поведением гостя.

— Более того, мы не только покажем тебе наши возможности, — Йоргор махнул рукой в сторону долины, — Тебе тоже придется кое-что в себе изменить.

— Что?

Интай подошел к князю вплотную и, наклонившись к его уху, тихо прошептал:

— Войти в Мир Иньо могут только оборотни.

Торкул изумленно посмотрел на Йоргора, словно ища у него поддержки, но старик подтвердил слова Волчьего Князя.

— Да, Ака-Аши. Ты прибыл сюда, чтобы выполнить свою миссию. Ты должен войти в Мир Иньо вместе с Камкуртом. Он проведет тебя через все тайные переходы. Это большая честь оказанная тебе. Потому что для людей это место является запретным. Но ты пришел. Ты войдешь туда. А войти туда могут только оборотни. Поэтому очень скоро ты сильно изменишься.

Торкул обессилено опустился на ослабевших ногах на землю. Оба тайшина стояли и смотрели на него, но в их взглядах не было угрозы. Наоборот, они искренне смеялись, а глаза лучились мягким дружелюбием и заботой. Торкул повернул голову в сторону долины.

Иньо. Страна, где скрывается Великая Богиня. Загадочный Мир лежавший в Долине Сновидений.

— Ты не сможешь пойти туда в этом теле, — Интай показывает Торкулу рукой на его грудь. Они уже начали спуск в долину. Йоргор остался ждать их на плато, оставшееся вверху. И вот теперь Торкул настороженно ожидал от спутника чего-то подобного. Они остановились на еще одной небольшой площадке, которая врезалась в скалу идеально ровной поверхностью. На поросших голубовато-зеленым мхом горных стенах, смутно виднелись вырезанные руны и символы. По их возрасту можно было предположить что традиции, которая развивалась вокруг

этой благословенной местности уже очень много лет.

— И что же мне делать?

— Измениться, — как всегда убийственно просто ответил Камкурт.

— Как измениться? — в голосе Ака-Аши звучит растерянность. Он никогда не чувствовал себя таким беспомощным, даже в детстве. Интай согласно кивает. Что, опять прочитал его мысли?

— Если ты не можешь умереть или стать зверем, ты можешь превратиться в ребенка.

— В ребенка? — Торкул уже ни чему не удивляется. Если этот тайшин может превратить его в ребенка, будь что будет. — Но как это сделать? Я же не кам. Мне не сделать это самому.

— Даже ради того, ради чего ты сюда пришел? — Интай, улыбаясь, опять смотрит ему в душу.

— Ради этого я могу умереть, но стать ребенком...

Тайшин смеется. Он сам ведет себя как ребенок. Большой ребенок.

— Снова стать ребенком гораздо проще, чем умереть. И гораздо интересней. — Он достает из-за отворота своей темной одежды кожаный сверток и раскладывает перед собой. — Не бойся, я помогу тебе. На этом самом месте, на протяжении столетий, люди становились оборотнями, теряя свой привычный облик.

Тайшин подошел к небольшому костровищу, расположенному возле скальной стены и снял небольшую сумку, висевшую все это время у него за спиной. Там оказались сухие прутья. Их было совсем немного, ровно столько, чтобы зажечь небольшой костерок, которого было достаточно разве что для того, чтобы обогреть руки. Когда прутья были сложены, огонь появился ниоткуда, стоило шаману просто протянуть к хворосту руки. Торкул сразу вспомнил ту самую ночь, когда, повинаясь приказу тайшина, костер взметнулся в черное небо, лизнув звезды и верхушки деревьев. Магия Джаксин.

В кожаном свертке лежали пучки высушенной травы. Интай взмахом руки пригласил князя к огню. Когда они уселись около него, шаман улыбнулся Торкулу и бросил несколько пучков травы в костер. Сушняк вспыхнул мгновенно, превращаясь в густой серебристый дым, устремившийся вверх. Тайшин водит над огнем руками, его губы шепчут какое-то заклятие — алкыш. Торкул отрешенно наблюдает за камланием «волка-оборотня». Он уже не боится. Наоборот, его охватывает странное предчувствие. Ожидание чего-то необыкновенного, грандиозного, необычного. Серебристый дым заполняет всю площадку. Он словно туман, пришедший из сонной долины. У него странный запах — терпкий и в то же время нежный, дурманящий и дарующий ощущение силы. Торкул попробовал вдохнуть его осторожно, но потом он уже не помнил когда начал дышать как можно глубже, наслаждаясь колдовским вкусом, растворяясь в этих призрачных ароматных клубках дыма.

Мерцание. Вспышки разноцветных огней в тумане. Таких же, как возле лесного озера, где волки лечили свои жуткие раны. Торкул озирается по сторонам, но огни мигают ему, тут же исчезая в призрачной дымке. Туман становится все гуще и гуще. Солнечный свет стремительно меркнет, хотя до захода светила еще должно было пройти время. В наступивших сумерках туман окутывает человека с головы до ног. Торкул не боится. Он слышит смех и смеется сам. Внезапно, туман расступается в стороны и князь видит тайшина. Интай по-прежнему сидит у костра, но он не один. Рядом с ним стоит маленький мальчик в красивом серебристом халате, как будто сотканным из тумана клубящегося вокруг. Тайшин о чем-то говорит мальчику и показывает рукой на князя. Мальчик кивает в ответ, и они оба смеются. Торкул махает им рукой и... видит себя со стороны. Видит свое лицо, сонные глаза и глупую улыбку на лице. Он машет сам себе. Это на самом деле было смешно. Он моргает и вновь картина меняется — мальчик и тайшин говорят о чем-то между собой, кивая ему. О чем?

— Останься здесь... — Шепот шамана притягивает к себе все внимание и Торкул опять видит себя со стороны. Странное зрелище. Наверное, во всем виноват этот странный туман.

— Останься здесь...

Торкул поворачивается и видит, что Интай уже сидит рядом с ним. Он что-то говорит ему.

— Не смотри на себя. Просто останься со мной.

Он соглашается. В теле возникает ощущение невероятной легкости. Тайшин протягивает ему руку, и он протягивает ему свою. Но что это? Его рука маленькая! Детская! Он смотрит перед собой и снова видит около костра себя! Опять та же глупая улыбка на лице. Что это? Он — это тот мальчик или тот, что сидит напротив? Если он — мальчик, то как же его тело? Что будет с ним?

Тайшин встает и тихо шепчет ему.

— Не бойся! Все будет хорошо. Останься со мной. Нам нужно идти. Тебе понравится. Идем...

Они идут вперед медленно, взявшись за руки, словно шаман заново учит мальчика ходить. Туман расступается перед ними. Торкул в восторге. В теле легкость и приятная сила. Не болят старые раны, не тревожат больные зубы и сломанная некогда рука отлично гнется во все стороны.

— Как хорошо! — восторженно произносит он и Интай улыбается ему в ответ:

— Вот ты и стал оборотнем... Нравится?

Мальчик заливисто смеется ему в ответ.

Они сделали всего несколько шагов по тропинке и оказались внизу, в Долине. Торкул не понимал, как это случилось, но он точно знал, что они уже внизу. Трава под ногами была изумрудно-зеленого цвета и невероятно нежная и шелковистая. Мальчик шел по ней босыми ступнями, и каждый шаг отдавался в животе приятной пульсирующей истомой. Туман редел, и Торкул видел вокруг невероятно красивые растения высотой в человеческий рост — разноцветные цветы и сине-зеленые стволы причудливых трав. Все источало приятный аромат и приглушенный нежный свет, струящийся из каждой травинки и каждого листочка. Мальчик хотел отпустить своего попутчика и побежать к светящимся растениям, но Интай мягким движением удержал его руку в своей. Торкул посмотрел на него, желая спросить в чем дело и зачарованно втянул в себя чудесный воздух таинственной долины. Тайшин тоже изменился. Его черная одежда тоже поменяла цвет — сейчас она светилась ярким серебристо-белым сиянием, а лицо стало более величественным, словно Волчий Князь обрел свой истинный облик. Камкурт — «Шаман-Волк». Интай улыбнулся мальчику, продолжая вести его за собой, вглубь загадочного поля на дне Долины Грез.

Они шли и шли, пока яркое сияние вдалеке не заставило их остановиться. Мальчик присмотрелся и увидел, что прямо перед ними стоит грациозный красавец олень с раскидистыми рогами, с которых слетали и падали на землю жидкие капли света, тут же исчезая в траве. Они не разглядели его раньше, потому что далекое сияние было таким сильным, что слепило глаза. Интай что-то говорит оленю на незнакомом Торкулу языке. Мальчик пытается разглядеть величественного обитателя Долины, но сияние за его спиной такое сильное, что на него невозможно смотреть. Торкул поднимает глаза вверх и с изумлением видит, что над всей Долиной раскинулся огромный купол, расписанный яркими созвездиями, словно куском ночного неба могучий великан украсил свой необъятный шатер. От этого видения кружится голова, и подламываются ноги. Следующее что помнит Торкул, это как сильные руки Интая поднимают его и кладут на широкую спину оленя, который разворачивается и несет его вперед, прямо в ослепительный свет на горизонте. И тут мальчик понимает, что они едут к озеру. И что

это не озеро на самом деле — так оно выглядит для обычного человеческого глаза. Кусочек Неба на Земле. Вход в Мир Инью. Мир Древней Богини.

Свет. Яркий Свет со всех сторон.

Нежный. Мягкий. Всепроницающий и пронизывающий тело и дух.

Ощущение полета. Восторг. Сердце разрывается на части.

Невидимые Руки подхватывают его в воздухе и качают, словно в огромной люльке, поднимая вверх, в Вечное Синее Небо над Алтаем.

Приятное и давно забытое чувство. Самое приятное чувство на свете.

Человек не может выдержать это ощущение.

Оно переполняет, растапливает кости, обволакивает.

Тело становится невесомым словно пар, жидким словно свет, легким словно ветерок.

Озеро выходит из своих берегов и затопляет светом всю долину. У него нет дна...

Свет. Извечный. Мудрый. Нежный. Самый нежный на свете.

Только ребенок может понять, что это такое. Смутное ощущение, знакомое...

Хочется плакать и смеяться одновременно...

Сделать все, только бы эти Руки не отпускали его никогда...

Свет. Водопады света. Океаны света... Небо. Полет. Нежность.

Торкул выгнулся и, открыв глаза, попытался встать. Сильное головокружение заставило его упасть обратно на мягкий лежак. Вокруг тьма. Торкул хрипит оттого, что не хочет просыпаться и расставаться с этим чудесным сном. Из глаз льются слезы и его тело, тело взрослого мужчины, покрытое старыми шрамами, трясется, словно от степной болезни.

— Нет... Нет... Я не хочу... Назад... Верните меня...

Он сжимает зубы, пытаясь усилием воли вернуться обратно, но тщетно, тщетно. Чудесный сон закончился.

— Не отчаивайся...

Тихий шепот из тьмы. Это голос старика. Он сидит где-то рядом, скрытый ночной тьмой.

— Йоргор, я хочу умереть. Я не смогу больше жить как прежде.

— Я понимаю тебя, — в голосе Волковника понимающая печаль и сострадание, — я знаю что ты чувствуешь сейчас. Тебе будет тяжело вернуться к обычной жизни, но ты воин, ты должен помнить ради чего ты здесь.

— Я... Я... Я не хочу больше сражаться...

— Плачь. Не стесняйся меня. Пусть твои слезы принесут тебе облегчение. Спи. Тебе нужно поспать.

Прохладная ладонь тайшина ложиться на голову князя и тот снова проваливается во тьму. Но на этот раз нежные Руки не подхватывают его, и он стремительно летит вниз или вверх, уже не разобрать, словно птица, расправляющая огромные крылья, жадно ловящие потоки стремительного ветра.

Они снова сидят около древнего креста, высеченного из камня. Йоргор, Интай и Торкул. Небо затянули хмурые тучи, цепляющиеся за верхушки высоких гор, высящихся вокруг сплошной каменной стеной. Провожатый волк, словно верный телохранитель, лежит тут же, неподалеку, положив огромную голову себе на лапы. Его мускулистое тело расслаблено, но желтые глаза внимательно наблюдают за людьми. Чуткие уши отслеживают малейший шорох вокруг — вот забила крохотными крыльями птица в ельнике, вот поползла сквозь заросли травы змея...

Торкул изменился. Изменились его глаза — они стали более пронзительными и

печальными, изменился цвет его волос — теперь они походят на волосы Камкурта, будто присыпанные белым снегом.

Такова была цена за вход в Мир Иньо.

— Нет, Ака-Аши, — Йоргор кивает князю, — ты не входил в Мир Иньо. Ты только прикоснулся к нему. Подошел очень близко.

Интай усмехается и ложится на спину, положив под голову руки. Волк тут же покидает свое место и подползает к тайшину, положив ему свою голову на живот. Камкурт смеется и запускает руки в густую шерсть зверя. Он знает, что Йоргору это может не понравиться, но он балует своего верного спутника как малое дитя.

— Странно, — Торкул, прищурившись, смотрит за игрой зверя и человека, — про Мир Иньо ходят устрашающие слухи. Те, кто знает про Договор, считают, что этот мир населяют чудища.

Йоргор пожимает плечами.

— Этого следовало ожидать. Те, кто бояться возвращения Богини населили этот мир чудищами.

— Значит, это все выдумка? Ложь?

— Ты сам можешь ответить на свой вопрос. Ты был там. Ты все видел и чувствовал.

— Да... Да... — Торкул зачарованно мотает головой, погружаясь в мучительные воспоминания о своем необычном путешествии.

— Я уже говорил тебе — Ситы являются не единственными нашими противниками. Ситы надежно заперты под землей. Но те, кто свободно передвигается по поверхности земли, те, кто ничем не выдает своей истинной природы, маскируясь под человека — вот кого действительно стоит опасаться.

— Кхарты? — Торкул запомнил это странное название.

Услышав его, неувовимо насторожился волк, будто обнаружив постороннее присутствие. И даже деревья перестали шелестеть листвой, затихнув ненадолго.

— Да, Кхарты. Но Кхарты лишь исполнители, наемники, воины. Они полагают, что не подчиняются никому, но это их заблуждение. И самым страшным заблуждением Кхартов является то, что они пошли на негласный сговор с Ситами, еще даже не осознавая этого.

— Кто они? — Торкул пристально смотрит на Йоргора. Он впитывает все, о чем говорят ему тайшины, каждое слово, каждый жест.

Йоргор усмехается и трет ладонью подбородок.

— Мы не знаем точно. Их природа уходит корнями к возникновению человечества. Нам мало известно об их природе, но мы можем чувствовать их присутствие. Так же, как и они — наше.

Где-то вдалеке гроыхнул гром. Камкурт и волк одновременно поднялись с земли и подошли к краю смотровой площадки, устремляя свои взоры на сумеречный горизонт. Они словно силились рассмотреть что-то, ведомое только им, в туманной дымке серых облаков, рвущихся опадающими клочками о вершины далеких гор.

— Ты знаешь князя Тайбо? — Йоргор внимательно смотрит на Торкула.

— Да, знаю. Это один из знатных телеутских князей.

— Он поддерживает Синюю Орду?

— Да, он со своими людьми присягнул на верность Серебряному Воину.

— Но ведь он какое-то время поддерживал джунгар и был их данником?

— Это время прошло. Тайбо сейчас встал под знамена Синего Волка.

— Почему он это сделал?

— Джунгары собирали слишком большой ясак. Их поборы стали невыносимы. Кроме того, он один из тех, кто знает про Великую Битву.

— Не прикрывается ли он Битвой для того, чтобы получить поддержку и защиту Серебряного Воина?

Торкул удивленно смотрит на тайшина.

— Почему тебя интересует именно Тайбо?

Йоргор пожимает плечами.

— Наверное, потому, что он очень близко сошелся с русскими воеводами. Тебе известно что-нибудь про это?

— Да, известно. Он и правда принял предложение войти в подданство Русского государства. Но это может быть выгодным нам. Мощь Черной Орды устрашает. Мы не можем понять, где они собрали такое войско. Но мы рады любой помощи. Послы русского государя обещали нам помощь. У них хорошее вооружение. Они выступят на стороне Синей Орды в Великой Битве.

— Что они просят взамен?

Торкул усмехается.

— Алтай.

Гром двигался к холму вместе с темными тучами, наполненными дождями. Интай сидел на склоне холма, обняв волка, который сидел рядом с ним. Они продолжали смотреть на приближающуюся грозу. А Волковник и Ака-Аши продолжали разговор, сидя рядом с каменным знаком в форме креста.

— Они хотят, чтобы алтайские племена платили дань русскому государю? — Йоргор думает о чем-то своем, поглаживая рукой деревянный посох лежавший рядом с ним.

— Да, но это ничто по сравнению с теми ясаками, которыми обкладывает алтайские племена джунгары. И это совсем ничто по сравнению с тем, что будет, если подземные Владыки выйдут на поверхность земли, когда Черная Орда ворвется на Алтай, сметая все на своем пути.

— А что ты знаешь о религии, которую они проповедуют? — Йоргор по-прежнему говорит не громко, хотя раскаты грома уже приближаются. Подул прохладный ветер.

— Они почитают Единого Бога в трех лицах — Святую Живоначальную Троицу.

— Как они относятся к вере алтайских племен?

— Они называют нашу веру языческой.

— Но ведь на Алтае тоже чтят Триглав.

— Это нечто иное.

— Они не верят в духов, которые населяют Три основных Мира?

— Они верят в спасение через веру в Сына Бога. Они не признают иной дороги в Вечное Синее Небо. Пока вопрос о вхождении алтайских племен под дань Руси остается открытым, они терпят нашу исконную веру.

— А что потом?

Торкул сжал зубы и, прищурившись, усмехнулся.

— Мы, Ака-Аши, знаем одно — если Чудь выйдет на землю, все боги ужаснутся. Поэтому мы выбрали выжидательную тактику.

Йоргор задумчиво кивает и смотрит на каменный крест. Торкул следит за его взглядом. Прохладный дождь упал с небес, подобно очистительной купели перевернутой в небесных чертогах.

Вода не просачивалась сквозь плотные ветви старого кедра, под раскидистым пологом которого три человека и волк нашли себе пристанище. Люди сели на желтые иглы, устилающие землю, и прижались спинами к шершавому стволу.

— Что делать дальше? — Торкул поворачивается к Йоргору. Старик сосредоточенно думает. Разглядывая Волковника, князь вдруг понял, кто на самом деле принимает участие в решении судеб Алтая. Без лишних слов, сливаясь с тайгой и горами, руководствуясь древними обетами, памятью предков и реальной магией, малочисленный Клан Тай-Шин на протяжении столетий был истинным Хранителем этой священной Земли. «Шаманы-волки» могли бы повелевать ханствами, подчиняя себе одно племя за другим. С их возможностями это было нетрудно. Но их интересовали совершенно иные цели. Простая одежда. Простые жилища, которые иногда заменяли ветви деревьев. Простая пища. И простое отношение к жизни. Торкул улыбнулся, заглянув в глаза волку, который с наслаждением прижимался к своему повелителю и другу. Было видно, что зверь испытывает огромное удовольствие просто оттого, что тайшин находится рядом, гладит его, разговаривает с ним. Теперь Торкул знал ради чего все это. При одном воспоминании о Долине Инью по коже побежала мелкая дрожь, и мягкое тепло распространилось по груди и животу.

— Возвращайся, — Йоргор обменялся с Интаем взглядами, — Ты видел все что нужно. Теперь ты знаешь, почему собирается эта Битва и как ее можно прекратить.

— Как? — Торкул удивленно смотрит на обоих тайшинов. Он многое пережил, но совершенно не понял, ради чего его посветили в это таинство.

— Ты что, правда, ничего не понял? — спросил Йоргор, опять прочитав мысли князя, а Интай фыркнул и громко расхохотался. Волк поднял голову и удивленно посмотрел на своего повелителя.

— Я должен рассказать об увиденном Серебряному Воину?

Теперь уже тайшины смеялись оба.

— Никому ни о чем рассказывать не нужно, — Йоргор смотрел на него понимающим взглядом, — ты выполнил то, что было предназначено.

— Предназначено? — Торкул совсем сбился с мыслей. — Кем?

Тайшины опять переглянулись. Йоргор терпеливо произнес:

— Когда ты приехал в одно из святилищ Тай-Шин и встретил там Интая, ты думал о том, что он живет там постоянно? Или ты думал, что общаться с Камкуртом Тай-Шин выпадает каждому человеку? А ургуды, которые крались за вами в таежной тьме? Ты думал, что тайга Алтая кишит воинами Чуди? Тебя ничего из этого не удивило?

Торкул пожимает плечами.

— Я не придавал этому значения... Я не ожидал...

— А вот мы ожидали. И ургуды ожидали. Все собрались в одном месте в одно время именно потому, что там должен был появиться ты. Ты же сам говорил, Великая Битва настала. А теперь ты удивляешься тому, что каждый выполняет предназначенное ему?

— Но ты говорил о Богине. Если она не вернется в этот Мир, Битвы не миновать и человечество погибнет? Как же ее вернуть?

Йоргор наклонился к князю поближе и вкрадчиво произнес, стараясь, чтобы он услышал каждое слово за шумом дождя.

— Не все так, как ты себе представляешь. Богиня не может вернуться. Но она может прикоснуться к этому Миру. А для этого нужно найти ее среди людей. Мы называем таких посланниц Дочерьми Земли. Богиня прикасается к миру через Дочерей. Одно плохо — Дочери Земли не помнят о своем великом предназначении. Найти их и помочь вспомнить — вот все что необходимо сделать для того, чтобы силы Мира Инью погасили пожар войны в людских сердцах. Возвращайся. Ни о чем не думай. Все произойдет само собой. Ты видел древние знаки, которые я показывал тебе, — Йоргор кивнул в сторону каменного креста, выросшего в зеленую траву сакрального холма, — Возвращайся к своим заботам. Великая Битва впереди. Когда настанет

время, ты вспомнишь о том, что видел здесь, и сделаешь то, что предназначено тебе.

Йоргор встал и кивнул Интаю. Камкурт поднес обе руки к лицу и издал протяжный волчий вой, который улетел за стену дождя, призрачным эхом отдаваясь в близлежащих скалах. Волк вскочил на лапы и, задрвав голову кверху, оскалил зубы, словно намереваясь повторить призывный зов.

— Пойдем, у нас мало времени, — Йоргор шагнул под дождь, накинув на голову капюшон. Интай и Торкул последовали вслед за ним. Они остановились на самом краю холма, осторожно балансируя на мокрой скользкой траве. Торкулу показалось, что они приготовились прыгнуть с отвесного возвышения, но вместо этого Интай кивнул ему вниз. Князь присмотрелся и увидел как у подножья холма, среди высокой травы стремительно двигаются темные тени. Он прищурился и приставил к глазам ладонь, закрываясь от потоков воды, стекающих по поседевшим в один день волосам. Это были тайшины. Облаченные в черную одежду, они бежали вверх один за другим, словно волчья стая, следующая на зов своего вожака.

— У нас мало времени, — повторил Йоргор, — возвращайся. Тебя проводят...

Торкул вывалился из кустов, словно таежный дух, учувший близость незваных гостей. Воины вскочили со своих мест и схватились за оружие. Князь поднял руку и вовремя — две стрелы чуть было не сорвались с натянутых луков, пробивая своими остриями хрупкую человеческую плоть.

— Князь... — первым его узнал молодой воин по имени Коркой. Остальные настороженно рассматривали появившегося человека, который уже совсем не походил на прежнего Торкула, предводителя отряда послов Ака-Аши. Только лишь шрам через все лицо напоминал в седовласом и похudevшем мужчине известного могучего воина.

Торкул осмотрел сгрудившихся около костра ратников. Четверо. Значит, двое погибли. Среди них Алык.

— Торкул, а вдруг они не согласятся нам помогать? О шаманах Тай-Шин ходят разные слухи. У них свои законы, мы для них — чужаки. Говорят, что они — оборотни, и способны принять любой облик: человека, зверя, птицы и даже ветра. А подчиняются они только своему Вершителю — Белому Волку, Духу Алтая. А еще про них говорят, что они не пользуются оружием, они убивают врагов силой своего взгляда, а такое невозможно без помощи кермос — духов. А те, кто якшается с кермос...

Он невольно засмеялся, вспоминая нелепые страхи одного из своих воинов, но постепенно его смех перешел в плач. Князь опустил на колени и уткнулся головой в мягкую зеленую траву.

«Сделать все, только бы эти Руки не отпускали его никогда...».

Оставшиеся в живых воины изумленно и настороженно смотрели на странное поведение своего предводителя, которого они уже не надеялись увидеть живым. Они и представить себе не могли Торкула плачущим! А тот поднял мокрое от слез лицо и прерывающимся голосом произнес:

— Все, возвращаемся. У нас мало времени...

Он обернулся на лесную чащу и помахал кому-то рукой. Никто из встречавших его воинов ничего, кроме сплетения теней и кустов, там не увидел.

Глава 3. СУМЕРКИ БОГОВ

(Месяц спустя)

«Знать путь и пройти его — не одно и то же»...

Морфеус. К/ф. «Матрица»

Большой шатер из темно-синего шелка гордо высился среди коричневых шатров меньших размеров, выстроенных вокруг ханского жилища ровным кругом. Над ним возвышался символ могущества — на длинном древке развевалось вечерним ветром знамя с изображением волчьей головы окрашенной в синий цвет. Стремительно темнело. Ночь выплывала из-за гор прохладной сумеречной рекой, затопляя долину около подножья Сторожевой Горы. В затихающем лагере зажигались костры ночной стражи, и слышался шум укладывающихся на ночлег воинов. Фыркали расседланные кони, перекликались между собой часовые, вскрикивали во сне люди. То здесь, то там раздавалось тихое бряцанье оружия и доспехов.

Лежа на мягком войлоке, хан, которого звали Серебряный Воин, прислушивался к звукам лагеря за шелковыми растяжками. Возможно, это был последний вечер перед Битвой. А возможно, нет. Войско из степных глубин, несущее в священные горы Алтая гибель и разрушение, было уже на подходе. Но оно не нападало. Черная орда словно ждала чего-то. И он тоже ждал. Чего? Чему он верил больше: своим снам или донесениям своих лазутчиков, утверждающих, что несметные полчища Чуди готовы к бою? Древним пророчествам или ощущению приближающегося побоища? В любом случае он сделал все что можно. Большого не смог бы сделать никто. Что должно было произойти, он не знал. Смысл Пророчества был ему не совсем ясен. Но Черная Орда не была вымыслом, и даже если она не укладывалась в предсказания, ее все равно следовало остановить. Так было всегда. Так будет и сейчас. Сама священная земля Алтая будет помогать им. И Черное воинство, каким бы могущественным и многочисленным оно ни было, нарвется на противостояние сплоченных родовых племен алтайских князей. Правда, не всех. Многие выбрали противоположную сторону. Но так тоже было всегда.

Было всегда...

Кровь, смерть, ярость, битва...

Так было всегда.

Серебряный Воин перевернулся на спину и, закусив губу, устремил свой взгляд на купол, венчающий шатер. Ночной ветер прикоснулся к шелковой ткани, колыхая ее, словно это на самом деле были речные волны.

Кровь, смерть, ярость, битва...

Так было всегда. Всегда!

Воины Синей и Черной Орды сходились на протяжении веков в кровопролитной Битве, чтобы решить судьбу людей населяющих священные земли Златогорья. Значит...

Серебряный Воин встал и нервно прошелся по шатру.

Что-то изначально было неправильно. Пророчество не обманывало, но оно и не сбывалось. Вернее, сбывалось, но только лишь для того, чтобы время опять начало повторять свой ход.

Кровь, смерть, ярость, битва...

Тайшины сказали, что мы неправильно понимаем смысл Наследия. Но никакой конкретной помощи не оказали. Только намеки и притчи. Да видения, которые свели одного из самых верных и проверенных воинов Ака-Аши с ума.

Ака-Аши. Наследие передавалось веками из уст в уста. Знания о Великой Битве и древнем Договоре. Ради этого лилась кровь. Ради этого объединялись люди, которым вера в Договор придавала силы. И вот теперь, оказывается, все это не стоило ничего. И значит снова кровь, смерть, ярость, битва...

Серебряный Воин выпил немного вина, пролив несколько капель себе на грудь. Маслянистая жидкость приятно холодила кожу.

А может...

Может, это и было разрывом круга, в котором сцепились в яростной битве два разноцветных зверя?

Торкул утверждает, что почти разгадал загадку тайшинов. Если это правда, то Битвы не будет. Хотя, Серебряный Воин даже представить себе не мог, какое чудо могло заставить повернуть назад грозное войско степных завоевателей. После визита к тайшинам, Торкул стал видеть пророческие сны. Во всяком случае, он так говорил. Стал замкнутым, неразговорчивым, задумчивым. Вместо людей он стал разговаривать с конями и собаками. Он сказал, что все сделает для того, чтобы предотвратить Битву. Серебряный Воин решил немного отвлечь его от навязчивой идеи, отправив Торкула за очередным подкреплением. И вот сейчас он должен был прибыть с еще одним отрядом русских солдат. Он отправился с семьей воинами в один из русских опорных пунктов, стоявший на берегу Оби. Отряд обещанных русским воеводой солдат должен был привезти с собой «огненный бой», грозное оружие, тем не менее, не имеющее явного преимущества перед луками и арбалетами. Единственное его отличие было в том, что оно производило больше грома и шума, что вселяло в слабые черные сердца противника страх. В остальном, луки были более эффективны — если из ружья за все время боя можно было выстрелить не больше пятнадцати раз, то стрелять из лука можно было сколько угодно. Стрелы выдергивали прямо из мертвых или раненных тел, иногда используя их как кинжалы. Да и пронзительный свист стрел иногда пугал даже самых отчаянных воинов, знающих истинную разрушительную мощь острого наконечника, крепко насаженного на длинный точеный стержень.

То, что отряд русских солдат усилит позиции Синей Орды, было очевидно. Но в то, что Торкул знает, как предотвратить Битву, Серебряный Воин не верил. Оставалось лишь ждать...

Шепот...

Тихий шепот изумрудной шелковой травы. Еле слышный смех теплого ветерка, треплющего огненные волосы девушки, которая лежит на небольшой лужайке, раскинувшей свое покрывало рядом с крохотной прозрачной речкой, бегущей через весь острог.

Это все что у нее было. Лужайка и речка. Но даже здесь Злата могла говорить с миром за острожной стеной. Через землю она говорила с бескрайними полями и холмами, уходящими за горизонт зелеными полотнами. Через травку она говорила с высокими травами, колышавшимися упругими волнами на этих полях и холмах. Через залетевший ветерок она могла говорить со всем, что ей удавалось рассмотреть сквозь бойницы в стене.

Прищурившись, Злата посмотрела на ограждение. Заостренные высокие лесины были плотно вкопаны одна к одной. Перелететь через них могла только свободная птица, да разве что ветер, для которого не существовало ни стен, ни расстояний.

Девушка поднялась с травы и направилась к воеводскому дому. Ее отец — воевода, ждал гостей — отряд из ставки хана Синей Орды. Злата слышала, что готовится какая-то большая битва, в которой должен был участвовать отряд казаков из их острога. Служивые с утра говорили только об этом. Около служебных и жилых помещений уже второй день царил суета. С раскатов башен снимали пушки и тяжелые пищали, подготавливая их к переезду в ставку Орды.

Посреди острожного двора уже стояли несколько повозок для вещей, оружия и провианта.

Всадники медленно въезжали через ворота в крепость, поблескивая на солнце панцирями, состоящими из связанных между собой отполированных до блеска пластинок. Полумаски на сфероконических шлемах, круглые щиты с изображением вырезанных глубоко в древесине защитных рун, большие луки за спинами. У всех — на правой руке повязка из синей ткани или синие накидки из толстого войлока, накинутае поверх панцирей. Воины Синей Орды. Злата с замиранием сердца наблюдала за пришельцами. Особенно ее внимание привлек их предводитель — широкоплечий воин со шрамом через все лицо. Не смотря на то, что он был еще молод, его белые как горный снег волосы выбивались из-под бармиц — металлических пластин, защищающих шею и плечи воина. Он отдал команду, и воины спешили, бряцая оружием. Девушке показалось, что от всадников даже на расстоянии пахло терпким дурманом свободных степей, дымом от кочевых костров и запахом лошадей. Ее несколько насторожило изображение волчьей головы на легком знамени, с которым не расставался один из воинов. Но с другой стороны, волки уже не пугали ее, наоборот, здесь она научилась любить этих животных. И случилось это после того, как несколько серых хищников явились в несколько ее снов. Правда, там они были вовсе не серые. Их шерсть отливала серебром, а глаза светились янтарным цветом. От них расступалась в стороны ночная тьма, и мерцал сам воздух. А потом они стали разговаривать с ней. О чем, она не помнила. Но именно после этих снов ей стали понятны звонкий голос речки и тихий шепот ветра, шелест трав и молчание домашних животных. Мир заговорил с ней, но то, что она слышала, повергало ее в ужас. Все вокруг было наполнено предчувствием. Ощущением грядущей битвы, в которой сойдутся в кровавой сече Свет и Тьма.

Шепот...

Тихий шепот за открытым окном...

Торкул открыл глаза. Мир вокруг не такой как обычно. Вроде бы все по-прежнему, но что-то не так. Какое-то смутное ощущение... Воин осмотрелся. Он по-прежнему находился в гостевой комнате, куда их разместили на ночлег русские солдаты. Он спал отдельно, а в соседней комнате ночевали его телохранители. Утром они должны покинуть острог.

Утром... Было светло. Рассвет уже давно окрасил небо и Торкул не мог понять, почему его воины спят, и никто из русских солдат не торопиться на утренние сборы. И тут он вспомнил! Точно такое же ощущение было у него в тайге, в одном из лесных святилищ Тай-Шин, когда он встретил Интая.

Это не было реальностью, но это и нельзя было назвать сном — он все осознавал, слышал каждый шорох вокруг, но его тело онемело. Вязкая тишина, которая опустилась сверху, с огромного безграничного неба усыпанного далекими, но яркими звездами...

Он повернул голову к окну и увидел что темное небо на самом деле усыпано звездами, а вокруг было светло как днем. Как будто земля и небо жили отдельно друг от друга.

Краски стали более яркими, а звуки стали более отчетливыми. Все как тогда...

Наваждение. Воин встал и, пошатнувшись, сделал несколько шагов на подгибающихся ногах в сторону окна. На улице внизу раскинулся острожий двор, пустынный и безлюдный. И только на дозорных башнях дремали часовые. Торкул мысленно улыбнулся. Все вокруг было погружено в магию сновидения, понять которую не было никакой возможности. Но ее можно было использовать. Торкул представил себе лица стражников: безучастные, зачарованные, с остекленевшими глазами. И может быть, для них время шло своим чередом, а только он опять выпал из обычного мира, наблюдая застывший мир вокруг себя. И еще... Такое происходило с ним лишь в присутствии тайшинов. Значит они пришли. Они были где-то рядом. Искать их

взглядом было бесполезно. Ведь не зря тайшинов называли «оборотнями». Они были мастерами скрытого, воинами-невидимками. И если здесь был кто-то из Клана Волка, то нужно было просто ждать, пока он сам не объявится и не откроет своего присутствия.

Какое-то движение внизу. Торкул смотрит вниз и видит девушку. Она одета в белоснежное платье, по которому бегут до пояса золотые струи густых огненных волос. Девушка идет на окраину острога, туда, где бежит по разноцветным камням прозрачная мелкая речушка. Вот она садится на колени и погружая руки в журчащий поток, умывается пронзительно холодной водой. Торкулу кажется, что он даже чувствует освежающее прикосновение к своей коже, словно это его лицо, а не свое, подставляет под прохладные брызги незнакомка. Девушка смеется. На нее никто не обращает внимания. Она чувствует себя свободной. Это ее время. Она знает, что ее никто не видит сейчас. А это значит...

Торкул почувствовал, как крупная дрожь охватила его тело. Он понял. Понял, что не случайно именно его Судьба направила в эту отдаленную русскую крепость. Понял, что нашел то, что искал.

Дочь Земли.

Носительница искры Божественной Женственности. Среди русских пришельцев. Златовласая шаманка, умеющая пересекать сон и явь. Это не тайшины, а она создала это Наваждение. И Торкул не случайно тоже попал в него. Он должен с ней поговорить.

Он сделал отчаянное движение, но не смог даже пошевелиться. Он хотел крикнуть ей, но из его рта не вылетело ни звука.

Битва. Она должна состояться в самое ближайшее время. Может она уже идет сейчас. Нужно что-то делать. Тайшины не сказали что. Он должен сам принять решение. Если до утра он не предпримет никаких действий, караван с пищалями уйдет к Сторожевой Скале. Дочь Земли останется здесь, и все будет по-прежнему. Очередная Битва, горы трупов, кровь и черный дым над священным Алтаем. Он стоит, не отрываясь наблюдая за девушкой, а она ложится на зеленую лужайку, чудом не вытопанную людьми и конями в тесном пространстве острога. Ее руки раскинуты, отчего она становится похожа на большую белую птицу, расправившую крылья и приготовившуюся взлететь. Торкул почувствовал ее одиночество, боль и тоску. Она и была плененной птицей, запертой за острыми стенами крепости, тосковавшей по свободе и воле, жаждавшей полета и радости.

Он должен увести ее отсюда. Туда, в самый центр битвы. К Сторожевой Скале. Он не знал зачем, но он знал точно — там что-то должно произойти. Что-то, что изменит течение событий. Что-то, что остановит начало очередной Великой Битвы.

«Богиня не может вернуться. Но она может прикоснуться к этому Миру. А для этого нужно найти ее среди людей. Мы называем таких посланниц Дочерьми Земли. Богиня прикасается к миру через Дочерей. Одно плохо — Дочери Земли не помнят о своем великом предназначении. Найти их и помочь вспомнить — вот все что необходимо сделать для того, чтобы силы Мира Инь погасили пожар войны в людских сердцах. Возвращайся. Ни о чем не думай. Все произойдет само собой. Когда настанет время, ты вспомнишь о том, что видел здесь, и сделаешь то, что предначертано тебе».

Но как увести ее отсюда? По доброй воле это вряд ли удастся сделать. Судя по ее одежде, она состоит в родстве с высокопоставленными чинами, руководящими здесь. Если он украдет ее, это будет повод к разрыву отношений с русскими воеводами. Если он привезет вместо вооруженного отряда в ставку украденную девушку, что скажет ему Серебряный Воин? Если он оставит ее здесь, Битва в долине у Сторожевой Скалы начнется в самое ближайшее время. И «реки пролитой крови смогут сравниться с реками воды, бегущими с гор».

Торкул сделал усилие и пошевелился.

Сноподобное состояние закончилось. Все вокруг сразу пришло в движение. Задвигался мир вокруг, заржали кони в стойлах, зашевелились люди на переходах в сторожевых башнях. Торкул отдал короткую команду, и через мгновение его люди уже поднимались на ноги, надевая на себя панцирные принадлежности.

Когда воины Синей Орды появились во дворе, никто из часовых ничего не понял. Разморенные ранними сумерками, казаки удивленно смотрели за спешными передвижениями союзников внутри острога. В это самое время из-за ближайшего холма появился конный отряд. Всадники были одеты не в тяжелые панцири, а в легкие войлочные накидки, прошитые твердыми лакированными пластинами. Лица конников были закрыты повязками, а в руках у них были арбалеты. Часовые на наблюдательных вышках среагировали мгновенно. Тревожно заиграли рожки, загудели колокола и защелкали запальными отворотами пищалей немногочисленные стрелки у бойниц. Торкул замер и прислушался. Он не видел, что происходило за высокими заборами острога, но он слышал приближение конного отряда, и чувствовал их злую волю. Его воины действовали стремительно. Они побежали к стойлам, выводя оттуда отдохнувших за ночь коней. Тем временем Торкул стремительно бежал через весь двор к девушке, которая испуганно замерла, сидя на корточках на поляне и испуганно озираясь по сторонам. Она не могла понять, что происходит. И когда перед ней оказался тот самый воин со шрамом, на которого она обратила внимание прошлым вечером, она растерялась.

— Не бойся, нам нужно уходить, — прошептал вожак алтайского отряда, и в его глазах она не увидела опасности. Наоборот, в них было восхищение, трепет и преклонение. Словно воин увидел живое воплощение Богини в человеческом облике.

Гул конницы раздался уже совсем близко от крепостных стен. Часовые предупредительно крикнули что-то всадникам. Торкул напряженно вслушивался в происходящее у ворот. Предводитель конного отряда видимо что-то сказал стражникам или показал им разрешительную грамоту, потому что никаких оборонительных действий на крепостных стенах не последовало. Послали только за кем-то в воеводские покои. Это было странно. Здесь не могло быть чужих конных воинов, кроме тех, которые представляли интересы Синей Орды. Но и их здесь быть не должно. Единственным князем, которому могли принадлежать эти всадники, был Тайбо, на земле которого и разместился Обской острог. Но что здесь могли делать посланники Тайбо? В любом случае, это не меняло планов Торкула. Он посмотрел на девушку и протянул ей руку.

— Кто вы? — осторожно спросила Злата. Она все еще была напугана появлением незваных гостей и всей этой суетой, вызванной вполне обоснованной тревогой — появление вооруженных людей в алтайских землях могло закончиться совершенно непредсказуемо и страшно. — Куда вы меня зовете?

— Ты должна поехать со мной, — как можно проникновенней сказал Торкул, всем своим видом стараясь успокоить девушку и внушить ей доверие. — Я покажу тебе то, ради чего ты приехала сюда.

Девушка неуверенно улыбнулась.

— Вы не можете знать, почему меня сюда привезли, — произнесла она, вспоминая обстоятельства своей вынужденной поездки из столицы в глухие алтайские земли.

— Потому что ты не такая как все, — прошептал Торкул, глядя ей прямо в глаза, невиданной им до сей поры красоты.

— Да. Потому что я не такая как все, — улыбнулась ему девушка, — Я странная. Родители говорят, что у меня помутился разум и я...

Она не успела договорить, потому что крепостные ворота отворились и всадники въехали

внутри. Лица девушки и Торкула одновременно устремились на приезжих, которые закружились у въезда, поднимая клубы пыли. А когда пыль улеглась, и всадники осмотрелись по сторонам, времени на принятие решения уже не осталось. Два человека на поляне у реки представляли собой слишком хорошую мишень, и несколько стрел, пущенных всадниками, с истощным воем устремились в их направлении.

Наваждение. Будто опять навалился медленный сон. Торкул видел, как стрелы летели прямо на них, пронзая хищными остриями свистящий воздух. Он прыгнул на девушку и повалил ее с ног, но две стрелы все-таки достигли цели. Правда, ранен ими был он. Одна вонзилась в ногу, пробив бедро, вторая воткнулась в плечо. В это самое время громко закричали собравшиеся во дворе защитники острога, и пришли в себя стрельцы на галереях под шатровыми крышами сторожевых башен. Все опять пришло в движение. Крики, оглушительные выстрелы пищалей, звяканье оружия. Торкул обломил оперение у обеих стрел и стремительно вытащил их из тела, зажимая раны руками и оглядываясь на девушку, пытаясь понять, не ранена ли она. В это самое мгновение, пока длилось таинственное Наваждение, он все понял. Всадники действительно были патрульным отрядом князя Тайбо. Во-первых, он узнал их по одежде, во-вторых, иначе их бы просто не пустили на территорию острога. Князь Тайбо считался здесь самым верным союзником и покровителем. Ведь недаром именно он признал себя данником Российского государства. Именно он снабжал русские отряды продовольствием. Именно он обещал русскому царю отдать ему со временем всю Сибирь. Но в одно мгновение Тайбо перечеркнул все. Торкул понял, что арбалетчики стреляли не в него. С ним Тайбо мог расправиться в другом месте и другими средствами. Всадники стреляли в Злату, значит, у них был четкий приказ — уничтожить девушку. И если Тайбо пошел на то, чтобы разрушить все заключенные ранее договоры ради смерти блаженной дочери воеводы, значит, у него были на то очень веские причины. Он очень сильно чего-то испугался. Более того, всадники появились сразу после того, как Торкул принял решение увести девушку с собой, в ставку Синей Орды, после того, как он понял что она — Дочь Земли. Значит, Тайбо знал, кто она на самом деле. Значит, он знал, что она может предотвратить Великую Битву. Значит, ему было невыгодно, чтобы Битва прекратилась, еще не успев развязаться. А если он был заинтересован больше в начале очередной Битвы, чем в ее прекращении, значит, он был хранителем тех традиций, которые поддерживали человеческие битвы, ради сдерживания возвращения в Серединный Мир культа Вечной Богини. А это значило, в свою очередь, что Тайбо был одним из тех, о ком предупреждали его Йоргор и Интай.

Когда Торкул упал на землю, чувствуя, как стрелы вошли в его тело, он потерял это чудесное состояние медленности, доступное только во время Наваждения. И кровь еще не успела хлынуть из ран, а он уже знал, что один из тех, кто должен был сражаться с ним плечом к плечу в грядущей битве, вознесся над своими отрядами знамя с изображением синей волчьей головы, был шаманом, который не причислял себя ни к Белой, ни к Черной Вере. И если раньше у него были смутные предчувствия, то сейчас не оставалось даже тени сомнения, что Тайбо — Кхарт. Один из тех, кому не безразлична судьба существ, населяющих Серединный Мир. Но кто готов спровоцировать даже самую кровопролитную бойню, лишь бы не позволить древней Богине прикоснуться к отягощенным агрессией, злобой, ненавистью и завистью, несчастным людям.

Торкул застонал и сделал попытку встать на ноги.

В девушку стреляли только пять всадников. Остальные метили в стражников на дозорных башнях и на «проезжих» вышках, устроенных над въездными воротами. Торкул сразу понял почему. Наемники хотели заблокировать воротины, потому что это была единственная

возможность дожидаться основного отряда воинов Тайбо, не допустив перехода острога на оборонительное положение. В этом случае легко вооруженным всадникам пришлось бы туго, против пушек и пищалей казаков, защищенных прочными стенами.

Воины с синими повязками выстроились около своего предводителя защитной стеной, натянув упругие луки. Мгновение и стрелы полетели к своим целям, хищно шипя в поисках кровавой добычи. Несколько наемников упали на землю, хватаясь за древки, торчащие из их тел.

Охрана на воротах была перебита, но казаки, подоспевшие к месту побоища, набросились на оставшихся в живых всадников, подрубая саблями передние ноги коням и добивая упавших в пыль бывших союзников.

— Закройте ворота! — хриплый голос Торкула утонул в криках и звуках оружейных выстрелов. — Закройте ворота!

Но его никто не слушал, защитники острога были увлечены добиванием вероломных проникателей. Торкул понял, что через несколько мгновений, когда ни один из всадников не сможет подняться на ноги, русские переключат свое внимание на него и его воинов. Если уж самые верные союзники вели себя подобным образом, что же говорить о незнакомом отряде Орды, тем более, учитывая слишком явные намерения их предводителя увезти с собой дочку воеводы. Время на самом деле пошло на мгновения. Торкул осмотрелся. Если не закрыть ворота, то второй, более многочисленный отряд Тайбо, гул которого он уже различал на фоне множества посторонних звуков, ворвется в острог. В этом случае их перебьют здесь без всяких усилий. Если ворота закрыть, то казаки набросятся на них, как разъяренные хищники на пришельцев, посмеявшихся обманом проникнуть на их территорию. Оставался один единственный выход. Так у них оставался хоть какой-то шанс.

— Анок, коня!

Молодой воин, сориентировался мгновенно. Он вскочил на коня и, пришпорив его, в несколько крупных скачков оказался рядом с князем. Когда он слез, Торкул шепнул ему:

— Задержите их. Пробивайтесь к коням и за нами!

Затем он подхватил на руки изумленную и испуганную девушку и закинул ее на крупную спину лошади, вскочив в седло следом. Раны от стрел кровоточили и болели, но опытного воина не могли задержать подобные мелочи. Конь устремился к воротам. Девушка закричала, и последнее что слышал Торкул, покидая крепость, были яростные крики защитников острога, ослепленных кровью и болью предательства.

Конь скакал легко и стремительно, но вес двух тел сказывался на скорости и выносливости, и вскоре Торкул услышал гул копыт у себя за спиной. Он обернулся. Это были не его люди. За ними неслись во весь опор, по меньшей мере, пятнадцать всадников, одетых точно в такую же одежду, в которую были облачены вероломные изменники в остроге. Князь пришпорил и без того старательного скакуна. Но в этом не было нужды. Конь хрипел, однако старался не сбавлять темпа. До таежной гряды оставалось совсем немного. Там у них больше шансов спастись. Там можно укрыться в густом ельнике или отлежаться под раскидистыми листьями высоченных папоротников.

— Куда... Вы... Нас догонят... — Девушка закрыла глаза, чтобы не видеть погони, однако ее губы что-то отчаянно шептали, а пальцы вцепились в куртку князя.

— Они все равно убили бы тебя, — прошептал ей на ухо Торкул, стараясь покрепче удерживать хрупкое женское тело. — Доверься мне. Я не причиню тебе зла...

Рядом с ними засвистели короткие толстые стрелы — всадники стреляли по беглецам из арбалетов, любимого оружия князя Тайбо, вооружившего им свои отборные отряды. Одна из стрел пролетела совсем близко от девушки, содрав кожу на ее руке. Торкул закричал от ярости,

снова прищпоривая коня, понимая, что это уже ничего не решит. Бедное животное постепенно сбавляло темп, полностью выбившись из сил. И в это самое время Торкул увидел... Он сначала даже не поверил своим глазам. Прищурившись, он всматривался в странное движение впереди.

Не может быть! Нет, точно, от леса, к месту схватки стремительно бежала серая стая. Волки. Преследователи еще не видели их, а у раненного князя появилась надежда на спасение. Там где волки, там и тайшины. Легендарные Хранители Алтая, встреча с которыми вряд ли могла иметь благополучный исход для безжалостных наемников Тайбо.

Конь тоже увидел зверей, но яростная скачка под управлением опытного наездника не позволила ему свернуть в сторону. Он зафырчал и, закусив удила, продолжил бешеную гонку. Волки развернулись в линию и теперь бежали навстречу погоне вороньим крылом. Торкул уже видел их оскаленные сосредоточенные морды. Они должны были задержать преследователей. Задержать, чтобы дать уставшему коню время добраться до того места, где начиналось царство тайги. Там их уже ждали. Князь направил коня прямо к одинокой, закутанной в черную одежду фигурке, стоявшей на границе поля и леса. Несмотря на то, что голова человека была покрыта черной тканью, а лицо — золой от костра, Торкул узнал его. Их встречал сам Камкурт. За его спиной, в сплетении кустов и высоких трав, неподвижно стояли, растворившись в зелени лесного полога, такие же черные фигурки тайшинов.

Позади преследуемых раздался рык волков, ржание лошадей и яростные крики людей. Стая диких зверей с рычанием и воем врезалась в ряды всадников, мужественно принимая на себя удары копыт и град стрел, посыпавшийся на серых воинов тайги. Преследователи кричали от ярости и страха, но, даже несмотря на свой ужас перед Кланом Тай-Шин, о котором они, возможно, кое-что и слышали, им нельзя было возвращаться назад, не выполнив приказания хана. Тайбо хорошо платил своим наемникам, но и о его жестокости слагали легенды. Говорили даже, что он пьет кровь своих жертв, а его любимым занятием было вырезание ремней из человеческой кожи и подвешивание лишенных глаз несчастных пленников на деревьях, где ими, еще живыми, вдоволь лакомились ненасытные мелкие мошки и голодные степные птицы.

Торкул обернулся. В пыли перемешались всадники и серые тени, бесстрашно бросившиеся на движущихся коней. До леса оставалось совсем немного, когда одна из стрел воткнулась коню в заднюю ногу. Он споткнулся и упал, запутавшись в сбруе и пытаясь освободиться от источника боли. Оба человека слетели с раненного животного, словно их смело стремительным дуновением ветра, бросив в высохшую траву, устилавшую огромное поле. Девушка потеряла сознание, поэтому она не видела, как измазанный кровью князь подбежал к ней, бережно поднял на дрожащие руки и понес вперед, припадая на подламывающуюся ногу. До леса осталось совсем немного. Он дойдет. Дочь Земли должна быть спасена любой ценой. От этого зависит слишком многое. Он любит ее. Ее чудесные глаза закрыты, спутанные золотые волосы в крови. Но красивое лицо безмятежно и красиво, потому что именно так и должна выглядеть Богиня, забывшая себя в этом переполненном злобой мире. Он дойдет. Сейчас отдохнет немного и пойдет дальше. Нет, отдохнуть нельзя. Но почему ноги не идут дальше? Тайшины. Они бегут к нему, словно кусочки ночи, на зеленом фоне травы. Почему они не стреляют? У них нет луков? Он совсем забыл — из всех видов оружия тайшины используют только ножи. Поэтому им нужно приблизиться к нему. Боль! Сильная боль и тьма. Усталость. Ему просто нужно немного передохнуть...

Две стрелы с отвратительным свистом вонзились в спину князя Ака-Аши и бросили его вперед. Он упал на колени, но свою ношу из рук не выпустил, словно она была самым дорогим сокровищем на свете. Он любовался ей до тех пор, пока его сердце не остановилось, и разум не погрузился в темноту. И даже падая, он бережно положил девушку перед собой, а потом осторожно, чтобы не причинить ей боль, лег сверху, будто закрывая ее от всех бед этого мира.

Глаза Ака-Аши закрылись, а по щеке побежала последняя слеза.

«Я не хочу больше сражаться...»

«Плачь. Не стесняйся меня. Пусть твои слезы принесут тебе облегчение. Спи. Тебе нужно поспать».

Свет. Яркий Свет со всех сторон.

Нежный. Мягкий. Всепроникающий и пронизывающий тело и дух.

Ощущение полета. Восторг. Сердце разрывается на части.

Невидимые Руки подхватывают его в воздухе и качают, словно в огромной люльке, поднимая вверх, в Вечное Синее Небо над Алтаем.

Приятное и давно забытое чувство. Самое приятное чувство на свете.

Человек не может выдержать это ощущение.

Оно переполняет, растапливает кости, обволакивает.

Тело становится невесомым словно пар, жидким словно свет, легким словно ветерок.

Озеро выходит из своих берегов и затопляет светом всю долину. У него нет дна...

Свет. Извечный. Мудрый. Нежный. Самый нежный на свете.

Только ребенок может понять, что это такое. Смутное ощущение, знакомое...

Хочется плакать и смеяться одновременно...

Сделать все, только бы эти Руки не отпускали его никогда...

Свет. Водопады света. Океаны света... Небо. Полет. Нежность. Свобода...

Интай подбежал к двум телам, подобно черному вихрю, стелящемуся по полю. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что Торкул уже не дышит, а девушка еще жива. Он молча посмотрел на приближающихся всадников и, сделав несколько шагов вперед, медленно опустился на одно колено, облокотившись рукой о землю. Его воины, увидев это, подхватили девушку и мертвого князя и устремились обратно, унося их в спасительную таежную глушь. Со стороны могло показаться, что предводитель лесных шаманов сдается на милость победителей, прося о пощаде. Увидев это, наемники с криками пришпорили своих коней, намереваясь затоптать черного воина. Но тут произошло нечто странное.

Интай закрыл глаза и, нежно погладив ладонью землю, поднял обе руки вверх, зашептав что-то на забытом людьми языке. После этого он с силой опустил одну руку вниз, ударив прямо по земной поверхности.

«РИНННН...»

Гортанный крик, более похожий на гул подземных глубин, повлек за собой невероятные последствия. Земная твердь на мгновение будто превратилась в зыбкую воду. Словно волна пошла по земле, затрясшейся от гнева богов подземелья. Почва под ногами лошадей качнулась, вздыбилась и опала. Несчастные животные тщетно пытались подняться на переломанные ноги. Изумленные наездники, поднявшиеся после падения с покалеченных лошадей, даже не пытались достать оружие, с благоговейным ужасом глядя на человека в черной одежде, который выпрямился во весь рост, прежде чем повторить свой жуткий удар. Он упал вниз, присев на одно колено, и снова ударил рукой по земле. Вторая волна пошла по направлению преследователей, которые тут же были изуродованы этим мистическим землетрясением. Люди катались по траве, стелая от боли в сломанных ногах и страха, запоздало захлестнувшего их разум. Но черный воин не стал добивать никого из них. Он просто смотрел на груды израненных тел животных и людей, лежавших вперемешку, а потом развернулся и пошел назад, в сторону леса. Туда, где скрылись похожие на него воины-тени, унося с собой мертвеца и раненую девушку, находившуюся в

беспамятстве.

Злата не попала туда, куда хотел увезти ее один из алтайских князей — к подножью Сторожевой Скалы. Что она должна была там сделать, так, возможно, никто никогда и не узнает. Торкул чувствовал, что поступает правильно, пытаясь доставить ее туда любой ценой. И если бы она оказалась там, возможно, ход истории был бы переломлен. Но ранним утром того злополучного дня все сложилось именно так, как произошло, и бессмысленно судить, что было бы, сложись все иначе.

Дочь Земли была спрятана в таежной глуши, обретя приют у «лесных оборотней». Позже она стала одной из родоначальниц нового Круга Клана Тай-Шин, что оставляло людям надежду на то, что знания о существовании Дочерей Земли не канут в лету, и когда-нибудь очередная грядущая Великая Битва растает как утренний туман, не успев начаться.

Великая Битва Синей и Черной Орды началась тем самым проклятым утром. Это была ужасная Битва. Два войска сошлись с яростью обреченных и сшиблись всей своей мощью, уничтожая друг друга. Горы трупов, кровь и черный дым, заструившийся над священным Алтаем.

История не оставила нам ее подробностей. Но редкие источники, сохранившие описание того побоища, утверждают, что реки крови пролитой в этой Битве, могли сравниться с реками воды, бегущими с гор...

Часть 4. СНОВИДЕЦ (ОБОРОТЕНЬ)

Иная Реальность

*«И каждый говорит о любви в словах.
Каждый видит прекрасные сны.
Каждый уверен, что именно он источник огня.
И это — тема для новой войны».*

Б.Г. («Аквариум»)

«Тело хочет спать. Оно нуждается в отдыхе, в уменьшении стресса, но, вместе с тем, и в создании напряженности. Оно хочет жить у края неведомого и слабеет, едва оказавшись защищенным и «здоровым». Тело сновидения требует большего, чем просто хорошего самочувствия, оно хочет вызова, риска, личной силы и свободы. Более того, тело должно искать опасности, чтобы стать самим собою. Тело сновидения никогда не исцелится лишь благодаря здоровому образу жизни, потому что оно ищет в сновидениях сверхъестественного, того, что лежит на грани двух миров. Дон Хуан излагает это драматически, говоря, что «тело любит ужас и мрак и черпает силу из этих стихий».

Ваше тело пребывает в творческом поиске. В фантазиях, снах и реальности вы возвращаетесь в магические места, в те моменты и к тем учителям, которые давали вам доступ к силе. Вы решаете проблемы, получаете травмы и испытываете экстаз в своих сновидениях не только для того, чтобы развязать узлы своего личного развития, но и в поисках более трудных задач и опытов. Способность быть собой требует чего-то большего, чем самопознание; это вопрос любви, борьбы, падений и взлетов.

Следовательно, после сильных внутренних переживаний вы возвращаетесь домой не только из сентиментальных побуждений, но и потому, что повседневная жизнь — это та же дикая местность, что и лес. В наши дни шаманизм должен иметь дело с миром, охваченным огнем, с миром, превратившимся в одну громадную перегревшуюся теплицу, с ее демократиями, охваченными кризисом, и с невероятно сложными межличностными отношениями. Этот мир — часть пути сердца каждого человека, и каждый человек стремится к трансформации. Возвращение к повседневной жизни не только привязывает вас вновь к тому, что вы оставили, но и напоминает о том, что вам досаждало и причиняло боль, ставит вас лицом к лицу с конфликтом жизни и смерти...»

«Дао Шамана» Арнольд Минделл.

Глава 1. НОСТАЛЬГИЯ

Возвращение

Барнаул, 2006 год, февраль

- *Будь в тени!*
- *В тени они будут искать в первую очередь.*
- *Тогда где нужно быть?*
- *На виду у всех. На солнце...*

X/ф «Грабеж».

«Волчий Клуб». Краткая хронология.

Сложно сказать, что вообще представляет из себя «Волчий Клуб». Когда он только возник, то это было что-то вроде литературного кружка. Позже Клуб превратился в своеобразное движение, включающее в себя научно-исследовательскую деятельность и разработку экологических программ. Известно, в частности, что Клуб активно интересовался вопросом строительства автотранспортной магистрали в Китай, идущей через республику Алтай. Также одной из проблем, к которой члены Клуба проявляли самое пристальное внимание, было строительство ГЭС на территории Алтая. Эти, и еще множество других проектов, которые угрожали стать причиной невиданных экологических катастроф, связанных с нарушением уникальной биосферы Алтая, входили в число самых приоритетных направлений так называемого «Волчьего Клуба». Позже, то ли руководствуясь неким политическим заказом высокопоставленных заинтересованных лиц, то ли просто являясь следствием нечистоплотности некоторых журналистов, испытывающих хронический голод до любой актуальной темы, даже в случае откровенной профанации исходного материала, против Клуба начали инспирироваться обличительные статьи в некоторых печатных СМИ и подчиненных им Интернет-изданиях. Клуб привычно обвиняли в принадлежности к разряду тоталитарных сект, сравнивали его деятельность с рядом нашумевших в прессе дел, имевших на самом деле весьма отдаленное отношение к тем мероприятиям, которые разрабатывались в стенах Клуба. Это было не ново, и, возможно, происходило от недостатка информации, связанной с истинными целями и стимулами, положенными в основу идеологической базы Клуба. Но разобраться в этой ситуации на самом деле было непросто. И не из-за того, что члены Клуба установили завесу тайны над всем, что было связано с деятельностью этой странной организации. Дело было в том, что и сами участники этого импровизированного общества, связанного с изучением древнего Наследия алтайских племен, канувших в лету, находились в состоянии неопределенности. От них не требовали подчинения какому-либо авторитету, от них не требовали переписывать квартиры на новоявленного гуру или мессию. Более того, никакой иерархической структуры, а уж тем более претендента на роль гуру не было вовсе. Но те мифы, которые и положили начало объединению искателей новых путей развития, задавали движение их пытливому разуму.

«Волчий Клуб» возник недавно. В конце прошлого века. Но тогда он еще не назывался так. Все началось в 1999 году. Группе людей, которые активно интересовались развитием возможностей человека, случайно попался для прочтения некий трактат. Он назывался «ШАМАН-ОХОТНИК. Концепции Миротормизма». В нем повествовалось о наследии древней традиции «Иту-Тай», которая возникла на Алтае в далекие времена и которая открывалась людям перед началом очередной Великой Битвой. Трактат даже, по сути, не был трактатом. «ШАМАН» был написан в форме сказки. Но пытливые умы сумели обнаружить в тексте что-то,

что заставило их обратить на эту сказку самое пристальнейшее внимание. Культура, описанная в произведении, завораживала. Создавалось впечатление, что такое невозможно придумать или создать с помощью воображения. Тем более, что при сопоставлении некоторых положений «ШАМАНА» открылись невероятные совпадения с реальными историческими и научными фактами. А это значило...

В это просто хотелось верить. Но дотошный человеческий ум продолжал искать подтверждения своим догадкам. Однако, единственный достоверный источник информации, который мог бы прояснить все эти моменты вокруг «Концепций...», его автор, таинственным образом исчез. Причем, иногда появляясь, он, по непонятным причинам игнорировал общество своих почитателей, как будто ему было совершенно неинтересно, как воспринимают читатели его творчество. Учитывая тот факт, что рукопись еще не была издана, и читалась в ксерокопиях, этот факт должен был особенно заинтересовать создателя мистической саги об алтайских воинах-шаманах. Но он продолжал хранить молчание или просто снова исчезал, уезжая в неизвестном направлении, теряясь в шумных муравейниках больших городов или растворяясь в непролазной лесной чаще предгорной тайги. И тогда инициативной группой решено было объединиться, чтобы продолжать свои исследования связанные с наследием таинственных шаманов Тай-Шин, практикующих загадочное мистическое учение Иту-Тай. Так возникла община «Темный Ветер», члены которой называли себя «мироформистами» или «дуэнергами». Возглавлял этот литературный кружок, чуть позже названный Клубом, некто Всеволод Санаев, хороший знакомый Максима Коврова, человека который и создал «Концепции Мирозформизма». В Горном Алтае была откуплена земля в отдаленных районах, там, где туристический бизнес еще не пустил свои многочисленные ростки. Так возник Поселок, первое поселение мироформистов. Туда приезжали на выходные дни те дуэнерги, которые в своей социальной жизни были заняты на работе. Те, кто был более свободен от ежедневной работы, целиком перебрались жить в Поселок, поддерживая там комфортный уровень проживания. Вечерние ритуальные костры, утренние ритуалы общения с Природой, дневные походы в тайгу — все это было неотъемлемыми элементами пробуждения нового отношения к окружающему миру. Отношения, в котором совершенно ничего не было от сектантства, потому что в этом мировосприятии не было и намека на подчинение человека другому человеку или какой-то догматической идее. Формальным Координатором Клуба был Санаев, но эта должность накладывала на него лишь администраторские обязанности.

Члены Клуба шутливо называли себя «торчками». Это одновременно была пародия на настороженное отношение к возможным сектантам, и отголосок далеких шестидесятых, когда романтичные инженеры и поэты, после трудовой недели брали с собой котелок и гитару и отправлялись в далекие леса и горы, охотясь за запахом дымка от костра и яркими восходами, зажигающими горизонт. Но, как выяснилось позже, даже это шутливое название имело к изысканиям участников литературного движения непосредственное сакральное отношение. «Торчин» — именно так звучало древнее название тюрков.

Излишне говорить, что все дуэнерги искали встречи с Ковровым. Однако, таинственный автор продолжал держаться на расстоянии от «Ветра», лишь изредка общаясь с Координатором. Иногда он появлялся около Поселка, по-прежнему наблюдая за романтическими искателями Истины издалека. Обычно его видели вечером. Он сидел на вершине небольшой скалы, располагающейся неподалеку от лагеря поселенцев, а рядом с ним иногда видели молодого волка, который сопровождал загадочного наблюдателя. Сначала все думали, что это собака, но Санаев, когда ему рассказали о таинственном визитере, сказал что это волк, его зовут Борк, и его подарил Коврову местный лесник, у которого волк и живет в отсутствие своего хозяина и друга. Так продолжалось несколько месяцев. Возможно, это было самое лучшее время для тех, кому

посчастливилось жить тогда в этом добром и уютном Поселке. Благословенные времена закончились летом 2000 года. Таинственным образом исчезли несколько самых инициативных приверженцев теории Миротормизма, в том числе и сам Всеволод Санаев. Одни утверждали, что он уехал куда-то в приграничный Алтай или монгольские степи. Другие уверяли, что Санаева пригласили на работу в Москву, в одну очень солидную фирму. Но были и те, кто полагал что Координатор «Темного Ветра» сгинул где-то в подземном Барнауле, в катакомбах, располагающихся под старым городом, причем при весьма интригующих обстоятельствах, связанных с поиском артефактов древнего наследия «Тай-Шин».

Поселок сгорел. Пожар уничтожил все постройки созданные дуэнерами. Создавалось впечатление, что какая-то злая сила противилась появлению в социуме любой информации связанной с таинственными тайшинами. Широкого резонанса эта история не получила, потому что все происходящее больше напоминало череду несчастных, а иногда просто абсурдных, случаев. Что происходило с автором пресловутой сказки в это время неизвестно никому. Он снова дал о себе знать только в 2002 году, издав «ШАМАНА-ОХОТНИКА» в местной типографии. На этот раз он был более откровенен, и создавалось впечатление, что делает он это из каких-то стратегических соображений, пытаясь сделать информацию, скрытую в сказке, достоянием большого круга читателей.

В 2003 году возникает очередной Клуб, в рамках которого практикуются технологии системы развития интуитивных навыков, описанных в «ШАМАНЕ...». Новый Клуб получил название «Стая». Один за другим приходят и уходят администраторы, меняются участники нового объединения. В 2004 году Координатором «Стаи» становится Вадим Кюнеберг. В 2006 году Клуб вдруг опять прекращает свое существование. Члены Клуба пытались осознать истинные причины происходящего.

2006 год.... Время разочарований и безумных надежд. Время странных Знаков и невероятных Сновидений.

Легкий ветерок гнал по заснеженной поверхности замерзший Оби блистающие на солнце призрачные вихри. Мальцев стоял на заметной снегом набережной и задумчиво смотрел на сугробы, покрывающие могучую реку. Он прибыл в Барнаул уже две недели назад, но Коврова найти так и не сумел. Бывший офис Центра Информационных Технологий, который возглавлял Ковров, занимала какая-то фирма по продажам автостраховых полисов. На прежней квартире Ковров уже давно не жил. Нескольким общим знакомым, которые могли хоть что-нибудь прояснить, Мальцев не хотел показываться на глаза, ему и так пришлось почти полгода путать следы, сбивая со следа выслеживающих его «инков», отсиживаясь в заброшенных деревнях и прячась в многолюдных городах. Эти полгода превратились для него в настоящий ад. Помимо постоянного ожидания, порождающего невероятное напряжение, ему приходилось самым тщательным образом фильтровать все свои связи с окружающим миром — нигде нельзя было «светить» свои настоящие документы, пользоваться прежними контактами, даже просматривать прежние ящики электронной почты. Он чувствовал — «ИНИС» ищет его. Ищет не только в материальном мире. Много раз он ловил на себе невидимые щупальца чужого внимания, тут же отбрасывая их или мгновенно «исчезая», становясь невидимым для вибрационных охотников. Он разработал целую систему ускользания, которая позволяла ему все это время избегать всевидящего ока «ИНИС». И только когда он почувствовал, что смог обмануть всемогущих Хартов, Мальцев выбрал основную цель своего визита — Барнаул. Загадочный город на границе Священного Алтая. Город, в котором он постигал тайны Иту-Тай и искусство Тай-Шин, под руководством Максима Коврова, человека приоткрывшего для него полог, скрывающий мир за гранью видимого. Скорее всего, только Ковров, или как его именовали в мире Тай-Шин —

Адучи, мог помочь ему противостоять Хартам. Как? Мальцев не знал. Но и другого выхода у него не было. Оставалась надежда, что Адучи сведет его со своими учителями, и те, если не защитят его, то хотя бы спрячут в непроходимых горах Алтая, куда даже такие умельцы как эти Харты, вряд ли смогут добраться. Ведь не смогли Харты истребить Клан Волка на протяжении сотен лет.

И вот все рушилось. Ковров исчез. Как и много раз до этого. Уехал на Алтай, в Киев, в Тьмутаракань... Неважно. Важно, что время сейчас играло против Мальцева. Он знал — Харты не оставят своих попыток найти его. Теперь, уже точно! Как минимум хотя бы для того, чтобы отомстить за своих людей.

Мальцев поежился. Воспоминания о той июльской ночи прошлого года порождали в теле неконтролируемую дрожь. Как он выбрался тогда из той мясорубки, вообще было не ясно. Чудо? Случайность? Или он слишком хорошо впитал в себя некоторые аспекты того искусства, которое использовали для выживания на протяжении столетий воины-оборотни Тай-Шин? Теперь это тоже было не важно. Выбрался и выбрался. Если сейчас он не предпримет что-нибудь фундаментальное, ни везение, ни навыки воина его уже не спасут. И если Харты не найдут его первыми, он просто не сможет выдерживать более это колоссальное напряжение в статусе вечного беглеца.

Единственной зацепкой, которая могла вывести его на Коврова, был некий Вадим Кюнеберг, администратор Клуба «Стая», общества, занимающегося разработкой нетрадиционных подходов к развитию сознания и внедрением их в линейный бизнес. Мальцев с большим трудом достал его координаты. В любом случае терять больше было нечего. Подумав еще несколько минут, он достал из кармана дубленки мобильный телефон и набрал номер.

После того, как встреча с Кюнебергом была назначена, Мальцев выкинул телефон в первый мусорный ящик, попавшийся на пути. Во время ведения информационных войн, любой просчет мог иметь весьма печальные последствия. И встречу он назначил в таком месте, чтобы избежать большого скопления посторонних людей. Военное положение уже стало неотъемлемой частью жизни Аргуса, прочно войдя в каждый его поступок.

— Вадим, — представился высокий молодой человек, протягивая Мальцеву руку. Он подошел чуть слышно, сзади, и это обстоятельство сразу насторожило бывшего директора могущественного Агентства Корпоративной Безопасности. Он сразу оценил собеседника: встречный внимательный взгляд, спокойная и ровная манера вести разговор.

— Гена, — представился он в ответ, полагая, что настоящее имя в данной ситуации не имеет абсолютно никакого значения.

Они стояли на площади Советов, около старого круглого фонтана, который носил в восьмидесятых годах славное имя «Космос». Архитектурная композиция изображала космонавтов и связанную с космосом атрибутику.

— Вы сказали у Вас важный разговор?

— Да, я бы хотел наладить связь с кем-нибудь из Клуба.

— Что конкретно вас интересует?

— Я бы хотел повидаться с Максимом. Нигде не могу его найти.

Кюнеберг усмехнулся:

— Это нормальная ситуация. Но Вы уж определитесь: повидаться с кем-нибудь из Клуба или повидаться с Максимом?

Мальцев решил переломить ход беседы:

— Вадим, на самом деле я Максима давно знаю. По крайней мере, я познакомился с ним

раньше, чем ты. Мне сейчас очень важно с ним встретиться лично. Понимаешь?

Координатор, прищурившись, с интересом посмотрел на собеседника:

— Раньше, это когда? Ты что из Нулевой Волны?

— Раньше, это три года назад. Он меня тренировал.

Кюнеберг опять усмехнулся.

— Что значит «тренировал»? Ты имеешь в виду семинары?

Аргус покачал головой.

— Да нет, я не про семинары говорю. Он меня тренировал на Алтае. Обучал искусству Тай-Шин.

Кюнеберг присвистнул:

— Круто. Но насколько я знаю, Максим никого Тай-Шин не обучал. Некоторые техники из Тай-Шин он использовал в своей консультационной программе по «Альфа-Бизнесу», но чтобы целенаправленно обучать Тай-Шин... Уж я бы про это знал!

Мальцев улыбнулся.

— Вряд ли он посвящал тебя в это. Дело в том, что мы очень странно расстались.

— Как это, странно?

— Ну, не очень хорошо. Я сбежал тогда, во время проведения одного из ритуалов. Макса это очень сильно напрягло. И вот сейчас я вернулся. Извиниться хочу. И кроме всего прочего помощи у него попросить. Плохо мне. Очень...

Координатор «Стаи» понимающе кивнул. А Мальцев вспомнил те жуткие ощущения, которые послужили поводом для дальнейшего прекращения обучения.

Закопченные стены аила дрогнули и стали стремительно расширяться во все стороны, будто аил превращался в огромный ангар для космического корабля. Мальцев качнулся и, встряхнувшись, попытался сосредоточиться. Напротив него сидит Адучи. Оба в ветровках, на лицах ритуальные узоры маски. Воспоминания были такие четкие, что казалось — протяни руку и можно шагнуть в прошлое, в события которые прошли несколько лет тому назад.

— Я... я... — Аргус пытается что-то сказать, но вместо слов вырываются лишь нечленораздельные звуки.

— Тише. Не говори. Чувствуй, — Адучи закрывает глаза и всем своим видом показывает, что бояться нечего, нужно лишь сохранять контроль над своим состоянием, ничего не опасаясь при этом. Но разве можно отпустить свои чувства, зная, что аил, где проходил ритуал Кэрсос-Косай, один из основных в Искусстве Сновидений, находится в древнем месте Силы — месте, используемом шаманами для путешествий в иные миры.

— Отпусти себя. Перестань контролировать свое тело, свой ум и мир, который нас окружает. Перестань себя контролировать. Тебе это больше не нужно... — Адучи шепчет, и его шепот вползает во внутреннее пространство, подобно вкрадчивой змее, сверкающей разноцветной чешуей.

Аргус чувствует, что его разум балансирует на грани между сознанием и хаосом. И, чтобы шагнуть вслед за тайшином, ему нужно перестать цепляться за логическое мышление и бесстрашно рухнуть в темноту бессознательного, в пугающую бездну, заполненную Пустотой.

Вспышка. Аргус вздрогнул. Перед его внутренним взором появилась морда зверя. Кто это? Дух из Сновидения или Животное Силы, Союзник? Аргус чувствует, что если он отпустит свое внутреннее Я, то станет этим зверем, и сможет уйти в его невесомом теле так далеко, как только пожелает. Самое интересное в этом предчувствии было осознание того, что он всегда знал как это делается, и всегда мог воспользоваться этим простым навыком.

— Пошли со мной...

Шепот Адучи. Мальцев, слыша его, полностью расслабляется, сливаясь с животным, превращаясь в него, обретая новое тело и новые возможности, не теряя при этом осознание своего собственного Я.

Волк. Он смотрит перед собой и видит волка, который стоит неподвижно, разглядывая его. Это Адучи? А как выглядит он сам? Аргус захотел посмотреть на себя и увидел внизу пушистые когтистые лапы. Рысь. Он — рысь! И одно лишь осознание этого момента принесло ему дополнительный контроль над своим новым телом. Спустя мгновение оба животных уже мчались во всю прыть сквозь густые таежные заросли. Аргус ликовал. Ощущение невиданной силы переполнило его. Они носились по тайге весь вечер, пока не вышли к небольшой поляне, на которой стояло древнее, давно заброшенное сооружение. Остатки старинного молитвенника в самой чаще предгорного леса. На перекошенных воротах, поросших голубым мхом, надпись сделанная на старинном языке. Аргус знает, что там написано, но не может осознать свое знание, понять смысл начертанных рун. Он оборачивается на волка. Тот сел перед самыми воротами, не сделав больше ни единого движения. Он словно ждет чего-то. Рысь шагнула вперед, но даже переполнявшей ее силы не хватило, чтобы преодолеть невидимое сопротивление старых ворот. Аргус сделал еще одну попытку. Тщетно. Вход в заброшенный молитвенник был словно заколдован. Рысь заметалась перед замшелой аркой. Из глубины строения на нее равнодушно смотрели покрытые вьюном старинные фигурки древних богов, высеченные из дерева.

«Я должен войти!» — забились в голове Аргуса единственная мысль, которая полностью подчинила себе все его действия. Рысь прыгнула вверх, намереваясь перепрыгнуть через ворота, но невидимая стена снова оттолкнула ее назад. Грозная кошка снова взметнулась вверх, опять ринулась сквозь ворота... Все было напрасно. Молитвенник словно не желал принимать в гости лесного зверя, внутри которого притаилось возбужденное сознание молодого ученика Тай-Шин. Рысь растерянно оглянулась на своего попутчика. Волк медленно встал и, повернувшись, побежал вглубь тайги, туда, откуда они пришли. Сновидение подошло к концу. Нужно было возвращаться. Возвращаться назад, в аил, возвращаться в свои тела. Но святилище...

Рысь метнулась вслед за волком, но остановилась и обернулась на заброшенное здание. Аргус прислушался к своим тончайшим ощущениям и понял, что здание только выглядит заброшенным. Что для тех, кто входит вовнутрь все открывается совсем в ином свете. Но это лишь для тех, кто входит вовнутрь. А он не вошел. И Адучи сюда привел его не случайно. Это экзамен. Проверка. И он ее не выдержал. Нужно возвращаться. Волк уже почти скрылся из вида. Аргус почувствовал, что если он уйдет сейчас отсюда, из этого Сновидения, то, возможно, уже больше никогда сюда не вернется. Его не впустили. Все кончено. Мир Тай-Шин захлопнул перед соискателем свои невидимые двери. Но он столько ждал этого момента! Такие надежды возлагал на этот мир...

Нет! Он останется! Он докажет что достоин! Он лучше умрет здесь, в этом Сновидении, чем вернется обратно. Туда, где его уже ничего не ждет без перспектив стать воином Тай-Шин. Он развернулся и опять побежал к неприступным воротам тайшинского молитвенника. Прыжок! И в этот самый момент, словно невидимая рука огромного великана подхватила его в воздухе и снова швырнула в темную Пустоту. Он пронзительно закричал и открыл глаза. Прямо перед ним сидел отрешенный Адучи. Его глаза были закрыты, как будто он не хотел смотреть на отверженного ученика. Аргус непроизвольно всхлипнул. Вернее, он просто хотел вдохнуть порцию воздуха, чуть большую чем обычно, но получился звук похожий на всхлипывание. Все надежды рухнули в одно мгновение. Ему на самом деле захотелось разрыдаться. Но именно это унижительное состояние всколыхнуло в нем глубинное чувство ярости, которое стремительно поднималось изнутри разрушительной волной. Все кончено! Ему отказано в продолжении Пути!

Нет ничего хуже, чем вкусить запретный плод, а потом, распробовав его, лишиться возможности попробовать его еще раз. Он с ненавистью посмотрел на безмятежное лицо тайшина. А ведь он наверняка был в этом святилище. Его водили туда его учителя. Он знает что там! А вот ему он не помог. Приоткрыл полог, а затем закрыл его снова. Зачем вообще нужно было все это начинать?

— Знаки... — тихо пробормотал Адучи, словно догадываясь, о чем думал сейчас его первый ученик, — ты бы мог войти, но тебе мешает груз твоего Я. Ты слишком отягощен человеческими предрассудками.

— А ты? — Аргус уже не скрывает своего раздражения. Он знает, что Адучи, конечно, уже чувствует его гнев, — Ты то что, не отягощен? Почему они тебя выбрали?

Тайшин улыбается. Но Аргусу кажется, что эта улыбка больше похожа на издевательство, на пощечину. Адучи качает головой:

— Не думай, что это делает меня лучше или хуже тебя. Просто я это я, а ты это ты. У нас разные Пути, потому что нет ни одного одинакового. Не расстраивайся. Ты не вошел в этот пограничный Храм, значит, тебя ожидает другой...

Аргус уже не может контролировать свою ярость. Путешествие в теле сновидения обострило все психические процессы, усиливая их. Все кончено! Он выхватил нож из чехла, который крепился на поясе его ветровки и, слабо отдавая отчет своим действиям, сделал выпад в сторону Адучи. Тайшин уклонился от удара, и встречный клинок, описав замысловатую траекторию, рассек руку, сжимающую нож. Аргус вскрикнул и, выронив нож, бережно прижал кровоточащую руку к себе. Боль вернула возможность мыслить трезво.

— Извини... Извини, я сам не понимаю, что со мной происходит...

Адучи, прищурившись, пристально смотрит на раненого ученика.

— Не смей никогда поднимать на меня оружие!

— Извини!

— И не извиняйся. Ты ни в чем не виноват. Просто в тебе слишком много человеческого. А в мир Тай-Шин войти могут только оборотни...

Они зашли в уютный бар и теперь сидели за столиком, на котором стояли чашки с дымящимся крепким кофе. Мальцев внимательно смотрит на собеседника.

— Я должен с ним встретиться! Должен! Понимаешь? И чем быстрее, тем лучше.

— Лучше для кого?

— Для меня, понятно. Но и для него тоже! У меня есть очень важная информация для него! Ему угрожает опасность!

Координатор Клуба улыбается.

— Ему угрожает опасность с того момента, когда он узнал о самом существовании Тай-Шин.

Мальцев чуть наклонился вперед и прошептал.

— Боюсь, ты просто не понимаешь, о чем идет речь.

— Да уж конечно...

— Без обид. Если бы ты знал что твориться за видимой гранью этого долбанного мира...

Вадим откинулся на мягкую спинку дивана.

— А как ты думаешь, что произошло с теми, кого мы называем Нулевой Волной?

Мальцев удивленно пожал плечами.

— Я вообще что-то про эти Волны не понимаю...

Координатор проводил взглядом парочку молодых людей, которая прошествовала мимо их столика, и посмотрел на собеседника.

— Нам абсолютно ничего не известно о жизни Коврова до недавнего времени. Это сейчас

он известный писатель и консультант по вопросам бизнеса, но даже сейчас никто ничего не может сказать о нем наверняка. Однако чтобы там ни говорили, люди, которые хотят идти чуть дальше, чем чтение его книги, неизбежно попадают в очень щекотливую ситуацию. Они встают на Путь, который не всегда проходит там, где его хотели бы проложить за них невидимые правители человечества. Это порождает конфликт. Конфликт между обществом и индивидуумом, индивидуумом и его близкими, индивидуумом и прежним его мировоззрением. Люди, которые осознали истинное положение дел, уже не могут вернуться назад и жить в рабстве навязанных ценностей и идей. Но им очень тяжело двигаться вперед, потому что они не знают, как это делать, и их не хочет отпускать Система, которая управляет людьми как послушными марионетками. Так вот, именно здесь возникает очень сложная ситуация. По непонятным причинам, Ковров всегда был против каких-то организационных форм. Он говорил, что человек не нуждается в поводырях. Поэтому он и выбрал для общения с людьми мифотворчество. С одной стороны как бы дает определенную информацию, с другой — постоянно уходит в сторону, ускользает, облекает все это в сказки и притчи, которые наш разум пытается свести к банальной выдумке. И людям уже ничего не остается, как объединяться, чтобы совместными силами продираться дальше, на Свободу. Насколько мне известно, первые дуэрги объединились в 1999 году. Но о них нам практически ничего не известно. Именно их мы и называем Нулевой Волной. И только после официального выхода «Шамана-Охотника», появились дуэрги Первой и Второй, Третьей Волн. А теперь вот, оказывается, был еще и тайный ученик.

Мальцев задумчиво кивнул. А Вадим внимательно наблюдал за каждым его движением, отслеживая все невербальные жесты, пытаясь собрать об этом человеке как можно больше информации. Мальцев усмехнулся.

— Ты мне не веришь?

— Да нет, почему, верю! От Максима вполне можно ожидать чего-то подобного. Только вот... встретиться с ним у тебя, Гена, вряд ли получится.

Мальцев удивленно посмотрел на Координатора.

— Почему?

Кюнеберг развел руками.

— Потому что, во-первых, он не хочет ни с кем встречаться. А во-вторых, не знаю, чему он тебя обучал, но теперь это совсем другой Ковров.

— В каком смысле?

Мальцев изумленно привстал, облокотившись о столик.

— Что значит, совсем другой?

— Так, — Кюнеберг выдержал короткую паузу и добавил, — Сошел с ума...

Мальцев отказывался верить в это просто потому, что этого в принципе не могло быть. Он просто не мог представить своего Учителя в образе умалишенного. Ковров — единственный человек, который понял тогда природу его страха после побоища в таежной глуши. Единственный, кто поддержал его тогда, кто научил таким вещам, о которых Мальцев раньше и мечтать не смел. И вот теперь этот самодовольный субъект говорит, что Адучи сошел с ума. Не хочет ни с кем видеться, сидит взаперти, подавленный и обреченный. Если это было правдой, то тогда обрывалась единственная нить помощи, на которую еще мог рассчитывать Мальцев в этой утомительной охоте. Бегство от Хартов на этом заканчивалось. Если Кюнеберг обманывал его, то непонятно было с какой целью. И если Ковров и в самом деле просто не захотел бы видеться с Аргусом, что было бы вполне оправданно после нескольких фактических вызовов на ножевой поединок со стороны его ученика, то он бы просто так об этом ему и сказал. К чему тогда был

весь этот балаган? В любом случае, чтобы проверить это, необходимо было увидеть Адучи. И если даже Кюнеберг откажется сделать это добровольно...

Кюнеберг словно уловил последнюю мысль собеседника и, улыбнувшись, погрозил ему пальцем.

— Только не надо думать всякие глупости. Это может печально закончиться. Ученик учеником, только и мы кое-что умеем. Поэтому давай сразу договоримся...

Мальцев поднял перед собой руки ладонями вперед.

— Вадим, слушай, это правда, очень серьезно. Мне нужно его увидеть. Хотя бы ненадолго. Что значит «сошел с ума»? Надеюсь, ты выражаешься фигурально?

Кюнеберг, прищурившись, посмотрел Владиславу Мальцеву прямо в глаза и веско произнес:

— Сойти с ума, не всегда значит стать умалишенным. Сойти с трибуны чемпионов — не означает перестать быть чемпионом.

Кюнеберг откинулся на спинку стула:

— Я на самом деле не знаю, чем тебе можно помочь...

Вечер. Мальцев неторопливо шел по центральной улице города. Ему нравился Барнаул. В этом уютном городе он чувствовал необъяснимое спокойствие, и в тоже время возбуждение от ощущения чего-то грандиозного, скрытого за гранями видимого мира. Несмотря на сравнительно небольшие размеры города, в нем таилась невероятная сила — тайная, притаившаяся до поры до времени в недрах старинных улочек. Ведь не случайно в июле двадцать шестого года экспедиция Рериха отклонилась от своего основного маршрута в горы Тибета, и прибыла в Барнаул на пароходе из Новосибирска. Не случайно генерал Ковров, один из патриархов Клана переехал сюда в пятьдесят третьем из Москвы. Да и Адучи поселился здесь не случайно. Воспоминания о Коврове навеяли какую-то ностальгическую тоску. Несмотря на то, что их расставание было излишне импульсивным и не очень теплым, Мальцев с благодарностью вспоминал время, проведенное в обществе молодого тайшина.

Они стоят на берегу Оби, огибающей Барнаул с юга. Все вокруг облачено в тончайший налет инея. Особенно за городом, в лесу, где красота была просто нереальной. «Потрясение красотой». Так назвал Адучи это созерцание. Они замирали на несколько минут и слушали окружающий мир.

Вот неслышно дует легкий ветерок, срывая с ветки снежные лепестки, которые абсолютно неслышно парят и медленно падают в сугробы.

— Слышишь? — тихо шепчет Адучи.

Но Мальцев слышит только далекий шум автомобилей на автостраде и лай собак в древне, на том берегу реки.

— Падение снега нужно слушать солнечным сплетением...

Мальцев пытается сделать это и тут же ощущает реальное напряжение в районе живота, которое растекается по телу томительной теплой волной. Адучи поворачивается к нему и тихо, словно опасаясь потревожить окружающее великолепие, произносит:

— Красота и Внутренняя Тишина — Ключ к Бесконечности...

Позже Мальцев пытался сделать то же самое с осенними листьями и тончайшей паутинкой, плавно парящей над землей на невесомых крыльях невидимого ветерка. Тело начинало ловить звуки окружающего мира. Тело начинало пробуждаться, а разум становился прозрачным и пустым. Казалось, еще чуть-чуть, и откроются невидимые двери, ведущие в неизвестное.

Потрясение красотой...

— Ты по-прежнему хочешь изучать искусство УРСУМ, технику Черного Волка?

— Да.

— Почему?

— Не знаю...

Адучи стоит напротив ученика и, прищурившись, чуть заметно кивает.

— Я не смогу обучать тебя боевому искусству поединка на ножах. Во-первых, меня связывают некоторые обязательства, данные одному из моих наставников. А во-вторых, искусство ножевого боя может оказать разрушительное влияние на твою психику. Потому что без внутренней дисциплины оно становится опасным оружием в твоих руках. Причем опасным, в первую очередь, для тебя. «Голос оружия». Ты знаешь, что это такое?

Мальцев хмурит брови, пытаясь вспомнить знакомое название. Адучи объясняет ему:

— Нож это не просто кусок металла. Это предмет, выточенный с особым намерением. Это намерение пронизывает молекулы стали, оно формирует особое настроение, которое оказывает нож, попадая в руки человека. Это намерение стремиться реализоваться, проявить себя. И оно начинает воздействовать определенным образом на своего носителя. Это и есть «Голос оружия». Он будет говорить с тобой неслышно, подталкивая к использованию ножа, исполнению его миссии. И если в тебе не достаточно силы для того, чтобы научиться контролировать этот «Голос», то «Голос» начинает контролировать тебя. И рано или поздно ты можешь перечеркнуть свою судьбу, влекомый к ужасному немотивированному поступку с использованием этого оружия.

— Значит, ты не сможешь научить меня?

— Нет, — Адучи отрицательно качает головой, — но тебе и не нужен учитель, если ты являешься тайшином. У тайшинов искусство владения ножом заложено в крови, на генетическом уровне. Это наследие нашего прошлого. И если ты принадлежишь к Клану, учиться тебе ничему не придется. Тебе нужно будет лишь выпустить это знание из своих глубин, вспомнить, пробудить Урсум в своих генах. Я постараюсь немного помочь тебе вспомнить.

Он показывает собеседнику короткий изящный клинок, который вынимает из кожаного чехла.

— Это — основное материальное оружие воинов Тай-Шин. Это — символ уходящей эпохи и загадка для будущих поколений. В древности нож считался незаменимым предметом в ритуальной магии, охоте, схватках, целительстве.

Мальцев с интересом смотрит в лицо тайшина покрытое линиями золы. Так делали воины-оборотни Тай-Шин испокон веков. И в этом тоже сочетался глубочайший мистический смысл, с предельно практической стороной боевого искусства. В темноте и в густой листве лицо с подобной маской было невидимо. При дневном свете черные линии маски ломали привычную мимическую картину лица, что помогало тайшинам оставаться неузнанными. Кроме того, согласно поверьям, это помогало забирать силу противника. Мистический аспект подобной маски предназначался для отпугивания от воина злых духов, а также стирания личной истории, когда воин символически отказывался от привычного образа самого себя, превращаясь в оборотня, «Кочойда».

— Нож необходим человеку в современном мире.

Аргус хочет спросить, делая движение рукой.

— Но ведь есть более эффективные виды современного оружия. Пистолет, например. Разве может нож сравниться с пистолетом?

Тайшин плавно водит клинком перед собой, словно исполняя какой-то ритуальный танец.

— Нож — это не просто оружие. Это — философия, это — реальная магия, еще обладающая огромной силой в этом безумном, ослабленном злобой и жадностью,

технологическом мире. Я познакомлю тебя с наследием древней системы, рассматривающей нож как элемент внутреннего мироощущения.

Поляна в лесу, на окраине города Барнаула. Облаченное в темную одежду тело тайшина изгибается в танце. Руки и ноги движутся не синхронно, тем не менее, соблюдая при этом определенный внутренний узор. Адучи танцует. Мальцев и предположить себе не мог, что танцы будут входить в обязательную программу обучения искусству Тай-Шин. Особенно любопытно было наблюдать за танцем Коврова. Он не имел ничего общего с теми танцами, которые предпочитали на танцполах современных клубов и дискотек. Тело тайшина изгибалось нелепо, и в то же время, в этом была какая-то внутренняя гармония. Закончив плясать, Адучи кивнул Аргусу, словно приглашая его исполнить нечто подобное. Мальцев сконфузился и сделал несколько движений, вспоминая стиль танцевальных па своего наставника. Адучи засмеялся, окончательно вгоняя ученика в смущенное состояние.

— Да нет, ты не понял. Ты не сможешь копировать мои движения. Ты должен научиться танцевать свой танец.

Чтобы скрыть смущение, Владислав пытается разрядить внутреннее напряжение с помощью разговора.

— Так современные танцы — это аналог шаманского транса?

Адучи улыбаясь, смотрит на него. Он прекрасно понимает этот маневр.

— Да, но весьма отдаленный. Современные танцы схематичны, они похожи друг на друга, в них нет индивидуальности. А именно это и является целью танца — раскрыть свою индивидуальность.

— Но как...

— Давай не будем тратить время на пустые разговоры. Попробуй. Только воспринимай танец не как коммуникацию для общения с противоположным полом, а как общение с духами. Станцуй для своего духа. Это должен быть особенный танец. Необычный. Он должен быть искренним.

Мальцев решительно кивает и снова пускается в пляс. Но уже через несколько минут он чувствует, что цензура внутреннего диалога сводит его к привычным телодвижениям, так похожим на стандартный дискотечный набор телодвижений. Адучи понимающе кивает ему.

— Знаешь, почему на дискотеках люди танцуют одинаково?

В ответ на удивленный взгляд Аргуса он поясняет:

— Включается внутренний Соглядатай. Он не может позволить человеку выглядеть в толпе чужаком, особенным. Современные танцы — это элемент безопасности, в них нет силы, — он задумывается на несколько секунд, словно подбирая наиболее уместную аналогию, — Танец это не просто верчение задом, хотя это тоже полезно, активизируется тазовая область. Танец — это нечто глубоко интимное, это способ выработки энергии. Привычный образ жизни создает предпосылки для застоя энергии в теле. Для того чтобы вернуть нам необходимый уровень энергии, необходимо что-то, что позволяло бы нам перемешивать энергию внутри нашего энергетического кокона.

Мальцев, улыбаясь, кивает:

— Понял. Современные практики называют подобную систему «Хаосферинг».

Тайшин смеется:

— Да ты хоть как ее назови. Хоть «шаманским ча-ча-ча». Хочешь, чтобы твой танец назывался «Хаосферинг», пусть будет так. Главное, это научиться отпускать себя. Снять контроль над своими движениями. «Забывать» на время схемы, управляющие нашими двигательными функциями. Отпусти себя! Позволь себе двигаться так, как хочет твое тело, а не

твой ум. Найди свой естественный ритм.

Мальцев достает из кармана светонепроницаемую повязку и надевает на глаза. Голос Адучи звучит из внешнего пространства за границами внутренней темноты:

— Неестественный ритм, навязанный нам с детства, разрушает нас, отнимая у нас энергию. Если ты сможешь уловить свой естественный ритм, ты почувствуешь, что значит быть самим собой. Истинным самим собой, а не тем, каким мы привыкли видеть себя изо дня в день...

Человек с завязанными глазами начал движение...

Тайга. Адучи стоит под раскидистыми ветвями старого кедра и бережно гладит ладонью его шершавую кору. Аргус стоит тут же, перебирая рукой иглы на ветках.

— Деревья... Что ты знаешь о них? — тайшин кивает головой на кедр. Мальцев задумывается, понимая, что знания из школьного курса были бы слишком банальным ответом на этот вопрос. Он смотрит вверх, ловя глазами лучи солнца, пробивающиеся сквозь игольчатый заслон густых ветвей.

— Они живые...

Тайшин смеется.

— Отлично! Это основное что необходимо знать о них. Зная, что они живые, ты получаешь уникальную возможность вступить с ними в общение и все остальное узнать уже из первоисточника.

Он ласково гладит ствол, как будто о чем-то секретничая со стариком кедром.

— Люди пренебрегают этим знанием. Отсюда многие их беды. Современные ученые установили, что деревья являются сложнейшими разумными организмами, которые обладают мощными сканирующими полями. Когда человек находится рядом с деревом, то оно считывает некий информационный код человека. И если человек причинит дереву вред, то при следующем появлении, дерево «узнает» вредителя по хранящемуся в клетчатке древесины коду, и включает защитные механизмы, которые могут очень серьезно повредить энергетический кокон хулигана.

— А если вредитель спиливает дерево? Уничтожает его? — Мальцев вспоминает виденную им однажды картину — сотни уродливо торчащих пней на месте некогда дивной дубовой рощи. Богатый бизнесмен решил построить туристическую базу с чудесным видом, открывающимся на речку.

Адучи покидает свое место и подходит к соседнему кедру, также приветствуя его нежным поглаживанием по замшелому стволу.

— Будучи сложными информационными организмами, деревья не знают что такое одиночество. Они соединены в огромную невидимую информационную сеть, которая опутывает всю поверхность этой планеты. Деревья постоянно общаются друг с другом, обмениваются информацией. Хотя нам, людям, механизм этого информационного обмена пока не ясен. Могу лишь сказать, что он как-то связан с легендой о Всемирном Дереве, с Семенем, породившем впоследствии множество своих подобий. И если какой-нибудь человек причиняет дереву боль, оно тут же передает его информационный код по сети, и все деревья начинают воспринимать этого человека как врага, который никогда и нигде не будет чувствовать себя в безопасности. Представляешь, выехал человек на отдых, и срубил пару деревьев для хозяйственных нужд. Выпил, закусил, покуражился и, отдохнувший, радостно вернулся домой. И вот идет он по городской аллее, а тополя вдоль газона уже знают о нем все. Они включают защитные поля и облучают его волнами невидимыми человеческому глазу. Человек приходит с работы домой и падает на кровать, ощущая себя разбитым и обессиленным. Потом приходит болезнь или череда несчастий. Ведь прожженное энергетическое поле — первая предпосылка к возникновению какого-нибудь заболевания или несчастного случая. Вот так...

Мальцев осторожно гладит ветки, обдумывая услышанное. Сначала во внутреннем пространстве привычно возник страх, обусловленный возможными проступками по отношению к деревьям, совершенными в прошлом. Но тут же приходит решение. Он наклонил ветку к лицу и, поцеловав острые и пыльные иглы, тихо прошептал:

— Простите меня за все! Я вас люблю, — потом он подумал немного и добавил, — Простите нас всех! Мы, люди, научимся со временем уважать ваш народ...

Он подошел к стволу и прижался к нему спиной, словно показывая искренность своих мотивов. Постояв так несколько минут с закрытыми глазами, прислушиваясь к своим ощущениям, Аргус вновь обратился к тайшину.

— Адучи, а сказанное касается только деревьев?

Ответом ему был довольный смех, раздающийся откуда-то из переплетения низких веток, практически полностью скрывающих фигуру шамана стоявшего у основания кедра.

— Ну конечно нет! Именно поэтому тайшины называют ветры — братьями, а реки — сестрами. И это взаимно. Трава, кусты, камни, вода... Все в этом мире имеет свою информационную сеть, свою систему взаимосвязей. И человеку, для того, чтобы выжить, чтобы научиться чувствовать себя в этом мире безопасно, придется неизбежно обучаться новому отношению к окружающему миру. Уважительному отношению. Осознанию что все вокруг него — живое...

Мимо пробежала собака, настороженно оглядываясь на одинокого прохожего. Мальцев вышел из тягучего состояния воспоминаний, втягивая глубоко в себя морозный воздух и оглядываясь. Ноги опять принесли его на Речной вокзал. Словно что-то тянуло его подобно магниту именно в это безлюдное место. Вокруг было тихо и темно. Мальцев вдруг понял, что совершенно не испытывает страха. Наоборот, внутри ощущалось спокойствие. Он устал бояться и скрываться. Только сейчас он понял, что Ковров был совершенно прав тогда, когда давал ему советы относительно его московского бизнеса. Почему же Ковров сам скрывается сейчас? Кто угрожает ему? Харты? Может быть, именно поэтому он и покинул так спешно Москву, тогда, в 2003 году? И, может быть, именно поэтому он вернулся на Алтай, где они не смогли бы его найти? Это все объясняло. Но тогда Мальцеву следовало утроить усилия, чтобы найти своего Наставника. Ведь если от Хартов ему удалось скрыться, то тогда он поможет сделать то же самое и ему. Вот только найти в Алтайских горах Кочойда, Лесного Духа... Это можно было сделать теперь только одним единственным способом — попробовать найти его через Сновидения. Адучи сам обучал его практикам «Мерцающей Охоты». Но войти в Сновидение и тем более искать там следы тайшина, было совершенно невысказимо без помощи Корчуна, специальной травы, позволяющей упростить процесс осознания Снов. Но последние остатки Корчуна Аргус потратил полгода назад в чудовищной схватке с «инками». Других вариантов поиска Адучи он просто не видел. А это значило...

Аргус привычно кивнул замерзшей реке, словно благодаря ее за предоставленное на берегу место для раздумий, и, развернувшись, стремительно пошел к остановке маршрутного транспорта.

Глава 2. «Хаосферинг»

Танцы Аши во сне

*«Дракон приземлился на поле — поздно считать что ты спишь.
Хотя, сон был свойственен этому веку...»*

Б.Г («Аквариум»)

Окна квартиры, которую снимал Мальцев, выходили на Ленинский проспект. Аргус стоял у окна, скрестив руки на груди и задумчиво разглядывая сквозь узоры изморози фрагмент центральной улицы города. В голове, как замкнутая в знак бесконечности «лента Мебиуса», крутилась одна и та же мысль:

«Что теперь делать?».

Не давал покоя еще даже не обретенный, но уже утраченный мир Тай-Шин. Беспокоила дальнейшая участь, связанная с охотой на него Хартов, могущественных покровителей московских «инков». Точила душу память о несчастной любви и потерянных им женщинах.

Мальцев сжал руки в кулаки и беззвучно потряс ими перед собой, словно грозя кому-то невидимому там, на холодных темных улицах зимнего Барнаула. Все! Хватит! Это закончится сегодня. И он не собирается сдаваться без боя. Настало время расставить все точки. Найти Коврова или уйти красиво, громко хлопнув дверью напоследок...

Аргус снял с себя всю одежду и направился в душ. Простояв полчаса под горячими струями душа, он насухо растер свое тело полотенцем и вернулся в комнату. Упав на диван, он лег на спину и, улыбнувшись, осмотрел напоследок комнату, словно прощаясь с этим миром. На самом деле это было недалеко от истины. Аргус просто не знал, вернется он из этого путешествия или нет. То, что он решил предпринять, было больше похоже на жест отчаяния. Но и другого пути у него не было. Харты наверняка везде ищут его, причем не только привычными оперативными методами. У них имелся весьма приличный арсенал средств. Наверняка они ждут, когда он раскроется, снимет все ментальные защиты. И вот тогда они с точностью до метра вычислят его местонахождения, и явятся к нему, если не в физических телах, то опять в образе какой-нибудь энергетической твари. А он вынужден будет раскрыться, потому что Аргус хотел сегодня войти в пространство Сновидения как можно глубже. Он расслабился, снимая один за другим с тела все блокирующие напряжения и зажимы. Одеялом он накрываться не стал, поэтому его обнаженное тело покрылось гусиной кожей от легкого сквозняка из приоткрытой форточки. Ничего, холод гораздо предпочтительнее для искусства Сновидения, нежели жара. Он закрыл глаза и сфокусировался на дыхании. Глубокое и ровное, оно должно было окончательно расслабить тело. Темное пространство перед внутренним взором замигало разноцветными огнями. Аргус сконцентрировался на одном пятне оранжевого цвета, сияющим прямо по центру, и уже через несколько секунд почувствовал, что проваливается в него. Именно в этот момент необходимо было удержать свое восприятие бодрствующим, позволив сознанию втянуться в оранжевую глубину.

Тьма. Ощущение покоя и тишины. Слово парящий лист, он опускался все ниже, а возможно, поднимался все выше в безграничное небо Сновидения, раскинувшееся во все стороны безбрежным океаном.

Он где-то рядом. Вспышкой возникло и тут же исчезло видение. Слово мигнувший слайд. Река. Иглы на ветвях дерева. Темный силуэт. Костер...

Нужно отпустить себя. Сновидец, путешествующий по Снам должен быть легким и свободным. Только тогда Сны откроют для него свои двери.

Силуэт у костра. Серые камни. Кусты. Деревья.

Нужно сфокусироваться на окружающем видении. Нужно дать команду разуму — «Это Сон! Я во Сне!». Все вокруг течет и мерцает.

Человек у костра оборачивается. Полет. Разноцветные искры, словно звезды, пролетающие мимо на бешеной скорости. Тьма.

Мальцев выгнулся и судорожно втянул в себя воздух. Тьма вокруг. Сев и покачав головой, он осмотрелся. Слабый свет из-за окна. Знакомая комната. Где он? А-а, это та комната, где он жил последнее время в Барнауле. Значит, он просто выпал из сновидения. Так. Время. Нет времени. Вернуться, чтобы попробовать снова. Аргус откинулся на кровать. Восстановление дыхания. Концентрация. Несколько аффирмаций, позволяющих облегчить вхождение в сновидение. Пятно. Ощущения в области пупка.

Аргус тщетно пытался сосредоточиться на окружающем пространстве. Спустя какое-то время его опять выкинуло из сна, и он просто лежал в темноте, глядя широко раскрытыми глазами в потолок. Так он лежал бесконечно долго, потеряв счет времени. В его голове теперь отчаянно билась только одна мысль, как радиопозывные «SOS», посылаемые с терпящего бедствие корабля — он звал своего бывшего товарища и наставника. Звал или просто уже попрощался, понимая, что этими жестами отчаяния наверняка привлеч к себе внимание Хартов. Во внутреннем пространстве вдруг стали возникать и гаснуть воспоминания, навеянные сумеречным состоянием между сном и бодрствованием. Вот возникло одно, отчетливое воспоминание об их совместной с Ковровым поездке в Москву. Это было за несколько месяцев до их расставания. Видения проносились перед внутренним взором как ускоренные кадры семейной хроники.

Вот они стоят на перроне одной из станций метрополитена. Вокруг оченьлюдно. Судя по суетливым потокам, был самый час пик, время, когда переходы метрополитена наполнялись живыми ручьями человеческих течений, словно подземные реки, бегущие во тьме недр. Ковров, провокационно улыбаясь, забирает у напарника кейс со всеми вещами и документами, взъерошивает ему волосы и тихо говорит, стараясь, чтобы его не услышали толкущиеся рядом люди.

— Я буду ждать тебя где-то там, в бесконечных дебрях этой подземной империи. Так в свое время со мной поступил и мой наставник. Тут не нужно никаких дополнительных указаний. Просто найди меня и все.

Мальцев озадаченно хмурит брови.

— А если я не смогу тебя найти. Мы назначим какое-то условное место встречи?

Ковров смотрит на него с удивлением.

— Ага, сейчас! Если ты меня не найдешь до закрытия метро, я сегодня же улечу обратно в Барнаул. Готов? Поехали!

Он подмигнул Мальцеву и, заскочив в переполненный вагон подошедшего метropоезда, тут же смешался с пестрой толпой. Двери захлопнулись и поезд, постепенно набирая скорость, исчез в темном тоннеле, унося в своем чреве объект этой необычной городской охоты.

Аргус сел на скамейку и осмотрелся. Десятки километров извилистых тоннелей под землей, тысячи людей и нужно было найти во всем этом конгломерате подземных коммуникаций всего лишь одного человека. Как и в тайге, единственным, что могло помочь охотнику сделать это, были инстинкты — неуловимый голос интуиции, уверенно ведущий человека сквозь все

препятствия к искомой цели. Значит, нужно было просто отпустить себя, позволяя интуиции свободно раскрыться в этой окружающей суеде. Он встал и, расфокусировав зрение и погасив внутренний диалог, направился в ближайший переход. Он слишком поздно вспомнил одно из главных правил Охоты: когда Охотник входит в лес, он становится невидимкой, сливается с лесом. Коварно растрепанные Максимом волосы привлекали произвольные взгляды некоторых прохожих. Мальцев поспешно пригладил их и тут же вспомнил что Максим забрал все вещи, а вместе с ними документы, деньги. А без этого в чужом городе, тем более в Москве, находиться было небезопасно. Подобные мысли не могли не вызвать внутреннего напряжения, которое сразу же начало посылать невидимые сигналы в окружающее пространство, привлекая на резонансе волн объект страха к источнику его породившему. Интуитивный стиль ходьбы был безнадежно сбит тщетно подавляемыми опасениями. Влад растерянно остановился, не зная, что делать дальше. У него, наверное, был очень подозрительный вид, потому что навстречу ему из какой-то ниши выдвинулся постовой милиционер, намереваясь проверить документы. Мальцев машинально свернул в боковой тоннель и смешался с толпой, которая понесла его в неизвестном направлении. Периферическим зрением Владислав успел заметить, как милиционер проводил его внимательным взглядом и сообщил что-то по рации, видимо передавая приметы подозрительного субъекта на следующий пост. Нужно было что-то делать. Не хватало еще только залететь в КПЗ. Без документов это могло закончиться весьма печально. Он растерянно осмотрелся. Тоннель служил переходом на другую станцию, и там его уже наверняка ждали. Обратно возвращаться тоже было опасно. Маловероятно, что сотрудник покинул свой пост и вернулся в дежурку.

Охота... Вот для чего Адучи забросил его в это злое подземелье, без документов и денег. Во власть полной неопределенности. Инстинкты...

«Давай, Охотник, выбирайся отсюда...».

Он выбился из затягивающего течения людского потока и прижался спиной к стене, внимательно осматриваясь по сторонам. Его взгляд упал на две двери. На одной было написано «Служебное помещение. УРД-2». На другой не было никаких опознавательных знаков. Обе оказались закрытыми. Больше никаких намеков на какой-нибудь выход из тоннеля не было. Оставалось возвращаться. Или идти вперед, каким-нибудь невероятным образом минуя милицейские посты. Каким? Ответ пришел сам собой. В памяти возник очередной урок в алтайской тайге. Два человека в черных одеждах и сгущающиеся сумерки, отражающиеся в вечерней реке. Адучи показывает ему, как становится невидимым. Умение отводить взгляд. Древняя магия, которая действует не только в лесу, но и в городских джунглях. Аргус закрыл глаза, восстанавливая дыхания. Затем он вытянул перед собой руку и начертил в воздухе древнюю руну невидимости, напоминающую своими очертаниями бабочку. Ему даже показалось, что очертания руны светились в воздухе нежным желтым светом. Он завернулся в этот воображаемый узор, обволакивая себя невидимыми энергетическими линиями, делающими его «невидимым» для чужого внимания. Физическое тело, конечно, никуда не исчезало. Сознание другого существа просто «отвлекалось» на другие предметы, «не замечая» охотника окутанного магией невидимости. Так поступали тайшины с незапамятных времен, становясь невидимыми для противников и животных, которым суждено было стать их добычей на охоте.

Как и следовало ожидать, милиционер на выходе из тоннеля даже не посмотрел на него. Мальцев прошел мимо и тут же увидел Коврова. Он стоял в углу за киоском, на котором были разложены газеты.

— Ты отлично справился! А знаешь, почему ты стал объектом внимания?

Мальцев критически осмотрел себя.

— Страх. Стоило мне испугаться и я раскрылся, стал доступен.

Ковров согласно кивнул.

Они пробирались через толпу людей, пока не оказались на посадочной платформе, около арки поезда, там, где останавливается первый вагон. В этом месте было не таклюдно и оба охотника могли поговорить. Ковров был явно в язвительном настроении.

— Москвичи обамериканились. В этом их трагедия, хотя они и не подозревают об этом.

— А в чем это выражается? Деньги?

Ковров отмахнулся.

— Деньги это полбеды. Обамериканиться — это значит лишиться себя истории. Натянуть жуткую маску на лицо и потом забыть об этом. Посмотри вокруг. Отвратительная суета! Толпы людей отягощенных проблемами. Знаешь, кому это выгодно?

— Ну, наверное, тем, кто сидит там, «наверху», и кормиться за счет этих толп?

— Безусловно. Чего можно ждать от системы, которая построена на воровстве, откатах и самых низменных человеческих пороках? Но здесь замешаны не только человеческие правители.

— А кто же еще?

— Ты думаешь мало заинтересованных сторон?

— Ты имеешь в виду подземное человечество? Ургачимиду? Но ведь они же заперты под землей?

— А мы сейчас где?

Мальцев удивленно окинул взглядом окружающий антураж станции и перевел взгляд на собеседника.

— Ты хочешь сказать?..

Ковров хмыкнул и осмотрелся по сторонам. Его взгляд упал на бомжа, который тихонько сидел в углу зала. Проходящие мимо люди брезгливо морщились.

— Обрати внимание вон на того типа.

Мальцев внимательно рассмотрел его: оборванная грязная одежда, от которой даже на таком расстоянии, казалось, исходил отвратительный запах затхлости и гнили, заросшее лицо, грязные волосы.

— Что ты можешь сказать о нем?

— Обычный бомж. Несчастный человек.

Ковров хмыкнул.

— Человек? Ты уверен, что это человек?

Мальцев еще раз присмотрелся к нищему.

— Ну... Он выглядит как человек.

— Вот! — Ковров поднял вверх указательный палец, — выглядит...

— Ну, кто же он?

— Ты видел, как внимательно милиция следит за подозрительными типами в метро? Даже тебя чуть было не остановили. А ведь ты на вид — вполне социально успешный человек. Что же тогда говорить о нем?

— Ну, возможны разные варианты. Я, например, слышал про мафию нищих. Может они платят милиции и те закрывают на это глаза?

— Да ты что, представляешь, что будет при любой проверке? Сейчас же угрозы терактов, а метро это один из стратегических объектов. Нет, нужно поискать другой ответ. На ночь здесь остаться они не могут. А пройти в таком виде через систему милицейского контроля невероятно сложно.

— Если они не умеют отводить глаза, — съехидничал Аргус.

— Нет, здесь действуют совершенно иные механизмы. Иные в прямом смысле этого слова.

— Что ты имеешь в виду?

— Подумай сам, грязные, пропаренные в каких-то подземных нишах, бомжи, непонятно каким образом появляются в подземной империи. Как и зачем?

— Милостыню просят. Здесь не нужно искать сложных путей.

— Да ты посмотри, кто им подает? Милостыню проще просить при входе в метро. А они сидят в самой гуще людского потока и не просят ничего. Смотри — просто сидят. Зачем?

Мальцев опять посмотрел на бомжа и встретил его колкий взгляд, словно нищий почувствовал, что разговор идет именно о нем. Впрочем, бродяга сразу спрятал глаза, прикрыв лицо рваным рукавом.

— Может он просто здесь греется.

— Греется, точно, — Ковров подмигнул нищему, — Он специально провоцирует по отношению к себе всплеск жалости и отвращения. Очень насыщенные энергией эмоции. Греется, да...

Мальцев удивленно посмотрел на нищего, но тот уже решил покинуть свое место. Бродяга встал и, прихрамывая, засеменил в другой конец зала. Люди брезгливо расступались перед его сгорбленной фигурой.

— Ты хочешь сказать, что это энергетический вампир?

Ковров пожал плечами.

— Он не человек? Один из Ургачимиду?

Ковров опять пожал плечами, словно показывая, что Аргусу придется самому искать ответы на эти вопросы, а затем все-таки произнес:

— Единственное что могу сказать — не все бомжи являются ургудами. Но иногда среди этой братии попадаются такие типцы! Среди них проще спрятаться.

Мальцев задумчиво провожал взглядом сутулую спину ургуда.

— Если он из Подземного Мира, тогда понятно как он появляется в метро. Здесь, наверное, полно тайных ходов?

Видение поплыло и плавно перетекло в следующее. Они стоят около мозаичного панно украшающего стену одной из станций. Максим показывает ему какие-то знаки, которые будто спрятаны в пестрых сюжетах изображенных на мозаике. Среди них попадаются знакомые Аргусу рунические символы.

— Ух ты! А я знаю, что за знак! Странно, их незаметно на первый взгляд! Ты бы не показал, я бы и не заметил! Слушай, а что они делают здесь в Москве, в подземелье? Ведь это рунические символы культа Одина?

— Это хороший вопрос. А что делают десятки магических знаков, расположенных по всей Москве? На воротах и канализационных люках, на газонах и исторических памятниках? Москвичи не знают ответов на эти вопросы. Они могут ежедневно по несколько раз проходить мимо, но у них совершенно не будет времени, чтобы обратить внимание на подобные вещи. У тех, кто приехал в Москву в глазах одни лишь долларовые значки. И их можно понять — они выживают. Некоторые из них просто физически, а некоторые эмоционально. Им важно вписаться в энергетику Москвы. Они будут напяливать на себя нелепую одежду, зимой обязательно ходить без шапки, посещать всяческие тусовки и эпатажные заведения. И поэтому, у них совершенно нет времени на всякую ерунду. Их ум занят адаптацией. Коренных москвичей вообще уже ничем не удивишь. Если они решили самый главный в их жизни вопрос — квартирный, все остальное уже практически не имеет для них значения. Помнишь, как сказал Воланд? «Квартирный вопрос испортил москвичей». И это правда. Они все уже видели, все знают. У них есть собачки с целым гардеробом одежды, парковый велосипед. А то, что этот город имеет грандиозную мистическую историю — это, поверь мне, практически никого не

волнует.

Мальцев, закусив губу и нахмурившись, пристально посмотрел на тайшина.

— А как древняя история Москвы связана с Иту-Тай?

Ковров усмехнулся.

— Самым непосредственным образом. Сейчас многое из того, о чем раньше предпочитали умалчивать, становится явным. Здесь центр Паутины, главный офис Российской Системы. Но Система стала давать сбой, и поэтому в Паутине стали появляться ходы. Один из этих ходов ведет на Алтай.

— А причем здесь Один, божество англосаксов и германцев?

Ковров задумчиво покивал головой, будто решая какую-то внутреннюю дилемму, а затем молча пошел куда-то, знаком предлагая Мальцеву следовать за ним.

Они двинулись вперед, минуя переход за переходом. Когда они вышли из очередного поезда, Мальцев осмотрелся по сторонам. Он увидел лишь первую букву очередной станции, от которых у него уже начинала кружиться голова. «Т...». «Таганская»? «Тверская»? Ковров взял его за рукав и опять увлек в какой-то переход, миновав который они остановились у небольшой скамейки, где и присели.

Мальцев терпеливо ждал продолжения. Он понимал — от того, что он сейчас услышит, зависит многое. А Ковров вдруг встал, заложил руки за спину и прошелся перед ним, словно заправский искусствовед, объясняющий обывателю истинную ценность древней реликвии.

— Итак, начнем. Даю тебе пищу для твоего ума. Пережевывать и глотать будешь сам. Начнем, как всегда, с истории. Допустим... — Максим сделал небольшую паузу, раздумывая с чего лучше начать свою лекцию, — ну вот, хотя бы — Боровицкий холм. Знаешь что-нибудь о нем?

— Ну... он по-моему с Кремлем как-то связан?

Ковров щелкнул пальцами.

— Верно. С Кремлем. А как ты думаешь, почему холм был назван «Боровицким»?

— Возможно из-за того, что там был густой бор во время застройки крепостей?

— Возможно... А возможно и не только поэтому. В дохристианские времена там располагалось святилище Купалы. Согласно древней традиции вплоть до прошлого столетия в праздник Купалы на это место приносили младенцев. Считалось, что это место исцеляет и наделяет малышей отменным здоровьем. Именно на этом месте лежал с незапамятных времен некий Камень. Люди верили, что это был не просто Камень. Что он содержит в себе мистическую силу Хранителей — родовых божеств оберегающих предков. И не случайно появился этот Камень именно в этом месте. История Москвы... Она наполнена такой невероятной глубиной, что даже от прикосновения к ней захватывает дух. «Бор»...

Мальцев трет виски, вспоминая...

— Постой, ведь так звали одного из языческих богов? Вспомнил. Я в свое время достаточно внимательно изучал скандинавские предания. Пантеон Одина. Так вот, согласно некоторым преданиям, бог Бор является родителем вождя-шамана Одина, который является воплощением божества. Но ведь это скандинавская мифология. Как она связана с Московским Кремлем?

Адучи улыбается.

— Что ты еще можешь вспомнить о Боре?

— Бор, он же Бури, рождает Вили, который является одним из трех мистических ликов Одина. Ха, а ведь у тюрков «бури» означает «волк»...

Адучи опять садится на скамейку.

— Вили... В славянской мифологии вождя Одина рождает древний праславянский бог. Он рождает одно из своих воплощений. Идолами с его изображением была уставлена огромная

территория, в том числе и древняя Русь, которая особенно почитала это божество. Именно один из его сыновей — Моск, или как его еще называли — Мосох или Мось, организовал в этом сакральном месте столицу славянской Руси. Этот бог являлся одним из богов древнеславянского Триглава. Именно его Камень лежал до недавнего времени на склоне Боровицкого холма. И имя «Бор» тоже является одним из его имен. Ты еще не понял, о ком я говорю?

Мальцев почувствовал, как сильно закружилась голова. Он крепко взялся руками за скамью, на которой сидел и зажмурился. Адучи наоборот опять поднялся и, не обращая внимания на людей, которые проходили мимо, поднял руки вверх и развел их в стороны, громко произнеся одно лишь имя:

— Велес...

Владислав вздрогнул и открыл глаза, осознавая, что он лежит в своей комнате, в ворохе мокрого от пота белья. Сильно кружилась голова. Он сел и осмотрелся. В комнате было сумеречно, значит, ночь еще не закончилась. Можно было конечно попробовать снова войти в Сновидение, но Мальцев чувствовал, что его сил уже не хватит, чтобы поймать и обуздать очередной сон. Вообще, самочувствие было очень непривычным и не очень приятным. Во всем теле была невероятная слабость. Рот пересох и перед глазами расхотелись во все стороны ослепительные черные круги, словно после грандиозного перепоя. Мальцев встал и подошел к окну. На улице по-прежнему было снежно, темно и холодно. Аргус поморщился и выгнулся. Его всего ломало, словно путешествие по сновидениям отняло у него последние силы. Мальцев прислушался к себе. Было что-то не так. Будто он как-то «неправильно» вернулся в свое физическое тело. Хотелось, как будто бы выйти из этого дискомфортного тела и попытаться войти снова. Такое бывало иногда, особенно после длительного путешествия в теле Зверя-Сновидца. Мальцев еще раз выгнулся, будто дикая кошка и прошлепал босыми ногами на кухню. Свет из недр холодильника больно резанул по зрению. Нащупав почти на ощупь бутылку с минеральной водой, Владислав открутил крышку и жадно припал к горлышку, глотая ледяную минералку, которая потекла тонкими ручейками по лицу, падая прохладной каплей на грудь. Утолив жажду, Влад озадаченно посмотрел на бутылку. У воды был странный вкус. И консистенция тоже была какой-то непривычной: вода была более густой, тягучей, как хорошо замерзшая в морозилке водка. Влад посмотрел на этикетку, но никак не мог прочитать название: буквы расплывались перед глазами, словно он и в самом деле глотнул порядочную порцию водки. А потом бутылка выпала из его руки и упала на пол, заливая линолеум на кухне этой странной холодной водой. Линолеум? Влад закрыл глаза и, покачав головой, открыл их, снова удивленно посмотрев на бутылку у своих ног. Он выпустил ее, потому что вздрогнул от неожиданности. А вздрогнул он, потому что в дверь позвонили. Ночью... Он попытался унять дрожь в теле и собраться с мыслями, но в голове по-прежнему бушевал хаос. Линолеум? Почему линолеум? Бред какой-то... Кто это мог быть? В столь поздний час? Неужели... Они все-таки нашли его... Все кончено. Мальцев легко пнул бутылку ногой, отчего она укатилась под стол, и, улыбнувшись, как улыбаются последнему рассвету уставшие от ожидания, приговоренные к расстрелу преступники, пошел открывать дверь.

Перед ним стоял мальчик лет десяти, одетый в джинсы, куртку и кеды. Мальцев удивленно разглядывал ночного гостя.

— Я могу войти?

Мальцев растерянно отошел в сторону, пропуская мальчика в квартиру. Неужели еще один Алик? У них что там, фабрика юных талантов? А мальчик обернулся и теперь молча стоял, рассматривая озадаченного Владислава.

— Ну, что будем дальше делать? Сердце мне остановишь? — Мальцев тоже рассматривал юного ночного гостя, прищурив глаза и играя желваками. Но пацан повел себя как-то странно. Он округлил глаза и, фыркнув, расхохотался.

— Ты что, Арг? Зачем мне тебе останавливать сердце? Елки-палки, ты что, не узнал меня?

Мальцев еще раз повнимательнее присмотрелся к мальчугану. Было в его внешности что-то... неувовимо знакомое.

— Я тебя знаю?

Гость расставил в сторону руки и, дурачась, покрутился, словно давая Мальцеву возможность рассмотреть себя получше. Владислав прислонился спиной к стене, чувствуя, как дрожь в ногах не позволяет ему устоять. Этого не могло быть! Но это было... Перед ним, каким-то образом превратившись в маленького мальчика стоял... Ковров Максим, собственной персоной.

— Ну... Думаешь как это возможно, да?

Мальцев кивнул.

Мальчик выдвинул из-за стола один из стульев и встал на него, словно готовясь прочитать озадаченному дяде стишок в лучших традициях советских семейных праздников. Мальцев изумленно наблюдал, как мальчик сосредоточился, картинно выпрямился и, набрав в грудь побольше воздуха, торжественно произнес:

— Никак!

— Что — никак? — сдавленным голосом переспросил Влад.

— Никак невозможно! — по-прежнему торжественно возвестил мальчик и слез со стула, давая понять, что выступление закончено. Потом он выдержал значительную паузу, и разочарованно произнес:

— Ну ты что, так и не понял?

— Да что понял-то? — Мальцев поднял бутылку с пола и вылил в рот остатки минеральной воды.

— Блин, да как же! Ну вот, посмотри, повнимательней, — он кивнул на бутылку, — ничего подозрительного не замечаешь?

Мальцев нахмурился и перевел взгляд на бутылку.

— Ну, замечаю. Вода какая-то странная. Будто застоявшаяся или протухшая, а вкус какой-то мыльный.

Мальчик фыркнул.

— Что же ты тухлятины-то напился?

— Да я... вроде, вчера свежую покупал...

Мальчик закатил глаза и хлопнул себя ладошкой по лбу.

— Так, ладно. Начнем с начала. Ты какую воду покупал?

Мальцев пожал плечами.

— «Касмалинскую».

— А это, какая?

Владислав поднес бутылку поближе и внимательно вчитался в название.

— «Свирковская»...

— Ты такую воду, когда последний раз пил?

— Да я про такую вообще первый раз слышу. Может, в магазине перепутал и забыл. С этими ночными заворотами голова уже вообще ничего не соображает.

— Это точно! Не соображает. Твой ум дуркует и ты опять позволяешь себя обмануть...

Мальцев настороженно посмотрел на юного гостя.

— В каком смысле?

Мальчик надул щеки и выпучил глаза, словно выражая верх недовольства.

— Аргус, сновидения распахнут для тебя свои двери только тогда, когда ты научишься осознать.

— Что осознать?

— Все! Осознать что сон — это сон, а явь — это явь, но иногда она может оказаться сном. Наш ум... — он постукал себя кулачком по макушке, — он привык все раскладывать по полочкам. Он всему находит название и применение. И когда мы находимся во сне, мы не можем этого осознать, потому что ум придает сну черты знакомого мира, в котором мы привыкли находиться. Но стоит только включить осознание текущего момента, и понять, что вокруг что-то не так, как... бац, и мы оказываемся в совершенно иной реальности. Люди очень часто понимают, что они оказались во сне, но не потому, что осознали это, а потому что им попало что-то, чему ум не успел придать привычные черты. И тогда они с ужасом просыпаются, потому что их пугают жуткие монстры или страшит ощущение полета над собственным двором...

Мальцев еще раз посмотрел на бутылку, а затем наклонился вниз и потрогал руками пол.

— Ну конечно, а я еще подумал, откуда у меня на кухне линолеум? У меня ведь деревянный пол был...

Мальчик всплеснул руками.

— Ну, наконец-то! А это значит...

Мальцев восторженно осмотрелся по сторонам.

— Мы что, в Сновидении?...

— Ты обижаешься на меня?

— С какой стати?

— Но ведь ты не хочешь со мной встречаться.

— Если я не хочу встречаться с тобой или боюсь тебя, то что я делаю здесь?

— Мне нужна твоя помощь.

— Ты опять ищешь помощь на стороне?

— Это особенный случай. Я...

— Я не могу долго разговаривать с тобой сейчас. Я пришел только сказать тебе — если ты хочешь опять встретиться со мной, то теперь тебе придется прийти ко мне в гости.

— Как я тебя найду?

— Ты можешь прийти ко мне в Сновидении, так же, как я пришел к тебе.

— Но у меня нет Корчуна.

— Осознание себя в Сновидении является нашим естественным состоянием. Не ищи каких-то дополнительных средств, стань естественным.

— Я не чувствую в себе сил...

— Тогда измени свой образ самого себя. Если Мальцев не может войти в Сон, пусть туда войдет Аргус.

— А почему ты пришел ко мне в таком виде?

— Это Аши — мой Внутренний Ребенок. В этом Образе путешествовать по Сновидениям гораздо легче. Нужно просто вспомнить свои детские ощущения легкости. В детстве мы бродили по Сновидениям легко и непринужденно, пока мир взрослых не затянул нас в свои ловушки и не обессилил своей невероятной серьезностью.

— И что же мне делать? Тоже стать маленьким?

— Это было бы здорово! Мы бы с тобой неплохо поиграли в этих чудесных мирах. Поверь, здесь есть много интересного!

— Но как это сделать?

— Ты опять ждешь конкретного совета? Какой-то технологии? Не знаю! Если ты не можешь стать маленьким, не пытайся это сделать. Не получится. Это должно приходить легко и естественно. Изнутри. Ты просто позволяешь этому произойти.

— Ну и кем же мне стать?

Мальчик ехидно смотрит на взрослого собеседника.

— Идиотский вопрос для кандидата в оборотни. Стань самим собой!

— Я — это я.

— Дурдом! — пацан изумленно разглядывает Мальцева, — неужели ты и в самом деле думаешь, что истинный ты являешься таким скучным, медленным и загнанным существом?

Он ухмыляется и подходит к двери.

— Ну, мне пора, — он берется за дверную ручку и оборачивается на растерянного сновидца, — у тебя немного времени. Но если ты захочешь, ты найдешь меня. До встречи.

— погоди! Пстой! — Мальцев делает шаг вперед, пытаясь удержать ускользящее видение, но дверь за мальчиком закрывается, и он чувствует, как все вокруг покрылось рябью и поплыло, становясь зыбким и текучим, как вода.

Мальцев открыл глаза и увидел белый узор подвесного потолка у себя над головой. Он моргнул, облизал языком пересохшие губы и повернул голову вбок. Он лежал на своем диване, в квартире, которую снимал последнее время, и из которой отправился в путешествие по сновидениям вчера вечером. Значит все это был сон... Ковров опять ускользнул, растворившись в призрачных пространствах таинственного мира сновидений. И на этот раз догнать его было очень сложно — в окно било ослепительным светом яркое полуденное солнце и спать совсем не хотелось. Аргус в одно движение сел на диване, потом встал и подошел к окну. На улице все было укутано в белое — выпал снег, искрящийся на солнце подобно алмазной россыпи, милостиво дарованной идущим на работу людям неведомыми небесными божествами.

Глава 3. ОХОТА ЗА ТЕНЬЮ

Харты

«Ни в коем случае не иди против толпы. Если толпа тебя увлекла, старайся избежать ее центра и края... Главная задача в толпе — не упасть. Но если ты все-таки упал, следует защитить голову руками и постараться немедленно встать. С колен подняться в плотной толпе вряд ли удастся — тебя будут сбивать. Поэтому одной ногой надо упереться в землю и встать, используя движение толпы».

*«Перепуганная толпа». Агитационно-информационный лист.
Антитеррористическая комиссия*

Он снова позвонил Кюнебергу и они встретились в том же кафе, где беседовали последний раз. Координатор «Стаи» сидел у окна и с наслаждением любовался заснеженным пейзажем на улице, потягивая из широкого стакана какую-то янтарно-желтую жидкость.

— Коньяк? — Мальцев сел за столик, здороваясь с Вадимом.

— Нет, виски. В такую погоду — очень располагающий напиток.

— Располагающий к чему?

— К размышлениям... — Кюнеберг сделал небольшой глоток и пристально посмотрел на собеседника, ожидая, когда тот озвучит цель их встречи. Мальцев заказал себе стакан вишневого сока и, отпив немного, посмотрел Координатору прямо в глаза.

— Если я не найду Макса, они убьют сначала меня, потом найдут и выпотрошат тебя, а затем неизбежно найдут и уничтожат его. Если ты не хочешь меня с ним свести, не надо. Просто передай ему — я за свои ошибки готов ответить. Но если он знает, как с ними можно договориться, или не договориться, сбежать от них — пусть скажет тебе. Ведь не настолько я его обидел тогда.

— Подожди, подожди... — Кюнеберг удивленно прищурился, — о чем речь вообще идет? Ты Макса обидел? Он из-за этого тебя перестал обучать?

Мальцев печально усмехнулся.

— Я его чуть не убил.

Кюнеберг присвистнул и, отодвинув стакан с виски в сторону, облокотился о стол руками.

— Любопытно! А вот теперь с этого места поподробнее. И самое главное, кто это нас всех должен выпотрошить и уничтожить?

Мальцев непроизвольно втянул голову в плечи и, осмотревшись по сторонам, тихо произнес:

— Харты...

— Мы познакомились с ним в 2003 году на одном из туристических маршрутов. Там очень странная и, я бы даже сказал, страшная история произошла. После этого похода мы еще встречались несколько раз на Алтае и здесь, в Барнауле. А потом Максим предложил мне заниматься изучением древней системы воинов-шаманов — боевым искусством Тай-Шин. Мне необходима была встряска, у меня был очень тяжелый период тогда, и я согласился. Так начались наши тренировки. Мы занимались почти два года, но мне все казалось, что Адучи не подпускает меня к чему-то главному, водит меня вокруг да около, опасаясь впустить в глубину Учения. Сейчас я думаю, что он опасался чего-то. Чего-то во мне. И эти опасения внесли в наши

отношения незаметную трещину, которая впоследствии превратилась в громадный разлом. Я стал все чаще и чаще проявлять нетерпение, обвинять Макса в его предвзятости, чуть ли не требовать, чтобы он свел меня со своими Учителями. Но он все уходил от подобных разговоров, а потом стал избегать и меня. И, не смотря на то, что я научился многим невероятным вещам, я был не доволен динамикой обучения. Я желал большего. В меня словно вселился кто-то. Я только сейчас понял, каким был идиотом. Но тогда я был ослеплен своими достижениями и теми перспективами, которые открывались впереди. У меня было очень отчетливое ощущение, что меня обучает не только Адучи. Что за мной внимательно наблюдают и его незримые Наставники. И тот факт, что, несмотря на откровенные опасения со стороны Коврова, обучение не прекращалось, я понял — Наставники Тай-Шин заинтересованы во мне. Понял, что они считают меня избранным для какой-то стратегической цели Клана Тай-Шин. И однажды настал такой момент, когда я в жесткой, ультимативной форме потребовал чтобы Макс свел меня с патриархами Клана, пригрозив, что иначе прекращу обучение. Помню, он как-то странно посмотрел на меня тогда и, прищурившись, пожал плечами. Потом он сказал что согласен, дал мне Корчун — траву для ритуала Осознанных Сновидений, и мы отправились в неведомое. В этом Сновидении я видел один из лесных Храмов Тай-Шин. Но только видел, попасть туда я не смог. И я почувствовал, что мое обучение на самом деле закончено. Закончено, не успев даже толком начаться. Потрясение было для меня настолько сильным, что я пришел в неконтролируемую ярость, и это, возможно, тоже было частью Посвящения. Той частью, которую я окончательно провалил. Для меня это было крушением всех моих честолюбивых планов. Только что я чувствовал себя частью древнейшей мистерии, только что я ощущал присутствие загадочных воинов Тай-Шин в недрах таежного Храма, от которого меня отделяла невидимая стена толщиной всего в несколько миллиметров... И все разом рухнуло. А Адучи сидел в нескольких шагах от меня и смотрел на это падение. Я тогда обвинил во всем случившемся его. И даже более того, я напал на него. Да-да. Кинулся с ножом. Ни к чему хорошему это конечно не привело. Он располосовал мне руку в двух местах. Словно давая понять, что я на самом деле только подошел к обучению, но ни начать его, ни тем более, закончить, у меня уже не будет никакой возможности. Мы тогда не очень хорошо расстались. Я психанул и уехал в Москву. Мне казалось, что с моими возможностями я смогу достичь в столице всего чего захочу. К тому же я вспомнил, как Максим рассказывал мне об использовании философии Тай-Шин в современном бизнесе. И тогда я решил использовать эту сферу в качестве компенсации, что ли... За все мои разочарования и потери. Я создал аналог Агентства, которое организовал когда-то Ковров, и которое приносило ему не только моральное удовлетворение. Но в свое время Ковров вдруг неожиданно свернул все работы в Москве и вернулся на Алтай. А я решил, что наследником, способным заменить его на этом поприще, я могу быть по праву. И все было просто отлично. Мы делали такие вещи, которые в Москве могли делать только единицы. Но полгода назад началась какая-то чертовщина. Агентство оказалось втянуто в конфликт такого уровня, о котором даже мы, профессионалы высочайшего класса и мастера уникальных технологий, и представить себе не могли. Агентство было уничтожено за считанные дни. Мне пришлось бежать. Но меня ищут. Ищут до сих пор, я чувствую это. Я уверен, даже тот факт, что полгода мне удавалось скрываться от моих преследователей, не остановит их и скоро, очень скоро они меня неизбежно найдут. Зачем, я не знаю. Но я чувствую, что если это произойдет, со мной случится нечто страшное. Даже более страшное, чем смерть. Поэтому, я скорее покончу с собой, чем позволю им добраться до меня. Если конечно мне не поможет Максим. Чем? Не знаю. Но он сказал мне, что был в сходной ситуации. Может быть именно поэтому несколько лет назад он так спешно покинул Москву и вернулся в алтайские горы? В этом случае у меня появляется шанс. Пусть минимальный, но я намерен им воспользоваться,

чтобы выжить. Однако Максим не хочет встречаться со мной. Возможно потому, что слишком драматичным было наше расставание. Или он продолжает опасаться меня. Или тех, кто следует за мной попятам. В любом случае я должен хотя бы попробовать с ним встретиться. Теперь ты знаешь почти все. И ты тоже можешь попасть точно в такую же ситуацию. Поэтому я прошу тебя о помощи...

Кюнеберг задумчиво посмотрел на две прозрачные льдинки, незримо тающие в огненной янтарной жидкости в его бокале, и перевел взгляд на улицу за окном, где в свете ярких солнечных лучей так же незримо таял тонкий снежный налет на асфальте, деревьях и крышах домов.

— Ты мне поможешь?

Кюнеберг медлит с ответом. Перед его внутренним взором мелькают образы событий, произошедших в последнее время. Хаос обретал какую-то смутную закономерность. Но, вместе с тем, все еще больше становилось путанным.

— Если Ковров не хочет с тобой встречаться, чем я могу помочь? Я же не знаю его истинных мотивов, как, впрочем, и твоих. Видишь, оказывается, я вообще многого не знаю.

— Он встречался со мной в сновидениях. Но ты же понимаешь, то, что происходит в сновидениях, не всегда может являться реальной встречей. Наш ум способен на создание еще и не таких иллюзий. Я должен быть уверен. Я должен встретиться с ним лично.

Кюнеберг встал и направился к стойке бара. Вернулся он с новой пачкой сигарет и новой порцией виски.

— Понимаешь, Гена, или как там тебя на самом деле? Я вот сейчас думаю о нашей с тобой роли во всей этой мистерии. И знаешь, какие мысли мне в голову приходят? О том, что Максим не случайно исчез. Помнишь, я рассказывал тебе о Волнах? Так вот, смотри, что получается. 1999 год — Нулевая Волна, первый Координатор — Санаев. Просто бредил поисками древней Силы. Исчез при весьма таинственных обстоятельствах. 2001 год — Первая Волна, второй Координатор, фамилию я не знаю, но знаю, что долго он с Ковровым не работал — проявилось несоответствие ожиданиям. Насколько мне известно, не реализовались амбиции кандидата на должность тайшина. Так вот, тайшин не состоялся, потому что имел своей целью весьма корыстный интерес. Далее... 2003 год — как оказывается, в алтайских горах готовился тайный ученик Тай-Шин. Закончилось все, ты знаешь чем. И, наконец, 2004 год — Вторая Волна — Клуб «Стая», который перестал существовать несколько месяцев назад. На самом деле мы достигли многого, но, тем не менее, Максим настоятельно рекомендует мне прекратить деятельность «Стаи», а сам исчезает. Понимаешь?

Мальцев, нахмутив брови, растерянно развел руками. Кюнеберг откинулся на спинку кресла и хмыкнул.

— А ведь кандидатов в тайшины могло быть гораздо больше, просто мы об этом ничего не знаем. Хотя... там тоже наверняка такая же картина.

— Почему?

Кюнеберг потер виски пальцами, словно раскладывая в виртуальном пространстве сознания, вновь образовавшиеся файлы.

— Ошибка людей в том, что они ищут не ту Силу...

Мальцев нахмурился.

— Вадим, у нас времени мало осталось. Понимаешь? Давай решать, что будем со мной делать.

Координатор Второй Волны печально посмотрел на него, задумчиво покачивая головой.

— Для того чтобы тебе встретиться с Максимом, нужно понять причины, по которым он не

хочет с тобой встречаться.

— А причем здесь поиски и ошибки людей?

Кюнеберг хмыкнул.

— Ну вот, видишь, как тебя подpiraет? А мы кто, не люди что ли? Вот именно в этом все и дело. Избранность. Понимаешь? Люди ищут в Тай-Шин не мудрости, нет. Они ищут там свое превосходство над остальными. Это неизбежное следствие самой человеческой природы. Сколько разговоров про духовный рост, высокие вибрации и пути света. Ты знаешь, я повидал множество людей, которые прошли через Движение. Все ищут Силу. Но не ту...

Мальцев отрешенно слушал собеседника, пытаясь осознать смысл сказанных им слов.

— Вадим, ты...

— Да ты послушай, что я тебе говорю. Это важно. Все люди владеют Силой, но не умеют ей управлять. Поэтому они думают, что ее у них нет, и одним из основных приоритетов в этой жизни становится ПОГОНЯ ЗА СИЛОЙ. Подсознательно люди воспринимают весь окружающий мир как враждебный. А раз мы воспринимаем мир как враждебный, мы должны постоянно контролировать его, превосходить, быть сильнее. Поэтому одно из самых потаенных человеческих желаний — стать круче остальных! И тут появляется Ковров со своими Сказками Тай-Шин... Эта мистерия привлекает людей, прежде всего, потому что тайно, в самой глубине души, люди думают, что могут получить от этих язычников нечто, что сделает их могущественными. Но Ковров рушит их ожидания, и не потому что он такой крутой, а потому что это особенность самого искусства Тай-Шин. Он говорит, что люди и так владеют Силой. Все. Только не умеют ей пользоваться. А для того, чтобы научиться нужно, прежде всего, изменить саму природу нашего мировосприятия, отойти от своего левополушарного Эго, от своего всепоглащающего Я. То есть, стоит людям отказаться от охоты за Силой, как они автоматически обретут ее! Поэтому создание Клубов оказалось бесполезным занятием. Обучать Тай-Шин можно сколько угодно, но обучить нельзя! Сила открывается естественным путем, но только после преодоления своих амбиций и желаний. Именно поэтому, основной стиль обучения тайшинов — это мифотворчество, изменение образа самого себя с помощью абстрактных историй. И, кроме того, — Кюнеберг поднял вверх указательный палец, — самой культуре Тай-Шин невозможно обучать, потому что это и не Учение вовсе, а родовое искусство мифотворцев, которое передается только от предков к потомкам!

Он замолчал и отпил большой глоток обжигающего виски. Мальцев, вконец запутанный непонятной логикой, молча смотрел на Кюнеберга, ожидая продолжения его внезапных откровений.

— Ты что, правда, не уловил?

— Что не уловил?

— Родовое искусство... — Вадим провел пальцем по кромке стакана, — Слушай, а он не говорил тебе про «зуб Волка»?

Мальцев кивнул.

— Говорил. Он и тренировать меня начал, потому что увидел у меня этот «зуб». А что это такое?

Кюнеберг значительно сдвинул брови.

— Тайшины могут чувствовать его. Насколько я знаю, если человеку сделать то ли энцефалограмму, то ли кардиограмму, я не помню точно, то там можно обнаружить своеобразные искривления, не свойственные обычному рисунку частотной характеристики. Это и есть «зуб Волка», отличительная черта, свидетельствующая о том, что человек уже не является четко зафиксированным в своем образе существом.

Мальцев глубоко и шумно вздохнул, мучительно закатив глаза.

— А кем же он является?

Кюнеберг улыбнулся.

—оборотнем...

Они опять приехали на Речной Вокзал. Мальцев сказал, что это место оказывает на него какое-то особенное воздействие. Кюнеберг возражать не стал. Ему тоже нравилось смотреть на заснеженную гладь реки. Но на этот раз они встали не на самой набережной, а на площадке моста, откуда открывался потрясающий пейзаж. Они сидели, беседуя, в салоне серой «девятки» довольно долгое время, и сумерки уже стали медленно сгущаться над Барнаулом.

— Я чувствую, они где-то совсем близко... — Мальцев поежился, хотя в салоне «девятки» было жарко, — Они меня вычислили.

Он посмотрел на Вадима и пояснил:

— Я раскрылся. Думал, что найду Макса и дело либо сдвинется, либо все, финал. Но Макс опять исчез, поэтому Харты не замедлят появиться. Они скоро будут здесь. Может быть, даже сегодня.

Оба пассажира автомобиля непроизвольно осмотрелись, но вокруг никого не было, машина стояла на мосту в одиночестве. Кюнеберг напряженно размышлял. Мальцев обреченно усмехнулся.

— Слушай, а почему ты сказал, что Макс сошел с ума?

Координатор «Стаи» пожал плечами.

— Все оборотни сходят с ума. Это обязательное условие перемен.

Они посидели еще какое-то время молча. Их общение напоминало встречу выпускников, когда вспоминались прошлые годы, восстанавливались в памяти уже позабытые истории и происшествия. Они словно воссоздавали целостную картину происходящего, видимого до этого с различных точек зрения. Кюнеберг пояснил:

— Волновая биофизика. Человеческий мозг излучает, причем примерно на одной частоте. Это и объединяет людей в общество. «Бета-уровень», примерно около 20 Гц, это частотная характеристика бодрствующего сознания. Коллективное Поле, порождаемое людьми, тоже обладает своим Сознанием, причем Сознанием, контролирующим умы своих множественных создателей. Макс называет его Система. Так вот, Система контролирует людей, внушая им определенные информационные шаблоны. Любой, кто выбивается из этой схемы, автоматически подвергается силовому воздействию со стороны Системы. Тот, у кого меняется частота излучения, становится таким изгоем. Поэтому искусство Тай-Шин было создано как раз для того, чтобы его адепты могли сознательно управлять частотой своего восприятия. То есть, они могут одинаково комфортно ощущать себя в мире неведомого и в мире людей. Но для этого нужно сначала «сойти с ума», изменить привычные параметры излучения. А уже после этого научиться возвращаться на прежние позиции. Это и есть «эффект оборотня». Тайшины — это оборотни сознания.

В автомобиле опять возникла пауза. Нарушил ее Мальцев.

— А кто же тогда в этой схеме Харты? Охотники за оборотнями?

Кюнеберг молча развел руками. Аргус понимающе кивнул.

— Вадим, скажи мне только, Макс здесь, в городе?

Кюнеберг закрыл глаза. Это могло значить только одно — эта тема была запретной для обсуждения.

— Вадим, через несколько часов меня уже скорее всего не станет. Харты рядом. Они то уже точно здесь, в Барнауле. Я их чувствую. Поэтому давай прощаться. Нам больше не о чем разговаривать. Передай Макс, что я приношу ему свои извинения. После беседы с тобой я

многое понял. Но это уже ничего не меняет.

Он протянул Координатору руку. Но Кюнеберг ему руки не подал. Он лишь посмотрел на собеседника, словно приняв какое-то решение.

— Если Максим не хочет встречаться с тобой в своем физическом теле, значит, у него есть на это веские причины. Я могу устроить тебе встречу с ним, но она будет не в этом мире.

Мальцев задумчиво посмотрел на темнеющий горизонт за окном автомобиля.

— Сновидения? У меня уже не хватит ни времени, ни сил чтобы войти туда, и уж тем более найти там Адучи.

Кюнеберг улыбнулся и повторил, будто не слыша собеседника:

— Я могу устроить тебе встречу. Это все что я могу для тебя сделать.

Он завел автомобиль и подмигнул Мальцеву.

— Там где сейчас стоят дома, раньше были поляны, исполненные мистического значения, особые Места Силы. Время прошло, а волшебство осталось. В Барнауле есть такое место, где сны становятся явью...

Небольшие колеса «девятки» с трудом пробивались сквозь вязкую кашницу мокрого снега, застилающую дорогу. Водитель внимательно следил за дорогой, рассказывая пассажиру о цели их поездки.

— В истории Барнаула немало тайн. Мы сейчас едем как раз в район старого города, туда, откуда он взял свое начало. Там стоял сереброплавильный завод. На Барнаулке, мелкой речке, текущей через городскую черту, была построена запруда. Я видел старую фотографию. На том месте, куда мы едем, когда-то было большое озеро. Сейчас там твердь, и в этом месте происходят весьма странные вещи.

Автомобиль свернул с проспекта и, преодолев несколько основательных сугробов, навороченных массивными колесами внедорожников, остановился около небольшой впадины. Кюнеберг глубоко вздохнул.

— Прибыли.

Мальцев удивленно осмотрелся.

— Здесь? И как дальше? Прямо из машины?

Координатор усмехнулся.

— Извини, в бардачке нет Корчуна, но он и не нужен. Мы никогда не пользовались Мерцающей Травой. На этом месте она и не понадобится.

— Да? А по-моему, Корчун бы сейчас не помешал.

Кюнеберг пожал плечами.

— На самом деле Корчун это обычная трава. Максим рассказывал мне о ней. Самая обычная трава! Она растет под ногами даже у самых обычных туристов отдыхающих на обочине алтайской дороги. Ее секрет в другом. Эффект зависит от момента сбора — несколько часов после определенного момента уже снова делают ее обычной травой. Но самое главное — это технология приготовления и приема. Понимаешь, помощь всегда вокруг нас. Нужно только научиться ее увидеть и использовать.

Он прибавил мощность печки и оба сновидца откинули спинки сидений, поудобней устраиваясь на ночлег. И если один закрыл глаза, то второй еще долго смотрел сквозь тонированное стекло «девятки» на темнеющие контуры окрестных домов и низкое небо, устланное дымной пеленой ночных облаков.

Сны сменяли друг друга, будто невидимый оператор торопливо менял фильмы в проекторе. Вот какой-то серый город. Улицы пустынные и безлюдные. Вспышка. Станный лес, с

растительностью ярко фиолетового цвета. Вспышка. Полет над незнакомым двором, деревья, провода, птицы...

Очередной сон. Они идут вместе с Ириной по тропинке, пролегающей через целое поле цветов. Какое прекрасное Сновидение! Аргус смеется. Он обнимает жену и кружится с ней среди цветов, а она крепко прижимается к нему, уткнувшись лицом в его плечо.

Все, что произошло с ними там, в этом призрачном и жестоком мире казалось жутким сном, кошмаром от которого они, наконец, пробудились. Когда солнце начало клониться к горизонту, они вышли к реке. От воды тянуло свежестью. Аргус обнял Ирину, с восторгом вдыхая запах ее волос. Каким глупцом он был. Не ценил всего этого. Вся жизнь прошла в каких то мутных разногласиях, спорах, подозрениях, страхах, ревности. Бред. А на самом деле для счастья им нужно было так немного. Ради этих мгновений можно было без колебаний отдать всю прежнюю жизнь.

Он обнял ее, нежно прижимаясь к самому дорогому существу в своей жизни, и тихо прошептал:

— Я тебя очень сильно люблю!

Ирина наклонилась к воде и, зачерпнув ее ладонью, плеснула хрустальными брызгами в мужа. Он засмеялся и, схватив жену в объятия, закружил на речном берегу, не в силах больше сдерживать крик восторга. Вдруг Аргус остановился и медленно опустил Ирину на землю. Она проследила направление его и взгляда и улыбнулась:

— Ой, смотри, кто это? Какой милый мальчуган с собакой.

Аргус, прищурившись, рассматривал стоявшего невдалеке мальчика и сидевшую рядом с ним черную овчарку. Вспышка. Полет над озером. Яркий свет. Вспышка.

Сумерки. Скоро рассвет. Вокруг лежит снег. Заснеженный берег и заснеженная Катунь. Аргус узнал это место. Они были здесь с Адучи. Тогда, перед поездкой в горы, когда прекратилось его обучение. Но он помнил это место при свете солнца. Что привело его сюда ранним утром в этом странном Сновидении?

— Это не Сновидение.

Аргус стремительно обернулся и увидел Коврова. Тот сидел на большом валуне, всего в нескольких шагах от него. На этот раз тайшин был в своем обычном теле, одетый в обычную зеленую ветровку и темные брюки.

— Это не Сновидение, — повторил он и кивнул Мальцеву головой на место рядом с собой. Аргус еще раз удивленно осмотрелся, хотя на самом деле удивляться за последнее время он разучился окончательно.

— Почему здесь зима? Ты не мог перенести нас в более комфортабельное место?

— Здесь зима, потому что в материальном мире зима. Здесь утро, потому что в материальном мире утро. Мы в реальном мире и в реальном времени.

— Но я же чувствую что это Сновидение.

— Ты так считаешь, потому что до сих пор находишься в теле Сновидения, но в реальном мире и в реальном месте, правда, за много километров от своего физического тела. Это — КЭРСО, Истинный Мир Сновидения. Здесь Харты не смогут нам помешать.

— Ты... знаешь?

Ковров качает головой.

— Конечно. Я и тогда знал это, когда отговаривал тебя ехать в Москву. Но это было неизбежно.

— Но ты ничего не говорил мне про Хартов!

— Я говорил, но ты как всегда не слышал. Твой ум был занят более важными для тебя

вопросами.

— Ну хорошо, если ты знаешь про них, может ты поможешь мне?

— Чем?

— Мне нужна информация.

— Спрашивай...

Они развели костер на берегу реки. Ковров очень любил именно это сочетание стихий, превратившееся у него в своеобразную визитную карточку, ритуал, стиль жизни. Мальцев сидел у огня и смотрел на своего бывшего наставника, лицо которого было наполовину скрыто под капюшоном ветровки.

— Кто такие Харты?

Адучи кивает, словно ожидая этот вопрос.

— Харты — это Охотники за Чужаками.

— Охотники за Оборотнями?

— За Оборотнями сложно охотиться. Хотя Оборотни и относятся к категории Чужаков, Харты охотятся в основном за отступниками, теми, кто начинает отвергать контроль Системы.

— Поэтому они называют себя Защитниками Человечества?

— Они оберегают интересы человеческого Общества, Системы.

— Насколько я понимаю, Чужаки это те, кто «сошел с ума»?

— Чужаки — это люди, которые по той или иной причине выбились из-под влияния Системы. Человеческий мозг в бодрствующем состоянии излучает примерно в одном частотном диапазоне — это называется «бета-частота». Именно этот диапазон контролирует Система. Как только человек меняет частоту, Система автоматически считает его Чужаком.

Мальцев вспоминает все, что он слышал про уровни сознания от Кюнеберга.

— Постой, но ведь «альфа-частота», то есть состояние грез, фаза быстрого сна — это тоже смена подконтрольного Системе диапазона?

Адучи кивает ему.

— Да.

— Но ведь тогда получается, что все люди, ложась спать, уходят из-под контроля Системы? Ведь все люди по несколько раз за ночь впадают в «альфа-состояние»? И даже еще глубже, в «дельта» и «тета» ритмы?

— Совершенно верно.

— Значит все люди, засыпая, становятся Чужаками?

— Нет, не все. Человек не может постоянно бодрствовать, у него есть естественная потребность менять ритм своего сознания. Для Системы это является катастрофой. Она оказывается перед дилеммой — с одной стороны она не может позволить человеку уходить из-под контроля, с другой, не может позволить человеку погибнуть от психофизического истощения, вызванного отсутствием сна. Другими словами она не может лишить человека сна, но и допустить, чтобы он менял частоту не может. Поэтому, вся структура Системы построена таким образом, чтобы в течение времени бодрствования настолько истощить Силу человека, чтобы после смены частоты и ухода в сон у него не было никаких шансов начать осознавать себя на другом частотном уровне. То есть человек именно поэтому не имеет власти над снами и над их осознанием, потому что у него просто не хватает энергии, Силы. В течение дня он тратит Силу на реализацию программ, созданных для него Системой. Так Система обезопасила себя от потери контроля над людьми. Но, если бы человек накопил достаточно энергии и научился работать со своим сознанием, он бы получил возможность входить в сны осознанно, не теряя осознания текущего момента и управляя течением снов. Такие сны уже называются Сновидениями. Именно в них и кроется самое ужасное для Системы — свобода восприятия

человека, его истинное могущество.

— И такие люди являются Чужаками?

— Да, но их очень сложно отследить. Когда такой человек начинает осознавать Сны, Система не может этого узнать, ведь она работает совершенно в ином частотном режиме. Например, когда ты в бодрствующем состоянии выпадаешь из «бета-ритма», понижая частоту своего мозга, занимаясь медитацией или созерцанием, Система на какое-то время теряет тебя, но фиксирует твой «уход». Когда ты «возвращаешься», она начинает наблюдать за тобой. Сон — это естественный «уход». Поэтому оборотни научились ускользать из-под контроля Системы, проводя ночное время в совершенно невероятных мирах, а поутру опять возвращаясь в социум. Тайшины стали жить полноценной жизнью в обоих мирах. Но многие люди этого сделать не могут. Открыв для себя Сновидения, они с трудом адаптируются к прежней жизни в социуме. Вот именно для таких «беглецов» Система и создала Хартов. Харты — это «спецназ» Системы. Их интересуют Чужаки, которые получают возможность осознанно выходить за границы человеческой обусловленности. Система отторгает таких Чужаков, но некоторым из них предлагает возможность остаться в рамках социума на условиях взаимовыгодного сотрудничества.

Мальцев почувствовал, как от избытка новой информации его осознание стало нестабильным, но видимо это место обладало какой-то особой притягательной силой, потому что Сновидение не текло и не изменялось.

— Значит... Харты могут путешествовать по Снам?

— Да. Они выслеживают тех, кто осознают сны. Это лазутчики Системы в мире Сновидений.

— Значит, от Системы не спрятаться даже в Сновидениях?

Адучи смеется.

— Нет. Диктат Системы очень ограничен. Он — всего лишь стиль мышления. Не более. Измени стиль мышления, и диктатура Системы рухнет.

— Но Харты...

— Хартов не так уж и много на самом деле, их всего лишь несколько десятков, не более. Они не могут контролировать человека в Сновидениях, потому что Миры Сновидения безграничны, их множество. Хартов интересуют лишь некоторые Чужаки, особенные «диссиденты». Те, кто, получив в Сновидениях доступ к необычным возможностям, при возвращении в социум начинает активно этот социум переделывать. Кто-то начинает пропагандировать новую религию, кто-то реализовывать свои потаенные желания и страсти. Вот такие люди становятся объектом внимания Хартов. Погоня за Силой и Властью — вот истинный бич для человеческого сознания. В одном древнем тексте говорится: «Если человек не думает, что он достиг чего-то сверхъестественного, то это хорошо. Если человек думает, что он достиг чего-то сверхъестественного, тогда он привлечет демонов». Воистину это так...

Мальцев опять чувствует дрожь во всем теле.

— А как они выбирают кандидата в Харты?

Адучи встал и прошелся около костра.

— Они ищут героев...

Мальцев тоже хотел встать, но передумал — он вдруг почувствовал, что если встанет, то сразу потеряет контроль над сном.

— В каком смысле?

Прикрытое капюшоном лицо тайшина повернулось к нему.

— В прямом. Таких как ты...

Мальцев удивленно посмотрел на Адучи.

— Макс...

— Тс-с... Не произноси моего имени. Здесь нет имен. Это место для оборотней.

— Хорошо. Извини. Но мне непонятно о чем ты говоришь. Какой я герой?

— Твоя проблема в том, что ты не хочешь признаться себе.

— В чем? В чем я должен себе признаться?

Адучи замолчал, но его молчание длилось недолго.

— Ты никогда не задумывался, почему я начал тренировать тебя?

— Вадим, тот, что помог мне встретиться с тобой, намекнул, что это может быть как-то связано с «зубом Волка». Что это такое?

— «Зуб Волка»? Это маленький, незаметный зубец на графике специальной нейрограммы

— Х-динотор. Однако, несмотря на свои размеры, он весьма точно указывает на принадлежность человека к Сумеречному Роду.

— Сумеречному Роду?

— На самом деле люди очень разнородны по своей принадлежности. Несмотря на кажущуюся одинаковость и схожесть физиологических параметров, люди делятся на Роды. Сумеречные Люди организовали Клан Волка много сотен лет тому назад.

— Значит... Я принадлежу к Сумеречному Роду?

— Я так и подумал когда получил результаты сканирования, которые мы сделали тайком от тебя. Но потом, после предварительного курса занятий, я понял что ошибался.

— Что это значит? Ведь у меня есть «зуб Волка»?

— Есть, но это не Х-динотор. Это имитация. Люди, владеющие Х-двойником, обладают некоторыми свойствами Сумеречных людей, но они ими не являются. Именно таких имитаторов и разыскивают Харты. Именно они вызывают их особый интерес, потому что они могут иногда заглядывать в Сумеречный Мир — мир между Нижним и Верхним Мирами. Мир, который находится за гранью Серединного Мира, и в котором власть божеств ограничена. Именно из этих людей получают самые лучшие Харты. Но если Сумеречные люди — Джаксины, владеют ИТУ-ТАЙ — Законом Равновесия, позволяющим им соблюдать Высшие Законы Мироздания, то Харты являются угрозой этим Законам, потому что признают только один закон, которому служат — Закон Системы.

— Постой... Так значит... Харты поэтому и охотятся за мной? Значит, это правда и я — один из них?

Адучи молча смотрит на него.

— Я — Харт? — повторил свой вопрос Аргус, пытаясь заглянуть в темноту капюшона.

— Нет. Ты не Харт. Но ты можешь им стать.

— Я так понимаю, что альтернатива инициации в Харты весьма четко определена?

Тайшин развел руками.

— Два выхода остаются только у тех, кого проглотил Дракон. Это следствие дуальности сознания, свойственной людям. Для оборотня горизонт открыт во всех направлениях. Ты же сам загоняешь себя в пасть Дракона. В тебе слишком много скрытого страха и самолюбия.

Мальцев сразу вспомнил эту фразу и то путешествие к храму Тай-Шин в запутанных лабиринтах Миров Сновидения. Адучи, казалось, прочитал его мысли, потому что кивнул и тихо проговорил:

— Никто не виноват в том, что ты не смог войти тогда в Храм. Силу Тай-Шин невозможно обмануть. Она пронизывает покровы и видит твою истинную сущность. Тебе сложно признать это, но ты всегда хотел только одного — признания себя Героем, спасителем человечества. Все это время ты стремился оказаться лучше меня. Все твои усилия были направлены не на поиск своего Пути, а на превосходство моего. Это очень характерно для людей. Ты всегда стремился

мне доказать что ты сильный, что ты сильнее меня, что ты достоин стать тайшином и вступить в контакт с моими Наставниками, которые, конечно же, обязательно оценили бы твой истинный потенциал. Ведь так?

Мальцев хотел возразить, но почувствовал, что пытается бороться с чем-то, что поднималось изнутри невидимой, но ощутимой волной. Адучи продолжал. Он словно влез в его подсознание, вытаскивая оттуда, на манер фокусника, похожие на цирковых кроликов потаенные страхи и комплексы. Мальцев понял, что если он будет препятствовать этому процессу, то вылетит из Сновидения как пробка из бутылки, но и спокойно наблюдать за этим унижительным зрелищем было невозможно. Он сжал руки в кулаки, будто удерживая себя на месте.

— Но если ты подсознательно соревновался со мной, представляешь, что бы произошло, ели бы ты встретился с кем-нибудь из моих Наставников?

Мальцев вспомнил свой безотчетный бросок и ответный удар ножом, повредивший ему сухожилие на руке. Адучи подошел к нему вплотную и приблизил свои глаза к его глазам.

— Единственная возможность для тебя избежать трансформацию в Харта, — это избавиться от своего раздутого и подавляющего ЭГО. Пока ты сражаешься с миром вокруг, в тебе будет существовать что-то, за что Харты зацепят тебя, предлагая стать одним из них.

— Но... я... люблю этот мир.

— Да, ты любишь его, но только в одном качестве — в качестве спасенного тобой, должного тебе, признающего тебя Важным! Но твоя проблема в том, что ты даже не знаешь от кого его необходимо защищать. Всю свою жизнь ты был так увлечен своей персоной, что шел вперед, не замечая ничего. Героям некогда отвлекаться на мелочи, ведь их ждут подвиги! Но мир постоянно пытался предупредить тебя. Парадокс человечества — любя окружающий мир, люди практически уничтожили его. Вспомни! Тайга пыталась убить тебя. Но ты смог убить тайгу, уничтожив ее наемного убийцу. Мертвые пытались открыть твои глаза на истинное положение вещей, но ты умудрился убить даже мертвых. Даже твоя жена пыталась убить тебя, потому что этот мир устал воевать. А в твоей душе живет тяга к героизму, тяга к ратным подвигам, которая зажигает дымные костры войны на земле. Ты — Харт в душе, просто еще не хочешь этого признать. Когда ты встретишь одного из них, того, кто сможет убедить тебя в этом, ты поймешь, о чем я говорю. Но ты должен запомнить кое-что, прежде чем мы расстанемся. Харты считают, что они защищают свой Дом. Уютный Дом, даровавший всем нам жизнь. В этом и кроется их основное заблуждение...

Тайшин опять вернулся на свое место и сел к огню.

— Пока ты не познаешь истинной, безответной Любви. Пока ты не познаешь что такое прикосновение Богини, у тебя никогда не будет настоящего Дома. Только лишь суррогат, иллюзия, заполненная диктатом и ложью. Потому что без Хозяйки эта планета — пуста...

Мальцев почувствовал что задыхается. Адучи взял его за руки и прошептал несколько слов на незнакомом языке. Сразу стало легче. Он перевел дыхание.

— Харты могут прийти сюда?

Ковров отрицательно помотал головой.

— В своих телах Сновидения — нет. Хартам недоступно Кэрсо. Система боится упустить Хартов, поэтому она снабдила их своеобразными предохранителями, не позволяющими уходить дальше Миров Сновидений которые относятся к сфере нашего сознания. Кэрсо — это нечто иное. Это один из слоев «матрешки», из которых состоит привычный для нашего сознания материальный мир. Именно поэтому у меня была лишь единственная альтернатива, привести тебя в место моего пребывания через Кэрсо. Я здесь живу последние несколько недель. Но они могут прийти сюда в физических телах, а на это необходимо определенное время. Поэтому пока

нам ничего не угрожает.

Мальцев повернул голову в сторону реки и тихо попросил:

— Расскажи мне про Богиню...

Адучи тоже посмотрел на реку, и задумчиво проговорил:

— Про нее невозможно рассказывать. Ее можно лишь ощутить.

— Но как?

— Я знаю одно — это самый большой ужас Хартов. Они боятся появления Богини в этом мире. И именно поэтому они преследуют тайшинов. Они считают, что если тайшины откроют Богине дорогу в этот мир, человечество погибнет.

— Но если Богини нет в этом мире, то, как я смогу прикоснуться к ней?

— Ответ на этот вопрос ждет тебя в ближайшем будущем.

— В будущем? Когда я вернусь, то встречу с ними. И боюсь что Харты не оставят мне времени ни для какого будущего. Ты как всегда отказываешься мне помочь?

Адучи всплеснул руками.

— Да когда ты поймешь, наконец, что никакая помощь тебе не нужна! Харты лишь создают иллюзию невозможности выбора. На самом деле все в наших руках. Я желаю тебе сделать правильный выбор. Открою тебе напоследок еще один секрет. Он очень простой, но именно с помощью него можно периодически становиться для Системы невидимкой. Когда ты чувствуешь, что твои мысли тебе не принадлежат, остановись.

— В каком смысле?

— Останови свой внутренний диалог. Смени частоту. Для этого подходит все что угодно — медитация, созерцание, потрясение красотой, расфокусировка зрения. Все что угодно. Главное сбить частоту той радиостанции, которая вещает нам с детства, указывая куда дальше идти и как дальше поступать. Слушай голос своего Сердца. Он не обманывает. Никогда.

— Но ведь ты сам говорил, что Система начинает присматриваться к человеку, меняющему частоту.

— Да ну и пусть! Видишь ли, не смотря на то, что я оперирую понятием «Система», я до сих пор сам не знаю что это такое. Это невозможно понять, но можно почувствовать на себе ее прикосновение. Система огромна. Ее власть распространяется на все континенты. Я думаю, она создана из невидимых психоэнергетических полей, связанных с жизнедеятельностью человека. И для того чтобы поддерживать свое существование, она вынуждена постоянно стимулировать эмоции людей, содержащие в себе огромный психоэнергетический заряд. Мне кажется, что потенциал здесь не играет особой роли, важным является сила эмоции, ее интенсивность, насыщенность. Если сравнивать положительные и отрицательные эмоции людей, как ты думаешь, какие будут более сильными?

Мальцев задумался на мгновение.

— Сложно сказать.

— Да ничего сложного, — Адучи поворачивается к сновидцу, — люди не умеют радоваться, они боятся быть счастливыми. Они даже примету придумали — «много смеешься — не к добру!». Представляешь? Люди боятся смеяться! Любая радость отягощена ожиданием горя, любой успех отягощен страхом зависти и сглаза, любая мечта отягощена грядущим разочарованием. А вот в негативных эмоциях силы предостаточно. Именно поэтому Системе выгодны войны, страдания, слезы. Она ничего не может поделаться — ею движет закон системной безопасности, когда она вынуждена обеспечивать свою жизнедеятельность самым эффективным способом.

— И что, ты думаешь, если люди научатся по настоящему радоваться, Система перенастроит свою структуру и будет стимулировать людей на счастье и веселье?

Адучи смеется.

— А почему бы и нет?

Мальцев сомнительно хмурится.

— Ты же понимаешь что это утопия?

Адучи водит руками над огнем костра.

— А вот сейчас я действительно открою тебе настоящую Тайну. Это мой тебе подарок на прощание. Дело в том, что когда Бог сотворил человека на этой Земле, он дал ему уникальнейший дар! Самый ценный дар в этой Вселенной! Не догадываешься, что это?

Мальцев раздумывает.

— Способность любить?

— Ну вот, ты опять говоришь заученными фразами, даже не понимая их истинного смысла. Способность любить является следствием этого дара...

— Ну...

— Ладно, не буду тебя напрягать. Бог дал человеку Свободу Выбора! Понимаешь? Свободу быть кем угодно! И даже Бог, подарив человеку этот подарок, не может влиять на человеческую судьбу. Что же тогда говорить о какой-то Системе...

— То есть, ты хочешь сказать, что Система на самом деле не властна над нами?

— Ну конечно! С помощью нашего намерения мы можем выбирать любое из направлений в этом мире! Это наша врожденная особенность. Мы можем выбирать любой из вариантов этой жизни, а Системе придется подстраиваться под наш выбор и вписывать этот вариант в свой сценарий.

— Так это получается, что, становясь жертвами Системы, мы всего лишь проявляем свой выбор быть жертвами?

Костер полыхнул вверх обжигаящим крылом огня, будто подтверждая слова сновидца.

— Вот и все! — Адучи развел руками, — это и есть самая великая тайна на планете. И не надо никаких Учений и иерархий, чтобы ее понять. Просто с детства нам внушают, что мы являемся существами зависимыми, и мы, вырастая, продолжаем выражать наше намерение жить такой жизнью, не понимая, что эти голоса в наших мыслях не всегда являются нашими.

— Так что же делать?

— Принять ответственность за свою жизнь на себя. Перестать искать виноватых и пастырей. Услышать голос своего истинного Я. А этот голос можно услышать, только научившись прислушиваться к своему сердцу.

Тайшин наклонился, и, зачерпнув ладонью рыхлый снег, размял его в пальцах,

— А кем ты мечтал стать в детстве?

— Я не помню...

— Это слишком банальный ответ для кандидата в оборотни.

— А ты? Ты кем мечтал стать?

— Вопросом на вопрос, тоже банально. Ну, ты что?..

— Ну, давай, скажи мне напоследок. Может, если ты скажешь, я тоже вспомню свою детскую мечту?

Ковров протянул руки к огню. Отсветы бродили причудливыми тенями по его лицу, и Мальцев сразу вспомнил ту ночь страшных историй в лагере туристов. Ковров что-то тихо прошептал, и костер сразу стал ярче, словно откликаясь на слова друга.

— Я мечтал стать Сказочником. Но потом понял, что сказки сами по себе скучны, и решил оживить их. Так я решил стать Волшебником. Мечтал сидеть у костра на берегу реки, не думая об опасности и наслаждаясь миром вокруг. Мечтал гулять по лесу с собакой. Спокойно спать ночью. Вечером любоваться закатом, а утром — восходом. Общаться с близкими людьми и не

считать время, отпущенное на жизнь.

Он замолчал. Мальцев поворошил длинной палкой угли.

— И что, сбылось?

— Потом оказалось, что быть Волшебником в этом мире достаточно хлопотно и опасно. Общество не нуждается в Волшебниках. Люди чувствуют себя ущемленными и напряженными рядом с ними. Тогда я запечатал эти желания глубоко в подсознании, подобно драгоценному кладу, скрытому от посторонних глаз, и решил воевать с таким Обществом. Я решил стать Воином. Однако воевать с родными и близкими тоже было довольно болезненно. И я решил, что совершу какой-нибудь невероятный подвиг, и Общество признает меня Героем. И вот тогда все мои враги, все мои родные и близкие тоже признают мое мнение... Ты никогда не задумывался, почему все дети мечтают стать Великими, или хотя бы, Значимыми, но большинство становятся посредственными неудачниками? И вообще, почему большинство людей, такие интересные в детстве, становясь взрослыми, превращаются в голодных, хитрых, коварных и тупых существ?

Мальцев развел руками:

— Потому что они люди...

Ковров хлопнул в ладоши.

— Именно! Следовательно, для того, чтобы перестать быть такими неприглядными созданиями, что им необходимо сделать?

— Перестать быть людьми?

— Нет, им нужно перестать быть зависимыми людьми.

— Но ведь нужна альтернатива. Не все могут позволить себе стать оборотнями.

— Для тайшина стать оборотнем, это значит стать свободным. Стать оборотнем, это научиться выходить из под диктата социальных шаблонов. А это могут все, но все себе это позволяют. Если бы я остался Воином, Система бы придумала назначение моему воинственному настроению. Став оборотнем, я получил возможность становиться кем угодно. Я научился понимать язык ветра и голос огня, шепот реки и шелест деревьев, общаться с животными и понимать других людей. Стать оборотнем, это не значит отказаться от своей человеческой природы. Наоборот, это значит стать истинным самим собой, потому что оборотень — это наша истинная сущность. Стать оборотнем — это значит освободить свое восприятие, это значит перестать находиться в плену иллюзий относительно собственной природы, это значит найти выход из ловушки нашего ума, из тюрьмы видимого материального мира. На самом деле нам доступно гораздо большее. Вот только сбежать из этой тюрьмы достаточно сложно, потому что ее охраняют очень опытные часовые. Однако это возможно. Все что для этого нужно — освободиться от лишнего веса, чтобы стать легким, а потом оседлать Ветер и полететь вместе с ним домой, туда, где в пыльных сундуках нас ждут наши истинные мечты.

Треск костра сгладил неловкое молчание, возникшее после последних слов Адучи. Он встал и посмотрел на Мальцева.

— Так кем ты хотел стать?

Мальцев смущенно заерзал на своем месте.

— Воином. Самым великим Воином на земле.

Ковров многозначительно кивнул.

— Понятно. Я так и подумал. Прощай. Возможно, мы еще увидимся. Удачи тебе...

Он развернулся и медленно пошел в направлении видневшихся вдалеке домиков туристической базы, на которой Ковров жил все последнее время. Мальцев остался сидеть у огня. Он просто не знал, что ему теперь делать. Он остался один в новом, незнакомом мире Кэрсо, так сильно похожим на знакомый мир. Какой-то посторонний звук возник в пространстве раздражающей дробью. Мальцев вздрогнул и прислушался. Стук повторился.

Мальцев осмотрелся, но источника подобных звуков вокруг не было. Он закрыл глаза, чтобы вычислить направление, в котором скрывался невидимый барабанщик. Но когда вновь их открыл, то понял, в чем было дело. Горный Алтай и заснеженная Катунь растворились, растаяли как очередной сон. А он сидел в теплом салоне «девятки», медленно шевеля руками и ногами и моргая заспанными глазами. На улице было еще темно, но солнце уже зажгло небо на горизонте слабым оранжевым заревом. Стук повторился. Вздрыгнул и проснулся сидевший на водительском кресле Кюнеберг. Мальцев повернул голову и увидел, что около автомобиля стоят люди в форме сотрудников ДПС. Один из них настойчиво постукивал чем-то твердым по стеклу. А когда Кюнеберг открыл фиксатор замков, двери стремительно открылись и его практически вытащили из салона, как успел заметить Владислав, вооруженные автоматами АКСУ милиционеры. Мальцев выпрямился, но с его стороны дверь осталась закрытой. Сквозь грязное стекло ему было видно, как сотрудники проверяют у Координатора «Стаи» документы. Через минуту дверь со стороны водителя опять открылась и в салон «девятки» сел человек в штатском. Мальцев пригляделся к нему и онемел от неожиданности. Рядом с ним сидел... полковник ФСБ, начальник Комитета по контролю стратегических наукоемких производств, Скоков Борис Леонидович.

— Упс... — растерянно пробормотал Мальцев, не зная как реагировать на неожиданную встречу.

Скоков поморщился.

— Так обычно говорят в американских фильмах, которые я не очень люблю. Все эти «упс», «уау», «уф»...

Мальцев хмыкнул.

— Действительно, в последнее время меня пробивает на банальности. Это я от избытка впечатлений. Как вы меня нашли?

Скоков пожал плечами.

— Работа такая. У нас очень мало времени, Владислав Сергеевич. История с этими «инками» зашла слишком далеко. Нам необходимо ваше непосредственное участие.

— Но я...

Скоков решительно похлопал бывшего директора Агентства Корпоративной Безопасности по руке.

— Эта история на самом деле зашла слишком далеко — на уровень интересов национальной безопасности. Понимаете? Как вы думаете, если я потратил столько усилий чтобы вас отыскать, есть ли у вас возможность размышлять — принимать мое предложение или нет?

— Да нет, вы не поняли, Борис... простите...

— Леонидович.

— Борис Леонидович. Я сам нахожусь в весьма щекотливом положении. Вопрос моей безопасности...

— Вопросы вашей безопасности теперь находятся в моей компетенции. Поверьте, теперь, вам ничего не угрожает. Пойдемте, Владислав Сергеевич, у нас на самом деле совершенно нет лишнего времени.

— А что будет с ним? — Мальцев кивнул на Кюнеберга, стоявшего на улице в окружении вооруженных милиционеров.

— А что с ним будет? Ничего. У нас нет к нему абсолютно никаких претензий. Так, стандартная процедура отсекаания. Мы его не задерживаем.

Они вышли на морозный воздух. Мальцев сразу встретился с Кюнебергом глазами. Во

взгляде Координатора читалось спокойное понимание ситуации. Он чуть заметно кивнул Аргусу, словно предупреждая о чем-то, а затем показал взглядом на людей в форме и улыбнулся, будто комментируя недавний разговор о Системе и ее проявлениях. Мальцев глубоко вдохнул утреннюю прохладу и перевел взгляд на Скокова. Тот показал ему рукой на черный тонированный «Мерседес» припаркованный неподалеку. Мальцев подумал, что, наверное, именно такие ощущения должны были испытывать в середине прошлого века люди, которых приглашали в зловещие черные автомобили сотрудники НКВД. Он кивнул и обошел «девятку», махнув на прощание Кюнебергу рукой. Милиционеры уже садились в патрульный ГАЗ, тоже припаркованный неподалеку. Почему-то опять садиться в салон автомобиля совсем не хотелось. Мальцев с жадностью глотал свежий воздух, как пловец, поднявшийся из глубины, но никак не мог утолить этот голод.

Когда они подошли к «Мерседесу» дверцы открылись, из чего можно было сделать вывод, что внутри еще кто-то был. Прежде чем сесть в нагретый салон, Мальцев наклонился и посмотрел на находившихся в автомобиле людей. Он не сразу разглядел в сумерках их лица, но ощущения уже включили сигнал тревоги. Спустя мгновение Аргус замер, пораженный увиденным — из полутемного салона на него, улыбаясь, смотрел... Директор фирмы «ИНИС», полуазиат, возглавляющий один из самых мощных синдикатов «инков» на российском пространстве.

Мальцев медленно, словно находясь в ступоре, перевел взгляд сначала на Кюнеберга, который продолжал стоять около своего автомобиля, а затем на Скокова. Но полковник был спокоен и тоже улыбался.

— Не беспокойтесь, Владислав Сергеевич, Вам ничего не угрожает. Не делайте глупостей. Садитесь в автомобиль.

Когда дверцы «Мерседеса» захлопнулись, разом отсекая все звуки улицы, Скоков обернулся с переднего сидения и кивнул Аргусу.

— Познакомьтесь. Это — Владислав Сергеевич Мальцев, наш новый консультант. Директор «ИНИСА» закивал головой.

— Мы уже знакомы...

Скоков кивнул на улыбающегося азиата.

— А это — Уюм. Он очень давно искал встречи с вами, Владислав. Жаль, что вы встретились при весьма неблагоприятных обстоятельствах. Но теперь, думаю, мы проясним все недоразумения, и будем позитивно сотрудничать.

Мальцев сидел неподвижно, пытаясь успокоить вихрь мыслей в голове. Вот все и произошло. «Инк», от которого он скрывался все это время, который уничтожил его бизнес, теперь совершенно спокойно сидел рядом и улыбался.

Остановиться... Остановиться... Дыхание глубокое. Спокойно...

Более того, с ним в одном автомобиле сидел полковник могущественного силового ведомства, который должен был, по логике вещей, представлять интересы уничтоженного «НОРСА». А это могло значить только одно...

Водитель, немолодой уже мужчина с атлетически развитыми плечами и мощной шеей, завел чуть слышно загудевший мотор и лихо вырулил на дорогу. Скоков опять обернулся к Аргусу и, пристально посмотрев ему в глаза, мягко произнес:

— Чтобы не тратить драгоценное время на ненужные разговоры, сразу проясню ситуацию — в данный момент я на самом деле представляю интересы национальной безопасности, хотя могущественное ведомство, о котором вы только что изволили подумать, к этому имеет очень опосредованное отношение. И значит это, действительно, только одно...

Мальцев усмехнулся.

— А я думал мысли у вас только господин Уюм может читать.

— Не только.

— Так значит вы тоже Харт?

Скоков продолжал спокойно смотреть на него.

— А как же Венгерцев, ваш друг? Или вам, Хартам, побоку такие нюансы? Ничего личного?

— Я прекрасно понимаю вас, Владислав. Будь я на вашем месте, а я тоже был когда-то на вашем месте, я бы реагировал гораздо более остро. Но когда вы познакомитесь со спецификой нашей деятельности, поверьте, ваш скепсис заметно поубавится. У вас сложилось совершенно ложное впечатление о нас и вам все видится в искаженном свете. Но Истину всегда сложно рассмотреть за нагромождением домыслов. Сейчас мы поедem в одно место, где вы узнаете много нового. Много из того, что поменяет ваше отношение к нам.

— Я так понимаю, у меня выбора особого нет.

— Вы правильно понимаете, Владислав. Я хочу, чтобы вы также поняли — мы, все здесь собравшиеся, представляем интересы человечества, как бы пафосно это ни звучало. Поэтому все наши действия продиктованы необходимостью очень высокого уровня. И на этот счет у вас не должно оставаться никаких иллюзий.

«Мерседес» стремительно несся вперед, рассекая воздух своим массивным черным телом. Мальцев откинулся на мягкое сидение и отрешенно смотрел на мелькающие мимо заснеженные силуэты мрачных домов.

Глава 4. ТЕМНЫЙ КОСМОС

Развенчивание Мифа

Барнаул, 2006 год, февраль

— Значит, все это мне не приснилось? — сказала про себя Алиса. — А, впрочем, может, все мы снятся кому-нибудь еще? Нет, пусть уж лучше это будет мой сон, а не сон Черного Короля!

Подумав, она жалобно продолжала:

— Не хочу я жить в чужом сне! Вот пойду и разбужу его! Посмотрим, что тогда будет!

«Алиса в Зазеркалье» Льюис Кэрролл

«Мерседес» остановился около массивных ворот, ограждающих въезд на территорию огромного, судя по виднеющейся из-за забора крыше, коттеджа. Через минуту они уже въезжали во двор загородного поместья. Выяснилось, что принадлежит оно одному из известных барнаульских бизнесменов. Через десять минут им накрыли стол в одной из комнат дома. И после непродолжительного завтрака все приезжие вместе с хозяином усадьбы прошли в один из залов с разожженным камином. Было видно, что Харты на самом деле торопятся. Когда все расселись в мягкие глубокие кресла, Скоков взял инициативу на себя.

— Господа, среди нас новичок, поэтому я введу его в курс дела, прежде чем мы перейдем к основной цели нашей сегодняшней встречи.

Он посмотрел на Мальцева. Все присутствующие тоже смотрели на него, но никакой угрозы Владислав не чувствовал. Наоборот, и Уюм, и хозяин дома, и водитель-телохранитель, все держались так, словно понимая напряжение новичка, и отчасти сочувствуя ему.

— Итак, — Скоков подмигнул Аргусу, — начну с истории. Харты существуют со времен зарождения человеческой цивилизации. Никто не знает доподлинно как, когда и где это произошло. Есть разные версии и легенды, но истинные обстоятельства возникновения Общества Хартов остаются для нас тайной. Одни полагают, что Общество появилось во времена Атлантиды, другие считают, что оно уходит корнями в еще более древние времена. Кто-то утверждает, что родоначальником Института Хартов является китайский император Чун И. Иные называют это полным бредом и называют в качестве отца-основателя Александра Македонского и даже Геракла. В общем, мы не знаем своих корней, но знаем для чего мы были созданы. Наша основная задача — защищать интересы человечества.

Мальцев поднял руку и, в ответ на вопросительный взгляд полковника, осторожно спросил:

— Защищать от кого? У человечества что, есть враги вне самого человечества?

Скоков удовлетворенно кивнул:

— Вот! Самое главное заблуждение людей! Они считают, что кроме них в этом мире не существует разумных существ, способных угрожать их интересам. Однако это не так. Харты призваны защищать человечество не от стихийных бедствий или космических катаклизмов. Для этого созданы другие институты. Нас интересуют люди, которые своими действиями могут спровоцировать глобальные потрясения для социума. Но самыми приоритетными объектами нашего интереса служат нелюди, которые пренебрегают интересами человеческого общества. Представьте себе, что вдруг появился сверхчеловек, который получил доступ к сверхъестественным силам. Как вы думаете, что он будет делать дальше?

Мальцев пожал плечами.

— Если эти силы получены в результате генетической мутации или психофизиологической трансформации, а не в результате дисциплины своего сознания, то он, скорее всего, будет следовать привычным шаблонам и стереотипам: то есть пытаться подчинить окружающих своей власти.

Скоков многозначительно улыбнулся. Мальцев тут же добавил:

— Но, если человек обладает высоким уровнем морально-этических норм...

Скоков мягко прервал его движением руки:

— Владислав Сергеевич, можно бесконечно долго рассуждать на эту тему. Я знаю одно — когда человек находится на привычном уровне восприятия, о появлении необычных возможностей не может быть и речи. Когда человек меняет уровень восприятия, неважно каким образом, он автоматически перестает следовать законам, установленным на прежнем уровне. Но социум опутал весь земной шар, и если такой «мета-человек» вдруг возникает, то ему неизбежно придется выбирать: либо вернуться на прежний био- и психосоциальный уровень, либо покинуть территорию, на которой живет община, существующая на этом уровне. Это очень древняя проблема. Те, кто понимают ее, уходят при помощи своих возможностей в иные пространства. Те, кто не понимают, подлежат определенной коррекции, направленной на то, чтобы снизить возможные последствия неосторожного пользования этими силами. Но есть и такие, которые пытаются изменить все общество в соответствии со своим новообретенным мировоззрением.

— А если это новое мировоззрение на самом деле окажется более перспективным для человечества?

Полковник, как и все присутствующие, понимающе смотрел на Мальцева, словно прекрасно знал все его мотивы и аргументы. Затем Скоков переглянулся с руководителем «ИНИСА», и пожилой азиат, перегнувшись через подлокотник кресла, тихо спросил:

— А если нет?

— То есть, если я вас правильно понял, Харты это охранники социума в том виде, в котором он существует уже много столетий? — Мальцев разглядывал симпатичную женщину в деловом сером костюме, которая вошла в комнату и ненавязчиво присела в углу, всем своим видом показывая, что она не хочет прерывать беседу своим появлением.

— Нет, — Скоков тоже мельком посмотрел на вошедшую женщину, — социум не может оставаться в неизменном виде много столетий. Он неизбежно развивается. Совершенствуются социальные структуры и уровень научно-технического развития. Харты охраняют социум от изменений иного рода. Речь идет о глобальной трансформации сознания. Мы удерживаем людей на определенном витке биофизического и энергетического развития.

— Но где же здесь прогресс?

— Вот в этом как раз и заключается Великая Дилемма, заложниками которой стали не только мы, но и все люди на этой планете.

Скоков задумался на несколько секунд, словно раздумывая, с какой стороны удобнее будет преподнести гостю необходимую информацию.

— Понимаете Владислав, эта проблема, на самом деле, имеет гораздо более давнюю природу, нежели Вы можете себе даже вообразить. Как Вы думаете, в чем основная проблема человечества?

Мальцев глубоко вздохнул.

— Мне кажется, это ущербность восприятия, перекокс сознания. Когда человек рождается, он попадает из темной, влажной, комфортной среды в сухую, светлую, причиняющую боль. Первый вдох младенца — это раздирание легочной ткани воздухом. Поэтому инстинктивно

ребенок отчасти как бы блокирует свою сферу ответственную за ощущения. Это прерогатива правого полушария, посредством которого человек связан с Единым Информационным Полем. Чем дальше человек растет, тем все больше и больше блокируется у него эта сфера, уступая место левополушарному стилю мышления — логическому. Так появилось общество логиков. Как и любое общество, само того не подозревая, оно создало собственную Систему Безопасности, которая должна была следить за неизменностью видовой целостности этого общества. Так и появилась Система. Но логический путь развития изначально является ущербным, потому что он основан на дуальном восприятии, когда любую информацию человек вынужден оценивать как «плюс» или «минус». А это колоссальное напряжение для нашего ума, постоянно ощущать себя неуверенным, словно играя в казино, постоянно раздумывая — правильно или неправильно угадал, «красное» или «черное», выиграл или проиграл. А, кроме того, в самом детстве задав миру, принявшему младенца, оценку «минус», человек вынужден постоянно жить в агрессивной среде. А ведь любая оценка это всего лишь оценка. Так и живет человек в кошмаре, который сам себе и создал своим умом. Но основная проблема, на мой взгляд, как раз в том, что человечество зафиксировало себя в этой своей ограниченности, создав институты, которые следят за сохранением этой фиксации, безжалостно, — Мальцев, как бы ненароком бросил мимолетный взгляд на Уюма, — истребляя всех инакомыслящих. Это, как я понимаю, вы именуете Великой Дилеммой? Потому что вы уже попробовали вкус другой жизни, вкусили запретных плодов. И палачами-то быть не хочется, и выбора другого нет. А чтобы оправдать это придумали термин «Великая Дилемма»...

Скоков внимательно разглядывал Мальцева.

— А как вы думаете, Владислав, есть причина тому обстоятельству, что человек рождается в таких условиях?

— Ну, насколько я помню, что-то такое было в Библии. «И будут женщины рожать детей своих в муках...». Или что-то в этом роде. Наказание Господне.

— За что наказание? — мягко спросил Скоков, и Мальцев понял, что полковник пытается приблизить его к осознанию какой-то фундаментальной истины.

— Не помню, — честно признался Мальцев.

— Ну вот, видите, не помните, и не понимаете подоплеку этой проблемы, а уже стремитесь навешать ярлыков. Вот смотрите, какой интересный факт — через это наказание, все люди получили вынужденную ущербность. Но женщины получили двойное наказание — они еще и детей в муках рожают. Значит, эта проблема связана с женщинами. Поэтому, пусть женщина вас и посвятит в истинное положение дел. Познакомьтесь — Полетаева Анастасия Львовна. Мы называем ее «Зодчий Теней». На самом деле вы уже знакомы, хотя и опосредованно. Не припоминаете?

Мальцев внимательно посмотрел на женщину. Возраст около тридцати пяти, стройная фигура, очень правильные черты лица и невероятно пронзительные глаза.

— Таковую женщину я бы запомнил...

Скоков переглянулся с Зодчей. Все присутствующие в зале улыбнулись.

— А вот она вас запомнила. Ту ночь, когда вы дрались с любовником своей жены во дворе своего дома, помните?

Мальцев поежился. Воспоминания о той ночи до сих пор пробуждали в нем произвольную дрожь.

— Насыщенная событиями ночь...

— Да, безусловно, но прикосновение этой женщины невозможно забыть. Я думаю, вы запомните навсегда ту тень, которая так напугала вас.

Тень-убийца! Так вот кто, значит, управлял этим невидимым энергетическим монстром.

Мальцев совершенно по-новому посмотрел на женщину, внешний вид которой никак не клеился с образом хладнокровного киллера. Она, улыбаясь ему в ответ, встала и, подойдя, протянула ему руку. Он замешкался лишь на секунду, но этого было достаточно, чтобы окружающие дружно рассмеялись.

— Вы можете не опасаться меня, Владислав, — услышал он ее нежный голос, — я не хотела вас убивать. У меня была задача лишь остановить вас, обессилить на какое-то время. Но получилось наоборот. После той встречи мне пришлось долго приходить в себя. Еще никто не делал мне так больно.

— Ну, простите... — не без сарказма пробормотал Мальцев, — в следующий раз я буду более галантен.

— Надеюсь, следующего раза не будет, — женщина встала со своего места и пересела в кресло рядом с Мальцевым — Итак, я хочу кое-что рассказать тебе. Эта информация долгое время была одной из самых засекреченных. Именно ее тщательно скрывала Система, практически полностью фальсифицировав письменную историю человечества.

— Я так понимаю, вы хотите со мной поделиться этой тайной, потому что у меня теперь только два варианта — стать Хартом или отправиться на «переплавку»?

— Я думаю, что некоторыми аспектами этого знания с тобой уже успел поделиться Максим Ковров. Более того, эта информация начинает проявляться повсеместно. Просто настало время, когда ее стало уже невозможно удерживать взаперти. Система дает сбои, как и любая логическая система. Она пытается спасти себя, изыскивая все возможные альтернативные варианты. Это неизбежно порождает утечку информации.

Мальцев усмехнулся.

— Представляю, как где-то сейчас сидит в заставленной мониторами комнате этакий старичок-бодрячок, Создатель Системы и с нетерпением наблюдает за нашим с вами разговором.

Анастасия тоже улыбнулась.

— Это хорошо, что у тебя сохранилось чувство юмор, — она немного помолчала, — Знаешь, наша группа не единственная. Таких групп на земном шаре работает достаточно много. И, самое главное, если уж ты решил упомянуть Создателя Системы, то корректней было бы говорить — Создательница. Потому что Систему на самом деле создали именно женщины...

— Если посмотреть непредвзято на человеческие взаимоотношения в ретроспективе, то можно увидеть очень интригующие факты. Что о появлении женщины нам говорит религиозная история? — Анастасия вопросительно кивнула Владу.

— О том, что женщина была создана из ребра мужчины.

— Действительно, только современная наука уже установила — женский ген на несколько тысяч лет древнее мужского. Интересно, не правда ли? Пойдем дальше. Известно, что в давние времена повсеместно царил матриархат, включая и легендарную Атлантиду. В дошедших до нас редких мифах говорится о том, что женщины были очень могущественными воинами. Известно также, что, как это ни парадоксально, но в экстремальных ситуациях женщины способны достигать скоростных и мускульных показателей, превышающих показатели мужчин в сходных ситуациях. То есть, потенциально хрупкая женская физиология при определенных кризисных условиях превосходит мужскую. «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...». Женский метаболизм более функционален, нежели мужской. Женщины живут дольше мужчин, они более приспособляемы к различного рода неблагоприятным обстоятельствам. Получается, что женщины более древние и более выносливые, нежели мужчины, существа? Однако, что мы видим в человеческом обществе? Людям говорить о том, что женщина была создана позже

мужчины, из его ребра. Во всех существующих ныне религиях мира женщине отведена второстепенная роль. В церкви, во время обряда крещения, представителей мужского пола заводят за алтарь, а представительницы женского пола туда не допускаются.

— Секунду, — Мальцев поднял руку, — но, насколько мне известно, в христианстве культ женственности выражен через Богоматерь, породившую Христа.

Зодчая Теней улыбнулась.

— Да, и это очень существенное замечание! Однако христианство навязало людям стереотип женщины-матери, но партнерский статус женщина утратила. Кого мы видим в Троице? Отец, Сын и Святой Дух. Причем на все вопросы, относительно возможных комментариев по поводу божественной природы Троицы, священнослужители отвечают, что этого никто не может понять, и даже ангелы этого не уразумеют. В христианстве очень сильно выражено мужское начало, и это тоже имеет к теме нашего разговора самое непосредственное отношение. Идем дальше. Согласно стереотипам, устоявшимся в обществе, женщина является зависимым существом. Ведь мужчины главные, они добытчики, они охотятся и защищают женщин. На фоне потенциального превосходства женской физиологии над мужской это выглядит умильно. Даже в сексе привычно считается, что женщина выполняет пассивную роль. Что мужчина хочет ее гораздо больше, чем она его. Что ради обладания женщиной он пойдет на все что угодно. А женщины лишь позволяют себя любить, хотя уровень возбуждения женщины многократно превышает мужской. Или хотя бы взять тему отшельничества. Количество женщин-отшельниц на несколько порядков меньше чем отшельников-мужчин. К чему бы это? Что удерживает женщин в городах? Общепринято также, что женщины являются гораздо более изощренными, хитрыми, коварными и жестокими чем мужчины. И таких примеров десятки. История человеческих взаимоотношений шита белыми нитками, но никто как будто не замечает этих явных несоответствий. Как ты думаешь, почему?

Мальцев поочередно посмотрел на присутствующих в зале мужчин, но ни один из них не проявил мужской солидарности и не сделал даже какого-нибудь знака, означающего подсказку или хотя бы поддержку.

— Я так понимаю, Анастасия, вы клоните к тому, что на самом деле эта цивилизация женская? И истинная власть принадлежит женщинам, а глупые мужчины с раздутыми щеками находятся в глубочайшем заблуждении относительно своих надуманных амбиций?

Зодчая улыбаясь, молча смотрит на него своими пронзительными серыми глазами, будоража мысли, перемешивая их в хаотичный водоворот.

— Но зачем женщинам это нужно? Если они являются более совершенным видом, почему они спрятались за мужчин? Зачем они маскируются? Получается, что они манипулируют мужчинами, направляя их деятельность на реализацию своих целей, причем, делая это так, что мужчины принимают это за исключительно свои инициативу? Круто! Достижение максимального результата минимальными усилиями. Да, это стиль истинных правительниц. Зачем воевать самим, когда можно стравить толпы мужиков? Зачем охотиться, если можно готовить уже добытую пищу? Зачем напрягаться, если можно получить сразу все: квартиру, машину, прочее обеспечение, причем мужик будет думать что это его заслуга, и он благодетельствовал подчиненную ему даму? А в обществе, издревле все построено таким образом, что на деле оказывается совсем не тем, чем кажется изначально, хотя понять это и не просто. А что, — Владислав посмотрел Зодчей прямо в глаза, — неправда это, что мужикам больше хочется?

Анастасия, не переставая улыбаться, наклонилась к нему поближе и, не отводя взгляд, прошептала:

— Иногда даже челюсти сводит...

Присутствующие мужчины опять рассмеялись. Их, казалось, забавляло все, что происходило в зале. Мальцев многозначительно повел бровями и откинулся на спинку кресла.

— Понятно. А как же тогда все величайшие произведения искусства и науки? Ведь большинство из них, извините, принадлежит мужикам?

— Конечно, — женщину абсолютно не смутило откровенно вызывающее поведение собеседника, — а как еще могло быть в обществе «зависимых» женщин. Они отвели себе скромную роль незаметных и никому не известных Муз-вдохновительниц.

— Но зачем им это понадобилось?

— Что?

— Оставаться за кулисами? Манипулировать? Надевать маски? Если женщины более жизнеспособны, чем мужчины, ну правили бы открыто! Получали бы в десятки раз больше почестей и материальных благ. Зачем прятаться, изворачиваться, лгать?

Зодчая Теней перестала улыбаться, словно Владислав наконец-то нащупал ее уязвимое место.

— Затем, что к этому есть предпосылки. И если женщины более сильные чем мужчины существа, то это не значит, что нет вокруг нас существ еще более сильных.

В зале повисло тяжелое молчание.

Они вышли на улицу: Скоков, Мальцев и Полетаева. Остальные Харты остались в доме. На улице уже было темно. День пролетел незаметно, как будто прошло всего несколько часов. Однако Владислав чувствовал, что его голова просто разламывается от избытка информации. Ноги дрожали, а тело устало, словно он провел весь день не в беседах, а в тренажерном зале. Полковник, усмехаясь, словно понимая его состояние, дружески похлопал Мальцева по плечу.

— Ну что, Тысячеглазый Аргус? Можно мне тоже тебя так называть?

Мальцев, запрокинул голову вверх, молча любясь звездным ночным небом. То, что Харты знали его прозвище, его абсолютно не удивило. Особенно учитывая возможность некоторых из них читать мысли. Скоков кивнул.

— Действительно, мы же понимаем друг друга. А в возможности читать мысли нет ничего сверхъестественного — обычная функция шишковидной железы.

Мальцев фыркнул.

— Действительно.

Скоков переглянулся с Анастасией.

— Нет, на самом деле. Телепатия — это очень просто. Люди довольно часто используют эти возможности, просто не осознают этого. Все, что для этого нужно — это умение использовать особую мышечную группу, стимулирующую шишковидную железу, которая работает, например, при зевании. В этом секрет того, что зевание очень заразительно. На самом деле, при зевании выделяется телепатический импульс, который заставляет окружающих тоже начать зевать. Но использование этих мышц требует тренировки. И, кроме того, здесь требуется выполнение одного очень важного условия — работа с внутренним вниманием. Но это, опять же, лишь вопрос намерения. Люди могли бы без труда пользоваться этой функцией, если бы захотели.

— Конечно, особенно учитывая тот факт, что сразу после этого их или уничтожат, или «пригласят» в Службу Контроля Хартов, на роль шпиона или палача.

— Ну не все так мрачно. Хартов не интересуют телепаты. Хартов интересуют телепаты, активно выступающие против Системы.

— А вот скажите мне, Борис Леонидович...

Скоков остановил его жестом руки.

— Влад, здесь не принято общаться по именам. Ты можешь называть меня Ронин.

— Ого! Самурай, который больше не служит своему Повелителю, и является свободным воином, самостоятельно выбирающим себе вассала?

— Практически в точку.

— Хорошо. Так вот, Ронин, мне все та история покоя не дает, объясните мне пожалуйста, чем все-таки вам «Норс» помешал? Вы же всех выкосили. Физически. Чем они вам так помешали? Или нельзя было как-то по-другому эту тему закрыть? С вашими возможностями...

Скоков опять переглянулся с Анастасией.

— Ты ведь много не знаешь. Могу лишь сказать, что многое из того, что произошло, ты воспринимаешь в искаженном свете.

— Но ведь Венгерцев был вашим другом!

— Когда ты поймешь, какая ответственность лежит на Хартах, ты поймешь и наши мотивы. «Норс» необходимо было затормозить экстренно и бесповоротно. Сначала его уводили в сторону деликатным влиянием, потом ситуация усугубилась. Все директора были неоднократно предупреждены, причем иногда даже в открытую. Но в одном случае жажда известности, в другом — жажда грядущих гонораров, в третьем — чистое желание совершить технологический скачок, все это не оставляло нам шансов.

— А что в этом плохого? Насколько я знаю, «Норс» двигал медицину?

Полетаева достала из сумочки изящную дамскую сигарету и закурила. Легкий серебристый думок окутал призрачным облаком людей и заструился с веранды коттеджа в звездное черное небо.

— «Норс» занимался военными разработками. Но ликвидировать его пришлось именно из-за медицинских разработок. Как ты думаешь, почему, несмотря на весьма солидный уровень технического прогресса, до сих пор нет эффективного лекарства от таких заболеваний как рак, СПИД, атипичная пневмония?

— Их тормозят?

— Тормозят, причем весьма интенсивно. В одном случае это делают промышленные магнаты, в другом Харты, в третьем — Харты руками промышленных магнатов.

— Но почему? Ведь здесь явное противоречие? Это же напрямую угрожает Безопасности Системы? Система обязана заботиться о своей внутренней безопасности?

Ронин печально кивнул.

— Это и есть «Великая Дилемма»! Иногда из двух зол выбирают меньшее.

— Е-мое, да что в разработках «Норса» было такого, что вас так напугало?

— Ладно, приведу тебе для наглядности пример. Несколько лет назад археологи обнаружили очень загадочные артефакты, которые представляли собой идеально ровные черные камни с выгравированными на них рисунками. Предположительно эти письма были элементами культуры атлантов. На одной из этих каменных дощечек была изображена операция на сердце. Эта картинка послужила еще одним аргументом в пользу гипотезы относительно того, что цивилизация Атлантиды погибла в тот момент, когда высокотехнологичные атланты вторглись в таинственную сферу сердца. Так вот, разработки «Норса», которые предусматривали создание целой плеяды разнотипных нанороботов, подлежали ликвидации сразу по восьми направлениям потенциально опасных для человечества.

Мальцев провел рукой по лицу.

— М-да, так что же теперь делать, не развиваться? Если технологический прогресс является таким ущербным, а энергетические концепции потенциально опасными, как Система собирается выживать? Как собирается выбираться из замкнутого круга «Великой Дилеммы»?

Зодчая Теней затушила сигарету в изящной пепельнице, стоявшей на перилах веранды и

зябко поежившись, произнесла:

— Ты что, так до сих пор и не понял, почему мы ищем тайшинов?

Ронин снял с себя пиджак и накинул его на плечи собеседнице.

— Мы являемся Защитниками Системы, поэтому это напрямую входит в наши функции. Мы находимся между системными ошибками, в надежде как-то спасти ситуацию. Как, пока неизвестно.

— А каким образом все-таки во всю эту мозаику вплетены эти игры женщин с мужчинами?

Зодчая подошла к Мальцеву вплотную и показала рукой вверх.

— Посмотри. Красиво?

Небо на самом деле было непривычно звездным для февраля. Владислав запрокинул голову и согласно кивнул. А женщина отвернулась от небосвода, словно не желая сталкиваться взглядом с тысячами золотистых глаз, взирающих сверху на голубую планету.

— Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Спустя несколько минут они вернулись в зал, в котором уже никого не было. Кресла были раздвинуты по углам, камин был потушен, а по центру зала был расстелен большой ковер с высоким ворсом.

Зодчая достала из стенного шкафчика шприц-пистолет и крохотную ампулу, которую тут же зарядила в медицинское устройство. Мальцев подозрительно кивнул на шприц.

— Это зачем?

Женщина ободряюще погладила его по руке.

— Это совсем не больно, и абсолютно неопасно.

Мальцев посмотрел на Ронина.

— Для чего это?

Скоков расположился на одном из ближайших кресел.

— Это — «Диксаноцин», вытяжка из ядовитых желез экзотической рыбы «Суракуд» в сочетании с сильнейшим синтетическим психостимулятором, полученным в наших военных лабораториях. Оказывает сильное растормаживающее воздействие на функцию гипофиза и шишковидной железы. Это необходимо тебе, чтобы своими глазами увидеть то, о чем нам пришлось бы очень долго рассказывать тебе, пытаясь объяснить то, что и объяснить-то невозможно. Своеобразный аналог той смеси, которую ты принимал, когда разгромил офис «ИНИСА». Не бойся, если бы мы хотели причинить тебе вред, то сделали бы это менее трудоемким способом.

Мальцев нахмурился, однако потом решительно расстегнул пуговицу на манжете и закатал рукав. Укол шприца напоминал укус ядовитой змеи, впрыскивающей в тело жертвы свой парализующий яд. Владислав хотел было сострить что-нибудь на эту тему, но лицо делавшей ему укол женщины стало расплываться, словно воздушный шарик, надуваемый баллоном, он почувствовал головокружение и легкую слабость.

— Отправляйся к звездам, Тысячеглазый Аргус, — прошептала ему голосом Анастасии сгустившаяся тьма вокруг, и он почувствовал, как твердь стала стремительно уходить из-под ног, а он заскользил на невидимых воздушных потоках вверх. В звездное зимнее небо над Барнаулом.

Это совсем не напоминало Корчун. Как парение на дельтаплане отличается от полета на военном истребителе, так и этот странный препарат своим стремительным действием просто вышвырнул Мальцева из его тела, не позволяя обдуманно реагировать на происходящие изменения. Цветные пятна проносились мимо, словно рекламные плакаты мимо окон скоростного поезда. Аргус запаниковал. Единственное что позволяло ему удерживать нить осознанного мышления, это опыт путешествий в своем энергетическом теле, полученный им в

процессе обучение азам Тай-Шин. Но и это состояние удерживать долго он бы не смог. Все закончилось так же, как и началось. Он врезался со всей силы в стену мрака перед собой и выплыл из нее уже где-то над поверхностью земли. Его сознание несло над верхушками деревьев, подобно птице, не имеющей возможности контролировать траекторию своего полета. В него словно вложили уже заданную программу, и он, будто самонаводящаяся ракета, следовал по невидимому коридору, поднимаясь все выше и выше. Это напоминало «американские горки», когда несешься на бешеной скорости и тяжело дышать оттого, что захватывает дух, а впереди ожидает «петля». И жутко, и сойти не можешь. А сани неумолимо несут тебя к этой петле, швыряя вниз, затем вынося на самый верх скоростной трассы. Сходные ощущения испытывал в настоящее время Аргус. Хотя, само понятие «время» стало для него просто набором звуков. Время исчезло. Осталась только стремительно растущая высота, восторг полета и дивный пестрый ковер планеты Земля, раскинувшийся далеко внизу. Аргус поднимался за пределы атмосферы, в клокочущую пустоту, к далеким звездам...

Для энергетического тела не нужен воздух. Но само осознание, что он висит в безвоздушном пространстве, порождало фантомное чувство стесненного дыхания. Аргус забился, пытаясь осуществить хоть какое-то движение, но все было напрасно — он висел в околопланетном космосе подобно насекомому, вплавленному в тягучий янтарь, беспомощный, обездвиженный, крохотный. А вокруг во все стороны раскинулся безграничный океан Вселенной, и только внизу светила нежным голубым светом родная планета. Аргус испытал чувство невероятного одиночества и ужаса, а потом в эти переживания вторглась всепоглощающая тоска — ностальгия по родному дому и всем людям, оставшимся в пропасти под ногами. Аргус вдруг подумал, что он умер и, наверное, именно так выглядит посмертие. Чувство ностальгии стало еще сильнее. Оно заполнило каждую клеточку его невесомого тела, выворачивая наизнанку тоскующий и ужасающийся бесконечности окружающего пространства дух. Однако из всех воспоминаний, о которых так много говорили в связи с надвигающейся смертью, он почему-то отчетливо вспомнил только мальчика по имени Алик.

«Поймешь, почему мы это делаем».

Теперь он понимал. Любовь к людям. Но не чистая, безответная любовь, о которой ему, вероятно, говорил Адучи, а привязанность, вмурованная в глубины ума словно предохранитель, похожая на цепь, не отпускающая жалеющий сам себя дух в свободный полет. Вот для чего его вышвырнули на орбиту Земли. Чтобы он прочувствовал это всеми фибрами своей души. Прочувствовал и принял решение.

«В тебе слишком много человеческого...».

«Слишком сильны тяги...».

Аргус раскинул в стороны руки и исторг из себя пронзительный крик. Но в безвоздушном пространстве не возникло ни звука. Тишина.

«Ты же сам сказал — станешь одним из нас...».

Если бы он мог рыдать, он бы разрыдался. Но он лишь висел, пытаясь обнять родную Землю, огромную и в то же время такую уютную и беззащитную. Беззащитную... Он много думал о том, что в этой грандиозной пустоте планету подстерегают тысячи опасностей. Однако Земля каким-то образом продолжала существовать, минуя метеоритные дожди, кометы, пылевые облака, пространственные коллапсы и лучевые аномалии. Ее словно кто-то защищал. Могущественный, невидимый, любящий ее любовью, превосходящей его эмоции в миллиарды раз. Адучи говорил, что существует защитная сеть вокруг планеты. Ее называют по-разному: «Щит», «Сознание Христа», «Светопаутина»... Одним из своих приоритетных направлений тайшины считали поддержание этой сети. Тогда какие же функции выполняют Харты?

Защитники Человечества... Ну конечно, Аргус понял. Одни — чтобы выжить, другие — искренне. Харты защищали человечество. А человечество тем временем медленно и неотвратимо уничтожало эту чудесную планету, свой священный Дом... «Великая Дилемма». Системная ошибка, логическое противоречие. Система уничтожает сама себя и уже просто не может остановиться. Она обречена, но, даже зная о своей обреченности, она движется к пропасти.

«Пока ты не познаешь истинной, безответной Любви. Пока ты не познаешь что такое прикосновение Богини, у тебя никогда не будет настоящего Дома. Только лишь суррогат, иллюзия, заполненная диктатом и ложью. Потому что без Хозяйки эта планета — пуста...»

О какой Богине говорил Ковров? Цивилизация женщин... Богиня. Женщины. Они чего-то боятся. Так сильно бояться, что вынуждены прятаться на протяжении тысячелетий за спинами самовлюбленных мужчин, мнящих себя Самцами и Героями...

Аргус висел над земным шаром и думал о том, сколько тайн и загадок скрыто в этой нежной голубой дымке внизу. И тут пришел Ужас...

Он почувствовал чужое внимание, направленное на него. Настолько чужое, что оно даже не укладывалось в ощущения и осознание. Но это чужое вызывало Ужас! Аргус опять забился в пустоте, пытаясь увидеть чужака. Однако никого вокруг не было. Только чувство пронизывающее его насквозь, словно радиационное излучение. Кто-то враждебный высматривал крохотную капельку света в океане тьмы, человека зависшего на грани света и темноты, границе космоса и планеты. Аргус подумал, что столько чужеродного зла может принадлежать разве что дьяволу. Но согласно всем канонам, дьявол находился под землей, то есть, в глубине планеты. Превозмогая ощущение животного, инстинктивного ужаса, Аргус вдруг подумал, что возможно мифический дьявол не случайно спрятался под толстый слой почвы. И целое человечество ушло под землю тоже не случайно. И целое человечество осталось, тоже не случайно. Что возможно, во Вселенной есть еще более могущественное Зло, которого боится даже земной повелитель Тьмы. И не случайно Система извратила всю историю человечества... Так может быть и женщины не случайно надели на себя маску слабых, зависимых, второстепенных существ? Ведь не случайно его вывели сюда Харты? Не случайно...

Он еще раз осмотрелся по сторонам. Никого. Но этот Ужас... И тут он понял. Ему нужно было поменять положение в пространстве. Но эта беспомощность... Джал. Ветер. Адучи говорил, что с помощью Джал возможно все. Что тайшины путешествуют на крыльях Ветра.

А для этого не нужно прилагать усилия. Джал это не усилие, это намерение. Аргус медленно перевернулся в воздухе и увидел их... Нет, не увидел. Их невозможно было увидеть ни человеческими глазами, ни глазами энергетического Двойника. Он воспринял их. И это повергло его еще в больший ужас.

Тысячи, сотни тысяч огромных аспидно-черных клякс висели в космосе неподвижной армадой, окружая планету чернильной накидкой. Чужаки. Иной разум. Выжидающий. Терпеливый. Беспощадный.

Аргус висел перед ними словно муравей, оказавшийся в необъятном поле на пути огромного войска завоевателей. Но, несмотря на это, человек успел почувствовать, что эти черные Чужаки ничего не могут с ним сделать. Как ничего не могут они сделать с планетой Земля. Пока...

Возможно, их не пускала пресловутая невидимая «Светопаутина», а возможно была какая-то иная причина. В любом случае армада клякс была неподвижна. Однако волны чужеродности, исходившие от них, захлестнули сознание человека и он, потрясенный до самых основ разума, стал медленно падать вниз. В мягкие волны кислородной подушки, окружавшей родную

планету. Скорость падения постепенно увеличивалась, и настал момент, когда сознание уже не могло воспринимать проносающийся мимо знакомый до боли мир. Аргус возвращался...

Как выяснилось, он пришел в себя только на вторые сутки после укола, отправившего его в это устрашающее путешествие. Его разместили в комфортабельной спальне, в которой кроме шикарной двуспальной кровати был установлен изящный аппарат «климат-контроля», поддерживающий в комнате постоянную температуру.

Аргус вынырнул из темной глубины и судорожно втянул в себя свежий озонированный воздух. Мягкий полумрак, приятное прикосновение свежего белья немного приглушили потрясение от разницы в восприятии. Мальцев несколько минут пытался понять, где он находится, а когда возможность соображать вернулась, пришло тянущее ощущение во всем теле. Будто кожу, вместе с мышцами и нервами натягивали на барабан. Владислав выгнулся и застонал. Видимо его услышали, потому что дверь в комнату открылась и в помещение вошла женщина. Зодчая Теней. Она присела на кровать и сочувственно посмотрела на путешественника в околоземный космос.

— Привет.

Аргус облизал пересохшие губы.

— Привет.

— Как ты?

— Хреново.

Мальцев разговаривал с собеседницей не открывая глаз, потому что ему было тяжело сфокусировать зрение на окружающих предметах — слезы текли ручьем, ослепительные блики вспыхивали ярким светом и гасли, чтобы вспыхнуть снова.

— Хреново физически или психологически?

— И так, и так...

Анастасия робко погладила его кончиками пальцев по руке.

— Я тебя понимаю. Жесткая вещь. Не все даже выдерживают, — она замолчала, поправляя одеяло, — Космонавтам проще. Они это не могут видеть.

Аргус печально усмехнулся. Ощущение ужаса и тоски еще было в сознании, и оно никак не могло удержаться в физическом теле. Полетаева поняла его настроение.

— Я сейчас уйду. Ты можешь не сдерживать себя. Может быть полегчает.

Владислав сжал зубы.

— Нет, Настя, не полегчает.

— Физический дискомфорт пройдет через несколько часов. А вот все остальное...

— Что это было?

— Ты имеешь в виду кляксы?

Аргус глубоко вздохнул.

— Значит, это были не галлюцинации. Ты тоже видела их?

Зодчая Теней кивнула. Мальцев смотрел на нее сквозь пелену слез, наворачивающихся на глазах.

— Это то, о чем ты говорила?

Вместо ответа Анастасия опять погладила его по руке.

— Что это? — повторил свой вопрос Аргус.

— Никто не знает. Ты знаешь что, лучше сейчас не грузись. Поспи. Тебе надо. А вечером придет Ронин, с ним и поговоришь.

— Я не смогу заснуть. Внутри все трясется.

— Ты заснешь. Это только так кажется. Здесь ты в безопасности. Спи...

Аргус опять закрыл глаза и почувствовал, что действительно засыпает. Но в этом сне не было никаких потрясений. Этот сон обещал отдых и покой.

Он проснулся оттого, что кто осторожно потряс его за плечо. Свет в комнате был приглушен, но он сразу узнал Скокова. Если бы он не успел привыкнуть к внешности Харта, то, наверное, привычно вздрогнул бы, увидев спростонья рядом с собой смутный силуэт с лысой головой.

— Аргус, просыпайся. Нам нужно ехать.

Мальцев поднялся и сел в кровати, прислушиваясь к своим ощущениям. Слабость и дрожь прошли, но где-то глубоко осталась острая тоска, испытанная высоко в небе.

— Куда?

— Одевайся. Я все объясню позже.

Они вышли из дома через какой-то второстепенный выход. Влад слышал шум голосов в доме. Но все они раздавались откуда-то с верхних этажей. Ронин же провел его через кухню, и они оказались во внутреннем дворе. «Мерседес», и еще две отсутствовавшие ранее машины — массивный «Лексус» и «Форд Экспедишн» стояли под навесом. Прямо перед воротами стояла бежевая «Хонда», куда Аргус сел вслед за Скоковым. Через двадцать минут автомобиль миновал пост ДПС на границе города, а еще через пять минут остановился на обочине дороги. Скоков повернулся к попутчику и, включив какой-то прибор на панели автомобиля, произнес:

— Глушилка. Не хочу, чтобы наш разговор слышал кто-нибудь из вчерашних собеседников.

Мальцев удивленно посмотрел на полковника.

— Ого. Что, в лагере Хартов свои тайны и интриги?

Ронин не поддержал шутливого тона. Напротив, он был очень серьезен. Мальцев понял, что все события, происходившие с ним в последнее время, были лишь прелюдией. Что все это лишь предшествовало основному разговору, который должен произойти сейчас. Чтобы как-то сгладить возникшее напряжение, Аргус кивнул на прибор:

— А он что даже мысленные волны гасит?

Ронин махнул рукой:

— Не беспокойся, нас никто не услышит.

— Даже Уюм?

Ронин усмехнулся:

— А что, Уюм? Он далеко не самый мощный Харт.

— А Настя? Или тени этот прибор тоже глушит?

— Повторяю, нас не услышит никто, можешь мне поверить. Наш разговор должен остаться между нами.

— А как я смогу скрывать свои мысли от Уюма там, в доме?

Ронин задумчиво посмотрел на собеседника и тихо произнес:

— Если ты сделаешь правильные выводы из этой беседы, возвращаться в тот дом нам не придется.

— Ты все видел сам.

— Кляксы?

— Да.

— Что это такое?

— Мы не знаем. Мы видели то же самое, что и ты. Единственное впечатление, которое осталось у всех — это ощущение невероятной чужеродности этих... существ. Мне, например,

показалось, что они выжидают чего-то. Страшное ощущение, — Скоков поежился, — Харты давно, очень давно, пытаются разобраться в природе этой блокады. Но пока нам не удалось ни на шаг продвинуться в этих изысканиях.

— Их можно увидеть через оптику или волновыми сканерами? — Мальцев тоже поежился, вспоминая первые впечатления после путешествия под «Диксаноцином».

— Нет. Для оптики они не доступны, а волновые сканеры отмечают лишь незначительные флуктуации в полярной структуре ближнего космоса.

— Как вы их называете?

— Никак. Древние колдуны, которые были одними из первых Хартов, и, которые в результате своих путешествий в энергетических телах, увидели их, были так напуганы и поражены увиденным, что даже не осмелились дать им название. Эта традиция сохранилась до сих пор. Программа по изучению этих энергетических аномалий получила название «Темный Космос». Но, даже несмотря на современный подход в дальнейшей разработке этих исследований, мы также избегаем называть их как-то. Мы называем их просто — Эти. Существует даже такая гипотеза, тоже пришедшая к нам из древности — будто Эти, слышат все, что происходит на Земле. И упоминание их истинного названия может помочь им приблизиться к планете. Что будет, когда они достигнут Земли, мы не знаем. Но мне даже страшно думать об этом.

— Думаете, они враждебны?

— Не знаю. Они Чужие, а значит — потенциально враждебны.

— Вы ищите возможные пути их нейтрализации?

— Все на самом деле гораздо сложнее. Дело в том, что на планете уже давно существуют существа очень похожие на Этих. И они напрямую связаны с людьми.

Мальцев откинулся на спинку кресла и, повернув голову в сторону водителя, улыбнулся, как улыбаются сумасшедшие люди, ум которых уже не реагирует привычно на информационную перегрузку.

— О них редко можно услышать что-нибудь как в описаниях личного опыта мистиков и оккультистов, так и в канонических рукописях мировых религий. Все связанное с ними окутано мраком и непроницаемой тайной. Но, несмотря на это, до нас дошли редкие факты, указывающие на их существование и присутствие между нами, — Скоков постукивал пальцами по панели автомобиля, и Мальцев понял, что Харт нервничает. — Мы очень осторожно и тщательно проверили эту информацию.

— С помощью «Диксаноцина»? — Аргус попробовал произнести эту фразу с долей юмора, но Скоков опять не принял несерьезный тон своего собеседника.

— Да. У нас много различных инструментов для подобных изысканий.

— И что, получилось подтвердить эти слухи?

— Да, — Харт мрачно кивнул, — Только мы столкнулись с таким противостоянием, которое не идет ни в какое сравнение, ни с одним возможным противником Системы.

— Так они оказались вашими противниками?

— Не совсем... — Мальцеву показалось, что Скоков был растерян. — С одной стороны они вступали в противоречие со всеми механизмами сохранения Системы, с другой — они являлись ее тайными повелителями.

Мальцев взялся обеими руками за голову.

— Ох, Ронин, я сейчас на самом деле с ума сойду! Как это возможно?

Скоков вздохнул.

— Разбираться в схемах Системы с позиций человеческого ума — это все равно, что

младенцу пытаться представить себе как работает компьютер. Но в самых общих чертах, выглядит это примерно так: если принять Систему за аналог глобальной логической Сети, то эти существа напоминают паразитов, системных вирусов, захвативших власть над Системой. Соответственно Система стала давать сбой, который постепенно уничтожает всю системную структуру, кластер за кластером, а вирус не позволяет внести в этот процесс любые позитивные коррективы. Это и есть «Великая Дилемма».

— Значит вы, Харты, подчиняетесь инфицированной чужеродным вирусом Системе?

Скоков всплеснул руками, словно понимая тщетность попыток внести хоть какую-то ясность в этот вопрос.

— Это все очень условно. Мы не можем понять этот механизм. Мы можем только судить о нем по частичным фрагментам. Тех, что существуют среди людей, мы называем «Скаты», потому что большинству из нас они виделись как плоские черные существа, парящие в воздухе. Внешне они чем-то отдаленно похожи на те черные кляксы, которые ты видел в космосе. Поэтому мы допускаем существование возможной связи или даже родства между ними, хотя, повторяю, это не более чем предположения. «Скаты» как-то связаны с людьми. Они питаются их эмоциями, поэтому через управляющие механизмы Системы они провоцируют всплески эмоций, которые впоследствии поглощают. Информация о «Скатах» очень скудна, потому что они стирают все воспоминания в умах людей, которые случайно или путем сознательных манипуляций со своим сознанием, видели их. Но, как я уже говорил, иногда упоминания о них пробиваются в социум. Например, о них упоминал в своих книгах Карлос Кастанеда. Он называл их «Летунами» и дал достаточно точное описание. Но, самое интересное, что большинство читателей и поклонников творчества Кастанеды после знакомства с этой информацией просто забыли ее. Также в редких источниках упоминается о неких черных демонах, которых знали несколько африканских племен. Эти демоны, согласно описаниям, пришли с черного неба и теперь живут среди людей, становясь невидимыми и читая наши мысли. О черных Гнаххридах, парящих в пространстве наших мыслей упоминалось в древних шумерских текстах. Аборигены Австралии тоже знали неких черных существ, повелевающих людьми и поедающих их смех. Между прочим тайшины тоже владеют информацией о «Скатах». Они называют их «Шиигами», а процесс захвата ими тайной власти над людьми — Великим Одержанием. Максим не успел рассказать тебе об этом?

Скоков смотрел на Мальцева без тени улыбки, но Владиславу показалось, что в голосе Харта прозвучала тщательно скрываемая ирония.

— Нет, не успел, — сухо пробормотал он, и отвернулся к окну, рассматривая далекие огни города, тлеющие в ночи.

Скоков рассматривал собеседника с понимающей улыбкой.

— Клан Волка тоже не случайно возник здесь, на Алтае. Считается, что его создали древние боги, для того, чтобы охранять Наследие. Самое интересное, что Клан объединяет в себе несколько традиций, несколько Общин, которые на протяжении многих сотен лет были Хранителями тайных знаний, местом зарождения которых является Алтай.

— Вы считаете, что в этом Наследии скрыта необходимая вам информация?

— Безусловно.

— И вы думаете что делать с этим Наследием? То ли использовать его, то ли уничтожить?

Ронин задумчиво произнес.

— «Великая Дилемма».

— Что, опять? — Аргус невесело усмехнулся. — Замкнутый круг, какой-то.

— Буду с тобой откровенен, да ты и сам многое понял. Часть Хартов стала таковыми по причине банального страха. Но есть и другие, те, которые на самом деле любят людей и

мечтают изменить существующую ситуацию, даже понимая тщетность своих попыток, — Скоков покачал головой, — Отсюда разница не только в методах, но и в мотивах, и в стимулах. Именно поэтому, таким как я, приходится работать с такими как Уюм. Я ведь на самом деле был другом Венгерцева. А когда понял что происходит, то ничего не мог сделать — «Великая Дилемма». Поэтому и отношение к Клану Тай-Шин у нас разное.

Аргус кивнул.

— Ну, это я понял. Поэтому мы с вами здесь, а они — там. Правильно? «Инки» преследуют тайшинов?

— Да. Харты очень давно наблюдают за деятельностью Клана.

— Наблюдать — это одно. «Инки» преследуют их?

— Видишь ли, — Ронин вздохнул, — Клан Тай-Шин как-то связан с Культом древней Богини. Учение Иту-Тай, которое они практикуют, связывает Культ Громовержца, Небесного Бога и Культ Вечной Женственности, Земной Богини. Между прочим, в древние времена, когда на Алтае господствовали скифские племена, люди наделяли все вокруг духом женственности. Даже огонь был женского рода. И одной из Хранителей Алтая считалась Белая Волчица, Хозяйка Алтая. Но со временем все изменилось. Настя рассказывала тебе об этом. Богиня покинула этот мир. Женщины прячутся от неведомой опасности, инстинктивно прикрываясь мужчинами. И согласно некоторым гипотезам, черные кляксы в космосе, как и «Скаты», как-то связаны с женщинами. Поэтому многие из Хартов полагают, что если Богиня опять выйдет в Серединный Мир, то может произойти нечто страшное, и Система рухнет. Поэтому они являются инициаторами превентивных мер по отношению к Тай-Шин. Именно приверженцы этого древнего страха на протяжении столетий преследовали тайшинов и препятствовали любой попытке вернуть в наш мир даже упоминание о Вечной Женственности.

— Но есть и другие, как следствие «Великой Дилеммы». Вы считаете, что возвращение Богини может спасти людей от неминуемой гибели?

— Не совсем так, м-м — Ронин опять нахмурился, пытаясь доходчиво выразить свои мысли, — Пойми, пока мы подвержены контролю со стороны Системы, наше сознание имеет определенные ограничения. Это как предохранители в голове, которые срабатывают, стоит нам выйти за дозволенные рамки. Именно поэтому мы не можем осознать истинной картины происходящего. Я же хочу выйти за границы Великой Дилеммы, не пытаюсь сделать невозможное, а просто разрубить Гордиев узел. Я хочу знать. Хочу увидеть все в истинном свете. А для этого мне необходимо избавиться от ограничений, раскрепостить свое сознание. Стать...

— Оборотнем, — продолжил Аргус фразу, недосказанную Хартом, и посмотрел на него с интересом.

— Вы что, правда хотите стать оборотнем?

— Я хочу знать, — Скоков смотрел прямо перед собой, и Мальцев понял, что полковник говорит с ним искренне.

— Вы поэтому искали меня?

— Я — да.

— А «инки»? Для чего им нужен я? Хотят с моей помощью выйти на тайшинов?

Скоков рассмеялся.

— Да что ты, Влад! Ты не знаешь о тайшинах и сотой части того, что знают о них Харты. «Инкам» ты не нужен. Они хотели сделать из тебя «отмычку», пропуск в мир Тай-Шин.

— Как и вы?

— Технически — да. Но у нас разные цели. Я предлагаю тебе паритетное сотрудничество. «Инки» же в любом случае будут мстить тебе за своих людей, даже если ты станешь одним из

нас — Хартом.

— Но если Харты столько знают о тайшинах, почему они до сих пор не уничтожат их?

— По нескольким причинам. Одна из них в том, что тайшины лишь наполовину являются людьми. Все они принадлежат к древнему Сумеречному Роду, что делает их подконтрольными Системе лишь частично. Поэтому многие методы Хартов просто не действуют по отношению к людям Рода Волка. Они не могут отслеживать тайшинов. Это в значительной степени затрудняет влияние Хартов на тех, кто называет себя «оборотнями».

— Это я понял, но вы очень рискуете, рассказывая мне об этом. Я так понимаю, что назад в дом мы возвращаться не собираемся? То есть, вариантов по дальнейшему развитию событий у меня не очень много? Либо согласиться на ваши предложения, либо...

Ронин кивнул.

— Аргус, ты же умный мужик. Ты все понял. Ставки слишком велики. Решение за тобой.

Он открыл дверь и вышел на морозный воздух, оставляя Мальцева в салоне автомобиля одного. Через десять минут он сел обратно в машину и кивком головы задал Владиславу немой вопрос.

— Я понял, Ронин, понял. Что от меня требуется?

— Ты знаешь, где Ковров?

— Да. Во всяком случае, я знаю, где он был несколько дней назад.

— Поехали.

— Что, прямо сейчас?

Скоков удивленно посмотрел на пассажира.

— А ты думаешь, у нас есть время на раскачку?

Мальцев задумался и тихо проговорил:

— Ронин, я должен быть уверен, что Максиму ничего не будет угрожать.

Скоков слегка ударил обеими руками по рулевому колесу.

— Ему будет угрожать опасность в том случае, если первыми его найдут «инки». Уж можешь мне поверить. Поэтому, постарайся, пожалуйста, сделать все возможное, чтобы первыми с ним встретились мы. Куда ехать?

Неслышно зашелестел мотор «Хонды» и, спустя несколько секунд, необходимых Мальцеву для того, чтобы назвать адрес, автомобиль тронулся с места и, стремительно набирая скорость, помчался по шоссе в сторону Страны Золотых Гор — на Алтай.

Турбаза «Адару», район озера Ая.

Они стояли на берегу Катуня, которая уже начала давать первые трещины. На середине реки, там, где был очень тонкий лед, поднимался призрачный пар, словно река горела изнутри. Было раннее утро. Все как тогда, в том Сновидении, когда Ковров попрощался с Аргусом.

Скоков стоял, засунув руки в карманы и, прищурившись, с явным наслаждением смотрел на утренний пейзаж. Мальцев же сидел перед давно потухшим костровищем, присыпанным ночным снежком. Вот именно здесь он сидел во сне. Так что тогда это было все-таки, сон или явь? Он поискал палку, которой ворошил костер, но не нашел ее. Тогда он наклонился и, выбрав из огарков небольшой кусок угля, провел им по лицу, оставляя на нем черные следы. Ронин улыбнулся, разглядывая его.

— Ты прямо командос натуральный. Что, здесь вы встречались последний раз?

Мальцев кивнул. Ощущение нереальности происходящего не позволяло собраться с мыслями и хоть более-менее связно соображать. Он почувствовал вдруг острую тоску и еще что-то, напоминающее ностальгию и какую-то светлую грусть. Закрыв глаза, он тихо процитировал:

— «Этим и кончилась битва: оба Рыцаря ударились о землю головами и полежали немного

рядышком. Потом они поднялись и пожали друг другу руки. Черный Рыцарь уселся в седло и ускакал.

— Блестящая победа, правда? — спросил, подъезжая к Алисе, Белый Рыцарь и перевел дыхание».

Скоков, удивленно вздернув брови, посмотрел на Владислава, а потом, опять улыбнулся:

— «Алиса в Зазеркалье»? Что Аргус, чувствуешь себя попавшим в Зазеркалье?

Мальцев бросил обратно в костровище уголек, встал, поднял руки вверх и, запрокинув голову, глубоко втянул морозный утренний воздух.

— Я до настоящего момента не мог поверить окончательно, что такое возможно.

— Что? Сохранять во сне осознание?

— Посещать во сне реальные места.

Скоков присвистнул.

— Кто бы говорил... После твоего визита в офис «ИНИСА», я думал подобный скепсис отпадет даже у выдавших виды «инков». Или ты думал, что это тоже лишь иллюзия?

Мальцев засмеялся.

— Да, я тогда оторвался на славу. Еле, правда, ноги оттуда унес. Это ведь вы тогда мне помогли? Я долго очухаться не мог. Думал, что это один из «Больших Снов», так называют шаманы сновидения, в которых духи показывают им Знаки. А потом уже понял, что каким-то образом я на самом деле там был. Но ведь это, во-первых, под Корчуном было. А, во-вторых, в теле Зверя. Это совсем другие ощущения. Когда, проснувшись, снова становишься человеком, воспоминания об этих путешествиях тают, словно это и вправду был просто сон.

Они постояли какое-то время молча, наслаждаясь туманной дымкой на реке. Пар стелился над заснеженной Катунью неслышно, словно боясь побеспокоить окружающую тишину. Наконец Ронин нарушил беззвучие утра.

— Ну что, где теперь его будем искать?

Мальцев пожал плечами.

— Не знаю.

— Вспомни, что он тебе говорил.

Аргус прищурился.

— «Поймать оборотня невозможно, потому что для этого самому нужно быть оборотнем».

Ронин подошел к тому месту, где стоял Владислав и, наклонившись к месту недавнего костровища, подцепил кончиками пальцев один из угольков. Повертел его в руке и, бросив обратно, провел испачканными пальцами по лицу, подмигнув напарнику:

— Ну, значит будем обучаться искусству оборотничества в экстремальных условиях. Пойдем в бар, попросим по чашке горячего кофе. Заодно и расспросим. Может, всплывет что-нибудь интересное.

Пока Скоков беседовал в баре с представителями местной администрации, Мальцев бродил по базе, рассматривая окрестные пейзажи. Он был здесь с Максимом один раз проездом, остановившись ночевать во время одной из экспедиций в алтайские горы. Но все, что он запомнил об этой поездке, это их ночной костер на речном берегу. Именно поэтому он сразу узнал это место. Теперь, при свете дня, он хотел поближе познакомиться с окружающим ландшафтом. Высоких гор здесь не было, но покрытые березами холмы и чистейший воздух компенсировали это обстоятельство сполна.

Вдруг Аргус насторожился. Ему послышалось? Нет, точно... Странный звук повторился. Аргус почувствовал, как холодная волна ужаса прошла по телу, сковывая мышцы и дух ледяным холодом.

Не может быть! Этого просто не может быть!

Ватная рука машинально нащупала в кармане маленький швейцарский нож «Victorinox». Но в данной ситуации, это был весьма ненадежный инструмент. Аргус ощутил головокружение — мир вокруг пошатнулся и стремительно двинулся по часовой стрелке.

Этого просто не может быть...

Судя по звукам, медведь был где-то совсем близко.

Голос Адучи... Далекий и в то же время отчетливый. Ну конечно — это голос из прошлого. Им заговорила с перепуганным сознанием далекая память.

«Ужаснись человек. Трепещи от осознания могущества покровителей своих... Древние боги, обернувшись, показывают нам личину звереву, дарованную им духом свободной тайги...»

Это Адучи говорит или нет? Голос похож... Где он? Память! Память, скажи что-нибудь еще!

«АРК — значит Медведь».

Медведь? Он где-то рядом... Или это тоже иллюзия? Голос из прошлого...

«АРК... АРГ... АРГ...»

«Велес и Медведица... У них был сын. Один из древних покровителей светлого рода людей. Его звали Арг, Медведь...»

Огромное звездное небо над головой. Это тоже из прошлых видений. Сейчас утро. Небо чистое и безоблачное. Велес... Он уже слышал это имя. Что оно значит? Арг... Тоже что-то знакомое. Может быть это как-то связано с прозвищем, которое дал ему Адучи? Тысячеглазый Аргус, сын Геи, символ звездного неба. Неба...

Мальцев осознал, что лежит на земле, раскинув руки, и смотрит в чистое лазурное небо, раскинувшееся вверху необъятным сводом. Он, наверное, потерял сознание, так как даже не помнил о том моменте, когда упал. Видимо сказалось накопившееся напряжение последних дней. Организм не выдержал перегрузки и просто выключил восприятие, зафонтанировав напоследок воспоминаниями. И голос медведя...

Аргус поднялся на ноги, отыскав лежавший неподалеку выпавший из руки нож. И опять слышал протяжный рык. На этот раз сомнений не было — где-то рядом был настоящий медведь. Мальцев оближал пересохшие губы и сделал шаг вперед. Шаг навстречу своему самому сильному страху.

Медведь смотрел на него из-за толстой решетки. Он сидел в самом углу небольшой клетки, сваренной из решетчатых плит и поставленной прямо на улице. Судя по всему, медведь был еще в юношеской поре, хотя даже при этом его размеры внушали трепет. Он замер обхватив изгрызенную крышку от автомобиля, и выглядывал из-за нее, настороженно поглядывая на нового гостя. Мальцев на ватных ногах подошел к клетке. Медведь заурчал и, откинув крышку, подошел к прутьям вплотную, просунув сквозь них когтистую лапу. Мальцев задрожал, из последних сил сдерживаясь, чтобы не вскрикнуть.

— Он ждет, когда вы его покормите.

Маленькая девочка, лет шести, стояла рядом и показывала Владиславу на протянутую лапу. Он был так напуган и поглощен своим страхом, что не заметил ее появления.

— У вас есть сахар?

Аргус растерянно посмотрел на нее, а затем покачал головой. Девочка перевела взгляд на его руки.

— Дядя, а зачем вам нож?

— Нож? — Мальцев только сейчас заметил, что по-прежнему держит в руке перочинный нож. Он тут же закрыл его и убрал в карман.

— Он смешной, правда? — девочка бросила медвежонку пару белых кусочков сахара, которые тот сразу выгреб когтями из месива земли, опилок и помета. Спустя мгновение сахар исчез во рту таежного принца. Мальцев отрешенно наблюдал за этим зрелищем. То, что происходило в это время в его душе, невозможно было описать никакими словами. На смену страху опять накатила удушливая и пронзительная тоска. Хорошо, что девочка в этот момент смотрела не на него, а на медведя.

— Бедненький. Ему так тоскливо здесь и одиноко. Вам его жалко?

Аргус посмотрел зверю прямо в глаза, чувствуя, как эмоции захлестывают его, угрожая разорвать хрупкое человеческое сердце. Он даже не смог ответить девочке, которая, впрочем, не обратила на это внимания.

— Люди не думают о чувствах животных, — задумчиво произнесла она, и пошла по тропинке, стараясь не оборачиваться на клетку. А Влад, смутно отдавая себе отчет в своих действиях, протянул к прутьям открытую ладонь. Медведь, думая, что человек принес ему угощение, опять просунул сквозь клетку свою большую мохнатую лапу. Кончики пальцев и когтей коснулись друг друга, словно в символическом рукопожатии. Не получив ожидаемого лакомства медведь разочарованно заурчал и попытался ухватить протянутую к нему руку. Влад молниеносно отдернул ее и медленно опустился на землю, чувствуя, что непрошенные слезы все же вырвались наружу.

Скокова он встретил около бара. Харт сразу обратил внимание на заплаканные глаза попутчика, и Мальцев сразу ощутил тончайшее прикосновение к своей мысленной сфере. Не смотря на то, что телепат получил ответы на свои вопросы, он задал символический вопрос:

— Где ты был? Что произошло?

Мальцев отмахнулся от вопросительного взгляда Ронина.

— Встречался со своим прошлым.

— И как прошла встреча?

— Я, кажется, начал что-то понимать...

— Что?

— Не знаю. Это только начало. Информация о Коврове есть?

Скоков засунул руки в карманы кашемирового пальто и поежился. После теплого бара и горячего кофе, ему хотелось поскорее сесть в прогретый салон своего автомобиля.

— Ничего нового. Говорят — часто приезжал сюда. Был недавно, но несколько дней назад уехал. Куда, никто здесь не знает.

— Я знаю.

Ронин промолчал, сдерживая вопрос, видимо опять довольствуясь своими телепатическими возможностями. Мальцев обернулся на тропинку, ведущую к клетке с медведем.

— Он может быть на Семинском перевале. В прошлый раз, когда мы приезжали сюда вместе, мы поехали потом туда.

Скоков поднял ворот пальто.

— Тогда нам нужно ехать. Не будем терять времени.

Мальцев кивнул.

— Да. Только... Хочу сходить на берег. Попрощаться...

Ронин похлопал его по плечу, словно понимая его состояние и, молча развернувшись, пошел по направлению к автомобилю, припаркованному возле домика администрации базы.

Аргус стоял на большом валуне и, сложив перед собой руки, смотрел на Катунь. Он вспомнил, как Ковров обращался с этой рекой — гладил ее, разговаривал, шептал ей что-то, посылал ей воздушные поцелуи. Древнее наследие Тай-Шин. Воины, охраняющие древнюю Богиню. Он вспомнил, что слово «Катунь» по-тюркски означало «женщина». Туман стелился над снежной речной гладью, словно скрывая что-то от посторонних глаз. Аргус спрыгнул с валуна и, зачерпнув рукой снег с заснеженного русла, растер себе лицо.

— Спасибо... — произнес он громко, обращаясь сам не зная к кому. Повернувшись, он стремительно пошел той же тропинкой, которой уходил Ковров, во время их последней встречи. Затем, он вдруг остановился и вернулся на свое место у самой кромки снежной Катунь. Подумав немного, словно подбирая слова для последнего прощания, он опять закрыл глаза и тихо прошептал, словно рассказывая напоследок реке свою любимую детскую сказку:

«Пропев последние слова своей баллады, Рыцарь подобрал поводья и повернул Коня.

— Тебе осталось пройти лишь несколько шагов, — сказал он, — Спустишься под горку, перейдешь ручеек — и ты Королева! Но ты подождешь и помашешь мне вслед? — пробормотал он, увидев, что Алисе не терпится перепрыгнуть через последний ручеек, отделяющий ее от заветной цели, — Я тебя долго не задержу. Как увидишь, что я доехал до поворота, махни мне платком. А то я боюсь совсем упасть духом...».

Часть 5. КАМКУРТ (ДЖАКСИН)

Мир вокруг и внутри нас

Сказки для взрослых

*«Я родился сегодня утром, еще до первого света зари.
Молчанье у меня снаружи, молчанье у меня внутри.
Я кланяюсь гаснущим звездам, кланяюсь свету Луны
Но внутри у меня никому не слышный звук, поднимающийся из
глубины.*

*Я родился на Севере, чтобы дольше оставался цел.
У меня нет друзей, чтобы никто не смог сбить прицел.
Море расступилось передо мной, не выдержав жара огня,
И все стрелки внутри зашкаливали при первых проблесках дня.
Я родился со стертой памятью. Моя родина где-то вдали.
Я помню, как учился ходить, чтобы не слишком касаться земли.
Я ушел в пустыню, где каждый камень помнит твой след.
Но я не мог бы упустить тебя, как не мог бы не увидеть рассвет».*

Б.Г. «Не могу оторвать глаз от тебя».

«ВОЛЧЬЯ ТРОПА». Хроники Посвящения

Алтай, 2001 год, лето

Ковров Максим (Адучи)

*«Это не те истории, которые можно рассказывать как сказки.
При их помощи ты должен обдумать свой Путь, а затем оживить их».*

К. Кастанеда

ДВА ШАМАНА. Знаки Земли

Семинский перевал

*«Закутанный в черный костюм с перевязью,
с мечами, острее египетских бритв,
он встал перед Кругом исполненным вязью,
старинных, рунических, странных молитв»*

Зеленый Альбом «Телохранитель» А. Коробейщиков.

Автомобиль остановился на пыльной обочине Чуйского тракта. Два человека, одетые в зеленые ветровки и темные брюки, покинули нагретый салон и теперь стояли около машины, глядя на кедровый лес, покрывающий холмы Семинского перевала. Один из них, невысокого роста алтаец, возраст которого трудно было определить, кивнул головой в сторону кедрача.

— Он находится где-то здесь...

Второй, молодой, высокого роста мужчина с пронзительным взглядом карих глаз, повернулся на своего попутчика со странным именем Аксумаи. Это его Проводник, один из тайшинов, лесных воинов-охотников, причисляющих себя к Клану Волка, древнему роду, испокон веков обитающему на священных землях Алтая.

— Как мы его найдем?

— Не знаю.

— Сколько времени это займет?

Аксумаи смотрит на молодого спутника с улыбкой.

— Адучи, ты вернулся сюда спустя столетия...

Легкий ветер сорвался с верхушек ближайших кедров, растущих ближе остальных к покрытой асфальтом автостраде, и коснулся людей своим легким дыханием.

— Я хотел спросить, мы оставим автомобиль здесь, прямо на дороге? Или загоним его куда-нибудь в кусты?

Аксумаи, нахмутив брови, смотрит на него. Адучи улыбается. Он знает манеру своего Проводника. Он видит, что несмотря на серьезный вид, алтаец еле сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Делай с этим железным монстром все что угодно. Это же твой автомобиль...

Аксумаи делает шаг вперед и спускается с откоса, продолжая, не оборачиваясь, идти дальше. Адучи задумчиво посмотрел на машину. Отогнать ее куда-нибудь уже не было времени — тайшин не будет ждать его ни секунды. Оставить ее здесь было немыслимо — на автостраде покинутый автомобиль недолго будет оставаться в неприкосновенности. Адучи растерянно посмотрел вслед тайшину, и тот, словно почувствовав этот взгляд, обернулся и, махнув рукой,

крикнул:

— Да оставь ты ее. Возможно, она тебе больше не понадобится.

Сразу вслед за этим жестким советом последовал знакомый хриплый смех. Аксумаи как всегда ломал стереотипы обладания в привычном для тайшинов издевательском стиле — они делали все легко и просто, с изрядной долей юмора и иронии. Однако, непривычное еще к подобной стилистике поведения сознание, либо начинало негодовать, либо просто выбиралось из-под обломков разрушенных стереотипов на свободу. С Аксумаи первый вариант был изначально обречен на провал. Стоило Коврову задержаться хотя бы на минуту, погрязнув в привычной жалости к самому себе, тайшин просто ушел бы в лес, где найти его было уже просто невозможно. Поэтому на выбор реакции времени уже не осталось. Адучи заглянул в салон автомобиля и, взяв из бардачка нож в кожаном чехле, захлопнул все двери, бережно погладив пыльный кузов машины на прощание. Спустя мгновение он бежал со всех ног за Проводником, который уже входил в изумрудное царство кедрового леса.

Они опустились на колени в зеленую траву, остановившись на невидимой границе, за которой начиналась загадочная территория лесных духов. Адучи заткнул нож за пояс ветровки, но так, чтобы рукоять была доступна в случае любой непредвиденной ситуации. Аксумаи говорил ему, что это традиция древних охотников, которые использовали для охоты либо лук и стрелы, либо короткие клинки. Поэтому обучение в тайге неизменно проходило налегке, когда тайшины уходили в лес на несколько дней. Вот и сейчас они взяли с собой лишь остроотточенные ножи. Ничего лишнего.

Аксумаи сорвал несколько травинок и, тщательно перетерев их в ладонях, растер получившейся кашцей лицо несколькими пересекающимися линиями, отчего сразу стал похож на лешего. Эта маска и была предназначена для того, чтобы превратиться в лесного духа — Кочойда. Аксумаи сказал, что только так можно войти в особую сферу лесной жизни. Сферу, которую охраняли невидимые лесные старожилы и в которую не впускались посторонние, особенно если это были люди, живущие в пыльном и суетливом городе.

Адучи последовал его примеру, через несколько минут тоже став странным существом, которое уже нельзя было назвать человеком, но и к миру духов оно еще не принадлежало. Кочойда. Оборотень. Тайшин.

Они посмотрели друг на друга и, накинув на головы капюшоны зеленых ветровок, сложили определенным образом руки. Для того чтобы войти в лес, необходимо было уважительно попросить разрешения у Хозяина Леса. Без этого, подобные походы могли закончиться для входящего непредсказуемо. На фоне тихого шепота теплого ветерка чуть слышно зазвучали голоса двух оборотней, пришедших сюда в гости, и в то же время, вернувшихся домой.

Они пробродили по таежным холмам весь день. Солнце уже клонилось к горизонту. Адучи удивленно оглядел окружающий ландшафт. Они прошли никак не меньше сорока километров, но ему показалось, что на самом деле они по-прежнему находились недалеко от дороги. Он посмотрел на Аксумаи, который невозмутимо шел рядом с ним. Тайшин сразу прочитал его мысли и негромко проговорил:

— Неважно то, сколько ты прошел и куда вышел. Важно, в каком настроении ты это делаешь.

— Я думал...

— Неважно, что ты думаешь. Важно, как ты это делаешь.

— А как я это делаю?

Разлинованное зеленью лицо Аксумаи расплылось в улыбке.

— Очень громко. И много. Ты думаешь, что думать — это ни к чему не обязывающий пустяк? — он надул щеки, отчего стал похож на забавного персонажа из лесных мифов, — Если бы ты не тратил Силу на вздорные мысли, то давно уже нашел бы его...

— Кого? — осторожно спросил Адучи, который так до сих пор и не понял, что же они искали в этом густом кедраче. Местом Силы могло оказаться все что угодно. Аксумаи тихо захихикал, оставляя этот вопрос без комментариев.

Они развели костер на небольшой поляне, окруженной со всех сторон густыми деревьями. Сев на безопасном расстоянии от огня, спиной к обжигающему пламени. Обычно это время Аксумаи использовал, чтобы рассказать Адучи что-нибудь интересное из древних мифов или преданий. Вот и сейчас, Проводник глубоко втянул в себя воздух, словно привлекая к себе внимание молодого тайшина.

— У нас есть еще время, поэтому я хочу поговорить с тобой о твоих мыслях. Ты готов?

Адучи кивнул не задумываясь. Аксумаи тихонько усмехнулся.

— Ты знаешь, что означает слово «Кангый»? — он обвел руками окружающие сумерки, склеивающие высокие кедры вокруг в одну объемную композицию.

— Это Лес?

— Лес. Но и не только, — Аксумаи показывает рукой на звездное небо в вышине.

— Это космос?

— Да. Космос. Но и не только, — темное лицо под капюшоном невозможно разглядеть.

— Это Бог?

— Кангый — это Высший Дух, который больше чем любой из богов. Кангый — это Сила, которая пронизывает все. Он необъятен, непознаваем, единый и всеобъемлющий. Он живой, он все видит и слышит, знает и чувствует. Кангый — это... — Аксумаи сделал несколько нелепых движений, обозначающих мучительные попытки подобрать название тому, что невозможно облечь в слова. Адучи кивнул, стараясь прекратить эти безуспешные попытки.

— Я понял.

Даже в темноте было видно, как вытянулось выкрашенное травяной краской лицо Аксумаи.

— Ты?! Понял?! — казалось, тайшин увидел перед собой воплощение одного из высших божеств, — ты понял кто такой Кангый?? — он упал на колени и смиренно склонил голову в капюшоне перед молодым тайшином. Адучи улыбнулся.

— Ну, я не это хотел сказать...

Аксумаи облегченно вздохнул и вернулся на свое место.

— Ух, что же это ты делаешь со мной? Вот в этом твоя основная проблема — ты тратишь свои силы на то, чего на самом деле не хочешь. Ну да ладно, не будем отвлекаться на твою глупость. Постарайся только впредь не пугать старика подобными заявлениями.

Он повернулся к костру и подбросил в него несколько толстых палок.

— Кангый является источником всех энергий. Звезды и планеты созданы и пронизаны этими энергиями. Они имеют множественные проявления. На нашей планете они представлены в виде земных и космических энергий. Эне-кин и Ада-кин. Среди людей, есть такие, которые не утратили своей связи с Природой. Они способны смутно ощущать некоторые из этих энергий. Есть и такие, чье сознание очищено от мути человеческих заблуждений. Таких людей называют «кеспочки» и «ярлакчи» — ясновидящие. Они способны не только видеть эти энергии, но и вступать с ними в сознательный контакт. На планете есть места, где сила этих энергий имеет особую мощь. Такие места называются Местами Силы. На Алтае эти Места исполнены особого, сакрального значения. Недаром Алтай называют Хан-Алтай или Кан-Алтай — «родной Алтай», «Пуп Земли». Согласно древним преданиям, именно через Алтай, проходит невидимая ось,

соединяющая Полярную звезду, Солнце и Землю. Именно на этой оси находятся Два Великих Созидателя — Кек Джайан и Ак Джайан, Синий и Белый Создатели, Космический Дух и Земной Дух. Именно они рождают жизнь на Земле. Теперь ты понимаешь, почему мистический знак Тай-Шин — это Два Волка, Кек Бюри и Ак Бюри? Синий и Белый Волк...

Костер трещит, словно напоминая о своем существовании. Тайшин бережно подбрасывает в объятия пламени еще несколько сухих поленьев.

— Но мы не будем отвлекаться. Давай говорить о мыслях. Как ты думаешь, мысли обладают силой?

Адучи задумался. Если он скажет что да, Аксумаи упрекнет его в безалаберном отношении к силе. Если скажет что нет, опять скажет не то, что хотел сказать... Аксумаи терпеливо наблюдал за этими раздумьями, наверняка читая все эти сомнения в мыслях своего попутчика.

— Ну ладно, не мучайся. Скажи, откуда исходит мышление?

Адучи хотел было показать рукой на голову, подразумевая в качестве источника мышления головной мозг, но опять усомнился. Слишком очевидно и, как всегда, достаточно шаблонно. Аксумаи усмехнулся.

— Не трать свою силу на поддержание своих сомнений и чувства собственной значимости. Просто скажи — «не знаю», — он наклонился чуть вперед, и доверительно сообщил, — я и сам толком не знаю. Уж слишком это сложно для нашего разума. Я могу лишь чувствовать. Получается что мысли очень тесно связаны с чувствами. А чувства живут здесь, — тайшин похлопал себя рукой по груди, — Поэтому, можно сказать, что чувства это ветер, который надувает паруса наших мыслей. А те, в свою очередь, направляют корабль нашего тела по безбрежному океану жизни.

Он замолчал, словно прислушиваясь к эху собственных слов.

— А что, неплохо сказал. Надо будет запомнить...

Адучи улыбнулся. Проводник был неисправим. Аксумаи опять тихо захихикал из темноты своей накидки. Но, уже через несколько секунд, его голос опять тихонько зазвучал на фоне потрескиваний сгорающей древесины.

— Как Алтай является средоточием Земной Силы, так и наше Сердце является центром нашей Силы. Ведь недаром говорят «чувствует сердцем», «сердце не обманешь», «сердце знает», «слушай свое сердце». На Алтае это называется «кегус» — «грудь», «сердце», «мудрость». Центр груди — это «кегус-чакыр» — «пустота сердца»...

Адучи сразу мысленно соотнес слово «чакыр» и знакомое слово «чакра». Аксумаи кивнул.

— Предки тайшинов именовали себя «Джаксин». Это слово тоже переводится как «Сердце наполненное Пустотой». Через Пустоту головы человек соединяется с Большой Пустотой, с Кангьем. Поэтому, тайшины считают, что Кангый разговаривает с тобой через Пустоту, потому что он сам является Пустотой, которая включает в себя все. Соответственно, через эту Пустоту, ты тоже можешь разговаривать с Кангьем...

Аксумаи замолчал, давая Адучи время, чтобы осмыслить услышанное. Через какое-то время он снова заговорил:

— В человеке обычно очень мало Пустоты. Что можно взять с собой туда, за грань видимого мира?

Адучи развел руками:

— Только Пустоту...

— Вот именно. Но вместо того, чтобы освободить себя от всего лишнего, современный человек отягощает себя абсолютно ненужным грузом. Это же касается и мыслей. Непрестанная внутренняя болтовня добавляет в рюкзак за твой спиной дополнительный вес. Внутренняя тишина открывает тебе дорогу к Пустоте, в которой ты можешь найти «Джал» — «Ветер», Силу,

которая управляет Вселенной.

Аксумаи кивнул головой в сторону, где по расчетам Адучи должен был проходить Чуйский тракт.

— Современные люди разучились думать. Их называют «куру башинг иштебейт» — «человек, у которого отсутствует пустота головы». Современные люди разучились чувствовать. Их называют «куру кексинг иштебейт» — «человек, у которого отсутствует пустота сердца». Поэтому, современному человеку все сложнее ощущать себя счастливым, ощущать себя связанным с Источником Всего Сущего.

Аксумаи пододвинулся поближе к Адучи, словно его последующие слова не должны были стать достоянием чужих ушей.

— Именно поэтому тайшины помимо Синего Круга, в котором они охраняли на протяжении столетий древнее Наследие Алтая, организовали Красный Круг — «Алаш». Тайшины Алаш стали жить среди людей, изучая перемены, происходящие в человеческом обществе. Но для того, чтобы не выделяться среди городских жителей, они стали практиковать искусство Оборотней, которое позволяло им на протяжении долгого времени сохранять свое присутствие среди людей в тайне. В основу своей деятельности Алаш положили древнюю алтайскую мудрость «АЛА», которая позволяла развивать гармонию жизни, очищать связующее человека звено с безграничным пространством Кангья. Но...

Голос Аксумаи понизился до еле различимого шепота, и Адучи пришлось наклониться практически к самым губам Проводника.

— Проблема людей в том, что их сознание находится в плену. Это обстоятельство и определяет уровень зла в обществе. Это и вынуждает человека выбирать для себя тропы зла в этом мире. Но от этого плена есть избавление. Стоит достичь Пустоты, и оковы чужой воли осыпаются, словно пепел с огарка, бывшего некогда прочной древесиной

Адучи сделал движение рукой, словно желая задать вопрос.

— Но получается замкнутый круг: когда достигаешь Пустоты, оковы зла спадают. Но достичь Пустоты невозможно, потому что сознание людей скованно оковами зла. Где выход?

Аксумаи хмыкнул, явно довольный вопросом.

— Достичь Пустоты возможно, хотя и сложно. Это путь длиною в целую жизнь. И именно для этого и существует «АЛА». Она помогает людям начать этот путь. Но об этом мы поговорим попозже. Сейчас нам пора спать.

Адучи хотел было попросить Проводника не останавливаться на самом интересном, но он прекрасно знал, что тайшин делает все это не случайно. Они закутались в просторные ветровки и легли вдоль линии костра. Ночь тихо наблюдала за ними тысячами глаз с вышины, и лес тихонько шептал им что-то мохнатыми ветвями, будто желая своим гостям добрых сновидений.

Пробуждение. Но не резкое и внезапное, а мягкое и спокойное. Адучи открыл глаза. На первый взгляд все вокруг было без изменений: звезды высоко в небе, догорающий костер, спящий Аксумаи, окружавшая их со всех сторон ночь. Но это только на первый взгляд. Адучи чувствовал — что-то вокруг было не так. Что? Он тщетно пытался разглядеть в темноте источник своих сомнений.

«Куру кексинг иштебейт» — «человек, у которого отсутствует пустота сердца». Современные люди разучились чувствовать.

Он улыбнулся. Ну конечно, достаточно было прислушаться к своим чувствам, чтобы понять — он уже неоднократно испытывал эти ощущения. Он был в Сновидении. Один из его Наставников, Кадамай, обучал его этому Искусству. На протяжении нескольких лет Адучи пытался научиться осознанно управлять своими сновидениями. Когда они превратились из

сновидений в Сновидения, он долго изучал причудливые миры за гранью бодрствующего сознания. Пока, наконец, не проснулся в реальности. Какого же было его удивление, когда он понял что находится в реальном времени, а его физическое тело при этом по-прежнему спит. Тайшины называли такие Сны — КЭРСО. Это был парадокс человеческого сознания — много лет учиться засыпать, для того чтобы, наконец, проснуться в настоящем. И самое интересное было в том, что основа искусства Сновидения заключалась в одном простейшем действии — умении понять во сне, что это сон. Достаточно было подумать во сне — это сон, и все, перед человеком раскрывались невероятные просторы иных миров. Вот и сейчас, можно было осмотреться и опять впасть в беспомыслие, а можно было осознать — это сон! Адучи выбрал второе и, встал на ноги, еще раз осматривая место их ночлега. Вдруг в темноте среди кедровых стволов послышался шелест крыльев и утробный звук. Тайшин повернулся и сразу увидел его. Лесной гость, огромных размеров филин, сидел на низкой ветви ближайшего к костру дерева и смотрел на Кочойда. В Кэрсо такие знаки не бывают случайными. Подобный пришелец в осознанном Сновидении, явно обращающий на себя внимание сновидца, был либо Коур-ангом, Союзником, либо Проводником. У Адучи уже был Коур-анг Кэрсо — его верная собака Арчи. Поэтому филин предлагал ему совсем иную помощь. Птица моргнула и, расправив крылья, неслышно соскользнул с ветки. Адучи последовал за ней, во тьму леса, которая начала светиться мягким нежным светом, напоминающим призрачный свет далекой Луны. Сновидение начиналось.

Раздвинув руками ветви, тайшин оказался перед небольшой поляной, которая находилась от места их ночлега всего в нескольких минутах ходьбы. Они с Аксумай проходили ее, но днем поляна была пуста. Ее покрывал густой ковер высокой травы, кустарника и чертополоха. Сейчас все пространство поляны занимал молитвенник, судя по внешнему виду, очень древний. Адучи с изумлением рассматривал старинное строение и ограду, заросшую серебристым мхом. Внутри огороженной территории стояли вкопанные в землю изваяния, древние идолы, вырезанные из дерева. Они словно охраняли это место от незваных чужаков. Филин, гулко ухнув, сел на ограду, будто приглашая тайшина войти. Сновидец вышел из укрытия кедровых ветвей и подошел ко входу в молитвенник, залитый светом звездного неба. В памяти сразу всплыли слова Аксумай, сказанные им, когда они миновали эту поляну.

«Ты думаешь, что тайшины такие глупцы, чтобы оставлять следы своего пребывания в этом мире на всеобщем обозрении?». И тут же, сделав несколько шагов, он останавливается и, оборачиваясь на Коврова, улыбаясь, произносит:

«Ну не думаешь же ты, что тайшины такие глупцы, чтобы прятать их куда-то?».

Выходит, они спрятали одно из своих культовых мест, но в то же время, оставили у всех на виду. Молитвенник находился в этом мире, но был доступен только для измененного состояния сознания. Для сознания, занятого привычными проблемами, эта поляна будет лишь труднопроходимым местом, густо заросшим колючей травой и кустарником.

Адучи посмотрел на филина и молча кивнул ему, словно спрашивая, что делать дальше. Но птица сидела не шелохнувшись, будто превратившись в один из резных идолов. Тайшин сделал шаг вперед и остановился. Он знал, что должен войти в эти ворота, сложенные из иссушенных жердей, но в то же время, что-то мешало ему сделать следующий шаг. Он застыл перед входом, словно завис между прошлым и будущим, настоящим и безвременьем. На какое-то мгновение Адучи показалось, что время на самом деле остановилось, но он начал выпадать из него, пробуждаясь и теряя ощущение реальности. Он запаниковал, а потом понял, что так еще быстрее выйдет из Кэрсо. Нужно было на чем-то сфокусировать свое внимание, не позволить ему включиться в виртуальный поток внутренней болтовни. Адучи сосредоточился на мельчайших

деталей молитвенника, рассматривая его из-за огады. Но вдруг вся поляна стала погружаться в туман. Он выполз из леса и теперь заполнял поляну призрачными клубами ночной дымки. Адучи почувствовал, что еще мгновение и древний молитвенник растворится в тумане, оставляя за собой лишь обычные заросли травы и чертополоха. Туман сгустился и стал непроницаемым. Лишь силуэт филина, сидящего на жердине, возвышался над клубящейся дымкой. Адучи уже ничего не видел, но продолжал ощущать присутствие Кэрсо вокруг. Шепот. Возник где-то рядом и исчез. Туман. Тишина. Опять кто-то шепчет, совсем рядом, в нескольких шагах. Но никого не видно. Лишь непроницаемая стена тумана вокруг. Адучи плывет в этой призрачной реке, отыскивая шептуна. Тщетно. Он как будто растворяется в серебристой пелене, тая словно фантом. Кто это? Аксумаи? Вдруг... в тишине возник еще один далекий звук. Адучи прислушался к нему. Это была музыка. Простая, и в то же время невероятно глубокая и мелодичная. Туман стал таять. Через несколько мгновений он отступил обратно в лес, будто впитался в иглы и стволы окружающих поляну кедров. Адучи по-прежнему стоял на поляне перед входом в молитвенник, и он по-прежнему был в Кэрсо, истинном Сновидении. А музыка уже звучала со всех сторон. Странная, чарующая, наполненная диковинными ритмами, завораживающими дух. Тайшин никогда не слышал ничего подобного, и в то же время, мелодия была ему смутно знакома. В этот самый момент, когда он стоял зачарованный невидимым игроком, из молитвенника, откуда-то изнутри, вышел человек. Шаман. Он был облачен в одежду, окрашенную в красные тона: причудливая красная маска на лице, красные и бордовые перья в длинных волосах, шикарный костюм из небольших красных пластин, красные широкие штаны и мягкие кожаные туфли, тоже красного цвета. На руках у него были надеты красные перчатки с удлинёнными пальцами, которыми шаман перебирал в воздухе, словно извлекая из него все эти чарующие звуки. Зрелище было абсолютно нереальное. Для обычного восприятия. Но для восприятия погруженного в Кэрсо, маскарадная фигура шамана очень гармонично вписывалась в антураж призрачной поляны.

Шаман танцевал. В каждом его движении была невероятная грация, как будто танцор был Мастером Танца. Он проплыл под музыку по внутреннему двору молитвенника и остановился справа от входа. В этот момент из молитвенника появился второй персонаж этого невероятного Сновидения. Но в отличие от первого шамана, второй шаман был одет в одежду темного цвета. На лице черная маска, закрывающая нижнюю половину лица. На голове тоже перья, но не пышные и яркие как у танцора, а черные и тонкие, принадлежащие ранее вороньим крыльям. Темная одежда сшита из шкуры черного волка. Черные штаны и туфли были украшены темно-синими кожаными полосками. Шаман двигался стремительно и неслышно, в одно мгновение оказавшись слева от входа, словно пронизав пространство своим телом. Филин, по-прежнему сидевший на оградной жерди, занервничал и расправил пестрые крылья, заурчав и замигав глазами. Адучи замер, разглядывая обоих сновидцев. Феникс и Ворон. Он начал что-то вспоминать.

Тайшин вдруг все понял. Он улыбнулся и сделал шаг вперед...

Пробуждение было подобно падению с неба. Адучи вздрогнул и открыл глаза. Было уже светло. Солнце пробивалось сквозь ветви деревьев, яркими лучами восхода. Костер погас, и теперь лишь слабо тлели в центре костровища самые большие угли. Рядом лежал, укутавшись в ветровку и ежась от утренней свежести, Аксумаи. Он еще спал. Или делал вид, что спал. От тайшина можно было ожидать чего угодно. Адучи вспомнил свой яркий сказочный Сон и улыбнулся. В это время заворочался Проводник и, откинув капюшон, посмотрел на Коврова. Адучи рассмеялся. Заспанное и покрытое травяной краской лицо тайшина выглядело невероятно комично.

— Доброе утро! — кивнул ему Максим, поежившись от прохлады.

ХРАНИТЕЛЬ. Знаки Воды

Телецкое Озеро. Мыс Куван

*«Мы стояли на плоскости, с переменным углом отраженья.
Наблюдая Закон, приводящий пейзажи в движенье.
Повторяя слова, лишённые всякого смысла
Но без напряженья, без напряженья...»*

Б.Г. «Аквариум»

Лодка, урча мотором, отошла от берега, оставив на суше двух человек — алтайца, неопределенного возраста и молодого человека лет тридцати. Лодочник помахал им рукой на прощание и направился обратно, в Иогач, откуда два странных человека прибыли вместе с ним в это безлюдное место, обдуваемое холодными ветрами с залива Камга.

Когда Аксумай и Адучи остались на берегу вдвоем, они набрали сушняка и сложили костровище неподалеку от кромки озера. Когда огонь вспыхнул среди сухих коряг и высушенного мха, Аксумай сел к нему поближе и кивнул Адучи на место рядом с собой. Они опять прибыли сюда налегке, не взяв с собой ничего кроме ножей, поэтому ни суэта с палатками, ни раскладывание походного скарба не отвлекало их от основной цели визита — от погружения в мифы и предания, которые помогали им преодолевать очередные Ворота на Волчьей Тропе. Так называли тайшины последовательное посвящения в таинство Иту-Тай — учение о двух Силах.

— Ты никогда не задумывался, почему мы часто разводим огонь рядом с естественными водоемами или реками?

— Это очень могущественные стихии, которые защищают человека от черных энергий?

— Да, это очень сильная защита. Но это еще и символ. Символ Иту-Тай, — Аксумай поводит в воздухе руками, и огонь, словно повторяя эти движения, сделал несколько изящных изгибов, будто танцуя на углях. Глядя на этот танец, Адучи сразу вспомнил свой Сон про двух шаманов, и уже собирался задать вопрос Проводнику, но тот остановил его движением руки.

— Не надо. Это был твой Сон. Тебе самому придется разбираться в том, что ты видел, — он сложил руки перед собой, — Огонь и Вода. Две противоборствующие стихии. Однако, используя искусство Иту-Тай, мы уравниваем их, и они начинают сотрудничать, взаимно дополняя друг друга.

Адучи вспомнил незаконченный в кедровом лесу разговор про искусство гармонизации жизни.

— Акс... — Он поспешно замолчал, потому что, находясь на Волчьей Тропе, тайшины не называли вслух своих имен и даже прозвищ, — расскажи мне про «АЛА».

Проводник улыбнулся, затем посмотрел на небо, словно прикидывая что-то.

— У нас еще есть время, поэтому я расскажу тебе. Видишь ли, люди очень уязвимые существа. Многовековой плен истощил их. Они так устали от самих себя и от окружающего мира, что им тяжело менять что-то в своей жизни. Они хотят получить все и сразу. Им мерещится какое-то радикальное решение всех их проблем, в одно мгновение и без лишних усилий. Поэтому среди людей так популярны сказки про волшебную палочку. Они ждут какой-то универсальной технологии, какого-то авторитета, который бы все сделал за них. Поэтому, если среди людей однажды появится какой-нибудь могущественный волшебник, то люди сразу

же отправят его в заточение и заставят исполнять свои желания. Так поступали практически все средневековые монархи. Но делать что-то самим, это не для людей.

Аксумаи вздохнул.

— Тайшины умеют делать некоторые интересные вещи, например, входить в таинственный мир Сновидений. Но водить туда людей или таскать оттуда различного рода знания для них, это перебор. Поэтому мы и стали оборотнями, невидимками. Единственное, что мы можем подарить людям, это мифы, абстрактные истории, которые послужат толчком для самостоятельной практики «АЛА». Никаких тайных знаний и техник. Тай-Шин только для тех, у кого есть «зуб Волка». Поэтому, ты должен очень четко себе это представлять — путь к свободе лежит во всех направлениях, и все достигают его по-разному. Что же касается «АЛА», то единственное что мы можем сделать, это рассказать о «аладыак» — наставлениях, которые могут помочь ориентироваться в пути. Итак, для начала очень важно найти «дьюрюмнин амадузын» — свое предназначение в жизни. Людям это кажется сложным, потому что у Системы, которая использует их для своих целей, есть свои причины препятствовать этому осознанию. Однако на самом деле это лежит где-то на поверхности. Нужно только выпустить наши истинные мечты на свободу. Но если пытаться сделать это умом, то ничего не получится. Ум занят навязанными целями. Поэтому в поисках своего Пути нам могут помочь только наши чувства. «Слушай свое Сердце». Помнишь? Затем, когда чувства определены, нужно уравновесить их с мыслями, а потом и с поступками. «Кылык санаа ээчир» — характер человека следует за мыслью, мечтой. Это и есть «АЛА». Поэтому для того, чтобы практиковать «АЛА», нужно утончать свои чувства, слушать свое сердце, по честному относиться к своим истинным желаниям и мечтам, уважительно относиться к окружающему миру. «АЛА» — это Свобода, Самостоятельность, Любовь.

Аксумаи опять посмотрел на небо. Адучи проследил направление его взгляда и понял, что Проводник следит за движением солнца, которое уже склонялось за ближайшую гору.

— Мы кого-то ждем? — спросил Адучи настороженно. Аксумаи, ехидно улыбнувшись, кивнул.

— Кого?

— Великого Оборотня.

— Кого?

— Хранителя Озера Сновидений.

— У Телецкого озера есть Хранитель?

— Конечно. У каждого Места Силы есть Хранитель.

— А почему ты назвал его Великий Оборотень?

Аксумаи тихо рассмеялся.

— Увидишь — поймешь.

Адучи поежился.

— Мне как-то не по себе.

— Это нормальное состояние. Когда ты встретишься с Хранителем Озера, тебе станет еще хуже, — тайшин смеялся взахлеб, как маленький мальчик, которому доставляло удовольствие наблюдать за растерянностью выбранного им объекта насмешек. Адучи хмуро посмотрел на бликующую гладь озера. Его на самом деле одолевали мрачные предчувствия.

Оборотень появился спустя полчаса. Большая весельная лодка медленно выплыла из-за ближайшего мыса и, повинувшись воле ветра, стала приближаться к берегу. Аксумаи встал на ноги, наблюдая за Хранителем. Адучи тоже поднялся и встал рядом. На таком расстоянии лица человека сидевшего в лодке не было видно, поэтому Ковров напряженно всматривался в сутулый

силуэт. Проводник прочитал его мысли.

— Это не человек. И его лицо тебе не скажет ни о чем.

— Почему?

— Я же сказал тебе — это Великий Оборотень.

— Тайшины тоже называют себя оборотнями...

— Тайшины — оборотни сознания, они могут изменять состояние своего внимания.

Хранитель может менять свой облик.

— Физический?

— Да. Он постоянно выглядит по-разному. Например, когда я видел его год назад, он выглядел как дряхлый старик. А наша прошлая встреча, которая состоялась спустя три месяца, проходила уже с тридцатилетним мужчиной.

Адучи почувствовал дрожь, медленно распространяющуюся по телу.

— А он человек?

Аксумаи пожал плечами.

— Никто не знает. Мы называем его Во-Хо-То — водный шаман. Согласно легендам, он существует здесь с незапамятных времен и хранит тайну Озера. Также он следит за тем, чтобы вода в Озере оставалась чистой. Он может очень жестко наказать людей, которые загрязняют ее. Часто, под различными личинами, он появляется среди людей, посещающих Озеро. Еще чаще он появляется в их сновидениях. Но люди не замечают его присутствия ни в сновидениях, ни рядом с собой. Однако он очень внимательно следит за присутствием людей в районе Озера. Вот сейчас он узнал, что мы здесь и не замедлил приехать.

Адучи нервно сцепил руки.

— А зачем нам встречаться с ним?

Аксумаи повернулся к нему:

— Не знаю. Это традиция. Я привожу сюда всех тайшинов. Во-Хо-То — это обязательное условие Волчьей Тропы. Он заглянет тебе внутрь. Очень глубоко. Он посмотрит на твои истинные мотивы. И если твои побуждения чисты, он пропустит тебя дальше, подарив тебе напоследок какой-нибудь подарок.

— Подарок?

— Да. Я не знаю что. Скорее всего, научит тебя быстро входить в Сновидение. Даст Руну Кэрсо или что-нибудь в этом роде. Да, и еще один подарок, в случае если мы направимся дальше. Он ответит тебе на какой-нибудь вопрос, который мучает тебя. Особенно, если он связан со Сновидениями.

Он замолчал, глядя, как лодка качается на волнах, подплывая к песчаному откосу залива.

Адучи накиннул на голову капюшон ветровки.

— Водный шаман, Хранитель Озера Сновидений... Слушай, а может он сможет рассказать мне что-нибудь про Арчи?

Черная собака Коврова, погибшая несколько лет назад, и впоследствии ставшая его Коур-ангом, Животным Силы, Союзником из Сновидений. Этот Коур-анг тоже был как-то связан с водой, поэтому Ковров вдруг подумал, что таинственный Во-Хо-То может...

— Он может, — подтвердил его мысли Аксумаи, махая лодочнику рукой. Хранитель выпрямился и тоже помахал рукой им в ответ. Лодка уткнулась днищем в песочное дно залива. Адучи шумно втянул в себя воздух.

«ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК». Знаки Огня

Джазатор

«Если человек не думает, что он достиг чего-то сверхъестественного, тогда это хорошо. Если человек думает, что достиг чего-то сверхъестественного, тогда он привлечет демонов».

Сурангама Сутра

Солнце находилось в том положении на небе, когда было еще достаточно светло, но уже не так жарко, что указывало на то, что близился вечер. Адучи отмахивался от мелких мошек, которые атаковали его незащищенное лицо, а Аксумаи доедал оставшееся после обеда яблоко, приглашая Коврова присоединиться к скромному ужину.

— Да я не хочу есть. Поем утром.

Проводник фыркнул и, поперхнувшись кусочком яблока, выплюнул его, оглушительно засмеявшись. Адучи озадаченно посмотрел на тайшина, гадая, какая часть произнесенной им фразы могла вызвать подобную реакцию. Аксумаи спохватился и, сделав непроницаемое выражение лица, принялся дожевывать яблоко, стараясь при этом не смотреть на попутчика. Выглядело это крайне подозрительно. Адучи подсел к Проводнику поближе и напряженно спросил:

— Куда мы идем?

Этот вопрос вызвал еще более сильный приступ смеха у алтайца. На этот раз он даже не смог продолжить трапезу. Ковров прищурился и непроизвольно осмотрелся по сторонам. На Тропе Волка можно было ожидать чего угодно, причем в любой момент. Аксумаи повалился на спину, согнувшись пополам от смеха. Таким Максим его не видел еще ни разу.

— Да е-мое, может хватит меня третировать?

Но эта фраза лишь вызвала новый приступ смеха. Аксумаи натуральным образом истериковал. По его щекам текли слезы, и у Коврова даже мелькнула мысль, что Проводник лишился рассудка.

— Мы что, идем на встречу с очередным Оборотнем?

Лучше бы Адучи этого не говорил. Он понял, что любая его фраза в данный момент вызовет лишь усиление странной реакции тайшина. Наблюдая за затянувшимся приступом хохота, Ковров почувствовал, что его начинает одолевать ужас. И именно в этот самый момент Аксумаи перестал смеяться и сел, отряхиваясь от сухой травы, прилипшей к его ветровке. На его лице было абсолютно серьезное выражение, словно все что произошло, было лишь притворством, маскарадом. Он внимательно посмотрел на попутчика и тихо произнес:

— А ты как думал? С кем мы еще можем встречаться на «дороге Оборотней»?

Видя, как вытянулось лицо молодого тайшина, он вдруг смягчился и, похлопав его по руке, улыбнувшись, добавил:

— Не напрягайся. Пока ты идешь нормально. Нет причин для страха. Пойдем, нам нужно успеть до заката солнца дойти вон до той лощины. Там находится поселок. Там мы переночуем.

Он встал и, подмигнув Коврову, быстрым шагом пошел по направлению к лощине видневшейся невдалеке. Адучи быстро догнал его, бодро шагая рядом.

— А я думал ты сошел с ума...

Аксумаи посмотрел на него:

— Ты знаешь, иногда это здорово помогает. Наш ум очень сильно ограничивает возможности нашего сознания. Прими этот трюк на заметку...

Он скосил глаза к переносице и пустил слюну из уголка рта. Выглядело это отвратительно. Адучи поморщился.

Поселок состоял из четырех небольших деревянных домов и трех аилов. До него оставалось метров двести, когда Аксумаи остановился около огромного кедра и сел на траву.

— Давай отдохнем.

Адучи растерянно кивнул на видневшиеся неподалеку обиталища.

— Так поселок же рядом. Там и отдохнем.

Проводник отрицательно покачал головой.

— Я дальше не пойду.

Адучи медленно опустился рядом с ним.

— Что мне делать?

— Ничего. Ты пойдешь дальше, переночуешь в поселке, а потом... вернешься обратно.

— Обратно куда?

— Сюда. Я буду ждать тебя здесь.

— Это значит... моя цель — поселок?

Аксумаи молча кивнул.

— Что там?

Проводник пожал плечами.

— Каждый раз по-разному.

— Расскажи мне про него. Ты ведь бывал там? Кто там живет?

— Там никто не живет.

— В каком смысле?

— В прямом. Там нет людей.

— Он пустой?

Аксумаи, прищурившись, посмотрел на дома, мирно стоявшие невдалеке.

— Этот поселок называют Место Мертвых Голосов.

Адучи мрачно покачал головой.

— Зашибись... Я так и думал — в нормальное место ты вряд ли меня привел бы. Традиция?

Аксумаи кивнул. Адучи тоже посмотрел на дома, но теперь в его взгляде была настороженность.

— Почему его так называли?

— Ты точно хочешь, чтобы я рассказал тебе это?

— Ты и так жути уже напустил. Если ты мне не расскажешь, я там за ночь точно ума лишусь.

Аксумаи опять скорчил свою жуткую рожицу. Адучи закрыл глаза.

— Да ладно ты, — Проводник шутливо потормошил его за рукав, — с таким настроением тебе туда идти нельзя. А идти надо. Солнце садиться. Тебе нужно успеть попасть туда до темноты. У нас есть еще несколько минут. Поэтому я успею рассказать тебе историю этого места.

Алтаец скрестил ноги, устраиваясь поудобней.

— Это поселение возникло в начале прошлого века. Кто его создал, мне неизвестно. Я знаю лишь, что в середине прошлого века здесь произошло большое землетрясение. На поверхность вышла подземная река. Все дома, вместе с жителями, ушли под воду. А на месте поселка образовалось озеро. Выжить удалось только одной девочке. Ее не было в поселении, а когда она вернулась, то на месте родной деревни уже разливалась озерная гладь. Из под мутной воды еще долго раздавались крики и стоны. Но потом они стихли. Именно поэтому это место получило свое мрачное название. Спустя несколько дней, вода так же неожиданно ушла, как и появилась. Дома и аилы снова оказались на поверхности, но только людей в них уже не было. С тех пор поселок так и стоит здесь, заброшенный и забытый.

Адучи сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

— А зачем сюда водят тайшинов?

Аксумаи хмыкнул.

— Хороший вопрос. Видишь ли, подземные воды, которые проходят под поселком, перенасыщены каким-то газом. Он может вызывать галлюцинации и видения. А ты же знаешь, как тайшины любят подобные вещи? — Аксумаи провокационно улыбнулся, — Скорее всего, именно поэтому. Поселок используется как естественный толчок для расшатывания восприятия. Говорят, там тайшин встречается со своими страхами. Ну, все — время. Тебе пора.

Адучи встал.

— А откуда тайшины узнали об этом месте?

Аксумаи не двинулся с места.

— Девочка. Тайшины нашли ее и приютили в своей общине.

— Понятно, — Адучи кивнул, — А ты точно будешь ждать меня здесь? Я вернусь сюда на рассвете.

Аксумаи помахал ему рукой в направлении поселка, словно поторапливая.

— Иди и ничего не бойся. Я буду ждать тебя. Обещаю. Да, и передавай привет Мунгу...

Адучи удивленно посмотрел на торопившего его алтайца, но ничего не сказал, и, повернувшись, быстро зашагал вперед. Когда тайшин прошел уже полпути до места своего назначения, Проводник прошептал что-то тихо, словно желая своему ведомому удачи.

В домах было пусто. Одни стены и бревенчатые лежаки. Кроме домов в пустующем поселении находились также айлы — традиционные алтайские жилища, в них Адучи почему-то даже не стал заглядывать. В сумерках безлюдный поселок выглядел зловеще. Особенно учитывая обстоятельства, при которых это место обрело свое безлюдье. Единственное что немного утешало, это тот факт, что трагедия произошла здесь давно, почти полвека назад. Но все равно, ночевать в поселке, который на протяжении нескольких дней был гробницей для множества людей, было жутко. Но другого варианта не было. Нужно было определяться с местом ночевки, потому что на улице было уже темно, и через десять-пятнадцать минут вообще можно было ничего не увидеть. Адучи на всякий случай вытащил нож, который придал ему некоторую уверенность и вернулся в один из домов, который ему показался наиболее пригодным для ночевки. Там он сел на какие-то полусгнившие бревна и долго сидел в темноте, стараясь не уснуть. Должна же была эта ночь когда-нибудь закончиться.

Ему снились кошмары. Он знал, как бороться с ними в Сновидениях, но эти кошмары были иного рода. Они были порождением его самых глубинных и потаенных страхов. Адучи несколько раз вздрагивал и просыпался, затем снова погружался в наполненную переживаниями дрему.

Черный Человек. Он стоял в темноте и наблюдал оттуда за ним. Это и было самым страшным. Потому что не поддавалось ни контролю, ни воздействию. И это был не Сон. Или Сон? Или...

Темнота вокруг. Где он? А-а, он в пустом доме. Ничего, ночь скоро закончиться.

Черный человек. Он снова здесь. Он превращает окружающую тьму во враждебную среду. Страхи, вытекая из подсознания стремительной рекой, текут в эту тьму, наполняя ее ужасом. Адучи кричит и просыпается от собственного крика. Вокруг тьма. Он в заброшенном доме. Еще

ночь. Странные здесь сновидения. Газ? Вода, насыщенная радиацией или радоном, или еще чем-нибудь этаким... Ничего, ночь скоро закончиться. Липкая удушливая ночь. В которой прячется черный человек...

Ковров вздрогнул и открыл глаза. В доме было светло, а это значило, что ночь в поселке закончилась, и можно было покинуть это мрачное место. Однако сны здесь снятся! Максим с интересом осмотрелся. При свете дня здесь все выглядело по-другому. Также пусто, но по-другому. Максим встал и пошатнулся. Беспокойный сон в полусидячем положении вымотал его. Он посмотрел на свои руки, затем схватился за ножны. Ножа не было. Он нагнулся и посмотрел на пол. Возможно, он просто выронил его во время дремы. Но ножа не было нигде. Адучи нахмурился. Может, он выронил его на улице, в темноте? Но он точно помнил, как перебирал в руке перемотанную кожаным ремешком рукоятку во время ночевки. Странно...

Он вышел из дома и сразу увидел человека.

Худощавый мужчина с грязными седыми волосами сидел на небольшой поляне между домами и сосредоточенно грыз сырую неочищенную картофелину. Увидев Максима, он вскрикнул, и, бросив еду, упал на бок, закрыв голову руками. Адучи осторожно подошел к нему, разглядывая незнакомца.

— Эй, не бойтесь, я вас не обижу.

Судя по внешнему виду, это был алтаец. Он испуганно приподнял голову и боязливо покосился на тайшина. Адучи показал ему жестом, что его руки пусты, и он не желает причинить старику вреда.

— Вы понимаете по-русски?

Старик робко кивнул.

— Я вас не обижу, — повторил Адучи, — вы кто?

Старик сел и растерянно осмотрелся, отыскивая потерянную им картофелину. Найдя ее, он жадно схватил свою еду и прижал к себе, по-прежнему настороженно поглядывая на молодого человека.

— Вы здесь живете?

Алтаец испуганно закивал головой:

— Нет! Нет! Здесь страшно...

— Страшно?

— Да, здесь живут духи...

Адучи почувствовал себя неуютно. Ему вдруг захотелось развернуться и покинуть это мрачное место как можно скорее. Старик почувствовал это и стремительно подполз к нему. Схватив грязной рукой Коврова за карман ветровки, он скороговоркой зашептал:

— Нет. Нет. Отсюда нельзя уйти. Мы останемся здесь навсегда. Это проклятое место. Здесь умирали люди. Здесь страшно. Особенно ночью. Ночью здесь появляются злые духи — «корместор». Они будут терзать нас...

Судя по поведению, старик был явно не в себе. Адучи отдернул куртку и отошел на несколько шагов назад. Нужно было уходить отсюда. Подтверждая опасения Коврова, старик начал вести себя вообще очень странно. Он швырнул картошкой в тайшина и, упав на землю, забился в конвульсиях, пронзительно закричав:

— Ты не уйдешь! Тебе некуда идти! Духи будут грызть твои кости... А-а-а... Ты не сможешь уйти! Отсюда нет выхода! А-а-а...

Адучи развернулся и, стараясь не оглядываться, быстро пошел по неровной луговой траве по направлению к кедру, возвышающемуся неподалеку. Там его обещал ждать Аксумаи. Нужно

было поскорее покинуть это проклятое место, от одного вида которого бросало в холодный пот. Адучи ускорил шаг. Однако ни через десять минут, ни через тридцать, ни через час он не смог достигнуть заветного дерева. Кедр, словно заколдованный, оставался на одном месте, на расстоянии примерно около двухсот метров от Места Мертвых Голосов...

Солнце уже склонялось к линии горизонта, когда Адучи в изнеможении опустился на небольшой холмик, возле которого он бродил все это время на подгибающихся от усталости ногах. Кедр не приблизился ни на метр. Эта местность, вероятно, и в самом деле была проклята, или сказывалось влияние подземных газов, потому что происходящее нарушало все законы пространства и времени. Адучи обернулся назад. Поселок стоял совсем неподалеку, глядя на неудачливого беглеца черными провалами окон. В сумерках он выглядел особенно жутковато.

Адучи чертыхнулся, но потом, вспомнив о причитаниях безумного старика, осекся. Упоминание нечисти в подобном месте, да еще в предшествии ночи, было чревато различного рода неприятностями. Хотя, происходящее с ним и так нельзя было назвать чем-то приятным.

«Там нет людей»...

— Интересно, этот безумец убрался оттуда? — Адучи тяжело поднялся и сделал несколько шагов по направлению к заброшенному поселку. Проклятое селение, в отличие от заколдованного дерева, приблизился ровно на несколько шагов. Тайшин еще раз обернулся на кедр. Что ж, судя по всему, ему опять приходилось провести ночь в одном из этих зловещих домов. Если безумный старик еще был там, это не сулило ничего хорошего. Впрочем, если даже его там уже не было, ничего хорошего в предстоящей ночевке все равно не предвиделось.

Адучи прошелся по поселку, настороженно озираясь по сторонам. Старика нигде не было видно. Однако тайшин все равно чувствовал сильную нервозность. Отсутствие ножа и метаморфозы с пространством не предвещали ничего хорошего. Как он был наивен, когда думал что ночевка в заброшенном поселке будет простым и необременительным занятием. Не стал бы Аксумаи вести его за десятки километров, чтобы он просто провел ночь в пустом доме. Да и этот старик... Кто бы это мог быть? Случайно забредший селянин из ближайшей деревни? Но ближайшая деревня это километров сорок. Безумный отшельник? Пастух? Охотник? А может быть, это и был тот Мунг, которому Аксумаи просил передать привет от него? Но ведь он сам сказал ему — «там нет людей». Что все это значило?

На улице было уже темно. Необходимо было найти себе место для ночлега, а утром уже разобраться со всей этой чертовщиной... Упоминание чертей, пусть даже в мыслях, здесь было не допустимо, поэтому Адучи мысленно прочитал защитный алкыш-заклинание, оградил себя кольцом из защитных рун и, поискав глазами знакомый дом, где он провел прошедшую ночь, решительно двинулся туда. Во-первых, это была уже отчасти знакомая территория. А во-вторых, он не терял надежды найти свой нож.

Перед черным провалом двери он осторожно замер, прислушиваясь к происходящему в доме. Встретиться в темном доме с безумным стариком было не самым щадящим испытанием для нервов и так натянутых, словно готовые лопнуть струны. Судя по отсутствию звуков, в доме никого не было. Адучи сжал кулаки и, сделав шаг вперед, исчез в черном прямоугольнике входа, поглотившего его и растворившего в своих мрачных недрах.

Он долго сидел в темноте, пока, наконец, утомленное событиями прошедшего дня, сознание незаметно не выключилось. Окружающая тьма в одно неуловимое мгновение вторглась в его внутреннее пространство, сливаясь с его снами, в которых прятался Черный человек.

Страхи, о которых он и понятия не имел, поднимались на поверхность его воображения и оживали, кривляясь и извиваясь перед ним. Он никогда не думал что такое возможно. Он чувствовал себя жалким и раздавленным. Он всхлипывал как маленький мальчик и пытался спрятаться от своих пугающих видений, но они были везде. Они оживали в темноте, растворялись в темноте, становились темнотой. Их невозможно было остановить, потому что ими управлял невидимый дирижер. Невидимый, потому что Черного человека невозможно было увидеть в темноте. Нужно было что-то сделать, проснуться, добавить в сновидение света.

Адучи качнулся и открыл глаза. В комнате было светло. Но не потому, что наступило утро, а потому что посередине комнаты горела свеча, около которой сидел сгорбленный человек. Адучи вздрогнул и вскочил с деревянного лежака, вглядываясь в темный силуэт. Пламя свечи колыхалось и причудливые тени бродили по стенам и потолку. В этом призрачном свете явственно выделялись всклокоченные седые волосы и крючковатый нос. Старик...

Адучи почувствовал, как крупная дрожь начинает сотрясать его тело. Он замер, не зная, что делать дальше. А старик сидел неподвижно, словно восковая фигура, оставленная здесь в память о тех людях, которые населяли эту местность полвека назад. Ковров сел обратно на лежак, нервно сцепив между собой дрожащие ладони. Через какое-то время он опять начал терять нить связанного мышления. Во всем был виноват призрачный свет свечи, его гипнотические колебания. Периодически Адучи приходил в себя и сразу смотрел на своего незваного гостя. Но все было без изменений. Свет свечи и неподвижная фигура старого алтайца. Казалось, ночь остановила время в этой странной избе...

Когда Ковров в очередной раз бросил взгляд на сидящего, как будто в забытьи, старика, его опять накрыл с головой дикий животный ужас. Старик по-прежнему сидел неподвижно, но он не спал, а внимательно смотрел на тайшина. Адучи вскочил и встал в агрессивно-защитную стойку, переминаясь с ноги на ногу и выставив перед собой сжатые в кулаки руки.

— Что тебе нужно?

Старик продолжал молча буравить его взглядом, лишь чуть улыбнувшись самыми уголками губ.

— Тебя зовут Мунг?

Алтаец выпрямился и встал.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Кто ты?

Старик всхлипнул.

— Пленник. Такой же пленник, как и ты.

Адучи изумленно посмотрел на него.

— Пленник? Чей пленник?

Алтаец обвел руками стены дома.

— Этого места.

После нескольких минут молчания, он горестно всплеснул руками.

— Ты же сам вчера все видел. Отсюда невозможно уйти. Здесь живут духи мертвых. Они держат нас в плену.

— Как давно ты здесь?

Мунг опять сел и обхватил голову руками.

— Не знаю. Не помню. Давно. Очень давно...

Адучи тоже опустил на лежак, чувствуя, как вдруг стали ватными ноги.

«Не может быть. Не может... Аксумаи не мог так со мной поступить...». Но он помнил это

нереальное ощущение бессилия и растерянности, когда в тщетной попытке достичь заветное дерево, он прошел километров сорок или пятьдесят. Значит ловушка... Пространственно-временная петля. Он читал об этом что-то... Но одно дело листать страницы журнала «Наука и жизнь», и совсем другое — коротать ночь с безумным стариком, в безлюдной глуши алтайских гор, в поселке, с которым связаны леденящие кровь истории. Он посмотрел на Мунга. Старик опять сидел в своей согбенной позе, и что-то тихо нашептывал про себя.

— Эй, Мунг, а кроме нас здесь кто-нибудь есть?

— Нет. Только мы.

— Ты говорил про каких-то духов...

Алтаец сделал испуганные глаза.

— Тс-с... Не упоминай про них. Они слышат тебя...

— Не бойся, я умею разговаривать с духами, — Адучи ободряюще кивнул пожилому собеседнику.

Старик поднял на него полные слез глаза.

— Что? Так ты кам?

Адучи покачал головой.

— Нет. Камами называют служителей Кара-Янг, Черной Веры. Я же долгое время изучал искусство Ярлакчи, шаманов Белой Веры. Однако принадлежу я к Клану Серых шаманов.

— Ты — тайшин? — Мунг даже привстал от возбуждения. Непонятно только было, радуется он этому обстоятельству или наоборот.

— Ты слышал про нас?

— Слышал... — Мунг опять сел на свое место, подобрав под себя ноги, — тогда тебе придется еще хуже, чем я думал.

— Почему?

Старик воровато оглянулся по сторонам, будто опасаясь увидеть кого-нибудь еще в освещенной слабым свечей комнате, и тихо прошептал:

— Тайшинов эти духи просто терпеть не могут...

Он качнулся из стороны в сторону, подобно китайскому болванчику, и Адучи, вздрогнув, проснулся.

Мерцание свечи и неподвижная фигурка старика застывшая на полу. Значит их разговор был во сне?

— Мунг! Эй, Мунг!

Алтаец вздрогнул и открыл глаза. Адучи присмотрелся к нему и понял что это не Мунг. Это вообще был не человек!...

Человек сидящий перед ним был только похож на того старика, которого Ковров видел ранее. Разница была в том, что у того, кто молча смотрел на него снизу, кожа имела странный фиолетовый оттенок. А, кроме того, из спутанных прядей седых волос, торчали небольшие лиловые рожки! Незнакомец улыбнулся. Адучи почувствовал, что еще немного, и он на самом деле сойдет с ума.

— Поскорей бы... — пробормотал незнакомец голосом Мунга.

— Ты... Ты...

— А что ты так разволновался? Думаешь, черта увидел? Кермоса? А ты думаешь, ты лучше выглядишь?

Адучи машинально перевел взгляд на свою руку и онемел от неожиданности: прямо на тыльной стороне ладони, пробиваясь сквозь кожу, росли небольшие грибочки, словно у лешего,

виденного им в одном из детских мультфильмов.

— Что... это... со мной?

Мунг хихикнул.

— Твои страхи обретают реальность.

— Страхи?...

— Конечно! Каждый человек жутко боится всего, что связано с его драгоценным телом. Он боится гниения и разложения, он боится болезней. И это только начало...

Адучи брезгливо смахнул грибницу с руки и, передернувшись от чувства омерзения, проснулся.

В окно светило яркое дневное солнце.

Он пробовал преодолеть невидимый пространственный барьер сна и снова. Выбиваясь из сил, падая в изнеможении, рыдая и рыча от собственного бессилия. А когда настала ночь, он снова вернулся в Поселок. Старика опять нигде не было видно. Адучи твердо решил не спать этой ночью. Но тело, изможденное бесплодными попытками побега, опять предательски вырубилось, утягивая за собой в омут тягучих и беспокойных видений уставшее сознание.

На этот раз причиной внезапного пробуждения была жуткая боль. Адучи закричал и вскочил, отталкивая от себя старика. Он сначала не понял, что произошло, а когда увидел капельки крови на губах Мунга, сразу сообразил — старик подкрался к нему в темноте и укусил его.

— Ты что, гад? Охренел?

Адучи метнулся к обидчику, намереваясь, наконец, выплеснуть на него весь груз нервного напряжения, скопившийся за все последнее время, но Мунг повел себя неожиданно. Он упал на колени и зарыдал, жалобно причитая:

— Не надо, не надо. Я не виноват! Это они заставили меня. Они...

— Кто? — тайшин еле сдерживал себя.

— Кермостор. Они пришли ко мне в темноте и заставили меня сделать это...

Адучи посмотрел на рану. Кровь, вытекающая из глубоких ран, была ярко оранжевого цвета.

— Ну-ка покажи свои зубы.

Старик закрыл голову руками, но Ковров схватил его и, разомкнув руки, заломил одну из них в болевой захват.

— Покажи зубы!

Мунг разжал губы и Адучи увидел два ряда прекрасных белых зубов, среди которых выделялись четыре острых длинных клыка. Таким зубам мог бы позавидовать любой хищник. Адучи отшвырнул алтайца в сторону.

— Кто ты? Ты же притворяешься. Ты не человек.

Мунг резко выпрямился и стремительно, подобно дикому животному пробежался по комнате. А затем, глядя на потрясенного тайшина, взбежал по стенке вверх и завис там, стоя на потолке вниз головой! Серые волосы свисали вниз неммытыми сосульками, а оранжевые зрачки глаз светились в темноте.

— Если ты еще раз попробуешь убежать — я отгрызу тебе руку.

Сделав невероятный кульбит, Мунг оторвался от бревенчатого потолка и оказался на полу, перевернувшись в воздухе и приземлившись на ноги.

— Я знаю, о чем ты думаешь — жалеешь, что потерял свой нож? Угадал? — Мунг отрывисто засмеялся. Адучи сделал над собой невероятное усилие и проснулся...

— Чем ты здесь питаешься? — Адучи сидел около дома, прислонившись спиной к деревянной, шершавой на ощупь, стене. Мунг бродил неподалеку, между домами, высматривая что-то в траве.

— Здесь много еды, — жуткий старик наклонился и, разворошив узловатыми пальцами землю у ног, разочарованно выпрямился, — в основном грибы.

— Грибы? — Адучи хмуро усмехнулся, — Ничего удивительного. Я так и думал.

— А что? Раньше здесь много грибов было, — Мунг шумно почесался и опять занялся выискиванием чего-то в пожухлой траве. — А сейчас искать надо. Это все от ихних ракет, — он запрокинул голову вверх и погрозил невидимым спутникам кулаком, — вот доберусь я до них.

Адучи облизал пересохшие губы, и устало прикрыл глаза, но ненадолго. Оставлять старика без присмотра было чревато всякими неожиданностями. Вот и сейчас, открыв их он увидел как Мунг замер на месте и смотрел на тайшина настороженно-хитрым взглядом.

— Чего тебе?

— Да так...

— Если ты еще раз попробуешь меня укусить, я тебе все зубы повышибаю!

— А-а-а. Зря ты так с Мунгом разговариваешь. Ты кто? Так, кусок мяса перепуганный. А я, знаешь, кто? — он многозначительно промолчал, оставляя Адучи в неведении относительно своей истинной сущности.

— Ну, кто ты? Кто?

— У нас еще будет время — узнаешь... — леший мрачно покивал головой и продолжил свои странные поиски.

— И что, отсюда никто не уходил?

Мунг рассмеялся.

— А зачем? Тут тихо, спокойно, если меня не злить, конечно. Грибы есть. Вот мухомор красный — объедение. Паутинник. Ложноопенок. Сморчок. Перечный гриб. Жить можно. Иногда и мясо приваливает. Заяц какой-нибудь шальной забежит. Или вот живчик, типа тебя. Вот скоро ты ослабнешь совсем от голода, начнешь грибы хавать. А потом зеленью покроешься, соками пропитаешься, так я тебя и съем.

— Скажи, Мунг, а почему ты людей так ненавидишь?

Леший вскинулся и, задрожав, сжал кулаки, трясая ими перед собой.

— А за что их любить-то? За их тупость и жадность?

— Ну не все же люди такие?

— Да все! Почти все! Только каждый думает про себя! — старик усмехнулся, понизив голос до доверительного, — Гнили в людях столько... Уж я то знаю, насмотрелся... Ты вон, тоже, сладкая поросль. Поди, жизни-то не видел? Просидел под родительским крылом, а все туда же — мудрость, духовность, доброта... А копнешь поглубже... Я тебя только поэтому съем. Из принципа. Это вы во всем виноваты. Я тебя сразу узнал!

— Кто это, мы?

— Детишки богатеньких родителей. Кровь с молоком.

— Да с чего ты...

— Молчок! Зараза людская. Испокон веков вы как зараза людская.

Адучи пошевелился, разминая затекшую спину, и удивленно разглядывая разошедшегося не на шутку лешака.

— При чем здесь родители богатые?

— А при том! — Мунг сделал несколько решительных шагов по направлению к тайшину, — Ведь раньше как было? Общину людскую самый достойный возглавлял, самый сильный и мудрый. И вел всех за собой. Тогда и люди другие были. А потом у вожаков дети появились. И

власть другой стала, наследственной. Конечно, ведь дитяtko должно быть счастливо, это же кровиночка. А детишки то в тепличных условиях и повырастали хиленькими да подленькими. И повели они людей за собой, да только вон куда и привели, — леший обвел руками пространство вокруг себя, — только вот до сюда еще не дошли, паразиты! Ну, ничего, придут, я с ними потолкую. Вот как с тобой.

Адучи устало покачал головой.

— Пугаешь ты, старьй, у меня тесто не такое сладкое.

— А вот это мы проверим, — Мунг злобно сверкнул глазами, и вдруг выхватив у себя из-под ноги какого-то червяка, радостно запихал его в рот, — сегодня ночью...

Каждый последующий день был ужаснее предыдущего. Адучи потерял им счет. А ночи вообще превратились в какую-то вакханалию духов. Мунг то плакал, жалуясь и причитая, разыгрывая из себя несчастного старика, то набрасывался на Коврова, впиваясь в него своими ужасными зубами и демонстрируя невероятную скорость, недоступную людям. Он ходил по потолку, зависал в воздухе, поджав ноги, менял обличья. А однажды, когда в одну из ночей на улице разразилась страшная гроза, Адучи выглянул из дома и увидел, как колдун стоял между домами и мылся под дождем. Его даже не смутила яркая шаровая молния, возникшая из ниоткуда и плавно парящая рядом с одним из аилов. Мунг вытянул руку и поманил искрящийся шар пальцем. А когда тот послушно подплыл, старик втянул его в себя через ноготь.

Но самым интересным были их ночные беседы. Днем Мунг терял свою ужасающую активность и снова превращался в обычного загнанного старика, отрешенно наблюдающего за Ковровым. Однако ночью опять все менялось.

— Что, страшно тебе?

Мунг висел в воздухе и смотрел на Адучи, забравшегося с ногами на лежак.

— Страшно...

— Молодец! А то ишь — все воины, все герои, а внутри... Вон, посмотри на себя, если так будет продолжаться, скоро покроешься плесенью и превратишься в такого же типа, как я.

Тело Адучи на самом деле стало изменяться самым непредсказуемым образом: однажды проснувшись утром, он еле смог подняться с лежака — из его кожи пробились несколько зеленых побегов, которые за ночь проросли в древесину, из которой был срублен лежак. Адучи чувствовал, что его воля находится на грани срыва. Еще немного и он прекратит сопротивление, сдастся этим метаморфозам, теряя свой человеческий облик, оставляя все попытки на спасение.

— Что мне делать?

Мунг усмехается.

— А что здесь сделаешь... Ты можешь долго думать, как ты здесь оказался и почему? Откуда появился этот поселок и кто такой этот ужасный леший Мунг, истязаящий тебя? Можно ли отсюда убежать или проще сдаться? Ты можешь бороться: со мной, с тем, что не пускает тебя за границу поселка, со своими страхами, оживающими здесь. Но это ничего не изменит... — Мунг многозначительно улыбнулся, как бы невзначай показывая подавленному пленнику свои огромные клыки.

— Почему?

— Потому что, на самом деле, никакого колдовства нет. Оно в твоей голове. И поселка нет и меня...

— То есть, ты хочешь сказать, что если я захочу, я могу в любой момент уйти отсюда?

— Нет, ну что ты... — Мунг несколько раз прокручивается в воздухе вокруг своей оси, — Во-первых, я не позволю тебе уйти. Во-вторых, ты уже много раз хотел уйти отсюда, и что?

— Но ты же сам сказал...

— Балда ты! — алтаец встал на ноги и потянулся, похрустывая суставами, — Ладно, открою тебе один секрет. Слушай внимательно... — он приложил ко рту руки, будто опасаясь, что кто-нибудь может их подслушать, — для того, чтобы уйти отсюда, не надо хотеть, надо просто уйти...

Он заложил руки за голову и, подойдя к лежаку, лег рядом с тайшином.

— Только смысла нет.

— В чем?

— Ни в чем. Я же сказал — колдовства нет и поселка нет. Там, за границей, которую ты стремишься пройти — точно такой же мир как этот. Ты что, до сих пор этого не понял?

— О чем это ты?

Мунг повернул голову к Адучи.

— Ну что ты тупишь? Куснуть тебя, чтобы перестал? Посмотри! Мир, в котором ты жил до этого, ничем не отличается от этого поселка!

— Ты хочешь сказать, что люди сами создают вокруг себя мир боли и проблем, материализуя свои страхи и заблуждения? Возможно... Но есть существенная разница.

Мунг с интересом посмотрел на него. Адучи кивнул на колдуна.

— В том мире нет такого пакостника-садиста как ты.

Старик взвизгнул и, сорвавшись с лежака, опять повис в воздухе.

— А вот и неправда! У каждого человека есть свой Мунг.

Его кожа опять приобрела странный синеватый оттенок.

— Нужно лишь почаще всматриваться в темноту своих подвалов.

Свет свечи стал тускнеть, а с лешим опять начали происходить разительные перемены. Он стал темнеть, постепенно сливаясь с окружающей темнотой. И тут Адучи понял!

— Ты... Ты — Черный человек?! Порождение моих страхов! Я понял...

В это мгновение свет в комнате погас и Черный человек, упиваясь своей властью и растворяясь во тьме, обрушился на тайшина всей своей мощью.

Черный человек... Это он копался в его сновидениях, выуживая из трясины подсознания самые неприглядные страхи. Это он пугал его, отражая как в зеркале все его сомнения. Это он стоял у дверей камеры его Внутреннего Ребенка, которого пришлось спрятать от этого жестокого мира в темноте подвального помещения ума. Спрятать, а впоследствии забыть. И именно поэтому этот Черный Страж был так страшен. Потому что знал о местонахождении той камеры, которая была затеряна на карте «взрослых проблем». Потому что он дергал за ниточки наших страхов, направляя нас тропами несчастий и проблем, управляя нами из темноты.

Адучи зарычал, словно сам стал диким зверем и... шагнул в тень...

Мунг искал его всю ночь и весь день, бродя по избе, принохиваясь и бормоча что-то себе под нос. Он виделся Адучи как будто сквозь тонированное стекло. Он проходил совсем рядом и не замечал тайшина, невероятно раздражаясь этому обстоятельству.

— Эй, волчонок, выходи. Ладно, не трону я тебя. Что, научился уходить в Серый мир? Давно пора! Ты же из Сумеречного Рода. Но не сможешь же ты сидеть там долго. Если не выйдешь сейчас, я тебя все равно выслежу и тогда...

Адучи стоял тихо и старался даже не дышать. Он не знал, как выглядит со стороны, и сколько сможет находиться в этом удивительном состоянии невидимости, но даже представлять что будет, когда он покинет это светофильтр и столкнется с этим ужасным Мунгом, ему не хотелось.

Воспользовавшись моментом, когда леший куда-то отлучился, он покинул тень, скрывающую его, и тихонько вышел из дома, настороженно осматриваясь по сторонам. Старика нигде не было видно. Это был единственный шанс, потому что тайшин не был уверен, что у него получится еще раз сознательно войти в укромную нишу Сумеречного Мира. Он бежал по лугу, знакомому по предыдущим попыткам побега, задыхаясь и постоянно оборачиваясь назад, опасаясь увидеть нелепую фигурку лешего, преследующего его. С того момента как Адучи покинул свое странное убежище, прошло уже около получаса. Достаточно времени для того, чтобы Мунг учуял своим нечеловеческим нюхом его появление и отправился в погоню.

Выбившись из сил, он упал, уткнувшись лицом во влажную от прошедшего дождя траву, и заплакал.

«Колдовства нет...»

«Чтобы уйти отсюда, не нужно хотеть, нужно просто уйти...».

Тайшин приподнялся и сел на колени, затравленно осматриваясь по сторонам.

Ну ведь не зря Аксумаи привел его в этот чертов поселок! Не зря! Что он там говорил?

«Поселок используется как естественный толчок для расшатывания восприятия».

«Сойти с ума... Прими этот трюк на заметку... Сойти с ума...». Искусство Оборотня...

«Тело — это порождение нашего сознания. Таким его удерживает определенная схема, шаблон. Измениться шаблон — измениться тело...».

И если человек уйти отсюда не может... Подарок Хранителя Озера...

Адучи лег на спину и закрыл глаза, успокаивая дыхание и погружаясь в Сон.

КЭРСО. Сновидение в реальном мире. Для достижения этого состояния нужно было просто представить себе Мерцающую Руну во внутреннем пространстве, а потом, осознав себя в Сновидении, представить себе ее еще раз. Подарок Озерного Смотрителя... Возможно, именно таким образом осуществлял все метаморфозы со своими обликами Великий Оборотень Телецкого Озера, научившийся каким-то непостижимым образом связывать воедино призрачную ткань сновидений и плотный мир материальных объектов.

Уже превращаясь в зверя, сухопарого волка редкого белого цвета, Адучи, каким-то сверхчутьем почувствовал приближение лешака. Мунг обнаружил пропажу и теперь приближался к месту трансформации сновидца. Адучи открыл глаза, привыкая к своему новому телу, и увидел колдуна. Он тоже преобразился. Для того чтобы увеличить свои скоростные функции, он отрастил себе неестественно длинные ноги и стал похож на огромного человека-кузнечика. Почувствовав, что не успевает, Мунг издал резкий крик. Адучи же встал на крепкие лапы и не спеша побежал в сторону высокого кедра, высящегося невдалеке. Вслед ему раздался искренний беззлобный смех жуткого старика, отпустившего на свободу своего очередного ученика.

Волк провалился в оранжевое пятно, растворяясь в океане Сновидения, возвращаясь в привычное человеческое тело. Адучи выгнулся и открыл глаза. Он лежал там же, куда завалился спать его Коур-анг, Тотем, Животное Силы, позволяющее погружать в себя часть сознания тайшина. Сейчас он медленно приходил в себя, растерянно глядя на раскидистую ветвь кедра, раскинувшуюся над ним, наподобие спального балдахина.

— Доброе утро!

Он поднял голову и сквозь дымку, висевшую перед глазами, увидел Проводника. Тот сидел там же, где видел его перед своим уходом в поселок Адучи. Ночь закончилась, и теперь Аксумаи с улыбкой смотрел на него, искренне радуясь его возвращению. Ковров привстал, пошатнувшись,

и увидел, что лежит в траве абсолютно обнаженный. Он встряхнул головой, словно прогоняя наваждение, и помахал Проводнику рукой.

— Доброе! Слушай, я, правда побывал в этом проклятом поселке или это был очередной Сон?

Аксумаи пожал плечами.

— Разве это имеет какое-либо значение?

— Я знаю, что адепты Тай-Шин мастера манипуляций с восприятием. Мое «путешествие» имеет отношение к гипнозу или к реальному искусству Осознанных Сновидений?

Аксумаи поднялся на ноги и кивнул тайшину в сторону нескольких домов, видневшихся невдалеке.

— Есть только одна возможность проверить это. Твоя одежда, скорее всего, осталась там, в поселке. Не хочешь вернуться за ней?

Оглушительный смех раздался под кедром, словно это была одна из самых удачных шуток Проводника.

ДЕРЕВНЯ ВЕДУНОВ. Знаки Воздуха **Аладжа. Слияние Двух Рек**

*«Ткал сумерки вечер прозрачной рукою
Дорога терялась в густеющем мраке
Шептались туманы над тихой рекою,
А звезды слагались в неясные знаки.*

*Гирлянды миров как жемчужная россыпь,
Волшебные брызги на сумрачном фоне.
Блеск дальних созвездий и тихая поступь
Невидимых духов на призрачном склоне».*

«Светотени» А. Коробейщиков

Качка остановилась, и Адучи открыл глаза. Он все еще не мог отойти после посещения заброшенного поселка, поэтому Проводнику пришлось соорудить на спине коня подобие лежака, на котором полулежал молодой тайшин, привязанный к обитому войлоком седлу крепкими веревками.

Жаркое солнце беспощадно слепило глаза, и Адучи вынужден был закрыть их и ехать, даже не представляя себе, где пролегал их путь. Периодически он засыпал, не в силах совладать с накатывающей дремой и слабостью. А когда просыпался, то смотрел сквозь пелену слез на высоченную траву устилающую безбрежными коврами разноцветные поля. Дрема накатывала снова и снова, как волны на берег, рождая такой же громкий шум в голове. И снова беспамятство и сны без сновидений. Поселок измотал его до основания. Но вместе с усталостью и опустошенностью, Адучи чувствовал странную внутреннюю свободу, как будто он избавился от чего-то лишнего там, в Месте Мертвых Голосов.

Как-то придя в себя, он приоткрыл глаза и понял, что свет больше не обжигает чувствительную сетчатку, потому что яркое солнце скрылось за горизонтом. Сумерки. Качка исчезла, значит, они стояли на месте. Ощущение было непривычным. Адучи осмотрелся. Он вообще лежал, причем в какой-то повозке, которая стояла с запряженной в нее уныло фырчащей лошадью. Густые заросли смородины и сирени, деревянная стена добротного дома, стог сена с

куском брезента наверху, далекий лай собак. Проводника нигде не было видно. Превозмогая ватную слабость, охватившую все тело, Ковров сполз на землю. Его беспокоила только одна мысль — если Аксумаи привез его в какое-нибудь место, вроде обиталища Мунга, то сил выбраться оттуда у него уже не хватит. Сделав несколько шагов, он остановился и облокотился о забор. Внезапно позади него раздался шорох. Адучи обернулся, готовый ко всему. И если бы даже он на самом деле увидел в нескольких шагах от себя колдуна, он бы не удивился и уже не испугался. Но вместо экзотичного старика, из гущи кустов на тайшина смотрел огромный пятнистый кот, похожий больше своими размерами на маленькую рысь, чем на домашнего питомца.

— Кс-кс... — пробормотал Максим, облизав пересохшие губы. Но кот, сделав откровенно надменную морду, фыркнул и, степенно повернувшись, исчез в непролазных джунглях травы.

— Зря ты так с ним.

Максим прищурился, разглядывая стоявшую перед ним молодую девушку, почти девочку, одетую в платье из простой, грубоватой на вид ткани. Это был не Мунг! Уже одно это обстоятельство обрадовало Коврова. Хотя, он еще мог не успеть познакомиться со всеми возможностями страшного обитателя Поселка. Девушка усмехнулась.

— Можешь не беспокоиться, я — это я. И никаких леших в нашей деревне нет.

Адучи уже ничему не удивлялся. Подумаешь, невидаль, деревенская девочка-телепат. Аксумаи говорил, что чтение мыслей является естественной особенностью тайшина, прошедшего «Волчью Тропу».

— А что я ему сказал? Так, поздоровался по кошачьему.

Девушка разглядывала его, не переставая улыбаться, и явно опять копаясь у него в мыслях.

— Нужны мне твои мысли... А по поводу Прохора, я бы посоветовала тебе найти его потом и извиниться. Потому что не надо пытаться говорить по-кошачьи, если ты по-кошачьи ничего не понимаешь. Можно обидеть собеседника.

Адучи присел на согнутых ногах, опираясь о забор спиной. В голове у него действительно не было никаких мыслей. Опять хотелось спать.

— Простите... Прохор — это тот почтенный кот? Неудобно получилось. Найду его потом и извинюсь. Правда. А пока не скажете мне, барышня, где я нахожусь?

Девушка наклонилась к нему. Ее лицо расплывалось и таяло, потому что все пространство перед глазами заволочла легкая призрачная дымка.

— Тебе надо отдохнуть. Пойдем, я провожу тебя в дом. Аксумаи попросил позаботиться о тебе.

— А... куда мы приехали? Где мы? И как тебя зовут?

— Меня зовут Ольга. Мы в Аладже.

— Это село?

Девушка опять усмехнулась.

— Ты что, не знаешь что такое Аладжа? Что же ты здесь делаешь?

Максим помотал головой, разгоняя туман перед глазами.

— Если бы я знал, что я здесь делаю... Зависаю. Отхожу после путешествия в преисподнюю.

Девушка рассмеялась. Ее смех был беззлобным и звонким, как трель колокольчиков.

— Понимаю. На самом деле я знаю, почему Аксумаи привез тебя сюда. Просто хотела тебя растормошить, чтобы ты не заснул. Он всех привозит сюда. Мы ждали тебя. Тебя ведь зовут Адучи? Пойдем в дом. Если ты уснешь здесь, мне придется оставить тебя лежать на траве, я с тобой не справлюсь.

Максим выпрямился и, пошатнувшись, сделал шаг вперед. Нервное истощением от общения

с лучшим и последующим превращением в зверя в сновидении здорово напоминало алкогольное опьянение. Ольга поддержала его под руку и добавила:

— Аладжа — это место где живут ведуны. Все воины Тай-Шин проходят через Аладжу на своем Пути.

Из зарослей кустов за удаляющейся парочкой внимательно наблюдал оскорбленный и обиженный кот Прохор, на самом деле похожий на карликового барса или небольшую рысь. И несмотря на то, что его не было видно с тропинки, Ольга обернулась и примирительно помахала ему рукой, словно извиняясь за недостойное поведение гостя. Кот протяжно зевнул и, приняв извинение, зашуршал травой пробираясь сквозь дыру в заборе на соседний участок.

Он спал и грезил наяву. Здесь сны были особенными. Он вспоминал. Во сне пробудилась, расторможенная предыдущими Вратами Волчьей Тропы, капризная память и пришло понимание.

Аладжа. Крохотное поселение на берегу чудесной Акалаха — Белой Реки. Вокруг древние величественные горы. Угрюмые и громкие названия: урочища Хуводай, Кара-Булак, Шокпартас. Таинственная река Джазатор и две мистических реки сливающиеся в Одну — Акалаха и Караалаха, Белая и Черная Реки, Свет и Тьма...

Адучи уже был здесь. Он грезит...

Девять лет назад он впервые прикоснулся к искусству Иту-Тай, Учению о Двух Силах. Это искусство практиковалось в рамках закрытого родового Общества именуемого Кланом Волка, Кланом Тай-Шин. Его тогда и привезли сюда первый раз. В Аладжу. А ровно год назад он тоже был здесь. Странно, всего год, а память скрывает воспоминания об этом случае в глубоких подвалах подсознания. Ровно год назад, тайшины Алаш, тайшины Красного Круга, жившие среди людей, покинули город и ушли далеко в горы. В таинственный Храм Тай-Шин, расположенный где-то в районе Двух Гор — Ик-Ту. Ковров тоже принадлежал к этому Кругу. Но тогда он, единственный из группы, принял решение остаться. Он провожал тайшинов почти до самого Храма, и одно из мест, где они останавливались перед уходом, была Аладжа. Поселение-призрак. Несколько домиков, расположенных на границе между материальным миром и миром снов. Даже животные, населяющие Аладжа, были необыкновенными. Они тоже могли проникать за грани видимого мира, отправляясь в сновидения и путешествуя по таинственным пространствам, словно по поселковому двору. Прохор. «Мерцающий Зеленый Кот». Ковров улыбается во сне, вспоминая свое идиотское «кис-кис». Надо же было принять за обычного кота великого Ходока по Светлым Лугам. Нужно будет извиниться. Хотя, зачем? Он наверняка бродит где-то неподалеку и прислушивается к его мыслям. «Извини, Прохор!». Ощущение улыбки из гущи кустов. Извинение принято...

Почему он забыл все это? Он остался на целый год в одиночестве. Это было время острой ностальгии и тоски по прошлому. Но прошлое исчезло, растаяло в призрачных туманах Джазаторской долины. А в городе остался человек, пытавшийся связать воедино два мира — мир алтайских шаманов и мир современного, высокотехнологичного бизнеса. Так появился совершенно новый концепт — слияние самых перспективных деловых технологий и методики развития инстинктов и интуиции, взятые из древнего языческого мировоззрения. Это открывало новые горизонты в бизнесе, но карьеру бизнес-консультанта чуть было не прервало влияние того загадочного мира алтайских гор, от которого он начал уже отвыкать. Подземное человечество, попытки выйти на поверхность которого и пресекал Клан Волка, направило в город своих наемников. Они не были обычными людьми. «Зедарки», колдуны, принадлежавшие к таинству сибирской черной магии «Зеда». Максим вспомнил это жуткое ощущение беспомощности, когда ему пришлось применить все, чему он научился за прошедшие восемь лет, для того чтобы

отстоять не только свою новую философию, но и право на жизнь. Только один человек в это время смог не только понять состояние Коврова, но и помочь ему. Пожилой человек, которого называли Данилыч, был другом дедушки Коврова. Но, как выяснилось позже, он был также одним из Тай-Шин. Все это время, находясь рядом, он ждал появления этих наемников. И именно тогда Ковров опять вернулся к истокам своего предназначения, осознавать которое он начал, как это ни парадоксально именно тогда, когда остался в одиночестве. Именно тогда впервые прозвучало это странное слово — «Камкурт», волк-шаман, определяющий направление движения Клана. Именно тогда Ковров начал понимать, что заставило тайшинов покинуть города и вернуться в непроходимые мглистые горы с белоснежными вершинами. «Чоокур ей» — «Пестрое время» — подходило к концу. Клан Волка объединялся, сходились воедино Два Круга — Синий и Красный. Это происходило, потому что Система, веками управляющая человечеством должна была рухнуть в самое ближайшее время, открывая то, что на Алтае называют «Белым Временем». Однако гибель Системы не могла происходить тихо. Она окутала своей паутиной всю планету, вмещиваясь в ее природную структуру. Поэтому «переход» наверняка должен проходить через невероятную агонию и последующее за этим, длительное «гниение», очиститься от которого будет очень сложно. И именно в это время тайшины Красного Круга, «Алаш», приняли решение покинуть социум, чтобы подготовиться к выполнению очередного этапа своей исторической миссии. Они ушли, оставив людям откровения о своем существовании, причинах своего ухода и о том, что они еще вернутся, когда настанет определенное время. И закрыть дверь за «Алаш» должен был Последний Камкурт «Чоокур ей». Данилыч тогда намекнул Коврову, что тот не случайно остался в социуме один. Из этого нужно было сделать выводы. И тот факт, что «зедарки» начали за ним свою охоту, указывали на то, что, несмотря на свою неопытность и молодость, Адучи, будучи родственником одного из патриархов Клана, как раз и является этим Камкуртом. А, кроме того, с гибелью Системы активизировались и Харты, которые осознали, что уход тайшинов как-то связан с бедственным положением человеческого общества, неизбежно приближающегося к границе своего развития. Поэтому нужно было действовать стремительно. Но для выполнения своей миссии, Адучи должен был не только осознать свое предназначение, а еще и пройти специальное посвящение, которое подтверждало его принадлежность к Камкуртам. Это посвящение называлось «Волчья Тропа» и предусматривало прохождение Пяти Врат. Тогда появился Аксумаи, Проводник. И вот, миновав невидимый молитвенник Двух Шаманов, общение с Хранителем Озера Сновидений и Место Мертвых Голосов, Адучи прибыл к Четвертым Вратам.

Аладжа. Деревня Сновидцев. Ну конечно! Место на границе Серединного и Сумеречного Миров. Последний населенный пункт перед Храмом Тай-Шин, обителью Хранителей Белой Горы. И ничего удивительного не было в том, что сейчас перед ним сидел один из тех, кто ушел два года назад в этот Храм. Ковров понял, что уже не спит, и сидящий перед ним человек не снится ему.

— Здравствуй Кадамай!

— Здравствуй Адучи!

— Кадамай, ты один или кто-нибудь еще здесь?

— Ты имеешь в виду «Алаш»?

— Да. Айрук, Полина, Айма, Шорхит?

— Данилыч, Ярт, Ак-Ту, Даман, Кайро... — продолжил Сновидец, улыбаясь, глядя на ученика, — Вставай, нам нужно идти.

— Куда?

— Нас ждут, — Кадамай взял со стула новую, аккуратно сложенную, одежду и протянул ее

ученику, — Все здесь и все ждут тебя. Скоро взойдет солнце, — добавил он многозначительно и вышел из комнаты, позволяя Адучи спокойно одеться.

Легкий утренний туман, спустившийся с горных лощин, накрыл Аладжу призрачной дымкой. Адучи шел между домов и пустующих дворов, не встречая обитателей деревни. Что значили слова Кадамая, относительно того, что все ждут его, было непонятно. Он вспомнил свои занятия в предгорной тайге, когда Айрук завязывал ему глаза и отпускал в труднопроходимый лес. Отпустить свои чувства, позволить инстинктам вести себя. Он закрыл глаза и пошел вперед, двигаясь в тумане на ощупь. Голос Айрука прозвучал в его голове, поднимаясь из глубин памяти:

«Если ты не знаешь, куда направить своего коня, чтобы вернуться домой, отпусти поводья и конь сам приведет тебя в нужное место...»

Он улыбнулся, вспоминая ни с чем не сравнимые ощущения передвижения в темноте. Сразу же обострились все остальные органы чувств: слух, обоняние, осязание. Нахлынула целая гамма запахов. Но уровень восприятия был уже не тот, что раньше, во время постоянных занятий под руководством Айрука, «Черного Волка», мастера Тай-Шин. Адучи вздохнул и открыл глаза. Но значительной помощи это ему не прибавило. Легкая дымка сгустилась в непроницаемую стену тумана. Точно такого же, который был на Семинском перевале. А это значило, что снова начинало что-то происходить. Адучи настороженно выставил перед собой руки. Четвертые Врата. В чередовании Врат явственно угадывалась тенденция к усложнению процесса прохождения. И если предыдущим этапом «Волчьей Тропы» был Мунг, то Ковров имел все основания предполагать, что за стеной тумана его может ждать нечто ужасное.

Внезапно из клубов тумана на него придвинулась темная фигура, и Адучи еле сдержал крик. Но человек сделал предостерегающее движение, и угрюмый силуэт обрел различимые очертания. Знакомые очертания. Адучи опустил руки. Перед ним стоял, окутанный призрачным облаком, человек из недавних воспоминаний. Айрук.

— Здравствуй, Адучи!

— Здравствуй, Айрук!

Мастер Тай-Шин осмотрел ученика с ног до головы.

— Ты никак поправился?

Ковров усмехнулся.

— На пару киллограмчиков. Сказывается отсутствие строгого Наставника.

Айрук усмехнулся.

— Ничего, теперь тебе придется наверстывать упущенное. Пойдем, все уже собрались...

Адучи хотел было спросить, кто же все-таки собрался и где, но Айрук увлек его за собой, и они пошли сквозь туман, навстречу неизвестности.

Внезапно туман растаял, опал кусками невесомой ткани, и они оказались перед огромной поляной, на которой собралось множество людей. Человек тридцать стояли вокруг большого костровища, сложенного в центре поляны. Адучи замер на мгновение. Во-первых, его поразило вид поляны на фоне потрясающих далеких гор. Во-вторых, он не был готов в одно мгновение предстать перед всеми жителями Аладжи и тайшинами, которых, как он думал, ему не придется увидеть уже в этой жизни. В-третьих, он испытал дежавю: что-то подобное уже было в его жизни. Лет двадцать назад, в пионерском лагере, когда он сбежал с Последнего Костра для того чтобы найти в ночном лесу цветок папоротника. И было это на день чествования Купалы... Примерно в это же время...

Он улыбнулся, увидев среди собравшихся знакомые лица. Вот стоит Полина,

очаровательная тайшинка, которая обучала его в Барнауле. Роскошные светлые локоны струятся по ее плечам. Она улыбается ему в ответ и машет рукой. Кадамай. Облаченный, как всегда, в нечто невообразимое, он выглядел самым экстравагантным среди всех ведунов Аладжи. Данилыч. Ярт... Ковров улыбнулся. Он был дома...

С первым лучом солнца в небо взметнулись первые языки огня. Костер зажег Данилыч. Он вышел в центр круга, образованного жителями деревни, держа в руке два коротких факела. Затем он становится около сложенного в кучу хвороста и шепчет алкыш, благословение и молитву. Адучи знает, это ритуальный костер, с помощью которого на Алтае проводят ритуал «Алас» — очищение огнем и окуривание дымом можжевельника.

— Ты понял, кто это? — шепчет ему на ухо Полина, которая стоит рядом.

— Это Данилыч. Друг моего дедушки.

Полина берет его за руку и кивает на центр поляны.

— Это Йргу. Он Вершитель Клана...

Адучи недоверчиво смотрит на нее, хотя прекрасно знает, если Полина говорит что-то, то так оно и есть на самом деле. Без всяких шуток, сарказма, подколов и двусмысленностей...

Вершитель Клана. «Огненный Волк», объединяющий все общины Тай-Шин воедино. Весельчак и бывший репрессированный политзаключенный. Данилыч... Максим даже не знал его настоящего имени.

— Теперь ты — Камкурт, теперь ты можешь знать...

Адучи изумленно рассматривает пожилого человека, который помахал ему рукой, приглашая подойти. Полина слегка подталкивает Коврова рукой, будто помогая выйти из ступора.

— Иди. Камкурты должны совершить Алас вместе с Вершителем. Это традиция...

Адучи стоял в самом центре круга и, несмотря на то, что десятки глаз, знакомых и незнакомых, смотрели на него, он чувствовал себя уверенно и свободно. Он был дома.

Первый луч рассветного солнца пронзил сумрак мгlistых облаков. Пора... Хворост вспыхнул, словно взметнулась из плетеной клетки вверх яркая огненная птица, устремившаяся в безграничное близкое небо.

ХРИСТИАНСКИЙ ШАМАН. Знаки Пустоты

Ситуации — это отдельная реальность. Случаются ситуации обычные или необычные. Но они всегда отделены. Имеющие место факты не исчерпывают присутствия — так похожего на отсутствие — Шамана. Что касается людей, которые погибли или были преданы, можно найти тысячу доводов «за» или «против». Главное — он есть. Он был всегда. Все дело в том, что один шаман увидел другого шамана. Его деяние не требует объяснений: он (ныне и всегда) — Делатель Христианства. Откровения, являющиеся реальным и правдивым свидетельством единственного человека, которому Дева Мария явила свой голос и свой облик. Это свидетельство, позволяющее нам, каждому из нас, общаться на «ты» с Владычицей Небесной.

«Отшельник» «Карлос Кастанеда».

Вечер. Прохладный и спокойный, как будто время в Аладже имело свой особый,

размеренный ритм. Костер все еще горел, освещая поляну яркими оранжевыми отсветами. Часть людей разошлась по домам, но большинство оставались на поляне. Кто-то сидел на траве, общаясь друг с другом, кто-то стоял около огня. Адучи сидел на большой бревенчатой скамье, врытой на окраине поляны, в окружении старых и новых знакомых. В основном здесь были, конечно, «красные тайшины Алаш». Они не говорили о том, что происходило с Ковровым в городе на протяжении последних двух лет. «Алаш» конечно же все знали, и не было смысла тратить на это драгоценное время. Несмотря на то, что в Аладже оно текло медленнее, у тайшинов был всего лишь вечер, чтобы пообщаться. На следующее утро Адучи предстояло покинуть Аладжу и отправиться в место своего главного посвящения — в Храм Богини. Поэтому, тайшины торопились рассказать ему то, что ранее было несвоевременно.

Полина смотрит на него и в памяти всплывают счастливые дни обучения самым азам искусства Игу-Тай.

— Помнишь, ты спросил меня как-то, почему в алтайском Клане очень много русских?

Он помнил. Она тогда ответила, что ему еще предстоит выяснить это. Знала ли тогда Полина, что он Камкурт, и что они увидятся спустя два года в Аладже?

— Ответ на этот вопрос лежит в глубокой древности, в истории, которая уходит своими корнями к времени рождения богов.

Она садится поудобнее, словно приготовившись рассказать всем присутствующим увлекательную сказку.

— Проблема современных людей в извечной разделенности. Они обречены делить планету, забывая о том, что все они — одной крови, и у них есть общий враг, который не имеет к роду человеческому никакого отношения. Но если бы люди вспомнили свои древние корни, они обнаружили бы в них невероятное могущество, делающее их непобедимыми. Эти корни берут свое начало отсюда: из Уральских и Алтайских гор. Помнишь известное изречение Киплинга: «Запад есть Запад. Восток есть Восток. И вместе им не сойтись». Так вот, история тюрков и славян, заселивших большую часть планеты — едина. Она восходит к истории скифских, сакских и сарматских племен, живших на Алтае, и являющихся предками многих тюркских и славянских народов. Но кому-то было выгодно разделить общую семью народов, говоривших на одном праязыке. Легенды Алтая повествуют о многих великих битвах охвативших этот благословенный край, и это не случайно. Потому что Алтай по праву называется Сердцем Земли. Через Алтай проходят важнейшие потоки Силы, соединяющие планету с божественной вселенной. И не случайно, Алтай стал средоточием трех величайших древних культур Евразии — ведической, буддийской и даосской. А истинная история Христианства напрямую связана с прошлым славянских племен. Однако, как я уже говорила, кое-кому было выгодно эту историю фальсифицировать.

Адучи хочет задать вопрос. Тайшинка кивает ему.

— Историю извратили Подземные Ситы или Харты, о которых мне рассказывал Данилыч?

— И тем и другим это было необходимо. Но есть еще существа, которые заинтересованы в этом не меньше.

— Полина, а как связано Тай-Шин и христианские догматы?

— Никак. Мы не имеем с догматами ничего общего. Но это не значит, что мы не признаем миссию Христа. Более того, мы являемся частью этого величайшего плана, созданного нашими Великими Хранителями.

Адучи смущен. Он знает, что и Полина и все остальные видят сейчас его сомнения, но он не знает, как высказать то, что долгое время приводило его в замешательство.

— Я... Я хотел бы понять... Мы и христианство... Ведь тайшины — это воины, шаманы. А

христианство категорически отрицает язычество.

Все вокруг улыбаются. Видно, что этот видимый парадокс многим в свое время дал пищу для сомнений и размышлений. Полина смотрит на Айрука, который, тоже улыбаясь, берет на себя эстафету объяснений.

— А как же существование военных дружин, практически во всех религиозных конфессиях? Однако мы не воины. Ножевой бой это наследие прошлого, наполненного битвами и насилием. Это время называют «Черным Временем». Основным символом того времени стал именно нож, «кынырак». Война и охота — вот два основания, на котором существовали люди в то время. И поэтому, мы используем нож для защиты от злобных духов, но не против людей. Это начальный уровень Тай-Шин — сфера «Черного Волка». Сюда же относится сфера знаний, которую причисляют к тайнам шаманизма. Но наши возможности не имеют ничего общего с колдовством. Осознанные Сновидения, чтение мыслей, понимание языка животных и растений, умение пересекать границы миров — это возможности, которыми потенциально обладает каждый человек. Это как навык плавать или кататься на велосипеде. И, кроме того, многие христианские святые умели делать подобные и даже более поразительные вещи. Мы вообще против погони за Силами, потому что считаем, что они должны приходить естественным путем, как следствие расширения горизонтов сознания. Мы, например, считаем, что высшим искусством просветления является юмор, смех. В первую очередь, смех над самим собой — потеря опустошающей серьезности, которую навязали нам наши Одержатели. Смех делает тебя легким и текучим как вода. С помощью смеха можно нейтрализовать любую агрессию. Поэтому, можно сказать, что мы Воины Смеха, да-да...

Адучи подозрительно смотрит на своего учителя, обучающего его боевому искусству тайшинов.

— А как же...

Айрук виновато разводит руками.

— Да, мы вынуждены были притворяться воинами и шаманами...

Адучи переводит взгляд на лица сидевших рядом тайшинов. Ни одной улыбки. Невозможно было понять, шутят ли они сейчас или настроены серьезно. Айрук покачал головой:

— Вспомни многие фильмы ужасов или исторические фильмы. Там самым крутым всегда оказывался придворный Шут.

Адучи всегда напрягала эта манера Айрука говорить серьезные вещи со скепсисом и иронией, и изощряться в шутках с абсолютно непроницаемым лицом.

— Ну, хорошо. Но как можно смеяться, если Харты фальсифицировали все источники информации?

— Это гораздо лучше, чем реагировать на это агрессивно, пытаться отвоевать Гроб Господень или истреблять тысячами людей не признающих главенство Бога Любви. Видишь ли, агрессия навязана нам чужеродным влиянием. Мы пытаемся вернуть человеку его естественную свободу — возможность воспринимать себя несерьезно. Это высшая магия, — Айрук окинул взглядом всех присутствующих, и как всегда, сохраняя серьезное выражение лица, просто спросил:

— А давайте похочем сейчас? Просто поржем без всякой философской подоплеки. А?...

Адучи не ошибся — это было испытание почище Места Мертвых Голосов. Учителя Тай-Шин, волшебники, люди, тайная власть которых могла распространяться на самые высокие уровни общества, разрушали со смехом шаг за шагом то, что ранее составляло в уме Коврова основные причины для сомнений и переживаний. Полина продолжает рассказ, почему-то бросая взгляды на Данилыча, который сидел рядом.

— Сейчас опасно следовать писаным канонам, потому что Харты подделали практически всю реальную историю. Слова все путают!!! Средства массовой информации определяют сознание! Если я сейчас начну вкладывать в свой пиар большие деньги и преподносить себя как ревностную христианку, то можешь не сомневаться я буду «в теме», потому что христианство сейчас модно. Но стоит мне сказать, что я потомственная шаманка, и от меня отвернутся все те, кто еще недавно смотрел на меня с восторгом и надеждой. А если я назову себя... Так можно извращаться до бесконечности. И все это — всего лишь слова! Поэтому тайшины решили, что единственный выход — ощущать живую историю, то, что происходит в настоящий момент. Современному Христианству не хватает мистического переживания, жизни. И именно поэтому, мы по праву можем называться «Христианскими Шаманами», «теми, кто чувствует», теми, кто постигает грандиозную сущность Христа не на основе изменяемых догм, а на основе ощущений и личного опыта. Между прочим, один из тайшинов назвал как-то наш Клан «верными волками Христа». Парадокс, правда? Ведь в Христианстве волка не жалуют. А, между прочим, образ волка связан с Христианской историей весьма прочно.

Адучи ничему не удивляется. Сознание выключило все предохранители, и информация просто втекает в ум сплошным потоком.

— В истории Христианства было несколько персонажей, живших в разные века, но объединенных одним отличительным признаком — особым отношением к волкам. Догматическое Христианство считает волка прислужником нечистых сил. В Средневековье истребление волков поощрялось. На них объявили тотальную охоту. Многие короли и вельможи даже принимали подношения волчьими языками. Но те персонажи, о которых я начала рассказывать, не вписывались в это отношение. Святой Франциск Ассизский называл Волка своим Братом. Святой Юрий, считался Царем волков. Также покровителем волков и одновременно охранителем стад почитали святого Егория или Георгия. До нас дошла даже поговорка: «Что у волка в зубах, то Егорий дал». А теперь немного отойдем от этой темы и обратимся к истории нашего Клана. Так вот, Клан Волка возник на Алтае для того, чтобы объединить на основе символа свободы, Волка, тюркский клан Аши, буддийскую традицию Тэнгов, общину сибирских ведунов-волковников Тай-Шин. Причем объединить их можно было только на основе единой истории, единых корней. Этим как раз занимались Камкурты. Они объединили разрозненные общины в единый Клан, возглавлял который Вершитель. Причем, имя первого Вершителя, объединившего Народ Волка в единый Клан, имело множество интерпретаций: Егорий, Георгий, Юрий, Юрг, Йоргор, Йргу... Но самое любопытное, что исторически святого Юрия, Георгия или Егория, ассоциируют с древнеславянскими Перуном. Об этом тебе расскажет Данилыч.

Адучи смотрит вверх. Высоко в небе пестреет яркими звездами величественный купол Вселенной. Такой небосвод можно было увидеть только здесь — в таинственном поселке Аладжа, расположенном в алтайских горах, окутанных мифами и легендами.

Данилыч сидит прямо напротив Адучи и смотрит ему в глаза. Но в его взгляде нет давления, он исполнен мягкой силой, которая завораживает что-то находящееся за кулисами сознания. Теперь Ковров понимает, что значит быть Вожаком. Вожак волчьей стаи не обязательно должен быть самым сильным физически. В стае есть волки-разведчики, волки-загонщики, волки-воины, но, даже несмотря на свое физическое превосходство, все они следуют за Вожаком. Потому что Вожак владеет Джал — Интуицией, Видением, Намерением, которое ведет стаю. Данилыч говорит тихо, но каждое слово, сказанное им, наполнено этой незримой силой. Все вокруг молчат, тоже слушая этот рассказ.

— История доносит до нас легенды, в которых говорится о древнем противостоянии Двух

Рас: Белой и Черной, Повелителями Неба и Владыками Подземелья. На Урале эту схватку называют Битвой Небесного войска Сварога и войска Дья. Согласно этой легенде, люди, населяющие Серединный мир также разделены на два рода — Сварожичей и Дивьих людей. Алтайские мифы хранят воспоминание о Битве Двух Богатырей, которые ездили на двух Быках — Синем и Черном. Ты слышал этот миф?

Адучи качает головой. Он знает — Данилыч знает множество удивительных историй и более того, умеет их рассказывать так, что легенды и мифы оживают в воображении, заставляя сомневаться в их кажущейся нереальности.

— Когда-то, очень давно, эти горы, — Вершитель обводит рукой окружающий горный ландшафт, — были святыми, но потом власть над ними захватил очень могущественный Дух, сделав их мрачными и давая приют весьма экзотическим существам — карликам, демонам, человекозмеям... Тогда они назывались Черными горами, Черным Алтаем — Алтыг-оорон и правил здесь Черный Дух Эрлик, объединяющий под своей властью темные племена. Согласно этому мифу он ездил на черном быке, а сам умел превращаться в огромного черного козла и грозного черного дракона. И вот однажды, превратившись в дракона, он решил подчинить своей воле род Белых людей, племена которых жили на Севере — на Урале. Он сделал это не случайно — он знал, что существует Предсказание, которое предвещает скорое окончание его правления. Согласно этому Предсказанию угроза его власти должна была прийти на Синем Быке с Белой Горы, предположительно именно с Урала. И вот, в одно мрачное утро грозный черный дракон-разрушитель обрушился на племена белогоров, сея смерть и хаос. Мало кто выжил тогда из Акан...

Адучи, хмурится, припоминая, что где-то уже слышал это название. А-а, ну конечно — «Аккан» по тубаларски означает Белая Гора. Данилыч, улыбаясь, продолжает свое повествование:

— Дракон жег, рвал и метал. И когда он увидел что никто из богатырей, защитников Белой горы, сеющих тайгу и управляющих зверьем, не выжил, он полетел обратно, в свои владения. Но увидел, что в небе движется еще кто-то — птица, не птица. Он расправил свои огромные крылья и начал догонять беглеца, который оказался крылатым жеребенком, на котором сидели два чудом выживших в драконьем огне ребенка — мальчик и девочка. Дракон уже настигал их, когда мальчик обратился к одной из гор, стоявшей высоко и тоже окрашенной в белый цвет с просьбой спрятать девочку. Белая Река текущая неподалеку скрыла следы девочки, а Белая Гора — Белуха, признав в ней Акан, белогорку, укрыла ее от взгляда дракона. Сам же мальчик спрятался у Золотой Хозяйки, которая жила между миром Яви и Сна. Дракон потерял их, и дети выросли. Девушка стала красавицей, а мальчик — богатырем, который ездил на крылатом коне или синем быке. Он вызвал Черного Дракона на бой и победил его, назвав Алтай Святыми Горами, Златогорьем, вернув ему былое величие и погрузив Черный Алтай под землю. А от прародителей новых алтайских племен разошлись по всей Евразии тюрки и славяне, кельты и скандинавы, отражая в своих мифах наследие своей древней родины.

— Так значит... — Адучи озадаченно кивает, — Один скандинавов и Вотан германцев — это отголоски единой евроазиатской истории?

Данилыч смеется.

— Не только Один. На Алтае расположен единый ствол, корни которого лежат в уральских горах, и из которого произрастает множество ветвей, каждая из которых уникальна, красива и неповторима. Тебя не удивляют совпадения имен в различных культурах? Один и славянский Одинаец, Кришна и славянский Крышень, Вишну и Вышень, Тур и Тюр... Просто кому-то оказалось выгодно разделить единую историю, столкнув между собой Азию и Европу. А ведь согласно одному из мифов эти народы были потомками двух родных братьев, Радима и Пешенега, сыновей одного из древних Богов. Именно радимичи стали прародителями славян, а

печенег — прародителями тюрков. И таких мифов множество. Нужно просто научиться читать между строк официальной истории, как это делают многие современные искатели. Наше могущество лежит в тайне Великого Примирения: между тюрками и славянами, между женщинами и мужчинами.

Данилыч замолчал, а Адучи, чтобы сгладить возникшую паузу, спросил:

— А как звали того мальчика и ту девочку из легенды?

Данилыч кивает

— Девочку звали Алтынка, а мальчика, впоследствии одолевшего прежнего владыку Алтая — Велес...

Адучи и все присутствующие оборачиваются на внезапный шум. Вылетев из гущи кедрача, стоявшего неподалеку от поляны, к тайшинам подлетела и присела на ветвь ближайшего дерева пестрая мохнатая птица. Ковров сразу узнал ее — это был тот самый филин, который привел его в Сновидении к святилищу Тай-Шин.

— Тебе пора, — Данилыч подбадривает Камкурта, дружески похлопывая его по плечу, — Он прилетел, чтобы показать дорогу дальше. Утром ты отправишься в Храм Богини. А сейчас нужно идти спать.

Адучи лежал в кровати и смотрел в потолок широко раскрытыми в темноте глазами. Он пытался осмыслить все услышанное и хоть как-то систематизировать полученное знание. Но все было бесполезно. Мозг словно заморозили. Восприятие не могло разложить по полочкам все пережитое тайшином на Волчьей Тропе. Это напоминало «стоун-терапию», массаж камнями, когда вслед за горячим камнем следовал холодный, ломая привычные реакции и порождая новые ощущения. Максим думал, что сон принесет хоть какое-то облегчение, но уснуть ему мешал какой-то голос, раздающийся с улицы, который довольно долго что-то заунывно бубнил. Создавалось такое впечатление, что за стенкой, во дворе избы, где ночевал Ковров, сидит на скамейке закутанная в шаль бабушка и рассказывает своему маленькому внуку детскую сказку. Адучи так бы и подумал, если бы не знал, что улицу залила непроглядной темнотой поздняя ночь. Хотя... Он был в Аладже. А в этом поселении ожидать от его обитателей можно было всего, что угодно. Ковров прислушался к монотонному бормотанию. Это на самом деле была сказка. Старческий женский голос старательно излагал своему молчаливому собеседнику:

— Тут ударил Сварог тяжким молотом по горячему камню Алатырю, и рассыпались искры по небу. Так создал Сварог силы светлые и свое небесное воинство. И тогда одна искра малая на Сыру Землю-матушку падала. И от искорки занялась Земля, и взметнулся пожар к небу синему. И родился тотчас в вихре огненном, в очищающем, яростном пламени светозарый и ясный Семаргл-Огнебог. Ярый бог, словно Солнышко Красное озаряет он всю Вселенную. Под Семарглом-Огнем — златогривый конь, у того коня шерсть серебряная. Его знамя — дым, его конь — огонь. Черный выжженный след оставляет он, если едет по полю широкому. И завывали тогда ветры буйные, и родился тогда в вихре яростном буйный ветер — могучий Сварожич-Стрибог. Он парил над горами, он летал по долам, он выпархивал из под облака, падал на Землю, вновь от Земли отрывался, раздувая великое пламя!

Адучи улыбнулся. Ему почему-то привиделся мощный летательный аппарат пикирующий с неба. А рассказчица продолжала:

— Подползал Черный Змей к тому камешку и ударил по камню молотом. Порассыпались искры черные по всему поднебесному царству — и родилась так сила черная — змеи лютые, многоглавые, и вся нечисть земная и водная.

Ковров вдруг подумал, пораженный своей собственной мысли, что если рассматривать соответствие пальцев на руке стихиям, как обучал его в свое время Айрук, то получается очень

любопытная картина. Три пальца, которыми крестятся в православном христианстве, соответствуют трем стихиям: огню, воздуху и пустоте. А два остальных, которые не входили в крестильную щепоть, относились к земле и воде. Может быть, в это был какой-то смысл? Противостояние Небесных и Земных Сил...

Рассказчица не унималась:

— Вышел бог Семаргл в вихре пламени, выезжал в колеснице огненной бог Перун, метая стрелы. Волком мощным из сада выскочил Волх, сын Змея. Дажьбог Перунович на коне верхом в поле выехал. Выходила и Дива грозная, золотые пуская стрелы. Собралось небесное воинство!

Адучи вдруг вспомнил, что именно от Данилыча он слышал о том, что Боги Неба иногда женились на Дочерях Земли — Велес на Яге Виевне, Дажьбог, Перунов сын — на Златогорке. И все Дочери Земли были богатырками, и прежде чем выйти за Бога замуж, они бились с ним. Из этих браков выходили особенно сильные дети, оставившие в мифах заметные следы. Было во всем этом что-то...

— Начал бить Сварог Змея молотом, а Семаргл-Огнебог запрягал его в тяжкий кованный плуг. И сказали они Змею Черному: — Будем мы делить подвселенную, по Земле Сырой проведем межу. Справа пусть за межою будет царство Сварога, слева же за межою будет змеево царство.

Так, размышляя над своим новым озарением, окутанным словно туманом, сомнениями, под бормотание неведомой рассказчицы, Ковров и провел всю ночь. Скоро должно было взойти солнце. Горы должны будут стать золотыми в его молодых лучах.

— Так Сварогом был учрежден в горах Ирий-рай — обитель священная. И поют птицы сладко в Ирии, там ручьи серебрятся хрустальными, драгоценными камнями устланные, в том саду лужайки зеленые, на лугах трава мягкая, шелковая, а цветы во лугах лазоревые. Ни пройти сюда, ни проехать, здесь лишь боги и духи находят путь. Все дороги сюда непроезжие, заколодели-замуравели, горы путь заступают толкучие, реки путь преграждают текучие. Все дорожки-пути охраняются василисками меднокрылыми и грифонами медноклювыми.

Ковров откинул одеяло и опустил ноги на холодный пол, зябко поежившись. Нужно было собираться...

Аладжа осталась позади. Утонула опять то ли в утреннем тумане, то ли в дыму от костров. Там же остались тайшины. Ковров ехал на коне по узкой тропе, пролегающей сквозь высокую траву, устилающую горные луга. Вслед ему еще доносились звуки поселения: красивая мелодия какого-то инструмента, напоминающего флейту и хриплый лай собак, которые на свой манер желали страннику доброго пути.

Мысли... Они возникали и висели в пустом пространстве воображения, словно позволяя себя рассмотреть.

Христианство... Как оно пришло на Алтай? Ведь наиболее вероятными религиями Алтая должны были стать буддизм или ламаизм, даосизм или ислам. Но староверы-странники со всех концов Руси стремятся именно сюда, на Алтай. Будда-Майтрейя, Белый Бурхан, Гессер, Один, Велес... Все эти имена связаны с Алтаем. Загадка. Почему христианство? Икс. Неизвестная, которую нужно найти. Так. X? Что-то знакомое...

Конь послушно скакал легкой трусцой, унося своего седока все дальше и дальше вглубь таинственной долины. Навстречу неизвестности.

X... Первая буква в имени Христа... Крест Андрея Первозванного... X-динотор, пресловутый «зуб Волка»... Руна Гебо, одна из основных рун Одина, символизирующая взаимодействие полов, Равновесие... Все это звенья одной цепи, которая...

Мысли таяли в ярких лучах утреннего солнца. Ковров прищурился, а потом достал из

кармана повязку и одел ее на глаза. Плоскогорье Укок исчезло, растворяясь во тьме внутреннего пространства, но тайшин не боялся заблудиться.

«Если ты не знаешь, куда направить своего коня, чтобы вернуться домой, отпусти поводья и конь сам приведет тебя в нужное место...»...

*«Смерть сядет напротив меня, свое место покинув.
Песок не отметит ее незаметных следов.
Посмотрит в глаза мне, в костер сухих веток подкинув,
И вздрогнет, услышав смех, ей неизвестных богов...»*

«Ангел Дома Огня» А. Коробейщиков

Они не нашли Коврова ни на Семинском перевале, ни на Телецком Озере. Ни в одном месте, о котором Адучи рассказывал Мальцеву, как о Местах Силы Тай-Шин, его не было. Теперь два отверженных Харта-беглеца сидели на берегу слияния двух рек — Катунь и Чемала. Могучие реки уже давно освободились от душного плена ледяного покрытия и теперь шумели, наслаждаясь обретенной свободой. Мальцев наблюдал, как обнаженный по пояс Скоков склонился над водой, зачерпывая ее руками и растирая свое крепкое, перетянутое канатами жил, тело.

— Борис Леонидович, а что означает эта татуировка на спине? Это иероглифы?

Ронин еще раз с удовольствием окатил себя ледяной водой и, фыркая и отплевываясь, повернулся к Мальцеву.

— Это печать, благодаря которой я стал Хартом.

Мальцев удивленно кивнул:

— Это что, знак отличия или так помечают всех Хартов?

Полковник рассмеялся.

— Да нет, к Хартам этот знак не имеет никакого отношения. Я обзавелся им раньше. Он символизирует принадлежность к определенному типу мироощущения, чуждого политике безопасности Системы.

— А-а, понятно, — Владислав прищурился, — какая-то религия? Японская? Буддизм? Синто?

Ронин грустно покачал головой.

— Нет. Это другое...

— Не хотите говорить об этом?

— Теперь уже все равно, — Скоков подошел к молодому попутчику и сел рядом. Одеваться он не стал и теперь от кожи шел пар, создавая иллюзию, что человек загорался изнутри. — Это было давно, в восьмидесятых годах. Я тогда работал в Комитете госбезопасности, и меня направили в составе специальной дипломатической миссии КГБ в Японию, в качестве технического эксперта. Помимо моей непосредственной технической деятельности мне приходилось выполнять еще кое-какую специфическую работу в интересах Советского государства. Так вот, волей случая, я оказался в одном из прибрежных городов во время наводнения, цунами.

Скоков оближал пересохшие губы, как будто воспоминания оживили те ужасы, которые пришлось пережить на долю человека, которого застало на берегу моря страшное цунами. Мальцев терпеливо ждал продолжения, деликатно помалкивая. А подполковник задумчиво смотрел на шумные буруны горной реки в нескольких метрах от себя, словно забыв о своем повествовании, и погрузившись в навеянные им грезы. Наконец он снова заговорил.

— Это было жуткое зрелище. Невероятно жуткое и невероятно красивое. Все в воздухе вдруг затихло, будто в преддверии смерти и разрушения. Люди, которые уже поняли что происходит, начали кричать и в спешке покидать берег. А те, кто не понял, попали под это

настроение и тоже впали в панику. Послышались крики, и произносилось часто одно страшное слово, которое в переводе с японского означало «Большая, Всесокрушающая Волна». Я тогда посмотрел на море и увидел, что оно изменило свой цвет. Стало темным и угрюмым. Вода стала стремительно уходить от берега, словно где-то в морских глубинах открыли огромный сточный люк. А потом возник звук. Низкий, гулкий и очень неприятный. Казалось, он сотрясает и небо и землю. Это был даже не звук, ощущение звука — видимо какое-то инфразвуковое излучение. У меня прихватило сердце и я упал на песок. Я не мог бежать вместе со всеми. И тогда я увидел Волну. Она возникла на горизонте темной полосой и становилась все больше и больше. Я понял, что это конец. Не помню, что тогда я испытывал больше — страх или восхищение. Зрелище было убийственно красивым... Я даже не могу подобрать слов для его описания. Волна была пронзительно изумрудного цвета, и она все возвышалась и возвышалась над линией горизонта сплошной стеной. А потом, как мне тогда показалось, у меня начались видения, вызванные инфразвуковым излучением. Я видел людей в белых кимоно, которые стояли прямо на берегу и смотрели на Волну, не испытывая страха. Мне даже показалось, что они специально оказались здесь для того, чтобы встретить эту Волну. Они ждали это цунами, они знали о нем заранее. И оно их не пугало! Понимаешь?

Мальцев, завороженный рассказом Харта, пожал плечами. Перед его внутренним взором одетые в белое обреченные люди встречали свою смерть на волне предельного эмоционального восторга. Восторга смертельной красоты. Ронин прочитал его мысли и улыбнулся.

— Да, это была бы достойная смерть. Не в панике, а в молчаливом преклонении перед могуществом природы и восхищении ее красотой. Но я должен разочаровать тебя — никто из этих людей не погиб. Так же как и я.

— Они спасли вас?

Скоков задумался на несколько секунд.

— Можно сказать и так.

— Но как же вы выжили?

Ронин развел руками.

— Не знаю. Это выше моего разума.

— А кто были эти люди?

Харт опять задумчиво посмотрел на бликующую на солнце воду.

— Это были «саньины», тайный японский религиозный орден. Они поклоняются Богу моря. Каким-то шестым чувством они узнают о приближении цунами и прибывают в это место за несколько часов до появления Волны. Если им удастся, они сообщают об этом людям. А потом уходят на берег и встречают ее там.

— Но как они остаются в живых? Ведь это же невозможно. Насколько я знаю, цунами сметает все на своем пути?

Ронин загадочно улыбнулся.

— Никто этого не знает. Более того, в Японии эта культура неизвестна никому, поэтому в саньинов никто не верит. А если в них никто не верит, значит, у них уникальная возможность не соответствовать человеческим законам.

— Но ведь цунами это не человеческий закон. Это объективный закон природы.

— Что может знать об объективных законах природы человек, ум которого изначально настроен на создание крайне субъективного мира вокруг себя?

— То есть, вы хотите сказать, что ограничения человеческого ума мешают нам выжить во время цунами?

Харт удивленно посмотрел на собеседника.

— И это говорит человек, который разгромил офис «информационных киллеров», придя

туда в теле Сновидения?

Мальцев смутился.

— Сновидения это одно. А цунами это совсем другое.

— Ты думаешь? — Скоков подмигнул Владу, — ладно, это долгая и философская беседа. Я на самом деле не знаю, как саньинам удастся миновать разрушительную силу цунами, но они это делают. Старейшины Саньин говорят, что монахи обуздывают силу Волны и оказываются на ее гребне. Я думаю, что сила саньинов связана с использованием инфразвука, который появляется при возникновении цунами. Именно поэтому меня очень интересует культура Тай-Шин.

— А при чем здесь Тай-Шин? — изумленно спросил Мальцев.

— Видишь ли, саньины не просто спасли меня. Они сказали, что если я смог увидеть Волну и поразиться ее истинной красоте, значит, Бог моря призвал меня на берег, и значит я тоже саньин. Я очнулся спустя несколько дней в монастыре ордена. Потом, на протяжении года я изучал искусство саньин, пока меня не нашли сотрудники КГБ. Меня долгое время считали погибшим, а потом каким-то образом через своих осведомителей они вычислили район первого цунами, где я должен был получить посвящение в монахи, и вернули в СССР. А потом в стране начался сумбур и вместо расследования, меня назначили на очередной пост. Саньином я не стал, но и обычным человеком уже не был. А потом появились Харты...

Они встали и пошли вдоль реки.

— А причем здесь все-таки Тай-Шин? — повторил свой вопрос Мальцев.

— Насколько я знаю, тайшины используют техники, чем-то похожие на техники саньинов. Только в отличие от японских монахов, они используют не силу цунами, а силу молний.

Мальцев кивнул. Он помнил, как Адучи рассказывал ему об этом.

— Да, это верно. Молния в Тай-Шин считается особым символом. Она как-то связана с древним славянским культом Перуна, Громовержца. И с волками это тоже как-то связано. Согласно мифам, волки были верными помощниками Перуна.

Ронин пожал плечами.

— Представляешь, какой электромагнитный потенциал скрыт в молнии? Я думаю, это будет похлеще цунами.

— Так вы поэтому искали Адучи? Хотели продолжить обучение?

— Мы же уже говорили об этом. Человеческое общество сходит с ума. Система агонизирует. Скоро, очень скоро все прекратиться. Ты же видишь, природные катаклизмы растут в геометрической прогрессии. Только люди стараются этого не замечать. Все утешают себя мыслями о том, что на их век порядка в мире хватит. Все погрязли в какой-то отупляющей истеричной суеде, порожденной сбоями в Системе. Социум начал выплескивать на поверхность все самое мерзкое, что скрыто в человеке. А такое бывает только перед глобальными переменами.

Ронин пристально посмотрел на Мальцева, и печально добавил:

— Я — Харт. Я лучше других знаю, что это такое. Люди думают, что Последняя Битва будет напоминать эпизод из «Звездных Войн», когда сотни космических крейсеров зависнут на небосводе и закованный в черные доспехи Дарт Вейдер скрестит лазерный меч с одним из последних воинов Джедаев. На самом деле Война уже давно идет, просто люди, увлеченные своими бытовыми проблемами, не видят ее вокруг и внутри себя. Эта Война выкашивает людей тысячами, сотнями тысяч, но люди, как муравьи, занятые своей работой, упорно пытаются не замечать происходящего.

Скоков вдруг остановился и тихо произнес, будто доверительно озвучивая свою детскую мечту:

— Теперь я знаю, чего я хочу. Хочу стать свободным. Я хочу научиться проходить сквозь разрушающую Волну, любясь при этом ее роковой красотой.

Мальцев задумчиво разглядывал своего попутчика.

— Странно. А ведь Ковров когда-то тоже использовал аналогию с муравьями. Как думаете, это случайное совпадение?

— Не знаю. Только теперь это все уже не имеет значения. Коврова мы не нашли. А это была единственная зацепка за тайшинов.

— Как? А я? — Мальцев растерянно улыбнулся. Ронин шумно вздохнул.

— А мы с тобой — два недоученных беглеца. Нас вообще скоро найдут Харты. Я не могу бесконечно ускользать от них. Боюсь, они уже где-то поблизости.

Скоков осмотрелся по сторонам, не то любясь окружающей природой, не то высматривая посторонних.

— Кстати, Влад, а почему мы приехали в Чемал?

Мальцев пожал плечами.

— Мы же ездим по всем местам, где я бывал с Ковровым. Здесь мы были несколько раз. Он очень любит заезжать в эту церквушку на острове, рядом со скитом.

Они уже заходили в церковь, построенную на небольшом островке посреди Катуня. Согласно истории, именно на этом островке проводил время в молитвах один из первых миссионеров на Алтае. Здесь же, прямо на одной из скал, был высечен облик Богородицы с Младенцем. Местные жители утверждали что это — естественное образование, отмечающее избранность этого места, и лишь немного подправленное руками человеческих мастеров. Церквушка была совсем крохотной, но ощущение силы угадывалось в ней даже для обычных туристов, не владеющих сверхчувственным восприятием, которым обладали два Харта, тоже посетившие ее под видом случайных проезжих.

— И куда дальше? — отстраненно спросил Ронин, кивая Мальцеву.

— Есть... еще одно место, — Влад мучительно вспоминал время своего обучения и все то, что было связано с его отношениями с Адучи, — правда я там не был, только слышал.

Ронин с тщательно скрываемой надеждой смотрел на него, понимая, что момент встречи с преследующими их Хартами — это всего лишь вопрос самого ближайшего времени.

— Он что-то рассказывал мне про какой-то поселок староверов. Там живут потомки тех людей, которые стекались сюда со всей Руси в поисках Беловодья. Так вот, якобы в этом поселке, остались еще несколько семей, последователей древней традиции.

— А как они связаны с Кланом Волка?

— Не знаю, — Мальцев пожал плечами, — но Максим говорил, что бывал там с тайшинами и не раз. Что-то мне подсказывает, что он опять мог уйти туда. Во всяком случае, мне больше нечего вспоминать. Этот поселок — единственная зацепка.

Скоков поморщился.

— А он не говорил тебе, где этот поселок находится?

Мальцев хмыкнул.

— Такие вещи в Тай-Шин не обсуждаются. Он не говорил, а я и не спрашивал. Знаю лишь, что где-то на Укокском плоскогорье.

Скоков присвистнул.

— Ничего себе! Это знаешь, какая территория?

— Да тут и не только в это дело. Даже если знать его координаты, найти его не так-то просто. Будто этот поселок находится... ну, не совсем в этом мире что ли... Попасть туда можно только в определенное время суток. Днем идешь — и не видно ничего, а в сумерках идешь — дома стоят.

Скоков засунул руки в карманы и мрачно хмыкнул.

— Ну, значит все! Отбегались.

Мальцев закусил губу, вспоминая.

— Пойдите, Макс меня как-то знакомил с одним человеком. Не помню, как его зовут, но прозвище у него какое-то вроде «Альпыч». Так вот, Ковров говорил, что этот человек знает туда дорогу.

— А где он живет, этот Альпыч?

— Максим нас познакомил в Тюнгуре. У Альпыча там есть небольшой домик.

— И ты думаешь, он нас поведет?

— Не знаю. Но попробовать-то стоит. Что нам терять-то?

Скоков хмуро кивнул.

— Это точно. Терять нам нечего. Ну что, попробуем прорваться в Тюнгур?

Аксумаи сидел на скамейке вкопанной около дома и с любопытством рассматривал двух приезжих, стоявших перед ним.

— Нам сказали что вы «Облачный шаман»? Что это значит?

Алтаец прищурил и без того узкие глаза.

— Люблю смотреть на небо.

Скоков улыбнулся.

— Какой-то философ сказал: «Созерцание неба приносит просветление духа».

Алтаец фыркнул.

— Не, я просто смотрю на облака, читаю их. Все по ним рассказать могу.

— А про нас можете рассказать? — спросил Мальцев.

— Конечно, могу, — закивал головой алтаец, — облака над вами грозовой тучей висят.

Опасность грозит.

— А что за опасность? — Скоков внимательно рассматривал его, и Мальцев понял, что Харт пытается проникнуть в его мысли. — Люди?

— Не совсем, — алтаец ежится, — с виду вроде бы люди, а внутри не совсем.

— Это как это? — судя по растерянному лицу Харта, Мальцев решил, что ему не удастся осуществить привычный маневр.

— А так, кажется что это человек, а за лицом человеческим — другое.

— Это как у оборотня? — Скоков явно был озадачен своей неспособностью прочесть мысли этого деревенского жителя.

— Нет, оборотни другие, — алтаец смеется, — у них за человеческим лицом пустота. Да и не бывает оборотней никаких. Сказки все это.

Мальцев наклонился к нему.

— А вы меня не помните?

Алтаец неуверенно улыбается.

— Нет. Не помню.

— Нас Максим Ковров знакомил. Я его друг.

— Максим?

— Ну, Адучи. Два года назад.

— А-а. Помню. Да, помню, конечно.

— А Адучи здесь часто бывает?

— Нет, не часто.

— А последний раз давно был?

Алтаец как-то хитро смотрит на них.

— Несколько дней назад был.

Скоков придержал рукой Мальцева, который от волнения, даже пошатнулся.

— А куда он поехал?

Алтаец прищурился.

— А вам зачем?

— Мы его ищем.

— Зачем ищите?

— Нам с ним очень нужно встретиться. Очень!

Алтаец перевел взгляд со Скокова на Мальцева.

— Ну, если вы друзья...

— Да-да, мы друзья!

Аксумаи опять посмотрел на Скокова, и полковник отшатнулся от этого взгляда. Ему показалось, что хрупкий алтаец сам заглянул в его душу, прочитав все его сомнения, страхи и мотивы.

— Он ушел в Аладжу.

— Аладжу? Что это?

— Вам туда проход закрыт.

— Но нам, правда, очень нужно встретиться с Адучи!

Алтаец усмехнулся.

— Вам не нужен Адучи. Вам нужны другие. Те, кто его обучал. Так?

Скоков понял, что с этим человеком нужно быть откровенным. Что весь этот деревенский антураж — балаган и притворство, и что за обликом простоватого деревенского жителя, которого никто здесь особо не знал, возможно, скрывался один из них — оборотней, адептов древнего Клана Волка.

— Да вы и сами все знаете... — проговорил он тихо, — все ведь очевидно.

Аксумаи вздохнул.

— Да, я знаю. Я отведу вас, но вы должны знать — вход в Аладжу пролегает через страшные места. Там вы встретитесь со своими самыми низменными желаниями и страхами. Они могут убить вас.

Скоков развел руками.

— Если мы вернемся, нам уже точно ничего не поможет.

Алтаец хмыкнул.

— Ну что же, если так, проходите в дом. Завтра на рассвете мы отправляемся в путь.

Они ехали на конях вдоль скалистой гряды. Скоков ехал рядом с Аксумаи, а Мальцев чуть в стороне, не мешая их разговору.

— Почему вы охотитесь на Джаксинов? — Аксумаи с любопытством разглядывает попутчика. Первый раз он видит Харта так близко.

— Я?

— Ну нет, такие как вы? Почему вы преследуете нас?

— Вы имеете в виду Сумеречных Людей? — лишенный возможности читать мысли собеседника, Скоков чувствует себя оглохшим и ослепшим. Алтаец кивает.

— Потому что Сумеречные Люди гораздо опаснее обычных отступников. Чужаки для Системы это всего лишь напуганные своими новыми способностями люди. А дети Сумеречного Рода могут не только сами уходить за грани видимого мира, но и уводить за собой других. Харты выискивают эти тропы, потому что там, где свободно ходит в оба направления один, могут впоследствии пройти миллионы!

Алтаец опять улыбается.

— Мы никого не ведем за собой. Мы считаем, что человек должен сам принять свою свободу и выбрать себе направление движения.

Скоков ухмыляется.

— Да, Клан выбрал себе очень интересную стратегию — мифотворчество. С одной стороны — никакой конкретики, с другой — толчок к осознанию своей зависимости от Системы. Может быть, именно поэтому Клан до сих пор и существует?

— Возможно, — уклончиво ответил Аксумаи, поглаживая своего коня по шее, — на протяжении столетий люди считали тайшинов грозными воинами, шаманами-оборотнями. Но, мало кто знает, что на самом деле тайшины это сказочники, божественные шуты Акан, которые существуют, чтобы не дать людям закиснуть в своей сводящей с ума серьезности.

Скоков обернулся на Мальцева, кивком головы спрашивая у него как дела. Получив в ответ поднятый кверху большой палец, он опять повернулся к проводнику.

— А почему вы согласились нас отвести в Аладжу?

Алтаец сжал губы, так, что создавалось впечатление, что он сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Все меняется. Люди иногда становятся Кхартами, Кхарты иногда становятся тайшинами. Может быть, вы пройдете...

— Что это значит?

Аксумаи пожал плечами.

— В Аладжу еще надо попасть. Вас ждут испытания. Встреча со своим темным Я. Выжить после этой встречи может лишь тот, кто сохранил внутри ощущение детской непосредственности, чистоты и легкости. Именно так становятся оборотнями.

— Впадают в детство?

— Да, — Аксумаи радостно кивает собеседнику, — в детстве мы играем. Мы можем становиться кем угодно: моряками, космонавтами, охотниками, зверями, невидимками. И только став взрослыми, мы становимся скучными и предсказуемыми. И у нас только одна история, которую знают все вокруг, и которая очень предсказуема и всегда грустно заканчивается.

Скоков озадаченно размышляет над услышанным.

— Аксумаи, а вот скажите, когда Сумеречные Люди рождаются в человеческом обществе, как они узнают друг друга?

Алтаец продолжает поглаживать коня, словно прикосновение к животному доставляет ему истинное удовольствие.

— Это самое главное. Когда Джаксины рождаются среди людей, то, что вы называете Системой, чувствует это. Поэтому она начинает окружать их своими путами гораздо сильнее, чем ребенка из Серединного Рода. Именно для этого и был создан Клан. Чтобы искать и забирать под свою защиту Джаксина. Поэтому у тайшинов особая система обучения. Поэтому и потрясения на пути сильнее. Вот единственное отличие Джаксина и Человека. И тот и другой обладают одинаковыми возможностями. Но просто один принадлежит к Народу Волка, а другой к Народу Собаки.

— Народу Собаки? — Скоков удивленно смотрит на проводника.

— Это условное название. Волк и Собака — две стороны одного целого. На самом деле человечество очень тесно связано с символом Пса.

— Ну хорошо, тогда получается что Джаксины и Люди — родственные линии?

— Джаксины тоже люди. Но с несколько иными целями и желаниями.

— Значит, Джаксины боятся того же, чего и люди?

Алтаец даже не стал поворачиваться, но Скоков понял, что тот без труда прочитал его мысли.

— Ты имеешь в виду черные тени?

— Да... — с трудом выговорил Харт.

— Черные тени это наследие прошлого. Они уже давно живут на этой планете.

— Кто они?

— Это не важно. Слова только все запутают.

— Но им можно противостоять?

Алтаец хмыкнул.

— Пока в вас есть это желание — противостоять, вы будете воевать. А воевать с призраками бесполезно.

Скоков выдержал выжидательную паузу.

— Можно просто не подчиняться им и все... — пробормотал алтаец и, рассмеявшись, чуть пришпорил своего коня, сразу вырвавшись вперед. Хартам пришлось догонять опытного наездника. Когда Скоков поравнялся с проводником, его разум занимал только один вопрос, и он знал, что его даже не стоило озвучивать — в этих горах для сознания тайшина не существовало никаких преград. Аксумаи конечно же уловил его настроение.

— Пока ты будешь пытаться умом понять кто они такие — эти тени, ты ничего не добьешься, потому что наш ум контролируется ими. Используй сердце. Когда наш ум умолкает — тени уже не могут нами управлять. Нужно лишь погрузить свой ум во внутреннюю тишину.

— А причем здесь Богиня? — Скоков торопиться задать проводнику все терзающие его на протяжении последних лет вопросы, — как она связана с этим невидимым порабощением? Почему Харты так бояться ее появления? Почему женщины прячутся за мужчин?

Алтаец фыркает, как будто превращая все эти важные вопросы одним только этим звуком в ничто.

— Вопросы про Богиню бесполезны, потому что они идут от ума, — повторил он, — Богиню можно познать лишь через сердце. И она никуда не уходила. Так что Харты ищут не там. Прикоснись к Богине, и все вопросы отпадут сами собой.

— Я готов... — пробормотал Скоков, подразумевая, что готов пройти любой обряд, связанный с Культom Вечной Женственности Тай-Шин. Но алтаец опять смеется. В этот момент их догоняет Мальцев, словно как раз для того, чтобы услышать эти слова:

— Это извечная проблема людей. Они считают, что для того, чтобы приобрести просветление и силу нужно куда-то идти и во что-то посвящаться. На самом деле все очень просто. Богиня скрывается, а не ушла или прячется. И скрывается она в наших сердцах. Вы сможете прикоснуться к ней только тогда, когда разглядите ее в женщинах, которые находятся рядом с вами, — проводник обвел окружающее пространство рукой, — этот мир создан по образу зеркала. Все, с чем вам приходится встречаться в этом мире, является отражением вашего внутреннего мира. И поэтому раскрыть Богиню в себе вы можете, увидев ее отражение в женщинах, которые раскрывают ее в себе с вашей помощью. В этом тайна человеческих взаимоотношений. Открывать в себе Бога и Богиню с помощью внешних отражений, с помощью объединения сил. Когда люди поймут это и начнут уважительно относиться к Богу и Богине в окружающих, помня, что это отражение внутренних потенциалов — человечество выкарабкается из пропасти и прекратит эту извечную войну друг с другом. Вот и все. Любовь — вот путь к спасению.

Алтаец подбадривающее кивнул ошеломленному полковнику и озадаченному кандидату в Тай-Шин и опять пришпорил коня.

— Нам нужно скакать, мы должны до вечера успеть добраться до одного места.

— Какого места? — спросил Мальцев, стараясь не отстать от собеседников. Ответом ему был смех Аксумаи.

— Это заброшенный поселок, — проводник кивает им на несколько домиков, видневшихся невдалеке, — вам нужно туда.

— А что там? — осторожно спросил Мальцев. Алтаец пожал плечами.

— Много чего. Я не знаю.

— А кто там живет? — Мальцев поднес к глазам ладонь и, прикрывшись ей от закатного солнца, пытался рассмотреть поселок.

— Не знаю, — повторил Аксумаи, — насколько я знаю, люди там уже давно не живут.

— И что дальше? — озадаченно спросил Скоков.

— Ничего, — просто ответил проводник, — просто переночуете там и все. А утром я буду ждать вас на этом самом месте.

— И все? — почти хором спросили Харты, переглядываясь друг с другом, — это и есть то самое испытание?

Алтаец глубоко вздохнул и отвернулся. Харты опять переглянулись. Было похоже на то, что алтаец просто не может себя сдержать, чтобы не рассмеяться или расплакаться.

— Идите, идите. Там ответы на все вопросы.

— Но это не Аладжа? — спросил Мальцев и тут же пожалел об этом вопросе. Аксумаи не выдержав, закатился таким продолжительным и заразительным смехом, что обоим его попутчикам стало откровенно жутковато. Отсмеявшись, Аксумаи вытер мокрые от слез глаза и пояснил свое поведение.

— Постоянно вспоминаю свою первую ночь в этом месте. Не могу сдержаться. Нет. Это не Аладжа. Это место которое... Да что я вам объясняю. Идите и все увидите сами. Единственный совет — ничего не бойтесь. Ни-че-го! Помните, все страхи не больше чем призраки и все они живут лишь в вашем уме. Идите.

— А что потом? — Мальцев обернулся, уже сделав несколько шагов вперед.

— Потом? — переспросил Аксумаи.

— Ну потом, когда мы вернемся завтра утром?

Аксумаи поднял вверх обе руки.

— Потом мы пойдем дальше, в Аладжу.

— А после Аладжи?

Проводник показал им большие пальцы рук поднятые вверх.

— Здесь, на Алтае много прекрасных мест. Нас ждут потрясающие Зеленые Холмы, Бесконечное Синее Небо и Океаны Света в Чертогах Тишины.

Два человека шли по лугу, глядя в направлении нескольких домов, утопающих в высоких кустах неизвестных растений. Вслед им махал рукой невысокий алтаец. Он больше не смеялся. Если бы они могли видеть его глаза, то сказали бы, что в них отражалась грусть и сочувствие. Он шептал им вслед пожелания удачи и ободряюще кивал головой.

Поселок был все ближе и ближе. Два человека не замедляли шаг. Они помнили последний совет своего загадочного проводника и теперь стремительно шли навстречу своей судьбе, улыбаясь и не произнося ни слова. Что ожидало их впереди, они не знали. Но это было уже не важно. Над лугом звучал оглушительный гул стрекота кузнечиков прячущихся в высокой траве.

Скоков чувствовал странное возбуждение внутри, которое было у него тогда, когда он лежал на берегу японского пляжа и смотрел на темно-зеленую Волну на горизонте, сопровождающуюся низким гулом, сотрясающим небо и землю. Он ускорил шаг и широко

расставил в стороны руки. Ему казалось, что еще немного, и он пройдет сквозь стену Волны, угрожающей затопить этот воюющий мир вместе с его несчастными обитателями.

Мальцеву же мерещилась крохотная фигурка лысого человека около одного из домов. Харон?.. Ну что же, вот они и встретились. Так вот где он жил все это время? И ждал его... А кто это еще с ним? Не может быть! Ирина?... Мальцев рассмеялся и побежал вперед со всех ног, чувствуя, как бешено забилося сердце у него в груди. Так вот они самые сильные страхи? Плевать на них, что они стоят на самом деле?

Теперь можно. Он смеялся легко и беззаботно, как человек, которому больше нечего бояться в этом мире. Как человек, приготовившийся к последнему прыжку в Бесконечность.

— Ирочка, подожди, я иду за тобой. Скоро. Уже очень скоро...

Его тихий хриплый смех утонул в оглушительном стрекоте лесных сверчков.

*«И кто-то ждет нас на том берегу.
Кто-то взглянет мне прямо в глаза.
Но я слышал песню, в ней пелось: «Делай, что должен и будь что
будет!»
Мне кажется это удачный ответ на вопрос.
Но каждый из нас торгует собой всерьез.
Чтобы купить себе продолженье весны.
И каждый в душе сомневается в том, что он прав.
И это — тема для новой войны»*

Б.Г. («Аквариум»)

Они сидели на песчаном берегу и смотрели вдаль. На горизонт, укутанный ночью. Пес и человек. Два друга, два сновидца, которые смогли найти друг друга даже за гранью разделившей их смерти. Над темным полотном океана раскинулся полог небес, расписанный звездными рунами созвездий. Друзья заморожено разглядывали это великолепие, отражая бесконечную Вселенную в своих глазах, растворяя ее в себе, сливаясь с ней. Человек периодически оборачивается на дом, который стоит с погашенными огнями в темноте. Только на веранде по-прежнему мерцает призрачной синевой монитора включенный ноутбук и горит робким пламенем стоящая рядом свеча. Сказка так и осталась незаконченной. Хозяйка этого Дома покинула его, и время словно остановилось в этой загадочной бухте на берегу океана Сновидений. Пес смотрит на человека. Он понимает его чувства, потому что ему тоже не хватает общества этой красивой женщины, которую он пока, к сожалению, видел только издалека. Но человеку необходимо было ее присутствие здесь. Он был совершенно другим, когда знал, что женщина ждет его дома. В его глазах был свет. Так было всегда — женщина и мужчина. Пес вздохнул. Странные они все-таки, эти женщины и мужчины. Они могли бы быть такими сильными, такими счастливыми, если бы не изнуряли себя этой вечной войной. Ведь казалось все так просто на самом деле. Но он чувствовал страх, скрытый в них. Глубокий и древний страх, который, видимо, и заставил эту женщину сбежать из этого невероятного Сновидения. Но так тоже было всегда. Мало кто из людей смог найти в себе силы и стать счастливым, победить в себе страх и жажду власти. Время... Если бы люди знали, что времени у них на самом деле осталось совсем немного. Пес чуть наклонил голову вбок. Его чуткий слух сновидца улавливал тончайшие звуки, доносившиеся из-под земли. Там что-то уже начинало происходить. Какая-то мощная реакция, меняющая направление теплых течений и разжигающая новые и уже давно потухшие вулканы. Жизнь. Вспышка в ночи. Мерцание светлячка под навесом звездного неба. Но, может быть, звезды тоже внимательно всматриваются во тьму, пытаясь рассмотреть далеко внизу именно это крохотное мерцание, без которого Вселенная была бы совершенно иной? Тогда есть смысл сделать свою Жизнь как можно ярче...

Человек кладет руку на голову собаки, ласково поглаживая ее, вспоминая это забытое ощущение, так сильно любимое ими обоими в прошлой жизни. Камкурт Пестрого Времени улыбается. Он уже принял решение.

Сказки. Смешение яви и снов. «Дьюрюмнин амадузын» — свое предназначение в жизни.

«Слушай свое Сердце». Помнишь? Затем, когда чувства определены, нужно уравновесить их с мыслями, а потом и с поступками.

«Кылык санаа ээчир» — характер человека следует за мыслью, мечтой. Это и есть «АЛА»...

Человек что-то шепчет псу на ухо. Собака мотает хвостом выражая свое одобрение услышанному. Все правильно. Так и должно быть.

Человек поднимается на ноги и бежит к дому. Вот зажигается свет в окнах. Спустя какое-то время человек опять появляется на веранде. Он тщательно выбрит, стильно одет и вокруг него неувимым призрачным облаком витает аромат дорогого одеколона. Он машет собаке рукой и пес несколько раз гавкает в ответ, продолжая неподвижно сидеть на берегу, рядом с кромкой океана. Камкурт наклоняется к ноутбуку и, задумавшись на несколько секунд, кладет руки на клавиатуру. На экране монитора появляются строки...

Вот окнами Дом нам маячит вдали,
А вслед машет эльф нам своим фонарем
«А ты ведь не верила в эльфов — смотри...»
И дальше пойдем по тропинке. Вдвоем...

Все. Сказка закончена. Теперь есть повод нанести визит в Город. Он сбрасывает копию текста на миниатюрную дискету, и, еще раз махнув собаке рукой, спускается во двор дома. Там его ждет белый автомобиль. Спустя мгновение автомобиль вырывается на дорогу и уже через несколько минут исчезает в пестрой чередке машин, несущихся по автостраде.

Город. Если бы он знал, что этой ночью в него прибудет оборотень Тай-Шин, он бы насторожился. Но для него в автомобиле находился обычный сказочник, планирующий поутру отдать в издательство свою очередную работу, которая на самом деле больше напоминала безобидную сказку, в которой говорилось о богатырях и принцессах, умеющих разговаривать животных и злобных колдунах, добрых волшебниках, гномах и эльфах... Поэтому Город продолжал свою ночную жизнь, даже не заметив, как белый автомобиль, высветленный подобно снежным шапкам священной Горы Ак-Кан, появился на его темных улицах.

Арчи продолжал сидеть на песке. Он остался один. Шелест волн за спиной навевал тоску одиночества, но пес знал, что верный друг не оставит его. Он вернется. Обязательно вернется. И может быть даже не один. Ведь не зря он сочинил эту сказку, которая все объясняла. Женщина прочитает ее и все поймет. Страх исчезнет, и они снова будут вместе. Ведь так было всегда. Так должно быть. Мужчина и женщина. Пес лег и положил голову на лапы перед собой. Он подождет их здесь. Они вернутся, он знал это наверняка. Бог и Богиня. Для пса-сновидца они и были Богом и Богиней, потому что они умели дарить Любовь... Они появятся там, на веранде, и помашут ему. А он сорвется с места и побежит к ним. А потом они будут бродить по берегу и смеяться, как люди, которым больше нечего бояться в этом мире, а он по-прежнему будет рядом. Будет охранять их смех и их счастье...

Глаза Арчи закрылись и он задремал. Но его дрема была настороженной, потому что черный пес боялся проспать тот момент, когда его окликнут с веранды дома, стоявшего на берегу океана и светившего во тьме зажженными окнами в ожидании рассвета.